ВОЙНА И ОНИ

Ханс фон Люк

НА ОСТРИЕ ТАНКОВОГО КЛИНА

Воспоминания
офицера вермахта 1939–1945 гг.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Молодой командир эскадрона разведки, Ханс фон Люк, одним из первых принял участие в боевых действиях Второй мировой и закончил ее в 1945-м во главе остатков 21-й танковой дивизии за несколько дней до капитуляции Германии. Польша, Франция, Восточный фронт, Северная Африка, Западный фронт и снова Восточный – вот этапы боевого пути танкового командира, долгое время служившего под началом Эрвина Роммеля и пользовавшегося особым доверием знаменитого «Лиса пустыни».

Написанные с необыкновенно яркими и искусно прорисованными деталями непосредственного очевидца – полковника танковых войск вермахта, – его мемуары стали классикой среди многообразия литературы, посвященной Второй мировой войне.

Книга адресована всем любителям военной истории и, безусловно, будет интересна рядовому читателю – просто как хорошее литературное произведение.

Перевод: А. Колин

- Ханс фон Люк
- От автора
- Предисловие
- Пролог Домой!
- Глава 1 Детство и юность 1911–1929 гг
-
-
-
- Глава 2 Рейхсвер и мой учитель роммель
- Глава 3 Создание вермахта 1934–1939 гг
-
- Глава 4 Европа накануне войны: путешествия и наблюдения
- Глава 5 Блицкриг. Польша, 1939 г
- Глава 6 В период между кампаниями 1939–1940 гг
- Глава 7 Франция, 1940 г
-
- Глава 8 В промежутке между кампаниями 1940–1941 гг
- Глава 9 Русская кампания Июнь 1941 – январь 1942 г
-
- Глава 10 Передышка. 1942 г
- Глава 11 Северная Африка, 1942 г. Роммель – лис пустыни
-
-

- Глава 12 Отступление от Эль-Аламейна
-
- Глава 13 Поражение в Северной Африке. 1943 г
-
-
- Глава 14 Берлин и Париж 1943–1944 гг
-
- Глава 15 Начало вторжения союзников 6 июня 1944 г
-
- Глава 16 Операция «Гудвуд» 18 – 19 июля 1944 г
-
- Глава 17 Отступление на территорию Германии Август – ноябрь 1944 г
-
-
- Глава 18 Бои с американцами Декабрь 1944 г
- Сражение за Хаттен и Риттерсхоффен
-
-
- Глава 19 Восточный фронт. Последняя битва
- Глава 20 21-я танковая дивизия как «пожарная команда». Начало конца
- Битва за Лаубан [133]
- История майора Вилли Курца
- Глава 21 Горький финал
- Глава 22 Начало плена
-
- Глава 23 Угольные шахты Кавказа
- Глава 24 «Культура» [148] и коррупция. Русский менталитет
-
- Глава 25 Штрафной лагерь. Голодовка и КГБ
- Глава 26 Освобождение
- Глава 27 Начиная жизнь заново
- Дагмар
- Ночной администратор
- Назад в прошлое
- 1984 г. – Сороковая годовщина дня «Д»
- Эпилог
- Об авторе
-

Ханс фон Люк
На острие танкового клина. Воспоминания офицера вермахта 1939–1945

От автора

Хотя даты и места событий, а также фамилии действующих лиц этой книги проверены и уточнены, она ни в коем случае не претендует на звание хроники. Мои воспоминания – просто попытка воссоздать то, через что пришлось пройти молодому немцу в годы, которые навсегда изменили Европу и почти весь мир.

В основе ее лежит Вторая мировая война. Она и предшествующие ей годы показывают, как нетерпимость и умелая пропаганда способны поднять одни народы на кровавую борьбу против других и привести их к страданиям.

Я посвящаю книгу трем своим сыновьям, появившимся на свет в период с 1954 по 1970 г., ибо повествование мое адресовано *им* – тем, кто родился во время войны и после нее. Мой сын Саша, самый младший, однажды спросил меня: «А что вообще значит наци? Что «плохого» было в Гитлере? Почему же весь народ «пошел» за ним?» Ему и его поколению я хотел бы дать ответ. Многие учителя, сами родившиеся во время войны и после нее, не дают его или если дают, то не полный и подчас не верный. Старшие же, по тем или иным причинам, хотят обойти тот период молчанием.

Во множестве бесед с молодыми людьми в Германии, в Великобритании и во Франции, в бесчисленных выступлениях перед студентами американских университетов я сделал вывод о том, что молодежь желает разъяснить для себя события того времени, информация о котором доходит до нее в искаженном виде.

Поэтому я, например, категорически не согласен с теми, кто однозначно называет русских «плохими», а нас на Западе – «хорошими».

Слишком просто!

Из моей книги читатель узнает, что и русские любят свою родину не меньше, чем мы свою. Во время войны русские матери и жены так же тревожились и не спали ночей из-за своих мужей и сыновей.

Мне хотелось построить свой рассказ на различных воспоминаниях – на приятных и грустных – в надежде на то, что опыт мой как-то послужит тому, чтобы события, свидетелями которых мы стали в Германии перед войной и во время нее, более не повторились нигде. Не может не удручать то обстоятельство, что за период, прошедший после окончания Второй мировой, по причинам политического, экономического и идеологического

характера велось (или еще ведется) более 150 войн.

Я благодарю всех, кто помог мне написать эту книгу. Без участия моего друга, профессора Стивена Эмброуза из университета Нового Орлеана, она бы никогда не появилась на свет. Он «заставил» меня вспомнить и описать увиденное и пережитое и то и дело подбадривал меня, давая стимул продолжать работу.

Я говорю спасибо британскому майору Джону Хауарду, моему противнику в день «Д», герою «Моста Пегаса» и моему доброму другу сегодня. Джон говорил и говорит любому: «Если хотите знать, как все виделось «с той стороны бугра», спросите моего друга Ханса».

Я выражаю признательность Вернеру Кортенхаусу, автору хроники 21-й танковой дивизии, за всеобъемлющий материал, предоставленный им в мое распоряжение.

Спасибо и всем моим товарищам по годам плена – тем, кто делил со мной судьбу в те пять долгих лет в России и с кем мы теперь поддерживаем контакт через Ассоциацию узников лагеря № 518. Многие помогли мне освежить память или же, описав собственные впечатления, позволили по возможности нагляднее рассказать о жизни в ГУЛАГе.

Многие – среди них мой адъютант Хельмут Либескинд и мой денщик и друг Эрих Бек – из тех, кто сражался плечом к плечу со мной на фронте почти пять лет, тоже так или иначе посодействовали мне в работе над этой книгой.

Моя особая благодарность Джорджу Анвину из графства Суррей в Англии. Будучи практически одних лет со мной, Джордж перевел мою рукопись на английский просто из дружеских чувств, стараясь при этом идентифицировать себя со мной. Мои американские и британские друзья, которые читали текст, все без исключения заявляли: «Мы слышали голос Ханса, до нас донеслось каждое его слово».

Последней – но лишь «хронологически» – я упомяну мою жену, Регину, которая проявила огромное терпение и оказала мне все возможное содействие. Почти четыре года она поддерживала меня в работе над рукописью, помогала в сборе материалов и находила время перепечатывать сотни страниц.

Меня глубоко тронуло предисловие, написанное к книге Стивом Эмброузом. Он словно бы пропустил мой опыт через себя. Я горжусь возможностью называть своим другом этого замечательного человека, писателя и историка.

Предисловие

С Хансом фон Люком я познакомился в ноябре 1983 г. в Гамбурге. Я собирал материал для работы, посвященной захвату планерным десантом из британской 6-й воздушно-десантной дивизии «Моста Пегаса» через Канский канал, и приехал, чтобы взять у него интервью как у участника боевых действий в день «Д». Он появился в моем гостиничном номере ровно в четыре часа дня, как мы и условились.

Мне сразу понравился этот невысокий, крепкий и подтянутый джентльмен, казавшийся, несмотря на седину, еще довольно молодым. Но всмотревшись в обветренное, испещренное морщинами лицо, я понял, что имею дело с человеком далеко не юным (ему было тогда уже 72). Черты его лица были резкими, нос ястребиным, глаза глубоко посаженными, подбородок волевым, лоб и скулы высокими, уши большими и немного выступающими. Несмотря на деловой костюм, было нетрудно представить его облаченным в застегнутую на все пуговицы «тропическую» полевую форму с высоким узким воротником и с Рыцарским крестом на шее. Мне явственно увиделась немецкая офицерская фуражка и защитные очки; пыль Северной Африки покрывала его.

Мы заказали кофе в номер, а он тем временем развернул свои карты Нормандии. По-английски он говорил с акцентом, но очень понятно. Изысканность манер выдавала в нем аристократа Старого Света. Он одну за одной курил сигареты «Марлборо-Лайтс». Люк с готовностью поделился со мной своими воспоминаниями о боях в Нормандии, с горячностью поддержал мой проект.

Мы проговорили почти без перерыва четыре часа. Я получил детальный отчет о его действиях в ночь с 5 на 6 июня 1944 г., а также составил себе представление о его службе в других местах. Как военный историк, я, разумеется, с восторгом слушал рассказы человека, которому в 1939 г., в первый день войны, довелось со своим мотоциклетно-стрелковым эскадроном перейти границу Польши, затем действовать в авангарде Роммеля, когда его танки рвались к Ла-Маншу в июне 1940 г., побывать в предместьях Москвы в ноябре 1941 г. и прикрывать правый фланг Роммеля в глубине пустыни в Северной Африке в 1942–1943 гг., а также командовать мотопехотным полком, который первым вступил в бой в день «Д» в 1944 г. Рассказы о пережитом им в лагере для военнопленных в Советском Союзе в 1945–1950 гг. захватывали и поражали. Он часто упоминал о своей любви к русским, о сочувствии к ним, что казалось невероятным после всего того, что

пришлось ему вынести в плену, однако ему поневоле верилось.

Как бы сильно я ни восхищался Хансом как профессиональным солдатом, еще больше я был тронут и очарован им как человеком. Он показал себя добрым, открытым и – это слово все время мне приходит на ум, когда думаю о нем, – благородным. За 25 лет бесед с ветеранами из многих стран я никогда еще не слышал, чтобы кто-нибудь так складно говорил о войне. Если не считать Дуайта Эйзенхауэра, я никогда не встречал ветерана, который вызывал бы у меня больше интереса и восхищения. Я призываю всех американских читателей, которые склонны думать, что все хорошие немцы или уже мертвы, или эмигрировали в США, отбросить предвзятость, взяв в руки книгу Ханса. Он заслуживает внимания и уважения.

Хотя перед вами воспоминания профессионального военного, написаны они не для курсантов училищ и колледжей, а предназначены для обычной аудитории. Ханс мастерски рассказывает обо всем, что берется описывать, будь то забавная история или трагическое происшествие. Для воина, который почти не покидал передовой с сентября 1939 по апрель 1945 г., он удивительно мягок, а для героя, награжденного самыми высокими орденами за храбрость и доблесть, поразительно скромен. Для человека, принужденного в плену трудиться как раб на тяжелой и грязной работе, он исключительно великодушен. Он хочет понять людей, он сочувствует им и говорит о них с юмором, терпимостью и искренним интересом.

В предлагаемых вниманию читателя воспоминаниях – жизнь. Начинаются они тем, как прусский аристократ, следуя традициям рода, поступает на службу в армию. Мы наблюдаем за тем, как он учится, сопровождаем его в путешествиях, становимся свидетелями восхождения к власти Гитлера и того, какое воздействие оказывает политика Гитлера на возрожденную немецкую армию. Ханс с разведывательным эскадроном переходит границу Польши и затем идет от победы к победе по дорогам и полям сражений во Франции и России. В Северной Африке он впервые познает горечь поражения, но скоро судьба приводит его в Париж, где, поселившись в мансарде под крышей, он живет, наслаждаясь жизнью. Мы становимся свидетелями его военного романа. Затем идет череда поражений: в Нормандии – от британцев, на востоке Франции – от американцев и, наконец, к югу от Берлина – от русских. И вот плен – рабский труд в лагере на Кавказе, где Ханс добывает уголь, строит дома и дороги.

Попутно он рисует нам замечательные портреты людей, которых встречает: священник в соборе Смоленска, хозяйка борделя в Бордо, бедуины в пустыне, его друзья-французы в

оккупированном Париже и многие-многие другие.

По страницам его книги проходят чередой видные немецкие военачальники, в том числе Йодль, Кессельринг и Гудериан. Однако главный герой, если, конечно, не считать самого Ханса, фельдмаршал Эрвин Роммель. Ханс знал его еще с тех времен, когда Гитлер не был канцлером, а Роммель – генералом. С 1940 по 1944 г. Ханс служил в основном под началом Роммеля, командуя разведывательным батальоном сначала в его дивизии, потом в корпусе, потом в армии (и, наконец, полком в группе армий). Именно этим генералом Ханс восхищается более всего, и нет сомнения, что Роммель не просто высоко ценил Ханса, но доверял ему свои помыслы и считал человеком близким, почти таким же близким, как собственный сын. Таким образом, Ханс имел возможность описать не только Роммеля-солдата, но и Роммеля-человека. У него вышел блестящий портрет военачальника, которого многие военные историки (в том числе и я) считают лучшим полководцем Второй мировой.

Но, наверное, самый настоящий герой книги – немецкий солдат. С ним Ханс не расстается ни в 7-й танковой дивизии во Франции и в России, ни в 21-й танковой дивизии в Северной Африке, ни в Нормандии, ни на востоке Франции, ни в Германии. Автору не приходится краснеть за героя, напротив, он заставляет автора восхищаться собой – поражаться своей выдержке, выучке, храбрости и верности долгу. Таков и сам полковник фон Люк, один из выдающихся солдат Второй мировой войны. Он написал превосходные воспоминания. Смело берусь пророчествовать: мемуары его будут читать и перечитывать многие поколения.

Стивен Эмброуз

Пролог Домой!

Это было морозной зимней ночью 1949 г. в особом лагере для военнопленных неподалеку от Киева. Часа в два дверь барака распахнулась.

– *Ганс* фон Люк! – прокричал русский охранник. – Давай в контору!

И теперь не могу сдержать улыбки, когда вспоминаю об этом. У русских нет в точности такого звука, с которого начинается мое имя. Помню, как мы поражались, как они произносят фамилию «Hohenlohe» – у них выходит «Гогенлоге» [1] . (Мы, немецкие военнопленные, находились в России с июня 1945 г. В конце осени 1948 г. бывших военнослужащих СС и сотрудников полиции, а также тех, кто участвовал в борьбе с партизанами, собрали и отправили в штрафной лагерь. Туда же – чего никто из нас не мог постичь – поместили и офицеров штаба.)

Полусонный, я поднялся. Русские обожали водить на допросы по ночам. У сонного легче вытянуть побольше сведений.

За несколько недель до этого лагерная переводчица – врач-еврейка, с которой я подружился, – сказала мне о грядущих переменах:

– Я слышала, что под давлением западных союзников Сталин согласился выполнить условия Женевской конвенции и отпустить пленных. Из обычных лагерей всех уже отправили по домам, но и здесь тоже многих освободят. Правда, пятнадцать процентов останутся в России как виновные в разного рода злодеяниях. Военным преступникам на свободу хода нет. Кроме того, стране нужны рабочие руки.

Вскоре и в самом деле прибыла комиссия из Москвы. В ходе ночных допросов, по каким-то недоступным нашему пониманию критериям, члены ее отбирали те самые 15 процентов, остальных же и в самом деле собирались отправить домой. Решение кого куда принимали пять человек.

И вот наступила моя очередь!

Нервы мои были натянуты как струны, но я заставил себя выглядеть спокойным. Я и раньше неплохо говорил по-русски, а в плену получил возможность улучшить свои знания, потому меня довольно часто привлекали как переводчика. В конторе меня ожидала молодая переводчица, которую я хорошо знал. Я шепнул ей:

– Я не знаю по-русски ни слова, вообще ничего. Понимаете, да?

Она с улыбкой кивнула, согласившись играть в мою игру.

Меня привели в большую комнату, где я увидел перед собой Т-образный стол, за которым располагались члены комиссии. В середине сидел русский полковник, по всей видимости, председатель, довольно располагающей наружности мужчина примерно моих лет, весь в орденах и с почти квадратной головой. Он чем-то походил на маршала Георгия Жукова, «освободителя» Берлина.

По бокам от председателя находились гражданские – вероятно, военный судья и офицеры КГБ [2] . Они уставились на меня непроницаемыми взглядами и вовсе не казались приветливыми. Я с переводчицей занял место на другом конце стола, метрах в шести-семи от комиссии.

Начался разбор моего дела.

– Ваша фамилия? Номер части? Где именно участвовали в боях на территории России?

Я ответил по-немецки, а переводчица перевела:

– Меня спрашивали об этом уже раз двадцать, не меньше.

– А мы еще хотим послушать, – сказал полковник.

Как видно, мои ответы сходились с тем, что было написано в документах. Члены комиссии кивали.

Потом раздалось:

– Так вы капиталист и реакционер. Фон Люк – то же, что фон Риббентроп (министр иностранных дел при Гитлере) или фон Папен (канцлер до Гитлера). Все с фамилией на «фон» – крупные капиталисты и фашисты.

Прослушав перевод, я возразил:

– Риббентроп и Папен сами по себе, а я сам по себе. Более пяти лет я провел на фронте и вот уже пять – в плену. Эти десять лет – десять лет моей жизни. Мне бы хотелось вернуться к семье и наслаждаться мирной жизнью, работать. У меня нет ни денег, ни земельной собственности, так к чему говорить о капиталистах и фашистах? К чему такие разговоры?

Переводчица перевела все слово в слово.

По всему видно, больше у них на меня ничего не было. Полковник без обиняков обратился к коллегам по-русски:

– Ни в полиции, ни в СС он не служил. Когда у нас шла партизанская война, он уже был в Африке. Однако мне не по душе отпускать этих фонов.

– Можно вменить ему кражи яиц в русских деревнях и селах, – вступил в разговор один из офицеров КГБ, – или еще совершение актов вредительства против русского народа.

Сердце у меня екнуло. Я-то знал, что за любую малость человека лет на десять, а то и на пятнадцать могли отправить в лагерь особого режима.

Я поднялся и выругался – выругался так, как умеют только русские, да еще, говорят, венгры. На лице переводчицы читалось глубочайшее удивление, полковник и остальные члены комиссии тоже были поражены. Не видя для себя иной возможности в обозримом будущем попасть домой, я шел ва-банк.

Выдержав для пущей важности паузу, я заговорил:

– Полковник, ведь ты такой же, как и я, я тоже полковник, – я намеренно говорил ему «ты». – Ты тоже делал свое дело на войне, как и я. Мы с тобой оба принимали присягу. Каждый из нас считал, что воюет за свою родину. Но нас, немцев, одурачили – мастерски одурачили политической пропагандой.

Полковник слушал меня внимательно.

– Сейчас уже три, – продолжал я, – я очень устал. В шесть нас поднимут, и начнется еще один день – еще один день нашего плена. Я знаю, как принято у русских. Обвиняемый должен доказывать свою невиновность, а не суд виновность обвиняемого. Так чего ж мне защищаться? Если ты решишь оставить меня здесь, причина, чтобы сделать это, у тебя найдется. Так чего тянуть? Делай свое дело и отпускай меня спать.

После моих слов полковник со своими коллегами принялся перешептываться. Затем полковник произнес:

– Вы говорите по-русски. Где вы выучили язык? – в тоне не чувствовалось ни подозрительности, ни раздражения.

– В молодости я увлекался русским языком, русской музыкой, читал книги русских писателей. Еще задолго до того, как началась эта чертова война, научился говорить по-русски, общаясь с эмигрантами. Девять месяцев прослужил в России, не говоря уже о последних четырех с половиной годах, в которые у меня было немало возможностей для того, чтобы совершенствоваться. Признаю, что, притворившись, что не понимаю по-русски, я схитрил – сделал тактический ход.

Они заулыбались, и мое положение показалось мне на миг не таким уж безнадежным. Затем полковник неожиданно спросил:

– Что вы думаете о России и о ее народе?

– Я многое повидал и много узнал за годы плена. Мне нравится ваша огромная страна, нравятся люди, их готовность помочь и их любовь к своей родине. Уверен, я не так уж мало разбираюсь в русских и понимаю их душу. Но я не коммунист и никогда в жизни им не стану. Меня огорчает то, что вышло из идей Маркса и к чему привела революция Ленина. Мне бы очень хотелось, чтобы наши народы научились понимать друг друга, несмотря на множество различий в идеологии и мышлении. Это мой ответ на твой вопрос, полковник.

Я играл – рисковал, но чувствовал, что в сложившемся

положении лучшая защита для меня – нападение.

– Мы считаем, что, если отпустить вас, – продолжал полковник, – вы рано или поздно вновь будете сражаться против нас.

Я покачал головой и ответил:

– Мне бы очень хотелось вернуться домой и помогать людям возрождать из руин страну, строить демократическое общество и жить в мире. Более ничего.

Полковник подвел итог слушанию моего дела – произнес панибратское «давай».

Затем я вернулся в барак, где мои товарищи военнопленные окружили меня, и я передал им содержание беседы, после чего они едва ли не хором заключили:

– Вы с ума сошли. Вы же подписали себе смертный приговор. Вас не выпустят.

Однако я думал о русских по-иному.

Следующим утром переводчица сказала мне.

– Вы здорово рисковали, полковник. Но вы молодец. Думаю, вы произвели впечатление на полковника. Он фронтовик, как и вы, и любит, когда говорят прямо и не таясь.

Еще два дня спустя до рассвета меня поднял из постели голос охранника. Мои товарищи напутствовали меня:

– Всего самого лучшего, старина, куда бы ни лежала вам дорога.

На улице со своими нехитрыми пожитками собрались другие пленные из разных бараков. Перед строем за столом сидел русский офицер со списком и одну за другой выкрикивал фамилии. Тот, кого вызывали, шел к столу, где слышал либо «давай», что означало освобождение, либо роковое «нет».

Мы видели потерянные лица тех, кто услышал «нет», – смотрели на них и не верили. Из нашего отделения я был третьим, кого вызвали к столу. Когда человеку передо мной сказали «нет», я сочувственно похлопал его по плечу, а что скажут мне?

Мне сказали «давай».

Мне казалось, что я не иду, а лечу к воротам лагеря. С души моей упал камень. Мы шли и боялись оглянуться – а вдруг показалось и сейчас нам прикажут вернуться. Неужели и правда свобода?

У ворот я встретил переводчицу.

– Домой, полковник. Всего хорошего.

Я и сегодня вспоминаю ее – вспоминаю с благодарностью.

Затем мы строем прошагали к станции, где уже стоял состав, готовый умчать нас оттуда. Но мы все еще не верили русским. В

какую сторону повезут? Однако когда мы вошли в вагоны, двери остались незапертыми впервые за все пять лет. Радость наша не знала границ. Мы никак не могли поверить в то, что день, о приходе которого мы так мечтали все эти годы, наконец наступил.

Было холодно, но мы все же оставили двери распахнутыми из страха, что их снова запрут снаружи. Мы лежали, прижавшись друг к другу и почти не чувствовали холода.

Некоторые тихонько пели, другие мечтали о том, что будут есть, третьи рассуждали, каково будет после стольких лет увидеть жену или подругу. Никто не стыдился показывать чувства. Все мы знали, что вернуться домой будет означать все равно, что заново родиться.

Я в своих мыслях отправился в далекую юность, в теплоту и уют родительского дома, в тишину и спокойствие тех лет, когда не было Гитлера и не было войны. Из неполных 39 лет жизни более 10 лет пришлось на войну и плен.

Глава 1 Детство и юность 1911–1929 гг

У моего рода давние военные традиции, корни которых удается проследить уже в тринадцатом веке. Согласно монастырским записям, предки мои с честью бились против татар в Силезии в 1213 г. [3] – с того самого времени им позволялось носить в гербе изображение татарского головного убора. В соответствии с традицией, мужчинам полагалось служить в прусской армии. Фамилия «фон Люк» не раз появлялась в письмах Фридриха Великого; два оригинала даже висят на стене в гостиной моего дома в Гамбурге. 29 мая 1759 г., когда шла Семилетняя война, король писал «лейтенанту фон Люку», которого просил разузнать о том, что замышляет противник – в данном случае австрийцы:

...

«Мой дорогой лейтенант фон Люк. Я доволен вашими донесениями, однако вам надлежит послать дозорных и выяснить, что делали замеченные в районе Гермсдорфа австрийские офицеры, что они там высматривали и о чем выспрашивали. Это поможет нам установить причину их появления там. Одно очевидно: когда мы вчера выступили, они поставили множество шатров на Регорне. Следовательно, вполне возможно, что там, где есть господствующие высоты Гермсдорфа, они имели возможность заметить нашу стоянку. Все это вы сможете узнать с точностью от жителей Гермсдорфа. Остаюсь ваш любящий король.

Райх-Геннерсдорф, 29 мая 1759 г.» (Текст написан писарем.)

Фридрих II добавил собственноручно:

...

«Донесение его отличное, только (неразборчиво) для соглядатаев, и как они предстанут (перед ним), пусть приведет (их) сюда завтра. Подпись «Ф» [4] .

Десять лет спустя, 13 октября 1769 г., король сообщал «генералу от кавалерии фон Цитену»:

...

«Мой дорогой генерал от кавалерии фон Цитен. Вам известно, сколь неохотно даю я гусарским офицерам позволение вступать в брак, поелику подобное служит великой помехой для службы, особенно в дни войны. Вместе с тем в данном случае я намерен разрешить жениться кавалерийскому капитану фон Люку из вашего полка, в соответствии с просьбой, выраженной вами в письме от 11-го числа сего месяца. За сим и остаюсь ваш любящий король.

Потсдам, 13 октября 1769 г.» (Письмо явно писалось писарем под диктовку Фридриха II.)

В свете давних армейских традиций можно сказать, что мой отец, Отто фон Люк, являлся чем-то вроде «урода в семье», так как он стал морским офицером. 15 июля 1911 г., когда я появился на свет во Фленсбурге, он – тогда лейтенант – находился по делам службы в китайском порту Циндао – в другом мире, бывать в котором в ту пору доводилось только морякам да торговцам.

Наш дом во Фленсбурге полнился всякого рода заморскими диковинками – ценными вещицами из Восточной Азии. От той коллекции у меня теперь остались дорогая китайская ваза и набор японских чайных принадлежностей, который появился у отца примерно во времена моего рождения. Несколько лет назад мой деловой партнер японец был немало поражен, когда ему

случилось пить чай из этих тончайших чашечек.

– Ничего подобного теперь уже не делают, – сказал он. – Раньше, бывало, перед обжигом японцы выходили далеко в тихое озеро, чтобы в краску не попала пыль.

Когда началась Первая мировая война, уже после того, как ему довелось принять участие в Ютландском сражении, моего отца перевели в морское училище в Фленсбург-Мюрвик. Как наиболее яркие, приходят мне на память те моменты из моего детства, когда маленьким я играл с младшим братом на борту боевых кораблей, стоявших в гавани, или ел с матросами за столом на камбузе.

Отец мой обожал спорт и слыл лучшим гимнастом в военном флоте. Он служил образцом для подражания мне и моему брату, Эрнсту-Августу, родившемуся в 1913 г. Нам нравились шутки отца, его сила и ловкость. Случалось, возвращаясь с работы в училище, он на руках поднимался по лестнице на самый верхний этаж, где мы встречали его с восторгом.

Наше поколение росло под грохот орудий Первой мировой. Детьми мы пережили горечь капитуляции, революцию и послевоенную разруху. Конечно, насчет орудий, это образ – в отличие от Второй мировой, Первая разгоралась за пределами Германии. Мы испытывали ее воздействие прежде всего с ухудшением продовольственного снабжения – приготовленная тем или иным способом репа скоро стала нашим основным продуктом питания. О, сколько раз вспоминали мы нехитрый обед, который делили когда-то с моряками на камбузе.

В начале июля 1918 г., незадолго до моего седьмого дня рожденья, отец наш скоропостижно скончался от вируса гриппа, пришедшего в Европу из Восточной Азии. Вместе с отцом мы лишились всего самого дорогого, что было у нас в жизни: примера для подражания и товарища, влияние которого на нас прослеживается и сегодня.

Перипетии конца войны и революции 1918 г., которая вспыхнула как раз на флоте, конечно же, не касались меня напрямую. Мне было не понять, отчего молодых курсантов отца волокут по улицам под брань и улюлюканье те же самые матросы, которые были нашими друзьями. Хорошо помню, сколько волнений пришлось нам пережить, когда у нас в мансарде прятались курсанты, сумевшие спастись бегством от лютой расправы.

Смерть отца изменила нашу жизнь. Матери пришлось пожертвовать домом, а нас временно отдать на воспитание к фермеру, жившему по соседству. Чтобы обеспечить нас в трудные времена, мать вновь вышла замуж. Нашим отчимом стал военно-

морской священник, преподаватель из училища.

Теперь нас воспитывали в «прусском стиле». Стриглись мы по-военному, кровати заправляли тоже по-военному. За опоздания нас наказывали. Отчим научил нас самих обслуживать себя, в том числе и делать всю обычную работу по дому. Потом мне это очень пригодилось, особенно в плену.

1 апреля 1917 г. я поступил в монастырскую школу во Фленсбурге – одно из старейших учебных заведений на севере Германии. Мой отчим требовал, чтобы я изучал классические языки и литературу, чему я очень рад. Во многом благодаря знанию латыни и древнегреческого мне удавалось легко осваивать современные языки. Отчим настаивал на том, чтобы я углублялся в этимологию иностранных слов. Даже за едой, если я произносил иностранное слово, мне полагалось немедленно встать, принести словарь и зачитать ему соответствующую словарную статью.

В 1929 г., в возрасте 17 лет, я выдержал экзамен на аттестат зрелости, перспектива получения которого оказалась для меня неожиданно под большим вопросом. Отец одного из моих школьных товарищей обычно присылал за нами на выходные машину с шофером, так как семья жила за городской чертой Фленсбурга. И вот как-то мы решили сделать небольшой крюк, чтобы, заехав в маленький курортный городок на взморье, встретиться с подружками. В школьных фуражках, вальяжно устроившись на заднем сиденье с сигаретами в зубах, мы с ветерком промчались мимо директора нашей школы, которому вздумалось прогуляться в субботу. Мало того, что курить нам строжайше воспрещалось, мы еще заставили директора глотать пыль, поднятую нашим автомобилем. Он узнал нас и наутро пригласил к себе в кабинет.

– Известно ли вам, что курить в школьной форме запрещено? Руководство решило отстранить вас от сдачи экзаменов на аттестат зрелости по причине вашей незрелости.

Моего однокашника все это не особенно пугало, потому что рано или поздно ему предстояло вступить в управление отцовским заводом. У меня же, напротив, на карту было поставлено очень многое, если не все.

Семейные традиции и воля отчима требовали, чтобы я встал на стезю армейского офицера. Мало того, мне доставалось одно место в стотысячной армии, в Рейхсвере – одно из 140, на занятие которых претендовало более 1000 кандидатов. Отсрочка получения аттестата означала, что карьера моя закончится, даже не начавшись.

– Господин директор, – начал я осторожно, – меня принимают

в Рейхсвер курсантом. Я должен стать офицером, чтобы служить отчизне, того требуют традиции нашей семьи. Если вы лишите меня возможности держать экзамен на аттестат зрелости из-за одной-единственной сигареты, вы уничтожите мое будущее. Разве так будет справедливо?

Слова мои тронули его.

– Нет, я бы этого не хотел. Я поговорю с руководством. Однако рассчитывать на отметку «хорошо» вы не можете, самое большее – «удовлетворительно».

Логика такого решения не была мне понятна ни тогда, ни теперь. Между тем с меня было довольно самой возможности держать экзамен.

Глава 2 Рейхсвер и мой учитель роммель

Сначала меня распределили в кавалерийский полк в Силезии, однако неожиданно перевели в Восточную Пруссию, в состав 1-го моторизованного батальона. Какое разочарование! Кавалерия была элитой, к тому же мне так нравились лошади, и я любил ездить верхом. Однако скоро мы осознали, что семь моторизованных батальонов Рейхсвера должны будут стать ядром будущих танковых войск. В соответствии с Версальским договором Германии запрещалось иметь танки, даже и бронеавтомобили разведки, но довольно скоро генерал фон Зеект [5] , глава Рейхсвера, заключил секретный договор с Россией. По этому договору, молодых офицеров из моторизованных батальонов ежегодно отправляли на три месяца в специальный лагерь на Урале, где учили тактике применения танковых и моторизованных частей. К сожалению, обучение скоро закончилось – с приходом к власти Гитлера в 1933 г. русские разорвали соглашения.

Наступала пора упорных тренировок.

Зеект превратил Рейхсвер в «государство в государстве». Он намеренно не давал ему разрастаться и внушал всем служившим в армии дух национального сознания. «Диктат» Версаля считался национальным позором, создание «Польского Коридора», являвшегося прежде Западной Пруссией и отделявшего Восточную Пруссию от остальной территории рейха, рассматривалось как захват немецкой земли.

Экономический кризис тридцатых, рост безработицы (свыше 6 миллионов человек к 1932 г.), грозившее бедой усиление коммунистов и в итоге выход на лидирующие позиции Национал-социалистской партии – мы почти не замечали происходившего «снаружи» – вне армии. Рейхсвер усиленно ковал кадровый состав, благодаря наличию которого удалось позднее в столь рекордные сроки создать Вермахт. Верность традициям, нерушимость присяги – все это было овеяно святостью и определяло поведение представителей офицерского корпуса.

Наши инструкторы в Восточной Пруссии слыли особенно суровыми. Слово «муштра» служило самым подходящим определением тому, чем они занимались. Нехватку образования и ума унтер-офицеры с лихвой компенсировали доморощенной изобретательностью, отводя душу на таких кадетах, как я. За малейшую провинность нас могли заставить часами драить

коридоры и сортиры… зубными щетками.

Другим средством наказания служило лишение увольнительной в выходной или замена ее дополнительными упражнениями по преодолению полосы препятствий. Одну штуковину, самую изощренную, наверное, инструктор изобрел специально для нас. Называлась она «проверка храбрости». Как-то вечером он вызвал нас к себе, извлек из буфета теменную часть человеческого черепа, некогда принадлежавшего, по словам инструктора, его дядюшке, вмещавшую целую бутылку рома. Нам было приказано осушить сосуд. Мы не посмели доложить о такого рода деспотизме нашему наставнику-офицеру.

Пусть вреда нам от этого и не было, подобная «муштра» не имела смысла. Если не считать того, что я уже тогда решил в будущем не обращаться подобным образом с молодыми солдатами, вверенными под мое начало.

Во всем остальном наше обучение можно с полным правом назвать интересным и познавательным. Мы осваивали вождение всевозможной техники, включая и гусеничную. Практиковались на пересеченной местности, отправлялись в учебные походы, оставаясь в поле днем и ночью; четыре недели провели в ремонтной мастерской с механиками, обслуживавшими нашу технику. После этого предстояло сдавать экзамены.

Особым предметом гордости стало для меня назначение водителем нашего ротного командира сроком на четыре недели. В его распоряжении находился нынешний раритет, мечта многих коллекционеров – кабриолет «Мерседес», снабженный двигателем с турбонаддувом. Поскольку наше подразделение было единственной моторизованной частью во всей Восточной Пруссии, мне довольно часто приходилось возить и дивизионного командира. Надо ли говорить, что, помимо всего прочего, наша «рыночная стоимость» в глазах девушек естественным образом возрастала из-за наличия средств передвижения.

В 1931 г. мы начали применять фальшивые танки – макеты, установленные на частных автомобилях.

Нас, будущих офицеров, также учили и верховой езде – она входила в программу. Завершался цикл подготовки в Нойкурене – курорте на Балтийском море, где на ферме паслись наши кони. Каждое утро до завтрака мы выезжали на прогулку среди дюн и пускались в отчаянный галоп по широкому белому морскому бережку. Годы с 1929 по 1932 г., проведенные в Восточной Пруссии, стали лучшими годами в моей карьере военного.

В 1931 и 1932 гг. нас, кадетов, на девять месяцев отправили в пехотное училище в Дрезден для окончания подготовки и присвоения звания младших офицеров.

В этой жемчужине Саксонии я и познакомился с Эрвином Роммелем. Он был тогда капитаном, нашим инструктором пехотной тактики и самым популярным из наставников-офицеров. Во время Первой мировой войны он отличился в боях с итальянцами и удостоился «Пур-ле-Мерит» [6] . Когда мы познакомились, ему было 42 года. Высокий и подтянутый, он выглядел грозным в безупречно сидевшей на нем форме со стоячим воротничком, однако теплая и приветливая улыбка невольно располагала к нему. Он рассказывал нам разные случаи, происходившие на войне, мы слушали, открыв рты, – а его книга «Тактика пехоты» служила нам самой настоящей библией.

В Дрездене я познакомился с донскими казаками, которые покинули Россию после 1917 г. В результате я выбрал русский язык в качестве дополнительного предмета в пехотном училище. Мой учитель, эмигрант из Прибалтики, ввел меня в русское общество. Многим эмигрантам приходилось очень тяжело, однако они сохраняли свою культуру. Возглавлял колонию князь Оболенский, очень приятный господин – дворянин старой закалки.

Наиболее глубокое впечатление произвело на меня знакомство с семьей фон Затина, представителя восточной партии русских, с которым я очень подружился. Рахманинов, известнейший композитор и пианист, приходился братом госпожи фон Затин. Он часто приезжал в гости из Парижа или из Швейцарии. Бывал Рахманинов в гостях и у деятелей восточной партии. Мы пили чай из самовара и закусывали, ели вишневое варенье. Как-то вдруг Рахманинов уселся за рояль и воскликнул:

– Ну, молодые люди, танцуйте на нашем празднике.

Кто же откажет себе в удовольствии станцевать под аккомпанемент самого Рахманинова?

Мой учитель русского языка открыл для меня Достоевского, Пушкина и Толстого. Меня поражала музыкальность языка, его гармония. Два года, проведенные рядом с русскими друзьями, расширили мои знания русского языка и способствовали моему пониманию образа мышления русских людей, что немало помогло мне позднее в России.

В 1932 г. я сдал экзамен на старшего прапорщика [7] и после непродолжительного пребывания «в гостях» в своей части в Кенигсберге получил назначение во 2-й моторизованный батальон в Кольберг – в маленький курортный городок на Балтийском побережье Померании.

Кольберг, древний пункт торговли, получил городские привилегии в 1207 г.; во время Семилетней войны его трижды осаждали русские, которые и овладели городом в 1761 г. В

1807 г. Гнейзенау [8] при содействии жителей Кольберга успешно оборонял город от французов. Когда в 1945 г. русские подступили к Померании, Гитлер и Геббельс вспомнили о героической истории горожан Кольберга, чтобы подхлестнуть боевой дух и поднять население на борьбу с противником. Даже фильм сняли – так он и назывался, «Кольберг», – и показывали во всех кинотеатрах.

В 1932 г. этот дивный городок, с белыми песчаными пляжами, курзалом и клубом, производил очень приятное впечатление. Население Померании – в основном проживавшее в маленьких городках и деревнях – отличалось исключительным дружелюбием и благорасположением к военным; поскольку жители ее в общем и целом традиционно консервативны, национал-социализм не находил у них особой поддержки. Жизнь в Кольберге вскипала только в летние месяцы, зимой же он погружался в спячку, когда в действительности только мы, гарнизон, и являлись его «живым элементом».

Осенью меня повысили, я стал лейтенантом и получил назначение готовить новобранцев. Я не забыл опыта, полученного в Восточной Пруссии, а потому требовал от унтер-офицеров гуманного обращения с новобранцами, а также, как учил Роммель, старался делать упор на подготовку в реальных полевых условиях.

Часть наша все больше сосредотачивалась на целях и задачах, которые ей предстояло решать после предполагаемого превращения в разведывательный батальон бронемашин. В 1933 г., после прихода к власти Гитлера, совершенно неожиданно ночью, в обстановке строжайшей секретности, мы получили первые настоящие машины разведки, которые нам разрешили применять в учебных целях, но только в темное время суток. Гитлер пока еще не решался в открытую бросить вызов Версальскому договору. Семь моторизованных батальонов Рейхсвера превратились в семь бронетанковых разведывательных батальонов Вермахта, который предстояло еще создать. Генерала Хайнца Гудериана назначили инспектором танковых войск армии, мы же, «разведка», приняли на себя обязанности кавалерии и унаследовали ее дух.

Нас радовал бурный рост Вермахта, при этом мы не замечали туч, сгущавшихся над Германией. Во время короткой поездки в Берлин мы впервые увидели, какие изменения произошли в стране с приходом к власти Гитлера, но между тем Берлин по-прежнему оставался средоточием культурной жизни и предоставлял желающим широкое поле для развлечений.

В начале июня 1934 г. все упорнее поползли слухи о

злоупотреблениях Рема и прочих руководителей СА [9] . Между СА и СС [10] вспыхнула борьба за власть и влияние,

как и между СА и Вермахтом. В середине июня у нас в части объявили состояние повышенной боевой готовности, в любой момент следовало ожидать тревоги и приказа выступать в Штеттин, главный город региона, чтобы, если потребуется, с применением силы взять под стражу командование СА.

30 июня 1934 г. начался «путч Рема». Мы выступили к Штеттину. Операция была проведена молниеносно – под какими-то малоубедительными предлогами были уничтожены Рем и вся головка СА.

Со смертью президента Гинденбурга и окончательным овладением властью Гитлером и его партией ситуация для нас изменилась, хотя поначалу мало кто что-либо осознал. СА с руководившим ими капитаном Эрнстом Ремом стремились к созданию «второй армии» – силы, параллельной Вермахту. СС тоже тайно принялись вооружаться, чтобы вместе с Гестапо создать инструмент насилия куда более опасный, чем СА и любые другие структуры нацистского режима.

Путч завершился. СА и прочие фашистские организации оказались под контролем государства и уже более не представляли опасности для Вермахта. Мы радовались данному обстоятельству, не подозревая даже, что в итоге настоящим победителем станут СС, которые заткнут за пояс даже Вермахт.

Глава 3 Создание вермахта 1934–1939 гг

Поначалу население приветствовало Гитлера. Как-никак при нем удалось вернуть почву под ногами 6 миллионам безработных. Он приступил к строительству автомагистралей и учредил Рейхсарбайтдинст («Национальную службу труда»). Оккупированный союзниками Райнланд (Рейнская область) был возвращен без кровопролития. Мы считали правильным изолировать воинствующих коммунистов, засадить их за решетку – определение «концентрационный лагерь» еще не применялось. Денонсирование Версальского договора и выход Германии из Лиги Наций представлялись законными и оправданными и способствовали восстановлению национального самосознания немецкого народа. Лишь немногие замечали, что шоссе проводятся со строго стратегическими целями, а Служба труда – замаскированная полувоенная организация.

Достоинства и недостатки насильственного поддержания непропорциональности Рейхсвера стали все громче заявлять о себе. Мы просто не могли охватить проблемы целиком, проникнуть во взаимосвязь событий. Близорукость проявлял не только младший командный состав. Если бы, к примеру, руководство Вермахта осознавало цели Гитлера, путч Рема мог бы послужить средством осадить канцлера и добиться включения СА и СС в Национал-социалистскую партию как невооруженных сил. Между тем Гитлер хорошо представлял себе размеры угрозы, которую мог таить в себе слишком сильный Вермахт, и вовремя поставил во главу его и входивших в него родов войск вполне лояльных к нему руководителей. Главнокомандующим сделался генерал Вернер фон Бломберг, которого мы прозвали «резиновым львом», поскольку он всегда потакал любым капризам Гитлера, а ВВС возглавил Геринг.

«Дело» генерал-полковника Вернера фон Фрича стало наглядной иллюстрацией политики наци. Фрич являлся сильной личностью, способной отстаивать свои убеждения, готовый, как мы надеялись, противостоять Гитлеру с его СА и СС, однако в 1938 г. его сместили с должности за якобы имевшуюся склонность к гомосексуализму и разжаловали в капитаны. Он погиб в бою, командуя артиллерийским полком во время Польской кампании 1939 г. К сожалению, тот факт, что под обвинениями отсутствовали какие бы то ни было основания, выяснился уже слишком поздно. Как погибшего в бою, Фрича

похоронили со всеми высшими воинскими почестями – кое-кто был несомненно доволен подобным исходом.

Его преемник, генерал-полковник Вальтер фон Браухич, оказался тоже чересчур несговорчив и настроен откровенно не в пользу Гитлера. В последующие годы ему, как и фон Бломбергу, нашлись замены. Чистка рядов Вермахта началась уже в 1934 г. с ликвидации генерала Курта фон Шляйхера и офицеров СА в так называемую «Ночь длинных ножей». До 1933 г. Шляйхер какое-то время занимал должность канцлера и, по всей видимости, будил самые серьезные подозрения со стороны Гитлера.

Начался «Тысячелетний рейх».

Мы не осознавали того, что превратились в инструмент политики Гитлера, и пассивно наблюдали, как подвергалась нападкам церковь, как притесняли евреев. Ослепленные харизмой Гитлера и его «достижениями», молодые люди буквально хлынули записываться на службу в Вермахт. Многие из них прошли подготовку в Гитлерюгенде или в Службе труда. Красной строкой в повестку дня было вписано доносительство: новобранцы доносили на своих офицеров, дети – на родителей, едва те или другие позволяли слово критики в адрес Гитлера или его партии.

Как мог народ, давший миру Гете и Бетховена, превратиться в слепо послушного раба такого вождя? Как мог он впадать в истерию, едва тот разевал рот перед зрителями, как, например, происходило это на стадионах в Берлине? Думается, всегда найдутся те, кто готов следовать за идолами и верить в ложные идеалы – главное, соответствующим образом их настроить. Хотя каждое время выдвигает на авансцену событий собственных идолов, люди, которые рукоплещут им, всегда остаются одинаковыми.

В 1936 г. меня перевели из Кольберга в Берлин, или, если уж быть точным, в Потсдам, город древних традиций на окраине Берлина.

8-й разведывательный батальон, командиром одного из взводов третьего эскадрона которого я стал [11] , дислоцировался в казармах как раз напротив гвардейских. Все в Потсдаме было проникнуто духом Фридриха Великого, построившего там своей дворец Сансуси.

Отцом на глазах создававшихся танковых войск являлся генерал Гудериан. Он изучил работы британского военного теоретика Лиддел Харта и идеи француза Шарля де Голля, благодаря которым развил тактику подвижной войны немецких танковых войск. Как он считал, будущее принадлежало быстрым и мобильным формированиям. Поначалу он не находил

поддержки во властных верхах – многие генералы отличались консервативностью, – между тем мы, молодые офицеры, встречали его с восхищением, чувствуя, что можем и должны стать ударным клином Вермахта.

Гудериан побывал в каждом подразделении, присутствовал на занятиях по подготовке, после чего обсуждал свои идеи с офицерами и унтер-офицерами. Мы осознавали, что помимо тренировок, материальной базы и современной техники существует еще нечто очень важное, что движет часть к успеху, – высокий боевой дух.

Для прохождения подготовки стали поступать первые офицеры запаса. В большинстве своем это были участники Первой мировой войны, однако попадались среди них и молодые – те, кто закончил службу лейтенантом резерва. В их числе оказался и Франц фон Папен-младший, сын бывшего канцлера и будущий посол в Турции. Мы с ним родились в один год и даже в один день, и неудивительно, что скоро стали хорошими друзьями.

Папены жили на прекрасной вилле в фешенебельном районе Берлина Тиргартен. Я часто получал приглашения посетить их там и познакомился у них со многими интересными людьми, в том числе и с французским послом, Франсуа Понсе, и с дочерью американского посла, питавшей слабость к одному русскому дипломату.

Перевод в Потсдам стал для меня огромной радостью, потому что это дало мне шанс часто бывать в так нравившемся мне Берлине. Я уже прожил в этом городе три месяца в 1932 г. и имел там много друзей и знакомых. Берлин, «уютная» столица Европы, с его умеренно континентальным климатом и остроумными жителями, – чего еще было желать от жизни молодому человеку?

Театры, оперные залы, знаменитые артисты, кутюрье и газетные магнаты оставляли неизгладимый след на портрете города. Немецкие евреи, многие из которых были ветеранами Первой мировой и являлись иногда бóльшими немцами, чем сами немцы, играли ведущую роль в культурной и экономической жизни столицы. После того как многие из них бежали от Гитлера, а другие сгинули в концентрационных лагерях, Берлин сделался беднее.

На ужин я обычно брал два бутерброда и содовую в автомате в закусочной под названием «Куик» на Курфюрстендамм. Обходилось это в одну марку. В баре Майовски можно было заплатить 70 пфеннигов за рюмку кюрасао [12] и сидеть с ней там весь вечер. У Майовски обычно собирались бывшие пилоты, такие как мастер высшего пилотажа летчик Удет и ставший позднее крупнейшей фигурой в Люфтваффе Эрхард Мильх,

который часто угощал нас, бедных лейтенантов, выпивкой.

Больше всего мне нравилось в небольшой пивной на Спиттельмаркт, служившей местом встреч для берлинских таксистов, заскакивавших туда выпить стаканчик пива между рейсами. Таксисты в Берлине славились юмором и умели ценить хорошую шутку. Я с готовностью променяю любое шоу в кабаре за возможность послушать их рассказы о том, что порой приключается в поездках.

Подготовка у нас велась очень интенсивная, при этом основной упор делался на двух вещах: мы изучали материальную часть и вооружение, а также практиковались в ведении боевых действий в реальных полевых условиях.

Мой мотоциклетно-стрелковый эскадрон – мотопехотное подразделение, входившее в состав нашего батальона наряду с двумя эскадронами механизированной разведки, – оснащался превосходными BMW 500. В большинстве своем они поставлялись с колясками, колеса которых позднее получили дополнительный привод через дифференциал, что повышало проходимость. Мы медленно, но верно превращались в первоклассных мотоциклистов. Даже по ночам мы научились прокладывать себе путь через трудную лесистую местность, по песчаным дорогам, а в «открытые дни» демонстрировали свое мастерство «наездников» зрителям – например, прыжки в длину на мотоциклах, на которых некоторые наши унтер-офицеры поставили своеобразный рекорд, пролетев 16 метров. Мы образовывали пирамиды – до 12 человек стояли на одной машине, а один номер назывался «мотоцикл с дистанционным управлением». Человек прятался в люльке и оттуда с помощью приводов управлял мотоциклом. Нам также позволялось принимать участие в официальных соревнованиях на пересеченной местности. Каждые выходные я устраивал себе нечто вроде современных мотоциклетных ралли. Сначала гонял на обычном мотоцикле, потом с коляской. Как-то, когда в ней сидел мой товарищ, мы врезались в дерево, которое пришлось как раз между машиной и люлькой. Из-за сломанной ключицы мне на несколько недель пришлось отправиться на отдых. Мы до такой степени овладели материальной частью, что могли вести огонь из пулеметов, установленных на колясках, когда выезжали в поле на учебу. В конце концов я перекинулся на спортивные машины, которые поступали в наше распоряжение от одной автомобильной компании.

Все новые танковые части вступали в процесс формирования. Посему в октябре 1938 г. меня перевели в Бад-Киссинген – курортный городок неподалеку от Вюрцбурга, что на севере Баварии. По завершении сезона Киссинген уже успел впасть в

спячку, так что наше прибытие приветствовалось населением как некий элемент дополнительного оживления.

Однако первое наше впечатление оказалось весьма неприятным. В конце первой декады ноября по стране прокатилась Кристальнахт (Ночь разбитых стекол) – позорное для всей Германии событие. Генрих Гиммлер со своими СС и СА использовал факт убийства немецкого атташе в Париже молодым евреем в качестве предлога для сожжения синагог и погромов еврейских магазинов по всей Германии.

Руководство Вермахта снова осталось безучастным. Гитлер уже прочно укрепился у руля созданного им режима, окружив себя послушными ему генералами, потому все, что мы могли сделать, сидя в своих учебных лагерях, это ни в чем не участвовать.

Вопрос этот и по сей день задается как у нас на родине, так и за рубежом. Почему Вермахт, а особенно офицерский корпус и генералитет, своевременно ничего не сделали для противодействия растущей мощи национал-социализма или, по меньшей мере, не попытались ограничить опасной игры Гитлера – «игры с огнем».

По моему мнению, для этого существовали следующие причины:

1. Армия численностью в 100 000 человек, которую нам разрешал Версальский договор, намеренно воспитывалась в стороне от политики. В результате офицерский корпус оказался политически близоруким.

2. Первые успехи Гитлера (искоренение безработицы и устранение коммунистической угрозы, а также возвращение бывших немецких территорий в состав Великого Германского рейха) наполнили уверенностью в своей правоте немецкий народ и растущий Вермахт.

3. Молодые люди, которые поступали на военную службу, набирались преимущественно из числа выучеников Гитлерюгенда и других национал-социалистских организаций, а потому были соответствующим образом мотивированы, если не сказать оболванены.

Но наиболее важное, как представляется мне: присяга – клятва на верность – всегда являлась священной для офицерского корпуса. Гитлер осознавал это, чем без зазрения совести и воспользовался!

Итак, 1934 год сделался поворотным пунктом. Вермахт стал использоваться как орудие в политике. После кончины Гинденбурга пост президента, который он занимал, совместили с постом канцлера. Вследствие чего немецкий народ, а прежде всего Вермахт, лишился символической фигуры, которая стояла вне политики и над политикой. При наличии сильной личности

на этом посту, такой как Гинденбург или возможный преемник сходного калибра, президент мог бы заблокировать реализацию сомнительных политических решений.

Несмотря на множество предостережений, раздававшихся как внутри страны, так и доносившихся извне, вопреки здравому смыслу, немецкое офицерство предпочло слепо соблюдать клятву, оказалось даже готовым дать ее персонально Адольфу Гитлеру [13] .

А кто, какой отдельный человек посмел бы в 1933 г. или в 1934 г. отказаться от принесения присяги Гитлеру? Лишь только военное руководство одно и могло бы сделать это, имей оно более стойкие политические взгляды и не будь столь очаровано личностью Гитлера.

Еще один вопрос, который не устают повторять и сегодня: почему попытка уничтожения Гитлера 20 июля 1944 г. не была предпринята ранее, хотя бы после вторжения в Россию в 1941 г.? С одной стороны, Гитлер располагал столь внушительной охраной, что покушение не имело почти никаких шансов на успех. С другой стороны, многие офицеры вокруг графа Штауффенберга, главы заговора, считали себя связанными присягой, и лишь отчаянное положение, которое сложилось после союзнической высадки в 1944 г., подвигло их на «акт отчаяния». Вместе с тем, делая это, они осознавали, что вокруг Гитлера может возникнуть «легенда» и что союзники намерены потребовать от Германии тяжелейших условий – вплоть до безоговорочной капитуляции. Однако они хотели попытаться остановить Гитлера и избавить немецкий народ от дальнейших страданий.

К голосам тех, кто сегодня в Германии осуждает участников провалившегося заговора за «нарушение воинской присяги», незачем и нечего прислушиваться просто потому, что присяга – как любая клятва – должна соблюдаться лишь до тех пор, пока совместима с совестью давшего ее индивидуума, при условии, что дана она была без какого-либо давления.

Глава 4 Европа накануне войны: путешествия и наблюдения

Я всегда мечтал побывать в каких-нибудь новых местах. Мне хотелось последовать совету своего учителя математики, который говорил мне:

– Путешествуй по возможности больше и постарайся посмотреть на свою страну снаружи. Завязывай знакомства с людьми из других стран. Только так ты сумеешь верно оценить свою родину.

В период с 1933 по 1935 г., когда получение иностранной валюты было еще доступным, я поехал в Прагу и в Варшаву, то есть в столицы стран, в которых не имел никаких знакомств. Позднее, после 1937 г., когда лимит валюты на поездку ограничивался 15 марками, я посетил западные и южные государства Европы, в которых у меня были друзья и я мог прожить даже с 15 марками. Мои встречи с представителями других народов и культур, носителями других языков лишь подтвердили разумность совета учителя.

Прага, «Золотой город», являвшийся точкой пересечения западной и восточной культур, произвел на меня глубочайшее впечатление, как и знаменитые курорты – представшие передо мной во всем своем блеске Карлсбад и Мариенбад. В Варшаве в 1934 г. не чувствовалось еще никакой напряженности. Визу я получил без проблем, несмотря на то что был офицером. Варшава – город очень, я бы сказал, франкофильский. Французские архитекторы оставили явный след на портрете города, в то время как многие образованные люди говорили по-французски. Мне оказалось нетрудно завести знакомства с жителями, и у меня появилась возможность установить, что поляки не любят как нас, немцев, так и русских.

Затем последовали поездки в Скандинавию и во Францию, в которой я быстро освоился. У моих деда и бабушки была французская гувернантка, а потому дома довольно часто звучала французская речь. В общем, можно сказать, что «parler français» считалось модным. Меня восхищал не только французский язык, но и «savoir-vivre» – стиль жизни по-французски. От шарма французов, и в особенности от обаяния Парижа, города-космополита, у меня, человека молодого, захватывало дыхание. Консьержки, бистро, пекарни, развалы подержанных книг на берегу Сены, художники Монмартра – вот где жизнь била ключом! Сидишь с кем-нибудь за стаканчиком вина, говоришь обо

всем в мире, и зло словно бы уходит навечно.

Поездки в Англию тоже значительно расширили мой кругозор. Мы, немцы, особенно северные, всегда относились к британцам по-особенному. Мне посчастливилось, и молодым человеком я познал их терпимость и чувство юмора. Сойдясь с ними поближе, я поразился их сердечности и гостеприимству. Что же дает им такую уверенность, что́ помимо положения их страны как одной из супердержав? В первую очередь, вековые традиции и единство под скипетром монарха, равно как и демократия, рост и развитие которой происходили на протяжении столетий.

Одно впечатление вписалось в память настолько прочно, что и сегодня вижу все так, словно это случилось вчера. Банкир в цилиндре и с зонтиком столкнулся на улице с рабочим.

– Простите! Ужасно виноват! – воскликнул банкир. Чтобы богач первым извинился перед рабочим – такое в Германии немыслимо.

Как-то в полдень у Уайтхолла я поджидал, когда будет смена караула. Мужчина в поношенной одежде попросил у меня огонька.

– Вы, должно быть, француз? Говорите с акцентом.

– Нет. Я из Германии.

И тут из него как посыпало:

– Сидел я в плену в Германии с семнадцатого по восемнадцатый. Неплохо мне жилось – у фермера работал. Посмотрите, вот и медаль у меня. А теперь в этой чертовой стране, которой нет до меня никакого дела, я стал коммунистом. Месяцами сидел без работы. А у вас там как? Гитлер пристроил безработных, все так организовано, никто не голодает.

Влезать в дискуссию мне не хотелось. Слава богу, началась смена караула. Выехали кирасиры в яркой форме и сияющих шлемах – царственный блеск величия гордого королевства.

– Вы только посмотрите! – воскликнул мой собеседник и в возбуждении схватил меня за рукав. – Вот она, наша монархия. Тут никому с нами, британцами, не равняться!

Венеция была мечтой новобрачных, а Рим являлся своего рода культовым городом, где хотели побывать все. В процессе получения классического образования в средней школе я так много читал о путешествиях Гете по Италии, что мне хотелось пройти по его стопам. Так, в 1934 г. вместе с другом я запланировал трехнедельную поездку по Италии. Мы приспособили мою машину для того, чтобы можно было ночевать в ней, в качестве главного багажа запаслись канистрами с бензином, так что его нам, по расчетам, хватило бы доехать по меньшей мере от Германии до Рима и обратно, а также набрали

еды, чтобы ни от кого и ни от чего не зависеть в пути.

Во Флоренции мы познакомились с одной дамой, которая пригласила нас к себе на обед. Мы проследовали за ней узкой улочкой и остановились перед домом с облупившимся фасадом.

– Вот мы и пришли. Входите, пожалуйста.

Мы почувствовали себя несколько неуютно. Однако прошли дальше и очутились во внутреннем дворике. Дом, казавшийся снаружи таким мрачным, оказался великолепным палаццо, наполненным произведениями искусства. А какой сад был при нем – это и во сне не приснится! Мы попали в городской дом принчипессы – княгини. В столь роскошной обстановке мы провели целый день.

Рим с его семью холмами, Вилла-Боргезе, Пьяцца-Колонна и собором Св. Петра привел нас, пруссаков, в бесконечное удивление столь бесконечной красотой.

Ездил я и в Швейцарию, поскольку у нас там имелась родня, Цеппелины. Особо привлекала возможность покататься на лыжах. В ту пору применялись так называемые кандагарские крепления, которые одинаково хорошо подходили для спуска и для того, чтобы карабкаться наверх по склону. Подъемников для лыжников там тогда не встречалось. На восхождение уходили часы, затем вы скатывались вниз в долину по бескрайнему полю нетронутого снега. Опыт, приобретенный в процессе таких лыжных экскурсий, был просто неоценимым. Вылазки наши продолжались много дней с рассвета и до заката – лишь на ночь мы прекращали движение, находя убежище в той или иной горной хижине. В те времена можно было действительно наслаждаться красотой и покоем в горах – туристов тогда там почти не водилось.

В начале августа 1939 г. мне вдруг снова, к моему безграничному удивлению, дали возможность отдохнуть – целых 14 суток отпуска, которые я и провел в Швейцарии, – хотя уже тогда вовсю циркулировали слухи о возможной войне из-за осложнившихся отношений с поляками. Вероятно, власти хотели показать швейцарцам и через них всему мировому сообществу, что если офицер на действительной службе может позволить себе в такое время находиться за границей, значит, никаких разговоров о войне быть просто не может. Но не успели кончиться две недели, как меня вызвали в дивизию. Она находилась в состоянии повышенной боевой готовности – всем отпускникам срочно приказали вернуться в свои части.

– Будет война, – сказали друзья. Мои попытки разубедить их в этом успеха не возымели, и я поспешил в место расположения части в Киссинген наикратчайшим путем. Там все находились в приподнятом настроении. Хотя мы не очень-то верили

пропагандистам Йозефа Геббельса, твердившим, что поляки намереваются напасть на нас, мы желали возвращения Германии «Польского коридора» и Данцига. Мы не очень-то рассчитывали на то, что поляки окажут серьезное сопротивление, предполагали легкую прогулку – нечто вроде того, что происходило в Чехословакии годом раньше. Мы не жаждали войны, поскольку Вермахт не успел еще подготовиться к ней, а наши старшие офицеры – забыть 1918 год. Но мы не думали, что британцы и французы придут на помощь Польше.

Глава 5 Блицкриг. Польша, 1939 г

Осеннее солнце ласково светило над головами. Наша 2-я легкая дивизия генерала Штумме [14] покинула пределы расположения, а с ней вместе двинулся и 7-й разведывательный (моторизованный) полк – два батальона [15] . С пригорка глаза наши невольно притягивал оставшийся позади Бад-Киссинген и Ронские горы, по склонам которых мы бывало проносились на лыжах.

Формально нам предстояло принять участие в «больших маневрах в условиях реального боя». Несмотря на наличие боевых боеприпасов, нам выдали только холостые.

Настроение у личного состава было отличное, контакт с эскадроном [16] у меня – превосходным. В процессе продвижения в восточном направлении мы прошли через Судетскую область и проследовали дальше за Прагу, приближаясь к границам рейха в районе Гляйвица. Местное население приветствовало нас всюду с цветами, угощало напитками.

– Идете в Польшу? – спрашивали нас.

– Нет, конечно, – отзывались мы, – у нас учения.

26 августа 1939 г. мы скрытно вышли к границе и расположились в лесополосе. Тут нам вдруг заменили холостые боеприпасы боевыми.

Более сомнений у нас не осталось – нас перебросили с целью вторжения.

Наступил момент показать, чему меня учили – побеждать противника быстро и решительно, с наименьшими потерями для себя. Я и понятия не имел, чего ожидать. Мы все еще чувствовали себя как на маневрах и подбадривали друг друга мыслью, что нам вовсе не стоит бояться поляков, поскольку их армия не располагает таким количеством активных штыков и заметно уступает нам в плане материальной части.

В районе сосредоточения я обходил эскадрон, заговаривал с бойцами – обменивался шутками с каждым. Они доверяли мне и не сомневались, что их «шеф» не допустит ненужных потерь.

31 августа пришел приказ: мы переходим в наступление в 04.50 утра 1 сентября [17] .

Наши расчеты станковых пулеметов с их вооружением размещались в саду, принадлежавшем господину Августину, который прожил тут уже некоторое время до нашего появления. Его родители владели фабрикой в Лодзи, что в центре Польши.

– Хотите с нами? – поинтересовался я у него. – Вы превосходно владеете польским и могли бы стать полезным нам,

работать переводчиком – помогать допрашивать пленных и устанавливать правильные контакты с местным населением.

Он согласился. Несомненно, он рассчитывал, что ему удастся повидаться с родителями. Мы обрядили его в форму военнослужащего Вермахта. На нарукавной повязке значилось «доброволец-переводчик».

На рассвете наши военно-воздушные силы промчались над границей, чтобы, как сказали нам, застать врасплох польских авиаторов и уничтожить их самолеты на земле. Данное обстоятельство придало нам бодрости. Нам сообщили, что наш ВМФ обстреливает порт Данцига и что началась высадка десанта с моря.

В составе моторизованного разведывательного полка мы двинулись вперед. На границе мы нашли одного-единственного таможенника. При виде одного из наших солдат этот перепугавшийся служащий просто поднял шлагбаум. Так без всякого противодействия мы вступили на землю Польши. Нигде не было видно ни одного польского солдата, хотя, по всему, они должны были бы быть здесь и готовиться к «вторжению» в Германию.

Я приказал эскадрону рассредоточиться. Мы передвигались своим ходом на широком фронте и скоро достигли первой польской деревни. Польские солдаты по-прежнему отсутствовали. На рыночной площади нам встретились довольно дружелюбно настроенные жители, которые даже предложили нам освежиться.

Где же польская армия?

У нас не проходило стойкое ощущение того, что мы все-таки на учениях, хотя мы углубились на территорию Польши на 15 километров. Бравые разведчики из передовых дозоров на мотоциклах с колясками прокладывали себе путь через поросшую густым лесом местность, чтобы прояснить обстановку. Я приказал бронемашинам следовать за передовыми и развивать успех.

Только поздним вечером 1 сентября мы столкнулись в первым вражеским противодействием. Перед нами лежало открытое пространство, небольшая возвышенность, на дальнем конце которой располагалось селение и виднелся лес. Тут-то поляки и приготовили нам заслон, открыв со своих позиций плотный пулеметный и минометный огонь. Осколки и пули засвистели среди деревьев. Срезанные ими ветки падали нам на головы. Нас охватило беспокойство. Конечно, мы нередко проводили учения в условиях, максимально приближенных к боевым, а потому научились действовать под огнем, привыкли и к взрывам артиллерийских снарядов, и к стрекоту пулеметов. Однако при всем этом мы находились тогда, как правило, на

безопасном расстоянии или сидели в блиндажах – в тех или иных укрытиях.

Теперь же мы оказались прямо под обстрелом противника. Укрыться или окопаться мы не могли – наша задача состояла в том, чтобы атаковать. Мы изготовились к штурмовому броску. Бронемашины разведки продвинулись как могли дальше – настолько, насколько позволяла местность, – чтобы обеспечить нам огневое прикрытие из своих пулеметов MG 34.

Вдруг пулеметная очередь срезала рядового Уля совсем близко от меня. Он умер мгновенно, став первым убитым в моем эскадроне. Многие солдаты видели, как он погиб. Нам всем стало страшно. Кто будет следующим? Маневры закончились – началась война.

– Первый и второй взводы – вперед! – закричал я. – Третий – в резерве. Взвод тяжелого вооружения – обеспечить огневое прикрытие.

Никто не пошевелился. Каждый боялся стать следующим. Я тоже. Любой, кто говорит, что не испытывал страха в первом бою, просто врет.

Мне, командиру, надлежало подать пример своим людям.

– Все за мной! – заорал я и бросился вперед, размахивая пистолетом.

Трудные месяцы учебы и подготовки не пропали даром – все солдаты последовали за мной. Мы немного продвинулись, но потом залегли под огнем пулеметов и артиллерии.

Командование дивизии разработало новый план атаки: в темноте зенитные прожекторы высветят позиции противника на высоте. Наши машины разведки будут бить по выявленным точкам 2-см трассерами и послужат средством наведения на цели для артиллерии. Разыгралась огненная симфония.

На рассвете 2 сентября мы вновь пошли в бой и достигли селения на пригорке, где окопался неприятель. Поляки уже ушли. Открывшаяся нам картина заставляла нас поежиться от ужаса. Всюду на брошенных врагом позициях валялись трупы людей и лошадей. Брошенные дома еще горели. Увиденное стало нашим первым впечатлением – лицо войны. Непросто оказалось заставить себя пережить это и вернуться к исполнению своих обязанностей.

Мы продолжали продвижение. В густых зарослях леса отсутствовали дороги, и мы практически лишились возможности применять наши машины разведки и танки. На двое суток нам пришлось расстаться со своими полевыми кухнями. Техника не могла продвигаться в условиях бездорожья в лесах.

Проходя через селения и городки, мы вновь и вновь

сталкивались с отвратительными картинами военного разорения. Военно-воздушные силы потрудились на славу и деморализовали поляков. Однако, несмотря ни на что, польские дивизии сражались героически.

Как писал позднее мой денщик Эрих Бек: «Противник вызывал у нас восхищение своей национальной гордостью и готовностью к самопожертвованию. Мы не могли не уважать их. Мы слышали, что один польский кавалерийский полк бросился в атаку против наших танков. Солдатам сказали, что у немцев ложные танки – деревянные макеты».

Все мосты были взорваны. Наши саперы изрядно потрудились, перебрасывая через реки новые. Польские снайперы устраивали лежки в стогах сена и под соломенными крышами, откуда их приходилось выкурить трассерами. Огонь полыхал повсюду.

В следующие несколько дней нашими целями стали города Кельце, Радом и Лодзь. Охватные маневры увенчались успехом и привели к созданию нескольких «котлов». В дивизии мы узнали, что наше наступление на широком фронте от Верхней Силезии до Балтики развивается успешно.

6 сентября нам наконец довелось столкнуться с серьезным противодействием на окраине села в районе Лыса-Гора. После ожесточенного боя, в котором мы понесли небольшие потери, нам наконец удалось сломить сопротивление неприятеля, силы которого были, по-видимому, уже окончательно подорваны. В тот же день пал Краков. Могучие ударные части наступали на Варшаву с запада и северо-запада.

В г. Лодзи, за который нам пришлось крепко подраться, Августин встретился с родителями. Я составил ему компанию. Трогательное воссоединение. Из-за трений между государствами получилось так, что они какое-то время ничего не знали друг о друге. Теперь родители вновь обрели сына, навсегда, как они хотели надеяться. Мы побывали на текстильной фабрике, которой они владели, а затем устроились в кафе на рыночной площади. Пили кофе, ели незамысловатые домашние пирожные. Было так приятно просто посидеть в уютной обстановке после нескольких нелегких деньков, особенно в начале кампании. Но Западная Пруссия и древний Данциг являлись, похоже, не единственными целями. По-видимому, предполагалась полная оккупация Польши и уничтожение ее как государства, кроме того, разделение ее территории с русскими, с которыми Гитлер совсем недавно подписал пакт о ненападении. Мы просто поражались той ловкости, с какой пропаганда Геббельса развернула настроение народа на 180 градусов. Россия вдруг превратилась в

единственного союзника!

Мы получили приказы зачистить леса, обеспечить безопасность на занятых территориях, а затем оставаться в готовности к броску к Варшаве.

В поисках подходящего командного пункта для эскадрона мой передовой пикет отыскал большой дом посреди леса. Война не затронула его. По моем приходе туда меня радушно встретил немолодой господин, бегло говоривший по-немецки и по-английски. Он был ранее польским послом в Лондоне, а теперь отошел от дел и проводил время в своем поместье. Дом полнился гостями. Один знаменитый пианист и некоторые другие представители сферы искусства бежали из Варшавы с началом войны в надежде отыскать безопасное убежище. Дворецкий проводил меня в гостевую и несколько мрачновато осведомился относительно моего багажа.

После того как я отдал необходимые распоряжения эскадрону и отправил донесение в дивизию, хозяин дома пригласил меня пройтись.

– Знаете, – начал он, – у меня есть один добрый друг, живет километрах в тридцати отсюда. Он женат на немке из Силезии. Я беспокоюсь о них. Не могли ли бы вы выяснить, как у них дела?

В ходе дальнейшей беседы выяснилось, что немка, жена друга хозяина, приходится мне дальней родственницей. Я вдруг осознал, насколько бессмысленна война, а также и то, что выхода из нее теперь нет. Я обещал все выяснить.

Хозяин привел меня на псарню, где показал мне недавно родившихся ирландских сеттеров. Он привез их мать из Англии. Он взял одного и произнес:

– Могу ли я подарить его вам, чтобы он радовал вас в грустные времена?

Я с радостью принял подарок и окрестил щенка «Сынком». Тем вечером все мы сидели у очага в огромном зале, потолок которого уходил вверх под самую крышу. Пианист наигрывал Шопена, а сквозь музыку прорывались иногда звуки спорадических выстрелов где-то вдали. Я проводил время среди дружелюбных людей в приятной атмосфере в стране, завоевать которую мы пришли.

Я узнал, что самый знаменитый в Польше художник-анималист жил в ближайшем городке, и собрался посетить его на следующий день. Я обожал его работы и попросил у него одну из акварелей, которая бы выражала дух Польши. На следующий вечер он принес мне картину. Я был поражен. На картине на фоне типичного польского ландшафта был изображен пастух, который вел на недоуздке маленькую подраненную лошадку. Картина

пережила войну и теперь висит на стене моего дома, напоминая мне о временах трудных, но также и об очень и очень приятных.

В тот же вечер начальник патруля доложил о том, что с другом нашего хозяина все в полном порядке. У него явно свалился с души камень.

Тогда же я получил от своего командира приказ о дальнейшем наступлении на Варшаву. Наутро я покинул мирный оазис, увозя с собой картину и ирландского сеттера.

На инструктаже, перед тем как продолжить операцию, мой батальонный командир сказал, что 3 сентября Франция и Британия объявили войну Германии. Пока, однако, против наших опасений, они не предприняли решительных действий. В ежедневном «Армейском вестнике» говорилось только об отмечавшихся артиллерийских перестрелках и об активизации воздушной разведки. Мы успокоились. Похоже, Гитлер верно оценил обе страны. Британцы, насколько нам было известно, пока даже не отправили на континент экспедиционные войска.

А мы продвигались к Варшаве. В восточных районах Польши мы никаких боевых действий не вели. Совершенно очевидно, это свидетельствовало о наличии определенных договоренностей с русскими. Южнее Варшавы два моторизованных разведывательных батальона заняли позиции среди фруктовых деревьев.

9 сентября – через девять дней после начала войны – большая часть Польши, по крайней мере та, которая относилась к сфере немецкого влияния, находилась в наших руках. Только Варшава продолжала сопротивление. Сохранившие боеспособность части польской армии отступили для обороны столицы, где им предстояло выдержать еще две недели под бомбами и артиллерийскими обстрелами. 27 сентября Варшава была взята, последние очаги сопротивления окончательно подавлены. Больше нам воевать не пришлось. Совершенно очевидно, продолжать противодействие Польша более не могла. Все, что нам оставалось, – зачистка занятой территории.

Во время одного из разведывательных мероприятий, на которое я отправился на своем вездеходе вместе с водителем Финком и ординарцем, мы обнаружили молодую польку в военной форме. Она навела на нас пистолет, но мы успели обезоружить ее прежде, чем она смогла выстрелить.

– Вы служите в женском батальоне? Или же вы партизанка? – спросил я ее по-французски.

В глазах ее горела ненависть – чего удивляться после того, что сталось с Польшей в результате войны. Она отвела нас к дому, в котором лежал раненый ее муж, польский офицер. Я

посадил их обоих в свою машину и отправил в медсанчасть, где врачи немедленно занялись ее мужем. Она поблагодарила нас:

– Как ужасно. Как все безнадежно. Почему бы всем не оставить нас в покое? Теперь вот еще и русские придут, ваши союзники, которых мы ненавидим. Однако Польша еще не погибла.

Последние слова, как пояснил мне Августин, были из государственного польского гимна.

17 сентября русские начали марш в Восточную Польшу. Немецкая и русская делегации установили демаркационную линию. Одним из переводчиков служил Борис фон Карцов, которого мне еще предстояло много позже встретить в русском плену. И опять Польша подверглась разделу. Грустная история страны вновь повторилась. 5 октября в Варшаве в присутствии Гитлера прошел победный парад. Нашей дивизии не пришлось принимать в нем участие. Среди тех, кто стоял на возвышении рядом с Гитлером, находился и Роммель, в то время командовавший подразделениями личной охраны Гитлера. Однако во время боев он постоянно находил способ отлучиться на фронт, побывать в действующих частях и был просто восхищен тем, как действовали танковые войска генерала Гудериана. Вскоре после этого Роммелю удалось уговорить Гитлера дать ему под начало танковую дивизию.

Польская кампания для нас завершилась. Несколько моих солдат получили Железные кресты 2-го класса, среди них и храбрый командир взвода станковых пулеметов. Вскоре после того его повысили до старшего фельдфебеля.

Особенно гордился я служившим в нашем эскадроне портным. В Бад-Киссингене все, бывало, дразнили его «наш маленький портняжка». И вот в ходе боевых действий этот незаметный человек показал себя. Он чинил обувь, а также выполнял обязанности связного – обеспечивал циркуляцию донесений и приказов от передовых отделений к частям в тылу. Как-то мы залегли под плотным неприятельским огнем, головы не могли поднять, а «наш маленький портняжка» под пулями и осколками побежал с донесением. Мы сделали неожиданное открытие: как оказалось, здоровяки и крепыши, отважные на вид парни, нередко терялись в бою, тогда как те, кого считали слабаками, в трудную минуту демонстрировали стойкость и выдержку.

Потери, понесенные нами за те девять дней боев, были сравнительно небольшими. Один из моих взводных командиров, лейтенант фон Фюрстенберг, получил очень серьезную рану в живот и надолго выбыл из строя. Что же до наших убитых, то мы

имели возможность похоронить их как подобает и воздать по возможности все надлежащие военные почести.

Дни отдыха вернули нам силы. У меня нашлось время поблагодарить за службу весь личный состав эскадрона.

– Как здорово, что вы научили нас быстро окапываться, – сказали они мне. – Несомненно, тяготы учебы спасли жизни многим из нас.

Боевой дух находился на подъеме. Тут, прямо перед самой Варшавой, никто не задумывался о том, как все пойдет дальше.

Я получил разрешение побывать в Варшаве, которую увидел впервые за много лет. Окраина и индустриальные районы сильно пострадали от воздушных налетов, однако центр в значительной мере остался нетронутым. Жизнь входила в нормальную колею. Поляки умели приспособиться к трудностям – научились противостоять ударам судьбы. А в кафе при большой гостинице в центре мне подали выпивку так, словно бы ничего не произошло. Было очевидно, что если уж выбирать из двух зол, то в качестве оккупантов мы, немцы, устраивали поляков больше, чем русские. К сожалению, все скоро поменялось.

В конце сентября дивизию перебросили обратно в ее старый лагерь в Германии. Снова мы проследовали через Судетскую область к Бад-Киссингену.

Глава 6 В период между кампаниями 1939–1940 гг

Бад-Киссинген встречал нас ликованием. Горожане высыпали на улицы и забрасывали нас цветами с тротуаров. Перед уже закрытым курзалом стоял наш командир, чтобы возглавить торжественный марш батальона. Многие смеялись, когда мой ирландский сеттер, Сынок, из грузовика облаял оркестр. Гражданское руководство – местные власти – тоже, конечно, прибыло для участия в приеме. Фашистские функционеры вели себя так, точно это не мы, а они вернулись с войны и принесли победу.

В следующие дни всем разрешили отдохнуть. Многие бары и рестораны открылись, и в них угощали пивом бесплатно. Зепп Хубер, владелец «Бара Хубера», извлек из запасников бутылку выдержанного шотландского виски. Вечер получился длинным.

Гражданское население, да и большинство из нас, думало, что с Польской кампанией войне настанет конец. Французы и британцы не напали на нас. Может, получится второй «Мюнхен»? Вдруг да премьер-министры Даладье и Чемберлен вновь попробуют договориться с Гитлером?

Может быть, мы и принимали желаемое за действительное, однако казалось логичным, что после «возвращения в лоно рейха» территорий, населенных немецкоговорящими жителями, оккупации Судет и Чехословакии, «освобождения» Западной Пруссии и Данцига в ходе блицкрига, обошедшегося нам без больших потерь, – все цели были достигнуты – «несправедливости» Версальского договора устранены. Однако меня одолевали сомнения. Уж больно ненавидел Гитлер Францию, против которой ему случилось сражаться во время Первой мировой. Пропагандистская машина вновь заработала на полные обороты. На страницах газет запестрели названия: Эльзас и Лотарингия – спорные территории, которые переходили из рук в руки по итогам войн 1870–1871 и 1914–1918 гг., в первом случае к Германии, а во втором обратно к Франции.

Все мы по очереди получили отпуска для поездок к семьям. Мы славно провели те дни, но реальность вновь нагнала нас. Вермахт, прежде всего бронетанковые силы, вновь подвергались укрупнению. Создавались новые танковые дивизии, ядром которых предстояло послужить нам. Нашу 2-ю легкую дивизию переформировали и перевооружили, превратив в 7-ю танковую дивизию (7. Panzerdivision) [18] . Приказом от 6 февраля 1940 г.

генерал Эрвин Роммель, мой пехотный инструктор из Дрездена, сделался моим дивизионным командиром; 10-го числа он принял дивизию в Бад-Годесберге.

Как бы мы ни восхищались этим человеком, нас охватили сомнения в том, что пехотинец способен стать достойным командиром танковой части. Скоро они развеялись – Роммелю предстояло навечно вписать свое имя в историю танковых войск как величайшего тактика подвижного боя. С того дня у нас задули совсем иные, новые ветры. В дивизии остался один-единственный моторизованный разведывательный батальон – 37-й батальон майора Эрдманна, ставшего теперь нашим командиром [19] . Как и многие наши старшие офицеры, он принимал участие в Первой мировой войне. Мы уважали его боевой опыт и тотчас же поверили в него.

Дивизия получила новейшие танки: PzKpfw III с 5-см пушками и PzKpfw IV с 7,5-см «обрубками» [20] . Они были более быстроходными, отличались лучшим вооружением и бронированием. А с поступлением трехосных бронемашин, вооруженных 3,8-см пушками, мы приобрели замечательную технику для разведки [21] .

Из Киссингена мы передислоцировались в селение Хаймерцхайм на северном склоне Ронских гор. Началась трудная и упорная подготовка, которую еще более усложнила суровая зима. Роммель проводил полевые учения в любую погоду, а также и ночью. Он ежедневно бывал в частях и постоянно подчеркивал важность того, чтобы все части действовали вместе. Таким образом танкисты, артиллеристы и пехотинцы хорошо узнавали друг друга и учились плотному взаимодействию. Дивизия превращалась в хорошо сыгранную команду, что впоследствии оказалось чрезвычайно важным.

Пропагандисты работали без устали. Гитлер высмеивал французов. То и дело высказывался по поводу «Вискохлеба Черчилля», а позднее еще и «Паралитика Рузвельта». Для чего Вермахт стремительно накачивал мускулы? Чтобы запугать западных союзников и отбить у них охоту напасть на Германию? Или же Гитлер намерен вторгнуться во Францию? Мы не знали. Мы полагались на себя и на наше новейшее вооружение, которое, как казалось, превосходило все то, чем располагал противник.

Была сформирована первая танковая дивизия СС. Ядром для нее послужил полк личной стражи Гитлера – «Лейбштандарте Адольф Гитлер» – под начальством его командира Зеппа Дитриха. Мы не без оснований подозревали, что наращиванием войск СС Гитлер стремится к созданию противовеса армии, особенно консервативному офицерскому корпусу, и это, вне всякого

сомнения, не могло нас радовать. Между тем, хотя ответственность за набор и вооружение войск СС возложили на Гиммлера, «фигуру номер один в СС», что способствовало притоку лучших людей в эсэсовские части, все формирования СС тактически поступали под руководство армии, так что это более походило на сотрудничество, чем на соперничество. Из-за нехватки опытных кадров армейских офицеров стали переводить в войска СС в качестве командиров и – к их молчаливому негодованию – присваивать принятые в СС звания.

Наконец прошла суровая во всех отношениях зима 1939/40 г. Тем временем британцы приступили к переброске на север Франции своих экспедиционных сил. Между тем обстановка на Западном фронте оставалась по-прежнему спокойной.

В середине февраля нас передислоцировали в Дернау, на реку Ар, то есть практически на Западный фронт. Роммель побывал в каждой части. Он говорил нам, что горд возможностью возглавить танковую дивизию. Гудериан тоже приезжал и беседовал с нами.

– Вы кавалерия, – сказал он нам. – Ваше дело прорыв и непрерывное продвижение.

Нам предстояло наступать по прямой в западном направлении к бельгийской границе восточнее Люттиха (Льежа), то есть дальше к северу от французского рубежа.

Глава 7 Франция, 1940 г

В начале мая мы передислоцировались на запад к горам Эйфель. Роммель с частью дивизии вел учебу с применением боевых боеприпасов. Мы обсуждали будущее со старшими командирами и офицерами запаса, принимавшими участие в Первой мировой войне.

– Легкой прогулки, как в Польше, не ждите, – предостерегали нас они. – Французы и британцы – совсем другой противник.

Мы же, молодые, отвечали в том духе, что того, что было – окопной войны 1914–1918 гг., – теперь быть не должно и не может. Наши танковые части обладают невиданной прежде подвижностью – в ней наша сила. Мы то и дело вспоминали Гудериана и огонь в его глазах, когда он объяснял нам тактические тонкости. Роммель, пехотинец Первой мировой, воевавший в Альпийских горах, в процессе подготовки доказал нам свое верное понимание задач подвижной войны и показал себя способным возглавить нас, танкистов.

Вечером 9 мая майор Эрдманн вызвал к себе эскадронных командиров.

– Завтра утром мы вступаем в Бельгию. Противодействие на границе необходимо преодолеть быстро. Цель нашей 7-й танковой дивизии – река Маас около Динана. Вместе с 5-й танковой дивизией мы будем действовать в составе танкового корпуса генерала Гота, который возглавит острие наступления через Арденны [22] . Нашему разведывательному батальону может достаться честь стать головным подразделением дивизии.

В 05.32 10 мая мы рванулись вперед. Бельгийские заставы на границе либо отступили, либо сдались. Следуя по северной оконечности герцогства Люксембург по трудной местности Арденн, мы выдвинулись на запад и, не встречая серьезного противодействия, 12 мая вышли к р. Маас севернее Динана. С возвышенности нам открывался вид на долину и поросшие густым лесом холмы дальше на западной стороне реки. Мы, однако, увидели и уничтоженные мосты – мосты, которые Роммель предпочел бы получить целыми. Мы принялись медленно, с осторожностью нащупывать дорогу в долину, но почти сразу же угодили под сосредоточенный прицельный орудийный огонь.

Роммель очень часто появлялся в частях в то время, чтобы лично составить представление о складывавшейся обстановке. Он приехал в специальной командирской бронемашине, оборудованной рацией.

– Что происходит? – спросил он.

– Артиллерия не дает продвинуться, – ответили мы.

– Дайте-ка мне посмотреть. Откуда бьют?

Выпрямившись во весь рост в своей бронемашине, он принялся изучать противоположный берег в бинокль. Спокойный и уверенный – ни следа замешательства или нервозности, – он в несколько минут принял решение.

– Стойте на месте, – приказал он нам. – Это дело пехоты.

Майское солнышко припекало. Внизу в долине мирно текла река. Скоро мы увидели, как подразделения 7-го стрелкового полка [23] спускаются по склону в сопровождении армейских саперов с резиновыми лодками. Далее к югу, у самого Динана, пришел в движение 6-й стрелковый полк.

Не успели спустить на воду первую лодку, как разыгрался самый настоящий кошмар. Снайперы и артиллерия обрушили огонь на беззащитных солдат в лодках. Наши танки и артиллерия попытались нейтрализовать неприятеля, однако он имел надежные позиции. Пехотная атака увязла.

Роммель поехал к Динану, чтобы посмотреть, не лучше ли пошли дела у другого полка. Но и там тоже одна за другой резиновые шлюпки шли ко дну.

– Нужен дым, – заключил Роммель, однако мы не имели в наличии дымовых боеприпасов. И тут Роммель нашел один из оригинальных выходов – как часто бывало, нашел сразу на месте: приказал поджечь здания, дым от которых ветром погнало на запад, и под прикрытием такой импровизированной завесы наступление возобновилось. Стремительным вихрем Роммель вернулся к нам, чтобы организовать огневое прикрытие для 7-го стрелкового полка. Он лично принял командование 2-м батальоном. Со второй волной Роммель переправился через реку, где удалось создать маленький береговой плацдарм (иначе предмостное укрепление) прямо под носом у французов, которые сражались храбро.

Ночью саперы переправили на другую сторону первые танки. Утром 14 мая мы поддержали атаку пехоты.

Роммель вновь был там – не мог усидеть на своем командном пункте. Командирский танк его получил попадание, и водитель съехал в ров. Роммеля легко ранило, однако он поспешил вперед под огнем неприятеля.

– Он что, заговоренный, что ли? – спрашивали мы друг друга. Происходившее произвело глубокое впечатление на офицеров и солдат, пример командира подстегнул и нас.

С берегового плацдарма удалось осуществить успешный прорыв – путь на запад казался открытым. Наш разведывательный

батальон был переправлен через реку, и мы немедленно выдвинулись с плацдарма.

– Идите вперед, не оглядывайтесь ни налево, ни направо, смотрите только перед собой. Если будет надо, я прикрою ваши фланги. Враг ошеломлен, мы обязаны использовать это, – так звучал неортодоксальный приказ Роммеля.

Подтянулся танковый полк [24] , а с ним и особое подразделение инженерно-саперных войск [25] . Вместе мы сумели проделать примерно километровой ширины брешь во французских позициях. Роммель снова находился впереди, вел нас в атаку. Ночью мы уже проходили через город Авен, а на следующий день, 17-го, вышли к реке Самбр, где обнаружили мосты целыми.

Для французов наше неожиданное появление стало, похоже, громом среди ясного неба, они отступили, почти бежали.

– La guerre est finie, je men fou! – кричали французские солдаты. – Войне конец, это безумие!

Что же случилось с великой французской армией, которая столь храбро дралась с нами в Первую мировую войну, которая не уступала нам ничем? В первую очередь, как считали мы, «неприступная» линия Мажино вселила в них ощущение полной защищенности; второе: они явно недооценили нашу подготовленность и способность к маневру. Они не извлекли никакого урока из блицкрига в Польше. Кроме всего прочего, французы, как мы обнаружили, вообще не очень-то горели желанием сражаться с нами, несмотря на наличие у них таких выдающихся командиров, как маршал Петэн и генерал Вейган, возглавлявших французскую армию.

У нас не было верных сведений о том, что именно происходит на отдельных участках, а также и на фронте вообще. Нам казалось, что наступаем, возглавляя нашу дивизию, одни лишь мы. И мы кричали: «Вперед!» 18 мая наш танковый полк уже врывался в Камбрэ, в этот исторический город, имя которого было у всех на устах в Первую мировую, поскольку британцы впервые применили там танки, что послужило своего рода поворотным пунктом в истории войны.

В составе нашего разведывательного батальона мы осуществляли прикрытие танковому наступлению на левом фланге, и поэтому нам постоянно приходилось иметь дело с потоками откатывавшихся французских солдат, которые в панике бежали без оглядки, смешиваясь с гражданским населением.

Дивизия подтягивалась за авангардом. 20 мая мы пересекли важный канал Сен-Кантен. Тем же вечером до нас дошло известие, что Гудериан с тремя танковыми дивизиями,

прорвавшимися вперед на участке к югу от нас, достиг Абвиля на Сомме и, следовательно, находился в 25 км от берега Ла-Манша.

Где же британцы? Мы считали теперь, что если у противника и есть боевой дух, так это у них. С одной стороны, они оказались покрепче, чем деморализованные французы, а с другой – за спиной у них находился Ла-Манш, отделявший их от баз на острове. Им приходилось сражаться не за победу, а за жизнь.

20 мая мы вышли в район южнее Арраса. В первый раз на поддержку нам подтянулась дивизия войск СС. Мы наступали на канал Ла-Бассе. Роммель хотел во что бы то ни стало обойти Аррас с запада, чтобы отрезать путь к морю британцам, которые, как считалось, концентрировались на данном участке. Когда наши танковые формирования вышли к ключевой дороге, ведущей от Арраса на запад, для нашей дивизии наступил час тяжелого и кровопролитного противостояния.

Я со своим эскадроном находился на канале, пытаясь форсировать его. Все мосты были уничтожены. Кроме того, французы пустили ко дну все речные суда и лодки. С противоположного берега по нам били снайперы. Когда я бросился было к одной противотанковой пушке, чтобы скорректировать огонь, меня ранило в правую руку. Пистолет полетел в сторону, кончики пальцев как срезало, кровь хлынула потоком. Как вспоминал потом мой денщик, Эрих Бек: «Наконец мне удалось подогнать бронемашину. Я начал усаживать туда моего шефа, он так и обвис у меня на руках. “Бог ты мой, – подумал я, – вот так дела с ним!” Однако уже на следующий день он вернулся к нам с рукой на перевязи».

Штурмовые отряды доставили нескольких пленных, которых я допросил. Пришлось долго уговаривать их дать показания, и в конце концов выяснилось, что противостоявший нам британский батальон принадлежит к Гвардейским гренадерам. Командир его был моим старым приятелем, с которым мы сиживали в «Марлборо Клаб» в Лондоне незадолго перед войной. «Насколько же все это бессмысленно», – подумалось мне тогда.

Ночью мы переправились на резиновых лодках и, преодолев незначительное противодействие, сумели создать предмостное укрепление (плацдарм) на неприятельском берегу. Саперы навели понтонный мост, змеей заструившийся через реку среди затопленных барж и лихтеров. Во время форсирования водной преграды, вылившегося в ожесточенную схватку, Роммель, стоя на берегу и корректируя огонь, служил отличной мишенью для противника; люди рядом с ним то и дело падали раненными или даже убитыми. Он будто бы и не замечал происходящего и вновь увлекал нас вперед своим героизмом. Однако только с

вступлением в дело «Штука» (пикирующих бомбардировщиков Ju-87) удалось наконец успешно завершить переправу.

Тем временем британцы решили, пусть и без французов, перейти в контратаку восточнее Арраса, у нас на правом фланге. Одному из наших стрелковых полков пришлось вынести на себе основной груз натиска противника. В тот момент наши танки находились уже западнее Арраса. Обстановка становилась все более сложной – критической, а потому Роммель вновь решил лично вступить в дело. Ко всему прочему, британцы атаковали новыми танками, «матильдами», которые, хотя и были тихоходными, отличались очень хорошим бронированием; перед ним 3,7-см противотанковое оружие оказалось бессильным. Роммель сразу все понял и тут же ввел в дело батарею 88-мм зениток. Он лично руководил наводкой 88-мм, что позволило один за другим уничтожить свыше 30 британских танков и вынудить остальные к отступлению. Пока шел бой, Роммель даже не заметил, что один из его офицеров, стоявших рядом с ним, был убит. Бои на канале Ла-Бассе и под Аррасом продлились несколько дней и обошлись дивизии в самые большие потери из всех, которые она понесла до того момента в ходе боевых действий.

Нетрадиционные тактические методы Роммеля встревожили генеральный штаб. Даже Гитлер пожелал приостановить стремительный прорыв и приказал временно прервать наступление. Однако Роммель сказал нам:

– Я должен использовать ситуацию нам на пользу, и я сделаю это. Противник наш откатывается, и мы не имеем права позволить ему закрепиться.

Мы верили ему, соглашались с ним и шли за ним.

С двух береговых плацдармов мы одновременно рванулись вперед и 27 мая вышли в район к югу от Лилля. Танковый полк ночью прорвался еще дальше и ранним утром у Ломме блокировал важную дорогу из Лилля в Дюнкерк. Мы очень страдали от пыли, въедавшейся в наши лица, пропитывавшей одежду и покрывавшей технику. Пыль набивалась в рот, и у нас не проходило ощущение, что мы все время жуем сухое печенье.

28 мая Роммель со своим командирским танком находился на КП танкового полка, когда неожиданно начался сильный артиллерийский огонь, источником которого, судя по направлению, могла стать только наша собственная артиллерия. Вероятно, мы слишком быстро продвигались. Не всегда бывало легко установить связь. С Роммелем был и наш командир, майор Эрдманн, прибывший для получения новых приказов.

Эрих Бек вспоминает: «Мы как раз собирались завтракать,

когда примчался связной позвать нашего шефа, фон Люка, на командный пункт к Роммелю. Я быстро принялся собирать все необходимое. “Бек, где вы, дружище? – позвал меня шеф. – Мне надо ехать к генералу”.

Когда мы приблизились к окраине города, где нам предстояло встретиться с Роммелем, прямо туда начала бить артиллерия. Перед домом мы увидели убитого. Им оказался наш командир Эрдманн. Рядом стоял Роммель, отряхивавший свой мундир. Роммеля явно расстроила гибель нашего командира, которого он считал одним из самых стоящих офицеров. Я подумал: «Не вмешался ли тут наш ангел-хранитель, заставив меня немного замешкаться?»

Роммель обратился ко мне:

– Фон Люк, немедленно принимайте под командование 37-й моторизованный разведывательный батальон. Сейчас же полу́чите новые приказы.

Я был одним из самых младших эскадронных командиров в батальоне – все, кроме только одного офицера, были старше меня.

– Господин генерал, – возразил я, – у нас есть эскадронные командиры, которые старше меня. Вы принимаете решение, невзирая на данный факт?

– Вы комбат – и точка. Если командиры эскадронов проявят неподчинение, я сниму их.

Тут вновь проявилась экстраординарность Роммеля. Для него важнейшее значение имели способности, а не звание или старшинство.

Обеспечив свой правый фланг, дивизия всеми силами двинулась в район к западу от Лилля. Британцы, видя, что их контратака не увенчалась успехом, приступили к операции «Динамо» – начали эвакуацию войск из Дюнкерка.

31 мая французские дивизии в Лилле и вокруг него сложили оружие. Британцы же смогли переправить через Ла-Манш в Англию свыше 330 000 человек. Мы недоумевали: как случилось, что мы позволили ускользнуть столь многим.

Как доносила наша разведка, французы, потеряв район севернее Соммы и лишившись действовавших там дивизий, по всей видимости, наскоро создали новый рубеж обороны к югу от Соммы, который нарекли в честь главнокомандующего «линией Вейгана». Тем временем на северном берегу Соммы следовавшие за нами пехотные дивизии обеспечили наш южный фланг. 7-я танковая дивизия, или «дивизия призраков», как прозвали ее французы, получила несколько дней передышки, чтобы дать отдых личному составу и привести в порядок материальную часть

[26] .

2 июня Гитлер лично наградил Роммеля Рыцарским крестом, таким образом он стал первым дивизионным командиром, удостоившимся этого ордена. Вручая его, Гитлер заметил:

– Мы все очень беспокоились, однако успех доказал вашу правоту.

Дни отдыха пришлись очень кстати. Мы смогли похоронить павших товарищей, включая и нашего командира Эрдманна, которому воздали все военные почести. Почта наконец отправилась к семьям. Я побывал в эскадронах и поблагодарил личный состав за их вклад в дело. В своем эскадроне, действиями которого теперь руководил старший фельдфебель Вернер Альмус, я задержался дольше, чем в других. (Роммель согласился с моим предложением, что эскадроном лучше командовать Альмусу, которого хорошо знали все солдаты и унтер-офицеры, чем ставить во главе него офицера запаса.)

Я предупредил всех солдат насчет необходимости хорошего обращения с мирным населением, чтобы никто не вздумал вести себя как завоеватель. Жители оценили наше поведение. Ни разу мы не слышали в свой адрес слов вроде «бош» («поганый немец»).

В те дни повсеместно в торжественных условиях вручались ордена и медали. Мне дали Железный крест 1-го класса. Роммель, после вручения ему Рыцарского креста, вернулся из передовой ставки Гитлера в Шарлевиль и собрал нас, своих командиров, чтобы отдать новые приказы. Суть сказанного им легко выразить в нескольких словах:

– Прорывы позволили нам достигнуть полного успеха. Теперь задача состоит в том, чтобы окружить британцев, не позволив им ретироваться на остров.

– Противник не прикрыт, и мы способны уничтожить его, – продолжал он на своем швабском диалекте. – Нам надлежит ударить через Сомму к Сене, забыв о возможной угрозе со стороны нашего противника, которого мы сомнем или оставим у себя на правом и левом флангах. Наша цель – Сена, к которой необходимо выйти в районе Руана, на правом крыле фронта нашего корпуса. Этим маневром мы должны попытаться овладеть мостами через Сену прежде, чем неприятель уничтожит их. Продолжайте в том же духе: я совершенно уверен в вас.

5 и 6 июня мы продолжили продвижение по равнине «открытыми боевыми порядками», избегая главных дорог, по которым на юг тащилось гражданское население и отступающие части французской 10-й армии. Мы вышли к Сомме и овладели мостами – целыми, к нашему удивлению. Впереди все время шел разведывательный батальон. За нами следовали танки, затем

гренадерские полки и артиллерия. Мы не беспокоились относительно угрозы со стороны противника и не утруждали себя захватом пленных. Далее на Сомме, ближе к концу реки, мы вдруг столкнулись с противодействием – то была «линия Вейгана».

Я приказал мотоциклистам отделиться и атаковать под огнем. Я находился с ними. Нам пришлось залечь под мощным артиллерийским обстрелом. Вдруг я услышал, как кто-то произнес у меня за спиной:

– Капитан, ваш завтрак.

Я обернулся и не поверил своим глазам. Один из моих связных, ефрейтор Фриче, в гражданской жизни управляющий гостиницей в Саарланде (иначе Саарской области), подполз к нам под обстрелом и принес бутерброды на подносе. Больше всего поражала украшавшая их петрушка и бумажная салфетка.

– Да вы просто безумец! Конечно, есть хочется, но сейчас у меня есть и другие заботы – поважнее завтрака.

– Я понимаю, но голодные командиры становятся нервными. А я чувствую свою ответственность за состояние вашего здоровья.

С этими словами он был таков – побежал обратно под огнем противника.

Солдаты рядом со мной, которые залегли и не рисковали высовываться, только покачали головами. Впоследствии им казалось само собой разумеющимся, когда я смог приколоть на грудь смельчака Железный крест 2-го класса.

При поддержке танков и артиллерии мы успешно прорвали «линию Вейгана». Всего за двое суток мы покрыли едва ли не 100 километров по открытой местности и 7 июня вышли к Сене у Руана. Там мы всюду видели следы работы Люфтваффе: столбы черного дыма поднимались высоко в небо и висели в воздухе, заметные издалека. С высот на южной оконечности района Руана просматривалось горящее нефтехранилище и гавань, а также и мосты через Сену; они все до одного были разрушены. Я доложил об этом Роммелю, который приказал удерживать высоты и ничего не предпринимать до поступления новых приказов. «Переправиться тут будет очень непросто», – говорили мы себе.

Новый приказ поступил на следующий день. Дивизии предстояло уйти с берега Сены и выдвигаться в западном направлении, чтобы выйти к берегу Ла-Манша севернее Гавра. В гаванях между Гавром и Дьепом, как считалось, все еще находятся неэвакуированные британцы.

8 и 9 июня мы продвигались в направлении побережья Ла-Манша. Французы и британцы прикрывали районы эвакуации импровизированными линиями обороны.

И тут я снова получил один из нетрадиционных – «безумных»

– приказов Роммеля. После того как к вечеру 8 июня мой батальон выполнил первую задачу, в процессе чего в нескольких местах ему пришлось проложить себе путь через французские колонны, не заботясь о пленных и противодействии на флангах, как и приказал мне Роммель, он появился на моем командном пункте, сел за стол и принялся изучать карту.

– Фон Люк, завтра до рассвета вы выступите и продвинетесь на запад километров на 30. Вы окажетесь у высоты, с которой сможете обозревать близлежащую местность. Овладейте высотой и закрепитесь на ней, а потом ждите меня с танками. Не оглядывайтесь ни налево, ни направо – смотрите только вперед. Если возникнут трудности, сообщите мне.

Тем временем разведка известила меня, что союзники создали сильные противотанковые рубежи в 5 километрах к западу. Мне стало очевидно, что выполнить поставленную задачу силами легко вооруженного разведбатальона мне не удастся. Однако я знал Роммеля, знал его размах и то, что он не потерпит, чтобы подчиненный командир не попытался сделать все возможное для достижения цели. (Не раз мне приходилось становиться свидетелем того, как – особенно в Северной Африке – офицеры, оспаривавшие его казавшиеся невыполнимыми приказы, немедленно лишались командования.) Поэтому, не высказывая возражения, я сказал:

– Господин генерал, я понял задачу. Судя по карте, высота эта расположена всего где-то в 10 километрах от берега. Не стоит ли мне сразу прорваться к Ла-Маншу, тогда мы могли бы по меньшей мере искупаться?

Роммель засмеялся – ему нравилось, когда командиры реагировали подобным образом.

Итак, наутро мы выступили и, как я и предчувствовал, столкнулись со столь упорной противотанковой обороной, что прорваться нечего было и думать. Нам удалось в общем и целом продвинуться всего на 5 километров. Я доложил Роммелю. Вскоре он лично прибыл к нам и оценил обстановку:

– Я направлю сюда огонь артиллерии и пошлю в поддержку танки. А затем действуйте дальше в соответствии с моими приказами.

Глаза солдат и офицеров светились уверенностью. Они полагались на Роммеля и знали, что он не станет понапрасну рисковать их жизнями.

Тактика Роммеля сработала – мы прорвались, возобновили продвижение и 9 июня вышли к берегу. Роммель послал свое знаменитое сообщение в ставку: «На море». Далее на север находился небольшой порт Сен-Валери-сюр-Мер, в котором,

согласно донесениям воздушной разведки, скопились значительные силы союзников. Роммель вызвал меня.

– Я намерен овладеть Сен-Валери силами дивизии. Вам предстоит при поддержке батареи 88-мм орудий захватить маленький порт Фекан к югу отсюда и обеспечить Гаврское направление.

Когда дивизия Роммеля наступала на Сен-Валери, где нам пришлось столкнуться с упорным противодействием, для моего разведывательного бронебатальона начался один из странных и поразительных эпизодов всей Французской кампании. Имея в авангарде машины разведки, задача которых состояла в обеспечении прикрытия на случай всяких неожиданностей, мы проследовали по проходившей по верху скалистой возвышенности дороге километров на 30 или что-то около того к югу. Сопротивления мы не встречали. На пути не попадались даже гражданские.

К вечеру 9 июня мы находились на высотах к северу от Фекана. Передвигались мы тихо, стараясь не обнаруживать своего присутствия. Необходимо было использовать элемент внезапности.

Мы увидели гавань и в ней два британских эсминца. Они, несомненно, прибыли сюда с целью проведения эвакуации. Издалека просматривалась набережная с особняками и, как нам подумалось, казино. В самом порту и на улицах города царило оживление, противник – французы и британцы – готовился к бегству. К нашему недоумению, никто в гавани и в городе не подумал о том, чтобы выставить аванпосты на высотах. Нас явно никто не ждал. Вечернее солнце ласково припекало, заливая дивный курортный городок мягким светом.

Прикинув силы с учетом наличия у противника двух эсминцев, я задумал план атаки следующим утром, который и довел до сведения командиров эскадронов и батареи 88-мм орудий.

– Высоты перед Феканом займет мотоциклетно-стрелковый эскадрон, бронемашины разведки будут держаться в тылу, чтобы вступить в дело там, где потребуется, эскадрон тяжелого вооружения поддержит мотоциклистов. 88-миллиметровки мы разместим на скалах, чтобы они могли вступить в бой с эсминцами как в порту, так и на море, если те вздумают уйти. Все необходимо проделать, не привлекая внимания. Никаких громких команд, никаких ненужных передвижений техники.

Я распорядился вызвать Кардорфа, своего офицера по особым поручениям. Кардорф учился во французской спецшколе в Берлине и бегло говорил по-французски.

– Кардорф, утром вы отправитесь в Фекан с белым флагом в сопровождении связного, попросите проводить вас к командиру и потребуйте у него капитуляции всего гарнизона. Скажите ему, что город окружен со всех сторон и что оба эсминца должны покинуть порт немедленно, никого не принимая на борт. Все понятно?

Ранним утром Кардорф отправился выполнять задание. Вот он достиг города и скрылся из вида. Сработает ли мой трюк? Через некоторое время Кардорф возвратился.

– Мэр и французский комендант готовы были бы выполнить требования, но британцы однозначно против.

Что же дальше? Ситуация грозила мне потерей лица, а посему мне не осталось ничего иного, как продолжать игру. Ближе к 10 утра я опять послал Кардорфа на переговоры.

– Снова отправляйтесь в город и скажите мэру, что я хочу пощадить его прекрасный курорт. Он должен употребить свое влияние на союзнических командиров в интересах жителей. Спасенья нет – будут лишь ненужные жертвы. Если гарнизон вновь откажется сложить оружие, в полдень я прикажу открыть огонь из всех орудий по порту и по городу, а кроме того, вызову бомбардировщики Люфтваффе.

Кардорф отправился в город и вернулся с отказом. Я послал за эскадронными командирами и командиром батареи 88-мм пушек.

– Нам придется сдержать слово и открыть огонь ровно в двенадцать, – сказал им я.

Кроме 88-мм зениток у меня имелись лишь одна 3,7-см противотанковая пушка, 2-см пушки машин разведки и обычное пулеметное вооружение на мотоциклах. Потому приказ мой выглядел так:

– Ровно в 12.00 открыть огонь из всех стволов, в том числе и из ракетниц, с целью создать ощущение того, что мы сильнее, чем есть на самом деле. Наводчикам 88-мм постараться поджечь эсминцы, целиться в орудийные башни и в мостики.

Все занялись приготовлениями. Настроение было странное. Никому не хотелось уничтожать знаменитый курорт. В 11.30 на высоту поднялся гражданский. Он держал в руке кусок белой материи. Француза проводили ко мне.

– Что у вас происходит, мсье?! Почему мэр не сдает города? – спросил я его. – Скажите мне, где британцы и какие здания наиболее важные.

Человек этот сказал, что он напуган и потому убежал из города. Британцы в основном в порту, готовятся к погрузке.

– Смываются, покидая нас на произвол судьбы. Посмотрите, вон там бенедиктинский монастырь, в центре ратуша, а на

набережной у нас казино.

Я сложил, что называется, два и два:

– Не в этом ли монастыре производят знаменитый бенедиктинский ликер?

– Так точно, именно в нем, – ответил мой собеседник.

Тогда я снова послал за командирами и проинструктировал их:

– Монастырь, ратушу и казино не трогать. Сосредоточьтесь на гавани и радиостанции. Задача 88-мм первым делом уничтожить радиостанцию, а затем перенести огонь на эсминцы.

Удача была на нашей стороне. За несколько минут до полудня в воздухе над городом появилась эскадрилья бомбардировщиков Люфтваффе, как видно, направлявшихся в Англию. Кроме того, один из самолетов сбросил три бомбы. Почему – просто по ошибке или с целью попасть в эсминцы – сказать трудно. И тут я скомандовал:

– Огонь!

Не очень эффективный, но тем не менее интенсивный огненный град обрушился на гавань точно салют. Мы невольно заулыбались, увидев этот сине-красно-желтый фейерверк трассеров.

Внезапно над ратушей взвился белый флаг – капитуляция! Оба эсминца покинули порт на всех парах, по пути ведя огонь по нашим позициям. К сожалению, у нас не обошлось без потерь. Наконец, 88-мм добились попадания в один из эсминцев, который продолжил путь с дымовым шлейфом.

Я тут же приказал прекратить огонь и вызвал Кардорфа.

– Мы с вами вдвоем поедем в город и примем сдачу противника.

В этот момент появились два бомбардировщика «Веллингтон». 88-мм орудия тут же открыли огонь и сбили одну машину. Экипаж с парашютами опустился прямо на наших позициях.

– Вам повезло, – сказал я им вместо приветствия. – Пока останетесь при мне.

Затем в машине разведки мы поехали в город, где мэр вручил мне ключи.

– Monsieur le Maire, я приказал, чтобы никто не стрелял по вашей ратуше, по монастырю и по казино, поскольку мне жаль эти прекрасные исторические здания. La guerre est finie pour vous [27] . Велите жителям выбираться из подвалов, открывайте магазины. У нас в карманах настоящие деньги. Никому из вас не будет причинено никакого вреда.

В последние недели мне редко приходилось видеть столь

благодарного и столь удивленного француза, каким был этот мэр. Находясь у него, я отправил Кардорфа обратно на высоту, чтобы созвать к себе командиров. Приказал занять южные возвышенности, выключить радиостанцию и отправить патрули в южном направлении. Город был запечатан со всех сторон. Поочередно половина каждой части в батальоне получала несколько часов свободного времени, чтобы искупаться в море и чего-нибудь купить. По рации я доложил Роммелю, что Фекан взят ценой незначительных потерь – всего полдюжины человек, – что многие французы и британцы взяты тут в плен – всего около 200 человек – и что приняты меры для обеспечения южного направления.

Роммель отозвался:

– Браво, фон Люк. Отвечаете за город. Мой ультиматум сдать Сен-Валери отклонен. Готовлюсь к бомбардировке, а затем отправляю в наступление танки.

На следующий день Роммель радировал:

– Сен-Валери сдался. В плен взяты несколько генералов, в том числе командир 51-й Хайлендской (горно-шотландской) пехотной дивизии [28] , а также тысячи солдат и офицеров. Дивизия получает один-два дня отдыха.

Мы бурно радовались. В возбуждении я спросил Роммеля:

– Не могли бы вы прислать мне сюда дивизионный оркестр? Жители благодарны и настроены очень дружелюбно. Кроме того, я перекрыл доступ в город со всех сторон, никому нет входа, даже «гостям»-немцам, кроме, конечно, лично вас. Готовы ли вы дать мне согласие?

Роммель всегда имел хорошее чувство юмора. Кроме того, находился в отличном расположении духа из-за успехов. Он согласился прислать оркестр и не имел ничего против перекрытия доступа в город всем без исключения.

В компании мэра и адъютанта я теперь получил возможность осмотреть городок. Первым делом мы отправились в бенедиктинский монастырь, где нас приветствовал сам настоятель.

– Господин аббат, – я назвал его просто господином аббатом, хотя полагалось обращаться к нему «монсеньор» (Mon Seigneur), – я узнал о вашем монастыре в последний момент перед началом обстрела и тотчас же приказал, чтобы ни один снаряд не упал на ваше здание. Надеюсь, все цело.

Аббат горячо поблагодарил меня за нашу снисходительность и спросил, не мог бы он показать мне монастырь. Мне стало немного стыдно признаваться, что бенедиктинский ликер послужил решающим фактором, побудившим меня пощадить

обитель. Когда мы спустились в погреба, я увидел там тысячи бутылок и немало старых бочек.

– Не в этих ли бочках таится знаменитый бенедиктин? – с наивным видом поинтересовался я.

– Разумеемся, и чтобы показать нашу благодарность, я подарю каждому из ваших людей по бутылке.

Аббат чуть не сел, когда я сказал ему, что у меня 1100 человек. Однако слово сдержал. С того дня я всегда пью бенедиктин с особым уважением.

Во второй половине 12 июня, наверное, единственный раз за всю кампанию, немецкий оркестр давал на набережной концерт перед казино. Французы и немцы прогуливались вместе у моря и радовались тому, что битва за Фекан столь счастливо завершилась, что обошлось почти без кровопролития.

Я велел своему «знатоку гостиничного дела» – тому связному, что приносил мне завтрак под огнем, – кое-что закупить и подготовить ужин в казино вечером. Он находился в своей стихии. Потом мэр появился с немецким офицером-подводником, субмарина которого была уничтожена в Ла-Манше. Он оказался единственным, кто попал в плен к французам.

– От волнения мы вчера даже забыли, что у нас в тюрьме сидит человек, – с сожалением произнес мэр.

За праздничным столом тем вечером расположились офицеры моего батальона, командир меткой батареи 88-мм орудий, немецкий подводник и экипаж британского бомбардировщика «Веллингтон», а также и мэр Фекана.

15 и 16 июня нам снова пришлось наступать. Гавр мы оставили другим. Роммель сказал нам, что надо переправиться через Сену. Мосты уже привели в порядок, были созданы значительные береговые плацдармы. Нашей целью становился морской порт Шербур, который представлял собой крепость и мог послужить важной базой для нашего флота.

17 июня мы пересекли Сену и в буквальном смысле «ураганом» промчались по Нормандии к Шербуру. В тот день мы покрыли около 350 километров, благодаря своей исключительной подвижности, наш разведывательный батальон снова составлял острие наступления.

Ранним утром 18 июня мы подступили к внешним фортам цитадели Шербура. Роммель тотчас же вызвал пикировщики «Штука», которые обрушивались на форты один за одним. 19 июня в ходе официальной церемонии французское командование сдало нам крепость. Роммель проявил любезность и отдал дань уважения гарнизону. Думаю, что справедливость и благородство, с которыми он всегда обращался с побежденным врагом, помогли

ему заслужить уважение не только у друзей, но и у противника.

Роммель купался в лучах славы, пожалуй, даже слишком нежился в ней, но мы смотрели на это с радостью. Он всегда имел при себе фотоаппарат, чтобы запечатлеть на пленку все самое важное. Впоследствии ему пеняли, что он явно «приукрашивал» свои достижения. Однако в основном все же нетрадиционные подходы к ведению боевых действий – вот что вызывало критику в его адрес, и не только критику, а и откровенную зависть некоторых высших офицеров. Согласно рапорту Роммеля, на протяжении шести недель боев дивизия взяла в плен 97 648 военнослужащих противника, потеряв убитыми и ранеными всего 1600 человек. Есть чем гордиться [29] .

На Шербуре мы не остановились – продолжали развивать натиск в южном направлении через Бретань, держа курс на Рен и Нант на Луаре. Я перевел Роммелю слова пленного французского капитана, который поведал о том, что маршал Петэн предложил подписать перемирие. Несмотря на это, мы продолжали наступать дальше на юг, чтобы овладеть всем Атлантическим побережьем. Мы взяли Сен-Назер и Ла-Рошель, практически нигде не встречая противодействия. Поток беженцев постепенно иссяк – похоже, половина Парижа сбежала на юг, к Средиземноморскому побережью и к Бордо. 21 июня в Компьене было подписано перемирие, об условиях которого мы в тот момент ничего не знали.

Мы продолжали наступать на юг.

– Наша цель – Бордо, – сказал Роммель.

Когда же я с передовыми частями своего разведывательного батальона вышел к Жиронде – реке к северу от Бордо, – Роммель приказал остановиться. На брифинге для командиров нам сказали, что Петэн все еще находится в Бордо со своим временным правительством. Оно переедет в Виши, в ту часть Франции, оккупировать которую мы не будем.

– Ваш батальон будет обеспечивать участок реки, где вы находитесь, – распорядился Роммель. – Дайте отдых своим солдатам. Перемирие означает, что Французская кампания окончена. Мы победили.

Я отрядил дозор на бронеавтомобилях и мотоциклетное сопровождение к северным предместьям города, к мосту. Люди мои получили возможность расслабиться и вели себя по отношению к местным жителям образцово.

Для меня же здесь произошел последний, на сей раз веселый, эпизод Французской кампании. На второй день «вахты у моста» явился связной с донесением:

– Капитан, прибыл французский полковник с белым флагом и

желает говорить с командиром.

Я пришел, вежливо поприветствовал полковника и осведомился о том, чего он желает.

– Mon Capitaine [30] , – сказал он, – генерал Вейган, начальник французского генерального штаба, распорядился найти офицера, который мог бы прибыть в Бордо и взять ответственность за перевод временного правительства маршала Петэна и сдачу города Вермахту. Ваш уполномоченный офицер будет взаимодействовать с генералом Вейганом и мэром. Кабинет его будет находиться в здании армейского командования округа, а апартаменты – в «Гранд Отеле». Не могли бы вы решить этот вопрос немедленно с вашим дивизионным или корпусным командиром? У меня приказ дожидаться здесь вашего ответа.

Я подмигнул Кардорфу:

– Вот про нас работенка, Кардорф! – по рации я предложил Роммелю: – Господин генерал, я свободно говорю по-французски, кроме того, имею в качестве переводчика Кардорфа. Полагаю, в Бордо нужно направить меня.

– Принимается, – прозвучало в ответ. – Я возьму на себя ответственность и сообщу в штаб корпуса. Задачи батальона остаются неизменными. Передайте полномочия старшему эскадронному командиру.

Я обрадовался появившейся возможности заняться делом и приказал надраить до блеска две машины разведки, взять полный боезапас (кто его знает, что ждет нас в Бордо?) и посадить в них лучшие экипажи. В свой вездеход я, кроме Кардорфа, взял водителя и денщика.

И вот наша маленькая колонна появилась на мосту, где поджидал нас французский полковник.

– C’est moi, mon Colonel [31] . Я еду в Бордо с вами.

– Tres bien – отлично, поехали.

Чем ближе к Бордо мы подъезжали, тем интенсивнее становилось дорожное движение. Казалось, город переполнен. Многие из тех, у кого имелось достаточно денег, бежали сюда из Парижа. Полковник разместил меня в «Гранд Отеле». Рядом поселили Кардорфа; нашлись номера и для экипажей бронемашин. Мне стало немного неловко от мысли о том, что кого-то, вполне вероятно, просто выселили, чтобы разместить нас.

– Можем ли мы увидеться с генералом Вейганом сейчас? – спросил полковник, когда я вышел в холл.

Я сказал «да» и отдал короткие распоряжения:

– Два автомобиля разведки должны занять позиции перед гостиницей. Установить круглосуточное дежурство у рации. Возле каждой машины выставить часового с готовым к бою автоматом.

Остальным – не покидать отеля. Пожалуйста, не вступайте в дискуссии с местными жителями или с солдатами. Ведите себя с исключительной предупредительностью.

Я проследовал за полковником к зданию местного военного штаба, где мне предстояло работать. Затем меня принял Вейган. Первым делом он выразил благодарность за то, что мы без излишних формальностей позволили спокойно осуществить свертывание временного правительства маршала Петэна. Разумеется, мне было весьма приятно оказаться лицом к лицу со знаменитым французским генералом, который еще всего несколько дней назад являлся нашим противником и аттестовался фашистской пропагандой как «архивраг». Своим почтительным обращением я постарался продемонстрировать генералу наше уважение к нему как к солдату и по усталым глазам его понял, сколь нелегка для него обязанность, которую ему приходится выполнять.

– Commandante [32] , – подвел он итог нашей короткой встрече и протянул мне руку, – через двое суток французское правительство будет в состоянии выехать из Бордо в Виши. Полковник займется с вами детальными проблемами передачи города немецкому Вермахту.

(В то время мне и в голову не приходило, что Петэна и Вейгана позднее обвинят в «коллаборационизме» с немцами и объявят предателями своей страны. Какой же горький конец карьеры для столь прославленных армейских командиров!)

На обратном пути в гостинцу полковник сказал мне:

– Британцев в городе нет, но есть десятки тысяч французских солдат, которых призвали сложить оружие. Все ли они подчинились приказу, я не знаю. Мы прочесываем город.

У меня внутри появилось какое-то трудно поддающееся определению чувство, и я задумался, а не слишком ли много мы взяли на себя с нашим маленьким подразделением связи. У меня было ощущение, как будто я угодил в пчелиный улей. Мы договорились с полковником, что «на работу» завтра утром я пойду вместе с ним.

По прибытии в гостиницу я проверил посты. Множество французов, включая и безоружных солдат, толпилось вокруг наших бронемашин, бросая на них взгляды – кто злобные, кто любопытные.

Ужин накрыли на террасе отеля. Тут нам тоже довелось поймать на себе немало враждебных взглядов постояльцев гостиницы. Я чувствовал себя немного не в своей тарелке. Конечно, было приятно сидеть на террасе. Был теплый вечерок. В гавани находился пассажирский пароход под флагом невоюющей

страны. Ввиду его международного статуса я ничего не мог с ним поделать, хотя и знал о том, что на него погрузились многие французы.

Вечером по рации я доложил Роммелю о том, что все в порядке, и ввел его в курс событий. Он же сообщил мне, что армейское командование дало добро на нашу миссию. У меня отлегло от сердца.

На следующее утро полковник, как мы и договаривались, заехал за мной, и мы отправились в штаб, где уже ждали журналисты и официальные представители муниципалитета. Чиновник обратился ко мне:

– Mon Capitaine, уже отданы распоряжения о том, что никто не может покинуть город и ехать на север. Разоружение продолжается и сегодня будет завершено.

Затем журналисты пожелали услышать от меня:

– Когда будет начинаться «couvre feu» – комендантский час? Мы полагаем, в десять? За городом есть топливный склад, где хранится около 60 000 тонн горючего. Он под постоянной охраной. Некоторым беженцам срочно нужно ехать на север, особенно в Париж. Следовательно, им необходимо получить от вас «laissez-passer» – документы на право беспрепятственного проезда – и наряды на выделение им горючего со склада. Врачам и снабженцам тоже потребуются «laissez-passer».

Мне приходилось принимать куда больше решений, чем я ожидал, причем самых разнообразных – о многих вопросах я и не подозревал, когда принимал на себя обязанности.

Я реагировал быстро и «дал им знать» следующее:

– Начало «кувр-фё» – комендантского часа – в десять. Не возражаю, – в конце концов, стояла середина лета и темнело поздно. – К завтрашнему утру мне понадобится печать, чтобы ставить ее на разрешения на горючее и на «лессе-пассе». К тому времени я смогу уведомить вас о том, какими дорогами можно будет пользоваться, не осложняя передвижения наших войск.

– Предоставьте мне список докторов и поставщиков всего необходимого – тех, кому, как вы сочтете нужным, понадобятся все соответствующие документы для осуществления их деятельности.

– Я буду находиться тут с восьми часов утра и рассчитываю на вашу поддержку.

Автомобильное движение почти прекратилось, однако некоторые солдаты, по всей видимости, бойко торговали казенным армейским топливом из-под полы. На данном этапе, однако, меня это не беспокоило.

Мне хотелось выяснить у Роммеля или у командования

армии, какими дорогами нельзя будет пользоваться гражданским. Ночью из дивизии мне сообщили о некоторых дорогах на север, которые будут открыты.

Когда я вернулся в гостиницу, мне дали специальное издание местной газеты, в котором сообщалось о моих задачах, месте расположения моего рабочего кабинета и времени вступления в действие комендантского часа.

После того как я вновь поужинал на террасе, капитан нейтрального судна явился ко мне и спросил, может ли он выйти в море. Вновь передо мной оказалась проблема, разрешить которую представлялось возможным только дипломатическим путем или же через командование армии. Я спросил соответствующих инструкций и получил ответ: «Корабль должен оставаться в порту города Бордо до его (порта) передачи в наше распоряжение. Дальнейшие приказы получите позднее».

Поскольку капитану все равно пришлось оставаться в гавани, он на следующий день пригласил меня на борт своего судна, посидеть в офицерской столовой, точно в мирные времена, выпить виски, вкус которого я давно забыл. Меня ожидали приятные перемены.

Наутро я поехал в штаб – на сей раз без сопровождения полковника. Я не верил глазам. Сотни гражданских лиц выстроились в очередь для получения «laissez-passer». Среди просителей находилась одна почтенная старушка, которую мне представили как госпожу Лиоте. Она была вдовой прославленного маршала Лиоте, сыгравшего громадную роль в покорении Марокко и считавшегося национальным героем.

– Mon Capitaine, я уже немолода и хотела бы поскорее добраться домой. Не были ли бы вы так любезны выдать мне «laissez-passer» и наряд на горючее? Была бы очень вам обязана.

Что должна была чувствовать эта пожилая дама, которой приходилось просить об одолжении молодого немецкого офицера, воевавшего против ее страны?

Я без колебаний выдал ей все необходимое и снабдил памяткой относительно того, какими дорогами разрешается пользоваться. Она тепло поблагодарила меня. В глазах ее я не заметил ни тени ненависти, скорее понимание – осознание того, что есть вещи на свете, которые ни я, ни она не в силах изменить.

Дорожную карту размножили гектографом и выдали экземпляры всем тем, кому предоставили разрешения на выезд. По моей просьбе на топливный склад отправили немецкого представителя для надзора за отпуском горючего. День ушел на выдачу документов и ответы на вопросы. Мне здорово помогал Кардорф, и оба мы искренне обрадовались, когда во второй

половине дня получили возможность вернуться в гостиницу с тем, чтобы потом отправиться выпить виски с капитаном корабля.

Отъезд Петэна в Виши запланировали на следующий день. К сдаче города тоже все было готово, так что оставалось самое большее два дня непривычной работы.

Вечером наш «мавр» в отеле принес нам кофе.

– Как вы полагаете, – спросил я Кардорфа, – не пойти ли нам куда-нибудь в город и выпить?

Он счел предложение дельным, мы погрузились в вездеход и отправились к ратуше, рядом с которой, по нашим подсчетам, должен был находиться бар.

Город казался совершенно вымершим. Тут до нас вдруг дошло, что мы сами установили начало комендантского часа – десять часов. А время перевалило уже за четверть одиннадцатого. Что было делать?

Затем мы заметили экипаж – один из тех, которые являлись в то время основным транспортным средством в городе. Возница спал в козлах.

– Monsieur, – обратились мы к нему, тормоша. – Эй, мсье!

Он увидел форму и очень перепугался:

– Mon Général, у меня семья! Я просто заснул, господин генерал!

Мы успокоили его:

– Все в порядке. Скажите нам только, где сейчас можно достать выпивки?

– Нет, мсье, все закрыто из-за «couvre feu», все боятся нарушить его. Есть еще, правда, «maison serieuse» [33] , но я не знаю, откроют ли там вам.

Мы и понятия не имели, что такое «мезон серьёз», но чувствовали себя готовыми на риск. Посему мы попросили возницу показать нам путь к вожделенной выпивке. Улица становились все у́же, районч ик, в котором мы очутились, выглядел все более сомнительным. То там, то тут, казалось, за нами наблюдали из-за щелок между шторами. Положение наше стало совсем неприятным.

– Куда вы нас ведете, мсье?

– Voilà – мы уже пришли.

Он поднялся, подошел к двери и постучал. Появилась пожилая женщина.

– Милости прошу, женераль, – как и извозчик, она на всякий случай изрядно повысила меня в звании. Чего не сделаешь ради собственной безопасности!

Я недвусмысленно дал понять вознице, чтобы он дожидался нас, если ему жизнь дорога.

Не успели мы переступить порог заведения, как тут же поняли, что означает «maison serieuse». Мы попали в бордель – разумеется, во французский бордель. Обстановка была прекрасная, мадам лучилась любезностью, девушки ее производили впечатление.

– Мадам, – начал я, стараясь объяснить ситуацию, – вплоть до передачи города мы являемся уполномоченными представителями немецкой стороны в Бордо. Все, что мы хотели, – немного выпить, но оказались в нелепом положении из-за комендантского часа, который сами же и установили.

– Добро пожаловать. Давайте выпьем по бокалу шампанского за окончание войны. Наша женская доля – скорбеть и плакать.

После четверти часа оживленной беседы, посвященной тому, за что стоит и за что не стоит воевать, мы покинули гостеприимный дом, уходя заверив хозяйку, что непременно порекомендуем ее заведение местному немецкому штабу. Она искренне обрадовалась и вручила нам свою визитку.

Наш возница опять спал, однако, слава богу, был на месте.

Мы неспешным шагом поехали обратно к ратуше, где стоял в ожидании наш вездеход. От денег возница отказался. Когда я все же всучил ему деньги, причем довольно приличные, он изрек:

– А немцы не так уж плохи, совсем не такие, какими мы их считали. Буду ждать вас на этом месте, мон женераль, каждый вечер до комендантского часа. Вдруг да еще пригожусь вам, – сказав это, он, довольный, уехал.

Тем временем Петэн со своим временным правительством покинул город. Церемониальный въезд нашей дивизии запланировали на следующий день с присутствием нашего корпусного командира, генерала Гота.

Я доложил обстановку Роммелю и не утерпел, рассказав ему о «maison serieuse», чем очень позабавил его.

Наша 7-я танковая дивизия была переброшена в район к западу от Бордо. Мы ожидали приказов. Мне удалось получить у Роммеля разрешение со своим разведывательным батальоном продвинуться к Аркашону, замечательному морскому курортному городку на Атлантическом берегу, прикрытому от ветра маленьким полуостровом Кап-Ферре. Здесь, на чудесной летней вилле, среди дюн я оборудовал свою штаб-квартиру. В течение нескольких дней мы наслаждались купанием в море, поедали свежих устриц и пили превосходное сухое белое вино. О таком великолепном завершении Французской кампании можно было только мечтать.

Глава 8 В промежутке между кампаниями 1940–1941 гг

В любой войне при смене ТВД так или иначе возникают более длительные или короткие паузы – «периоды между кампаниями». Передышки эти имеют важное значение как для отдельных солдат, так и для всего военного сообщества в целом. Все стремятся к мобилизации умственных ресурсов и стараются развеять негативные впечатления, а также впитать – пусть и малые – позитивные. Люди подбадривают друг друга и стараются укрепить один в другом надежду на то, что в один прекрасный день наступит момент, когда навсегда исчезнет близкая угроза смерти.

Наверное, каждый солдат открывает для себя на войне, что постоянную «необходимость убивать» и «необходимость умирать» можно вынести, лишь взяв на вооружение максиму стоиков: научись принимать все хладнокровно. Сделать это можно, выработав своего рода иммунитет против таких вещей, как страх, сочувствие и, возможно, до какой-то степени даже воздействие вопросов этики, морали и совести. Он не может позволить себе спрашивать «зачем?» и «почему?», имея дело с тем, что окружает его, и с тем, частью чего он сам является. Он обязан действовать – действовать с максимальной отдачей. Много времени уходит на выработку навыков по подавлению ужаса, на умение дистанцироваться от своего соседа, чтобы сохранить способность действовать надлежащим образом. Если ему удастся достигнуть этого, его шансы на выживание значительно возрастут.

Такие мысли и эмоции бурлили в нас тогда, после окончания Французской кампании. Мы понимали, что члены наших семей там, дома, очень беспокоились за своих сыновей и мужей. Мы искренне скорбели о судьбе тех, кто погиб, и жалели тяжелораненых. Конечно, мы думали и о потерях, которые понес от наших действий противник. Но, разумеется, более всего доминировала радость по поводу того, что нам удалось уцелеть.

Тем временем ВМФ и Люфтваффе продолжали сражаться – первые налеты союзнической авиации на промышленные центры и сети коммуникаций превратили в ТВД нашу собственную страну.

Роммель получил отпуск на несколько недель и улетел в Вену, где находилось последнее его место службы перед войной, чтобы провести время с женой, Люси, и сыном, Манфредом.

Через близких друзей, служивших в генеральном штабе, я

узнал, что Гитлер попытался заключить сепаратный мир с Британией. Британцы для него – помимо скандинавов и, конечно, самих немцев – принадлежали к «германской расе», которую он обожал. Однако он, судя по всему, совершенно неверно оценил Черчилля, который, как мы узнали из британских сводок новостей, пылал решимостью уничтожить Гитлера и национал-социализм.

В июле нашу дивизию перебросили в район к западу от Парижа. Роммель вернулся и сказал нам, что готовится операция «Морской Лев» – вторжение в Британию. 7-й танковой дивизии предстояло быть среди участников операции. Так начались изнурительные недели и месяцы подготовки. Вновь и вновь мы в обстановке, максимально приближенной к боевой, практиковались в погрузке и выгрузке с переданных под десантные суда барж и немногих такого рода кораблей специальной постройки. Однако, несмотря на это, нам скоро стало казаться, что приготовления к «Морскому Льву» ведутся с прохладцей и что она может не состояться, поскольку Люфтваффе проигрывали битву за Британию.

Нас с моим разведывательным батальоном передислоцировали в парижский пригород Ле-Везине, располагавшийся в «петле», которую делала Сена к западу от Парижа. На вилле перед нами жила Жозефина Бейкер [34] , нашим соседом был владелец «Лидо», в котором сразу после подписания перемирия пошло новое представление. Наша вилла принадлежала швейцарцу, который намеревался вернуться в Швейцарию по причине того, что в настоящее время он не располагал возможностью вести дела в Париже. В нас он видел своего рода гарантов того, что, вернувшись однажды, застанет дом в целости и сохранности.

– Не знаю, как долго мы еще будем находиться тут, но не беспокойтесь, я присмотрю за порядком, – пообещал я ему.

Он показал мне имение и винный погреб.

– Угощайтесь когда и сколько хотите.

Столь великодушное предложение я с благодарностью отклонил. В итоге мы сошлись на символической цене в один франк за бутылку. Более всего по душе мне пришелся шамбертен урожая 1929 г.

Личный состав батальона квартировал в санатории. Граждан Везине представляла баронесса. Она была восхищена нашим поведением. Завязывались дружеские отношения, которые не имели ничего общего с «коллаборационизмом», за который позднее так жестоко карали у французов.

Июль 1940 г. Париж находился под боком. Был создан

военный штаб, и на въезд в город требовался специальный паспорт. Я добыл себе такое разрешение и все свободное время проводил, освежая впечатления от этого ни с чем не сравнимого города, а также изучая отдельные кварталы. Как-то вечером я забрел в «Ле-Кавалье» [35] – в бар по соседству с Елисейскими Полями. Принадлежало заведение Клеману Дюуру, спортсмену и участнику Олимпийских игр 1932 г., а кроме того, известному шансонье и позднее кинопродюсеру. Мы сразу нашли общий язык, и я стал завсегдатаем «Ле-Кавалье». Там не водилось немецких бюрократов из все разбухавшей и разбухавшей администрации, которые вели себя как победители. Никто из них никогда не слышал выстрела, не говоря уже о том, чтобы принимать участие в боевых действиях. Всем становилось неловко, когда сотрудники военной администрации распевали нацистские песни в барах, в то время как французы-завсегдатаи хотели слушать шансон. Однажды, когда я не выдержал подобной сцены и когда дело, как мне казалось, вот-вот могло дойти до драки, я вызвал военную полицию и избавил заведение от не умеющих вести себя соотечественников.

У Клемана Дюура я познакомился со многими представителями французской культуры. Во избежание каких-либо провокаций я носил гражданскую одежду. Там же я познакомился с Ж.-Б. Морелем, с которым не утратил теплейших дружеских связей и поныне. Он занимался украшением интерьеров и знал, казалось, в Париже всех и вся. Он был моим ровесником и сражался против нас в звании лейтенанта. Он жил в очаровательной квартире на Рю-де-Доброполь, неподалеку от старых садов Тиволи около Булонского леса. Через него у меня появился доступ в круги, в которые не было доступа никому из немцев. Однажды вечером он отвел меня в подвал джазистов, где играли запрещенный «черный» американский джаз – звучала незнакомая нам свинговая музыка. Попасть туда можно было, только зная особый стук. «In the Mood» Гленна Миллера и «Down Mexico Way» [36] сделались моими любимыми мелодиями. Позднее в плену мы сами играли их.

Имея специальный пропуск и надежный «Мерседес»–кабриолет, я мог без труда передвигаться по всему Парижу со своими новыми французскими друзьями. Они нередко гостили у меня в Ле-Везине, где мы брали одну из яхт со стоянки и прогуливались по Сене или брали курс к Ле-Пеку, чтобы поесть в знаменитом ресторане «Храбрый петух».

Мои солдаты тратили свои «боевые» на покупки для семей, приобретая вещи, о которых их близкие давно уже забыли там, у себя дома: например, шелковые чулки, духи, тонкие ткани и

напитки. Гитлер установил очень выгодный для нас обменный курс.

В конце августа я получил 14-дневный отпуск, что стало для меня лишь дополнительным подтверждением того, что никто в руководстве более высадки в Англии не планирует. Я решил провести две недели в Бад-Киссингене, в последнем месте службы до войны, чтобы повидаться с друзьями и уладить некоторые вопросы. Я взял с собой денщика и верного друга Эриха Бека, которому тоже хотелось съездить домой.

– Бек, подготовьте «Мерседес». Я намерен прихватить с собой и Сынка, чтобы отдать его дома в надежные руки.

– Капитан, – обратился ко мне взволнованный Бек, – я обнаружил в гараже совершенно новый «Бьюик». Может быть, нам поехать на нем? У нас там никто никогда не видел американской машины.

Я дал ему себя уговорить, раздобыл документы и армейские номера в военной штаб-квартире.

В Киссингене курортный сезон находился еще в разгаре, хотя и проходил с несколько ограниченным размахом, и я катал на вызывавшем всеобщее восхищение «Бьюике» красивых девушек. Сеттера Сынка я оставил на попечение лесника в Ронских горах, где собака, к несчастью, скончалась от какой-то инфекции, пока я был в России. Когда мы вернулись в Ле-Везине после отпуска, я снова вернул «Бьюик» к гражданской жизни – чистым и в полном порядке он был возвращен в гараж.

В октябре операцию «Морской Лев» отменили. Наши военно-воздушные силы, понеся огромные потери, так и не смогли взять верх в состязании за небо над Британией. У ВМФ же не хватало крупных боевых кораблей, чтобы должным образом обеспечить прикрытие войскам вторжения на всем пути через Ла-Манш.

Что же ждет нас дальше, какие шаги будут предприняты теперь, когда высадка в Англии стала невозможной? Верно, мы заняли почти всю Европу, но в Средиземноморье обстановка по-прежнему оставалась неопределенной. Пактом о ненападении со Сталиным мы прикрыли тыл, но что же делать с британцами?

Им пришлось бросить на континенте всю материальную часть, к тому же они потеряли немало солдат пленными. Между тем основное ядро британской армии сохранилось. Технику, взамен потерянной, им щедро поставляли американцы, запасы пополнялись, несмотря на урон, который наносила британцам подводная война. Британские военно-воздушные силы медленно, но верно добивались превосходства в воздухе. Черчилль твердо держался намерения уничтожить Гитлера и национал-социализм.

После отказа от операции «Морской Лев» наша дивизия

получила приказ о переброске в район Бордо. Ну, наконец-то хоть какое-то движение! Я попрощался с друзьями в Везине и с Морелем и Клеманом Дюуром.

– Ханс, – сказали они мне оба, – вы не можете выиграть эту войну. Мы-то знаем, – Клеман даже предложил, что в крайней ситуации я мог бы найти убежище у его матери в земле басков. – Вы будете там в полной безопасности. Баски никогда не предадут друга.

Он хотел как лучше, но для меня, естественно, не могло быть и мысли о бегстве. Затем он подарил мне серебряное кольцо с девизом басков, на внутренней стороне имелся выгравированный французский перевод: «Mieux vaut penser que dire» («Лучше думать, чем говорить»). Я не мог отделаться от ощущения, что оба моих друга состоят во французском Сопротивлении, которое все набирало силу. Мнение это впоследствии подтвердилось, однако дружба наша оказалась прочнее и куда важнее – не было ни предательства, ни жажды мести.

Во время нашего долгого марша в Бордо мы как-то днем остановились на отдых в старом шато Ротшильда. Здесь ко мне заглянул один из старых моих друзей, Зибель. Во время Первой мировой войны он служил пилотом-истребителем, а позднее изобрел так называемый «паром Зибеля» – устройство, которое спасло от плена многих в Северной Африке. Зибель устанавливал старые авиационные двигатели на обычные паромы, винты обеспечивали тягу и позволяли за ночь добраться на таком судне из Туниса на Сицилию.

По прибытии в Бордо я не удержался от соблазна посетить «maison serieuse», где меня ожидала радостная встреча.

– Мон женераль, военная штаб-квартира официально признала нас. Я очень благодарна вам. Вы всегда найдете тут друзей и шампанское за счет заведения.

Надеюсь, эту обаятельную даму не записали позднее в «collaborateuse» – в коллаборационистки.

Из Германии пришли пополнения, прибыли новые люди, в том числе и новый командир батальона, майор Ридерер фон Паар, который принимал участие в Первой мировой войне и сумел быстро завоевать наше доверие. Я вновь принял свой 3-й эскадрон, которым так замечательно командовал фельдфебель Альмус. В качестве нового офицера взвода в эскадрон был назначен лейтенант фон Пошингер.

У меня появилось время пополнить свою коллекцию французских вин и коньяков. На винокурнях к северу от Бордо, порой очень крошечных, я покупал редкие вина, которые практически никогда не доходят до рынка. Моя коллекция бургундского, коньяка и

арманьяка, нередко в бутылках, сделанных стеклодувами вручную и с написанными от руки этикетками, достигла 1000 единиц. Мне хотелось при первой же возможности отправить ее в Германию.

В январе 1941 г. дивизию передислоцировали в Германию, в район к западу от Бонна. Французская глава истории была закрыта. На наше место пришли части резервистов, разбухшая военная администрация и Гестапо, принесшее с собой мрак террора.

Мой эскадрон расположили на постой в деревне Хаймерцхайм. Лично мне довелось жить в окруженном рвом поместье пятнадцатого века, принадлежавшем барону фон Бёзелагеру, сыновья которого тоже служили в армии офицерами. Вечерами, когда я возвращался после интенсивных учений в поле, мы часто сидели за столом и обсуждали положение. «Старый Бёзелагер» не принадлежал к числу сторонников Гитлера. Он опасался, что следующее столкновение с Британией окончится катастрофой. Пока мы разговаривали, «старая баронесса» сидела рядом и раскладывала пасьянс (одиночный). Она уговаривала и меня попробовать, поскольку считала, что пасьянс успокаивает. Желая сделать ей приятное, я попросил показать мне несколько вариантов и вовсе не нашел это занятие скучным и старушечьим. Когда я уезжал, она подарила мне колоду карт. Пасьянсы сослужили мне отличную службу позднее, помогая восстановить внутреннее спокойствие в кризисных ситуациях. В таких случаях мои молодые офицеры, бывало, говорили: «Шеф раскладывает пасьянс, значит, его не надо трогать. Стало быть, дела не так уж плохи». Даже и сегодня я иногда люблю разложить «успокаивающий пасьянс».

На том этапе я пытался суммировать события войны и постараться предугадать, как она будет развиваться.

В двух блицкригах были разгромлены Польша и Франция; мы оккупировали также Данию, Норвегию, Голландию и Бельгию. До тех пор, пока не начали поступать тревожные сведения с Североафриканского ТВД, район Средиземноморья тоже казался обеспеченным. Между тем Вермахту пришлось высвободить значительные силы на поддержание порядка на территориях, особенно на случай британского вторжения в непредвиденном месте.

«Спина» у нас все еще оставалась прикрытой пактом о ненападении со Сталиным, который удалось заключить путем территориальных уступок СССР в Польше и в Прибалтике. Но как справиться с Британией, которая получает все больше и больше поддержки со стороны американцев, которая переходит в

наступление на рейх в небе и которая сохранила господство на море?

В долгих беседах с бароном фон Бёзелагером, посвященных поискам путей выхода из сложившегося положения – завершения войны, – мы не нашли ни одного такого средства. Нас обоих страшила война, столь многообещающе начавшаяся, но теперь грозившая продлиться бог знает как долго.

В начале февраля 1941 г. нам сообщили, что Гитлер отправляет Роммеля в Северную Африку. Положение в Триполитании сделалось настолько угрожающим, что нам просто приходилось прийти на помощь итальянцам. Краткосрочный отпуск Роммель провел с семьей, и у него даже не осталось времени попрощаться с нами. 12 февраля 1941 г. он вылетел в Рим, а уже 14-го прибыл в Триполи, где лично присутствовал при высадке первой немецкой части – элитного 3-го моторизованного разведывательного батальона, который я хорошо знал еще со времен службы в Потсдаме.

Мы очень расстраивались из-за того, что лишились такого начальника, как Роммель, и встретили своего нового дивизионного командира, генерала барона фон Функа [37] , с некоторым сомнением.

Он оказался полной противоположностью Роммеля: офицер генерального штаба старой формации, не «боец», как Роммель. Он руководил боем «в тылу», находясь на командном пункте, и, в отличие от Роммеля, не искал контакта со своими подчиненными. Всё же мы, командиры частей дивизии, нашли способ притереться к нему, главным образом потому, что он не проявлял попыток ограничить нашу подвижность.

Проходили недели и месяцы. Началась обычная рутина: полевые учения с решением разного рода усложненных задач – подготовка, подготовка и еще раз подготовка плюс адаптация новобранцев. Тем временем война шла уже повсюду.

Из армейских сводок новостей мы узнавали об успехах Роммеля в Северной Африке: о его нетрадиционных методах, оказавшихся сюрпризом для британцев, о броске в восточном направлении и освобождении Киренаики. Мы слышали о возрастающем по масштабам воздушном наступлении на Германию. Это вызывало особо тяжелые чувства. Теперь, в отличие от Первой мировой войны, гражданское население у нас тоже оказалось непосредственным участником боевых действий. Мы беспокоились о своих семьях.

Гитлер разражался злобными речами, его министр пропаганды Геббельс призывал к «окончательной победе», главным злом опять объявили евреев. О их судьбе мы ничего не

знали.

В апреля 1941 г. мне дали короткий отпуск, половину которого я провел с родителями. Однако больше я не чувствовал себя дома счастливым, как прежде. Брат воевал на своем вельботе где-то у берегов Норвегии, сестра зубрила разные дисциплины для досрочной сдачи экзамена на аттестат зрелости, отчим медленно умирал от неизлечимого рака кишечника, мать преданно ухаживала за ним. Он не мог смириться с современными методами ведения войны и то и дело проводил сравнения с Первой мировой. Мы все хуже и хуже понимали друг друга.

Другую половину отпуска я провел в любезном мне Париже. Там Ж.-Б. Морель и Клеман Дюур вновь пророчествовали, что британцы выиграют сами по себе или с помощью американцев. По их мнению, Германии было нечего противопоставить неистощимым материальным ресурсам британцев и американцев, особенно в свете того, что промышленные районы и линии коммуникации в Германии все больше подвергались ударам с воздуха. Я спорил с ними, однако и сам не представлял, как, каким образом мы могли бы победить в войне.

Я вернулся к своему эскадрону, и вновь меня завертел все тот же утомительный, высасывающий силы водоворот. Местные жители часто интересовались у нас, что, по нашему мнению, будет происходить дальше. В умах их царила полная сумятица. Только одно можно было утверждать с уверенностью: эйфория первых дней сменялась тенденцией ко все более трезвой оценке.

Мне хотелось как-то обезопасить свою винную коллекцию, и я попросил барона фон Бёзелагера приютить ее у себя.

– Конечно, конечно, – ответил он, – я утоплю ее во рву вместе с моей. Там никому не придет в голову ее искать.

Позднее, уже в России, я получил письмо от фон Бёзелагера. Он позаимствовал две бутылки шампанского из моих запасов на свадьбу дочери. Мог бы хоть всё взять. Все равно в конце войны тайник обнаружили французские оккупационные войска. «Поганые боши накрали наших вин и коньяков. Все по праву принадлежит нам», – заявили французы, как сказал мне позднее Бёзелагер. Так закончилась моя мечта о большой коллекции французских вин. C’est la guerre [38] .

В начале июня, неожиданно и без всякого предупреждения, нашей дивизии было приказано грузиться в эшелоны в Бонне, и после двух– или трехдневного путешествия мы высадились в Инстербурге в Восточной Пруссии. Батальон расквартировали в ближайших деревнях. Я воспользовался случаем навестить друзей в соседнем имении, где несколько лет тому назад, веселый и не

знавший тревог, я гулял на свадьбе одного из своих товарищей.

Пожилая дама, которая после смерти мужа одна управляла имением, приветствовала меня.

– В столь печальные времена происходит наша встреча, – сказала она мне с грустью. – Помните, как мы радовались тогда, а теперь боимся долгой и трудной войны с Россией. Понимаете, о чем я? Чего еще не хватает Гитлеру? «Лебенсраум» [39] , о котором все время талдычат они с Розенбергом?

Мы шли по пустым и чистым конюшням, словно бы прощаясь со старой и доброй Германией. После обеда моя хозяйка попросила меня:

– Сыграйте, пожалуйста, на фортепиано. Только, будьте добры, что-нибудь веселое и такое, чтобы мне сразу вспомнилось.

Я сел за клавиши в тусклом пламени свеч и сыграл то, что пришло в голову. Глаза старой дамы наполнились слезами. Когда я собрался уходить, она напутствовала меня:

– Прощайте, и пусть Господь сохранит вас!

Сегодня место, где находилось ее имение, находится на территории Польши. Что сталось с ней самой, я, к сожалению, не знаю.

Над Восточной Пруссией царило тепло поздней весны. Мысли уносили меня во времена моей рекрутской юности, возвращали в Кенигсберг, в старый рыцарский замок Мариенбург и к Мазурским озерам. Я все больше любил этот закоулок земли с его сухими летними месяцами и холодными зимами, в которые выпадало всегда так много снега. Меня восхищали люди, пришедшие сюда с тевтонскими рыцарями в начале тринадцатого столетия и потом, воюя с Польшей, Швецией и с Россией, а также еще и с климатом, размножившиеся, возмужавшие и ставшие сильным племенем тружеников и воинов. Народ Восточной Пруссии славился своим гостеприимством и колким юмором. Обширные земли Восточной Пруссии могли служить своего рода макетом, который показывал нам, на какой местности нам придется действовать в России.

Что было на уме у Гитлера? Поход на Россию казался решенным делом. Скопления войск Вермахта сосредотачивались на восточной границе. Не похоже, чтобы предстояли некие ограниченные операции с целью «возвращения в лоно рейха», допустим, «балтийских провинций» – территорий, некогда занимаемых тевтонскими рыцарями. Так что же, Гитлер объявит пакт о ненападении с Россией недействительным? Как же он станет объяснять это народу? Пропагандистская машина Геббельса работала на полную мощность. Вновь зазвучали разговоры о «недочеловеках», о «лебенсраум» – пространстве,

которое необходимо обеспечить немецкой расе. И вновь, как уже не раз, общественное мнение легко удалось развернуть на 180 градусов.

Наступило время вторжения. Нас охватывали странные настроения. Бескрайнюю русскую империю словно бы скрывал занавес. Нашему пониманию не поддавались гигантские расстояния, присущие этой стране. Уральские горы, до которых было чуть ли не 3000 км, служили лишь границей европейской части, а дальше за ними на многие и многие тысячи километров простиралась Сибирь.

Нам вспоминалась судьба Наполеона, победоносная армия которого нашла свой конец на холодных просторах России. Не то чтобы мы очень боялись, мы просто не знали, как вести себя с противником, силы и возможности которого оставались нам совершенно неведомы и образ мышления которого был абсолютно чуждым.

Эйфория предшествующих месяцев уступила место трезвому взгляду. Даже самые молодые, которые после 1933 г. прошли школу обработки национал-социализма и приносили в Гитлерюгенде клятвы во имя фюрера, и те умолкли. И им казалось, что для победы над Россией недостаточно одного идеализма.

Сумеем ли мы справиться со вторым фронтом, ведь в результате нам придется оставить на первом фронте на западе в основном резервные дивизии? Вдруг да Британия сумеет воспользоваться ослаблением на этом участке? Несмотря на все эти сомнения и вопросы, мы продолжали делать то, что делали и делают все солдаты во все времена: мы концентрировали свои помыслы на настоящем и готовились «исполнить долг».

Глава 9 Русская кампания Июнь 1941 – январь 1942 г

В 4 утра 22 июня 1941 г. немецкий Вермахт перешел границу России. Люфтваффе нанесли массированные воздушные удары по аэродромам и узловым железнодорожным станциям. В ту ночь русские товарные поезда все еще катились через границу, доставляя в Германию различные грузы в соответствии с условиями пакта о ненападении. Незадолго до вторжения меня вызвал к себе дивизионный командир, генерал фон Функ.

– Люк, вы немедленно переводитесь в штаб 7-й дивизии и назначаетесь моим адъютантом.

Меня такое решение не обрадовало.

– Господин генерал, мне бы не хотелось оставлять роту [40] в столь решающий момент. Может быть, вы найдете кого-нибудь другого?

– Нет, – ответил он, – я просил прислать мне адъютанта, но его все нет. Кроме того, мы уже потеряли немало ротных командиров и, судя по всему, в ближайшее время потеряем еще больше. В данном контексте я рассматриваю вас как запасного командира.

Скрежеща зубами от негодования, я попрощался со своим батальонным командиром и с личным составом роты. Прихватив Эриха Бека и сев в свой верный «Мерседес», я отправился докладывать о прибытии в дивизионную штаб-квартиру. Немецкие войска с танковыми частями во главе наступали на широком фронте, легко преодолевая слабое противодействие русских на границе.

Судя по всему, русских наше вторжение застало совершенно врасплох, хотя они не могли не заметить, как создавались скопления наших войск накануне нападения. Наше превосходство в воздухе было совершенно очевидным, причем как в количественном, так и в качественном отношении.

Скоро стало ясно, что русские военно-воздушные силы располагают лишь устаревшим летным парком, да, кроме того, и пилоты их не в состоянии и близко равняться с нашими летчиками в кабинах истребителей и пикирующих бомбардировщиков или даже с пилотами на стороне нашего западного противника.

Естественно, данное открытие сильно приободрило нас, и при появлении русских самолетов мы даже не давали себе труда прятаться. Иногда мы просто не могли сдержать улыбки, когда

вместо бомб из бомболюков на нас летели тысячи гвоздей, шпалы или рельсы.

Мы скоро уразумели, что война в воздухе и на море не свойственна русской ментальности. На протяжении всей своей истории России в основном приходилось воевать на суше, набирая огромные армии из числа многомиллионного сельского населения. Россия никогда не являлась по-настоящему грозной морской державой, а ее неповоротливая военная бюрократия не дала себе труда заняться созданием современных ВВС. С другой стороны, мы скоро убедились в неисчерпаемости ресурсов ее наземных сил, танков и артиллерии.

Наш танковый корпус [41] сначала наступал в северо-восточном направлении. Целью его служил город Вильнюс, столица Литвы. Противодействие не отличалось особым упорством, однако тогда нам пришлось впервые столкнуться с танками Т-34, ставшими впоследствии знаменитыми и служившими становым хребтом русских бронетанковых войск. Конструктивно Т-34 не отличался особой затейливостью. Листы бронирования скреплялись грубой сваркой, устройство трансмиссии было простым, как, впрочем, и все остальное, за что ни возьмись. Поломки легко исправлялись. Кроме того, русские показали себя мастерами импровизации. Тысячи и тысячи Т-34 производили они на вновь развернутых заводах вне пределов радиуса действия Люфтваффе.

Вильнюс мы захватили, обойдя с севера и с юга. После чего повернули на восток в направлении Минска. Будучи дивизионным адъютантом, я занимался вещами, заниматься которыми мне было не по вкусу. Что я делал, это каждый день сидел в штабной машине командира и узнавал те или иные подробности о наших планах и действиях – то, что генерал фон Функ рассказывал и показывал на расстеленных на столе картах. Несмотря на успешность, данный стиль руководства тем не менее разительно отличался от манеры командовать Роммеля. Все чаще, особенно когда нарушались коммуникации, наш дивизионный командир отправлял меня в те или иные части как офицера связи.

Мы вышли в районы, типичные для России: нескончаемые леса и широкие поля, дороги в которых порой просто отсутствовали. Те же, которые имелись, по европейским меркам, часто не тянули на статус проселка – после непродолжительного дождя они превращались в грязевое месиво. Проехать по ним на иных участках удавалось только после того, как саперы или спрыгнувшие на землю из кузовов гренадеры, нарубив деревьев, настилали гати из их стволов. Продвижению нашему мешал не столько неприятель, сколько эти катастрофические дороги.

На этой труднопроходимой местности мы однажды потеряли контакт со своим мотоциклетно-стрелковым батальоном. Дивизионный командир беспокоился, что тот, возможно, оказался отрезанным.

– Люк, вы все время жалуетесь на штабную работу. Наш мотоциклетно-стрелковый батальон не выходит на связь. Он должен быть где-то здесь, – генерал показал точку на карте. – Попробуйте разыскать их и доложите обстановку. Но помните об осторожности. Тут всюду глухие леса, в которых за каждым деревом могут оказаться русские.

Ничего, кроме моего «Мерседеса», не нашлось, и я сел в него вместе с Эрихом Беком. Не встретив нигде противника, я с большими трудностями, по причине почти непригодных для передвижения дорог, добрался в указанный район и действительно обнаружил там пропавший батальон.

– У нас все в порядке, – сказали мне там. – Однако мы, похоже, воткнулись как колючка в скопление русских частей, причем они нас вроде бы не заметили. Было бы хорошо, если бы дивизия помогла нам выбраться отсюда. Как только русские сообразят, что мы тут, нам может очень не поздоровиться.

Я пообещал доложить обо всем дивизионному командиру и попросить немедленно помочь.

Назад я поехал тем же путем. Подле меня сидел Эрих Бек с автоматом наготове. Проехав несколько километров глухим лесом, мы выехали на открытое место. По обеим сторонам дороги находилось полным-полно русских. Они сразу же заметили нас, и я видел, как солдаты принялись передергивать затворы. До поворота, с которого дорога вновь уходила в чащу, оставалось еще целых 30 метров.

– Бек, пригнитесь и стреляйте вправо и за спину мне влево! – закричал я, согнулся как мог за рулем и надавил на акселератор.

Пули уже свистели над нами, но ни одна не попала, поскольку Бек вынудил русских залечь под огнем. Наш «Мерседес»-кабриолет, который определенно проектировался не для русских дорог, прыгал и скакал на ухабах. Один раз пуля угодила в машину, не причинив, однако, явного вреда.

– Спасибо вам, Бек, и нашей машине тоже. Нам явно повезло.

Когда я докладывал нашему дивизионному командиру, тот улыбался и глаза его смеялись за очками:

– Ну что же, вы ведь жаждали некоего подобного приключения. Чего ж еще вам надо? А за донесение спасибо. Сейчас же приму меры для обеспечения безопасности мотоциклетно-стрелкового батальона.

Постепенно мы осознали, в чем теперь состоит тактика

русских: они рассыпались под нашими ударами, чтобы потом действовать в наших тылах, нападать на линии снабжения и на подтягивающуюся пехоту. В ходе допросов пленных мы узнали, что достойный сожаления приказ Гитлера о немедленном уничтожении всех комиссаров послужил своего рода бумерангом. Русские отреагировали на него сколь же быстро, сколько и эффективно. Комиссары и политруки, приписанные к каждой части, следили за моральным состоянием солдат и приглядывали за командирами, узнав о приказе Гитлера, стали говорить своим людям так: «Если попадете в плен к немцам, они вас расстреляют. Любого же, кто сделает шаг назад, я сам пристрелю». Становилось понятно, почему русские, обычно получавшие в качестве сухого пайка сухари, нередко легко поддавались. Однако они не складывали оружие, а превращались в основные силы быстро организовывавшегося партизанского движения. Немалым фактором тут являлось и то, что Сталин, знавший о любви русских к своей стране, объявил войну отечественной. Она перестала быть противостоянием наци и коммунистов. Теперь мы, немцы, являлись захватчиками, которые уничтожали их родину, а они клали жизни на защиту Матушки России.

Наша воздушная разведка докладывала о больших скоплениях войск противника к западу от Минска и вокруг него, первого крупного города в России восточнее бывшей польской границы. Нашей дивизии предстояло наступать, минуя Минск на севере, и отрезать русских, отступавших на восток. Задача другого танкового корпуса состояла в том, чтобы осуществить аналогичный бросок южнее города. Авангардом служили разведывательный батальон и мотоциклисты. Минск был взят в клещи, в окружение угодило большое количество войск, многие из которых попали в плен. Наша пехота, на долю которой выпали тяжкие физические испытания, так что мы искренне сочувствовали ей, следовала за нами маршем и занималась подавлением сопротивления окруженных русских. Тем временем танковые дивизии бросались дальше в наступление на восток. И снова мы прокладывали себе путь далеко вперед через глухие леса по разбитым дорогам.

Целью нашей дивизии являлся Витебск, лежавший к северу от важного шоссе Минск – Смоленск – Москва. Нам постоянно приходилось сталкиваться с сопротивлением, однако хорошо организованного противодействия со стороны русских мы не встречали. Мы просто слишком быстро наступали, не давая противнику создать сколь-либо эффективные рубежи обороны. Все очень походило на еще один блицкриг.

Впервые с начала наступления мы вошли в контакт с

местным населением. Мы проходили через типичные русские деревни и села, в которых крытые соломой деревянные избы тянулись вдоль проселка; в каждом селе имелась церковь. Правда, все без исключения церкви были превращены в склады, некоторые из них были разграблены. Очень просто обставленные дома имели в центре печи, на которых морозной зимой спала вся семья. Ниже находился очаг, а напротив него стоял деревянный стол с лавками. В углу комнаты обычно висели иконы, а перед ними горели свечи. Посреди села находилась баня, совершенно необходимая здесь, поскольку больше помыться в домах русских было негде. Непосредственно к дому примыкало стойло с несколькими коровами, держать которых для своих надобностей позволялось крестьянину, равно как позволялось и владеть небольшим участком земли для выращивания картофеля и других огородных культур для повседневного потребления. Кроме того, все местные жители работали в колхозе или в совхозе, своего рода сельском или государственном кооперативе. Здесь задача состояла в выполнении «нормы» – то есть в работе на государство.

Улицы в селах находились в еще худшем состоянии, чем те дороги, по которым мы передвигались, потому что их портили небольшие телеги с запряженными в них крестьянскими лошадками. Здесь даже не находилось ничего, что можно было бы «реквизировать» с целью улучшить рацион личного состава. Наоборот, мы делились с детьми и женщинами шоколадом и давали им сигареты из того, что получали у себя в частях.

Будучи дивизионным адъютантом, я нашел время и возможность пообщаться с местным населением, в процессе чего мне, конечно, очень пригодилось знание русского языка. К моему удивлению, в них отсутствовала какая бы то ни было ненависть к нам. Женщины, случалось, выходили из домов, прижимая к груди иконы и восклицая:

– Мы же христиане. Избавьте нас от Сталина, который разорил наши церкви!

Многие выходили и протягивали нам яйца и сухой хлеб «в знак приветствия». У нас начинало складываться впечатление, что в нас и в самом деле видят освободителей.

В России начиналось жаркое лето. Однако жара часто сменялась ливнями, что вынуждало нас ночами искать убежища в домах. Между тем по возможности мы старались ночевать или в своих машинах, или просто на земле, опасаясь подцепить паразитов.

Витебск, как и Минск, мы тоже широким охватом обошли с севера и с юга. Образовался еще один, меньший по размеру «котел», зачистку которого мы вновь оставили пехоте – она пока

что все больше маршировала, а настоящих боев почти не вела. Затем сообщили о гибели майора Ридерера фон Паара, командира моторизованного разведывательного батальона. Генерал фон Функ вызвал меня:

– Люк, ваша работа у меня в штаба оказалась короче, чем я предполагал. Вы немедленно примете разведбатальон. Я решу вопрос о назначении вас его постоянным командиром. Спасибо за все и удачи вам!

Я сказал своему денщику:

– Бек, мы снова едем на фронт. Подготовьте «Мерседес» и упакуйте вещи. Отправимся в батальон как можно скорее.

В тот же вечер пришел боевой приказ: наступать в восточном направлении к Смоленску. Наш танковый корпус под началом генерала Гота приближался к городу с северо-запада, а другой танковый корпус – с юго-запада, с целью уничтожить сильные скопления русских к западу от Смоленска и вокруг него. Моему батальону предстояло сделаться острием наступления и вести «рекогносцировку» на восток и северо-восток.

Мы выступили следующим утром. Наталкивались на отбившихся от своих частей русских, которые обычно быстро сдавались. Как видно, распространился слух, что мы не будем расстреливать пленных. Мы быстро продвинулись на значительную глубину и чуть к западу от Смоленска неожиданно вышли к широкой дороге, не обозначенной на наших картах. Скоро мы установили, что русские прокладывали дорогу от Москвы к Минску, ей предстояло стать главным шоссе. Как выяснилось позднее, на запад от Москвы уже успели положить асфальт. Эта дорога помогала нам ориентироваться на протяжении нашего дальнейшего продвижения.

Скоро мы столкнулись с таким отчаянным противодействием, что отвернули к северо-востоку. По сути дела, так мы и осуществляли охват Смоленска. В считаные дни, при активной поддержке военно-воздушных сил, мы окружили Смоленск с севера и юга, создав огромный «котел», в который, как считалось, угодило до 100 000 русских. Перед ними нависла реальная угроза пленения. Со своим усиленным батальоном я удерживал тракт Смоленск – Москва. От Москвы нас отделяло всего 400 километров.

Мы получили несколько дней передышки, в один из которых я посетил импровизированный лагерь, созданный наскоро под Смоленском для приема пленных. Здесь теснились тысячи русских солдат, лишенных какой-либо защиты от жаркого солнца и от проливных дождей. Они казались охваченными апатией, на лицах застыло выражение безразличия. Их форма, простая, но

очень практичная, вылиняла, пропиталась пылью и еще сильнее подчеркивала ощущение серой массы. С целью предотвращения размножения вшей головы их были очень коротко острижены. Они словно бы покорились своей судьбе, поскольку, сколько себя помнили, над ними всегда висело принуждение. Кто бы ни являлся его источником – царь, Сталин или Гитлер, – угнетение всегда остается угнетением. В подсумках у них находился НЗ (неприкосновенный запас) – сухари. Позднее и нам пришлось научиться ценить такие вещи.

Многие просили воды. Судя по всему, особенно они страдали от жажды. Наши тыловые службы оказались не готовы к такому количеству пленных. Имей они самые благие намерения, и то просто не смогли бы быстро оказать помощь всем и отправить в глубокий тыл. Не в лучших условиях оказывались и русские офицеры. Они тоже лежали безучастные ко всему. То и дело кто-нибудь затягивал песню, одну из тех, в которых приоткрываются дальние уголки русской души. Я испытывал жалость к ним, они были такими же, как мы, живыми людьми.

Мы научились видеть скрытую сторону их характера, незаметную для иностранцев с первого взгляда. Они чем-то походили на детей, которые могли сосредоточенно отрывать крылья мухе, а в следующую минуту рыдать над мертвой птичкой. Они могли разломить последний кусок хлеба и отдать чужому человеку, а в следующую минуту ударить того же самого человека по голове. Они воевали тем, что имели. Как-то мы вошли в одно брошенное село. К нам бросилась собака. Она виляла хвостом и скулила. Когда мы попробовали погладить и успокоить пса, он заполз под бронемашину. Вдруг мы услышали грохот взрыва. Машина получила повреждения, но, по счастью, не загорелась. Мы бросились к ней и увидели мертвого пса. Как видно, мина пряталась в его шерсти. Когда собака залезла под машину, рычаг детонатора зацепился за днище, замкнул контакт и вызвал взрыв. Собаку учили есть под бронетехникой. К сожалению, после такого опыта мы стали стрелять во всех собак, которые приближались к нам.

В то время, как основная масса русских пленных, похоже, воспринимала свою участь как волю Божью, сами мы очень боялись угодить в руки к русским. Не раз мы слышали, как тяжелораненые просили:

– Пожалуйста, возьмите нас с собой, а если не можете, пристрелите. Мы не хотим попасть в плен к русским.

В один из дней я попросил разрешения поехать в Смоленск, чтобы посмотреть на кремль. С собой я взял дежурного офицера и двух солдат в качестве охраны. В тот момент немцев в городе

было мало, поскольку «котел» образовался к западу от него и сейчас его зачищала пехота.

Смоленск казался брошенным. Промышленным объектам были нанесены огромные повреждения, то же можно сказать и о мостах через Днепр. Среди руин гордо высился, вздымаясь в небо, смоленский собор. По всей видимости, он почти не пострадал. Я пошел вслед за женщинами и стариками и, войдя в собор, поразился его красоте. Все выглядело в полном порядке. Алтарь стоял украшенным, горели свечи, их огоньки отсвечивали от золотых окладов икон, создавая праздничное настроение. Когда вместе со своими спутниками я приблизился к алтарю, бедно одетый старик с длинной бородой обратился ко мне на ломаном немецком:

– Господин офицер, я был здешним попом до Ленина со Сталиным. Много лет прятался. Кое-как перебивался у сапожника. Теперь вот вы нас освободили. Могу ли я отслужить в соборе первую обедню?

– Как же так получилось, – спросил я его, – что ваш собор в таком отличном состоянии?

Ответ поразил меня:

– Сразу же после революции русские эмигранты, уехавшие в Америку еще в царские времена, выкупили церковь со всеми сокровищами у советского правительства, которое в ту пору отчаянно нуждалось в американских долларах. Собор теперь принадлежит американцам, вот и причина того, что в нем все – почти все – осталось как есть.

Проверить данное заявление я не мог, да мне это было и не важно. Без обращения в штаб-квартиру я дал попу разрешение отслужить обедню на следующий день, с каковой целью он возжелал пригласить еще одного священника.

На следующий день я снова отправился в Смоленск, на сей раз уведомив дивизионного командира. Из предосторожности я взял с собой наряд бронеавтомобилей.

Открывшееся нашему взору по прибытии зрелище было захватывающим. Площадь перед собором полнилась людьми, которые медленно двигались в направлении входа. Вместе со своим дежурным офицером я протолкался вперед. Уже тогда внутри не осталось места, где можно было бы не то что сидеть, стоять или преклонить колени. Мы встали в сторонке, чтобы не мешать службе и никого не смущать своим присутствием.

Ритуалы русской православной церкви были мне незнакомы, однако чем дальше, тем сильнее меня охватывала магия службы. Невидимый за алтарем, один из священников [42] начал монотонное чтение, которому вторил хор из восьми певчих,

стоявших перед алтарем. Звуки пения наполняли всю церковь. Из-за прекрасной акустики казалось, что голоса идут откуда-то сверху, прямо с неба. Люди упали на колени и принялись молиться. У всех в глазах стояли слезы. Для них это была первая обедня за более чем двадцать лет. Меня и моего спутника это очень тронуло. Как же глубоко верили эти бедные люди. Никакая идеология, никакое принуждение и даже террор не могли лишить их веры. Пережитого тогда в соборе мне никогда не забыть.

Следующей нашей целью стал город Вязьма, стоявший на шоссе Смоленск – Москва и находившийся в 200 с небольшим километрах от Москвы. Силами разведывательного батальона мне предстояло провести проверку участков территории восточнее и северо-восточнее в районе севернее шоссе, произвести рекогносцировку на фланге и продвигаться как только можно быстрее.

Пройдя примерно километров 50, мы столкнулись с упорным противодействием. Мы установили, что русские создали сильную линию обороны на высотах с востока широкой долины притока Днепра, в нескольких километрах к северу от населенного пункта Ярцево. На позициях стояли танки Т-34 и тяжелая артиллерия. Я доложил обстановку, и дивизия развернула крупномасштабную атаку. Вспыхнули ожесточенные дуэли танков и артиллерии, продолжавшиеся несколько суток.

15 июля был мой день рождения, и я хотел его так или иначе отпраздновать, поскольку он запросто мог оказаться последним. Коль скоро продвинуться мы не могли, пришлось нам «замереть» на месте, и я пригласил командиров на «трапезу». Моему «отелье» Фриче, служившему в моей бывшей роте, пришлось поколдовать, чтобы все организовать. На западном склоне, прямо на глазах у русских, находившихся в какой-нибудь тысяче метров, поставили стол со скатертью и всевозможными деликатесами на нем. В обычных условиях они бы не вызвали повышенного внимания, но здесь, в России, подобные вещи являлись редкостью. Откупорив «добытые» бутылку водки и несколько бутылок мозельского, мы подняли тосты за туманное будущее.

Бои под Ярцево продолжались куда дольше, чем нам того хотелось. Судя по всему, блицкригу подходил конец. С немалыми потерями мы в итоге все же прорвались. К несчастью, среди павших оказался и командир нашего мотоциклетно-стрелкового батальона, который мне тоже пришлось принять под свое начало. Имея под командованием четыре моторизованные роты ветеранов, я превратился даже в нечто большее, чем просто глаза и уши дивизии.

Сопротивление становилось все более упорным. Русские

вводили в бой танки Т-50, обладавшие лучшим вооружением и бронированием [43] . Чтобы поразить их в лоб, приходилось подтягивать 88-мм орудия. Целью нашей оставалась Вязьма. Перед тем как взять ее, нам предстояло овладеть подступами к верховьям Днепра.

Погода в те августовские дни стояла жаркая, однако в условиях континентального климата вполне переносимая. Тяжело доставалось только пехоте, которая топала на своих двоих.

Пока основные силы дивизии упорно и медленно продвигались вперед, моя задача состояла в разведке участков к северу и северо-востоку на нашем открытом левом фланге. Там сплошной фронт пока еще отсутствовал. Танковые дивизии устремились вперед клиньями, оставив неприкрытыми свои фланги. Мы продвигались по бездорожью через бесконечный лес, где лишь иногда появлялись просветы с небольшими селениями. Дорог, по сути, не было, только тележные колеи.

Когда я, стоя на берегу, искал способ переправиться через речку – мост казался непригодным для этого, – я вдруг оказался лицом к лицу с русским солдатом. Он стоял у дерева и ждал, наверное, что мы проедем мимо. Но вдруг, точно в замедленной съемке, я увидел, как он поднимает винтовку и целится прямо в меня. «Или я, или он», – мелькнуло у меня в голове, я машинально вскинул автомат и успел выстрелить первым. Русский выронил винтовку и рухнул на землю.

Когда я подошел к нему, он был еще жив, хотя жить ему оставалось недолго. Глаза его я запомнил навсегда. В них был только один вопрос: «Зачем?» И тут впервые я осознал, сколь важным было это мое «или он, или я». Не могло быть никакого места для сомнения или для сочувствия. Мне лишь на мгновение подумалось, что у этого молодого русского где-то остались мать и семья. Мне пришлось бросить его там, как приходилось оставлять очень многих лежать по обочинам дорог, просто бросать их без погребения.

Еще примерно через 50 километров лес кончился. Противодействия мы не встречали. Впереди лежала небольшая деревушка, к которой мы рискнули приблизиться. Местные жители вышли из изб. Похоже, они принимали нас за русских. Когда я объяснил, кто мы, ко мне подошла крохотная старушка.

– Так что ж, война? – спросила она. – А что наш батюшка царь поделывает?

По всей видимости, люди тут даже и не знали о революции, о Сталине и о том, что мы воюем с Россией. Похоже, время для них остановилось, замерло. Не было никаких партийцев. Мы провели в деревне несколько часов, попутно пытаясь объяснить жителям,

что произошло в России с того времени, когда свергли царя. Когда мы уходили, деревенский староста дал мне икону и напутствовал словами:

– Спасибо вам за разъяснения. Дайте нам теперь жить в будущем, как мы жили в прошлом. Да сохранит вас Господь!

Продвижение наше становилось все более трудным и медленным, а противодействие возрастало. Русские бросили против нас элитные дивизии из-под Москвы.

Более того, положение со снабжением становилось все напряженнее, делалось почти критическим. Все приходилось доставлять с территории рейха почти за 1000 километров. Офицер снабжения, доставивший нам боеприпасы, пищевое довольствие и запчасти транспортной колонной, рассказал мне о том, что постепенно налаживаются военные склады и восстанавливаются железнодорожные ветки.

Однако время бежало слишком быстро. Нас все еще отделяло более 200 километров от Москвы, нашей первой цели, не говоря уже о «главной цели» – Уральских горах, до которых еще оставалось добрых 2000 километров пути на восток. Побывав в дивизионном штабе, я получил кое-какие сведения об общей ситуации:

– Наше вторжение в Россию пришлось отсрочить почти на два месяца, поскольку Гитлер оказался вынужден оказать помощь итальянцам в Греции и затем вести все расширяющуюся войну против партизан на Балканах.

– К югу от нас Гудериан рвался к русской столице в направлении Калуги, примерно в 200 километрах к югу от Москвы, с целью перерезать дорогу, соединяющую Москву и Крым в районе Тулы.

– В России скоро должна была наступить зима, к встрече которой Вермахт оставался совершенно не подготовленным, причем ни с какой стороны. Гитлер и верховное командование, судя по всему, вообще и пальцем не пошевелили, чтобы принять какие-то меры на случай, если кампания затянется до зимы. Мы должны, то есть мы обязаны как можно скорее окружить Москву, как сказал нам наш дивизионный командир, и перерезать ее восточные линии коммуникации.

– Эта война продлится дольше, чем нам хотелось бы, – заключил наш командир, подводя итог трезвой и сухой оценке обстановки. – Времена блицкригов миновали.

По обеим сторонам Московского шоссе танковые части выходили на исходные позиции для броска к Вязьме. Преодолевая отчаянное противодействие, наши войска охватили город с севера и с юга, а затем захлопнули крышку «котла», взяв под контроль

восточную окраину [44] . Потери у обеих сторон были тяжелые. Мой преданный Бек тоже получил ранение. К счастью, легкое, однако такое, за которое мог получить нашивку.

Вновь зачищать «котел» предстояло пехоте, которая медленно и тяжело тащилась за нами своим ходом. Танковые части обеспечивали прикрытие с востока. Разведывательные формирования были брошены на восток и на северо-восток. Всюду мы сталкивались с усилившимся противодействием. Но теперь Москва находилась «почти рядом».

После зачистки Вяземского «котла» мы задались вопросом: каким образом удается Сталину сколачивать все новые и новые дивизии, если в плен, по нашим подсчетам, попал как минимум миллион русских солдат, если не больше? И откуда берутся тысячи танков и орудий? Один пленный русский офицер показал, что Сталин осуществил молниеносную переброску промышленных предприятий, сконцентрированных вокруг Москвы и далее южнее на берегах Волги, на восток вплоть до Урала. Невероятное достижение тыловиков.

Наш план овладеть Москвой оставался неизменным. Падение Москвы, сердца огромной русской империи, должно было непременно произвести глубокое морально-психологическое воздействие на волю русского народа и боевой дух армии противника.

Пока на севере шло окружение Ленинграда, на южном участке разворачивалось наступление по широкому фронту на Харьков и Крым, наш танковый корпус [45] должен был пробиваться вперед на северо-восток в район между Москвой и Калинином, городом на Верхней Волге, с целью форсировать канал Москва – Волга и ударить на Москву с севера.

Уже давно наступила осень, когда нам удалось наконец, преодолевая ужасное бездорожье и подавляя отчаянное сопротивление противника, выйти к Волоколамску, городу примерно в 100 километрах от Москвы. Здешняя местность сама служила естественными укреплениями, позиции на которых и заняли успевшие хорошо окопаться русские. Вновь наступила пауза – приходилось ждать доставки на передовую боеприпасов и топлива. В оба моих батальона прибыли пополнения. Молодежи приходилось приспосабливаться к суровому фронтовому быту. Все, что они слышали о войне дома, были трескучие фразы вроде «невероятный бросок вперед» или «в самом ближайшем будущем Россия будет разгромлена».

Тем временем наступил октябрь, и мы изготовились к новой атаке, прорвали русскую оборону в районе Волоколамска и выдвинулись к Клину, небольшому городу на стратегически

важном шоссе Москва – Калинин – Ленинград. После ожесточенных боев мы овладели Клином, что означало – Москва оказалась отрезанной от Ленинграда [46] . Другая танковая дивизия вышла к Калинину и захватила его. Тем временем подтянулась пехота и обеспечила охрану важных линий коммуникации.

Когда мы находились немного восточнее Клина, километрах в 50 от канала Москва – Волга, меня вызвали в дивизию.

– Люк, сосредоточьте перед рассветом силы обоих батальонов [47] и попытайтесь овладеть мостом через канал в районе Яхромы. Захватите его целым. Если удастся, создайте береговой плацдарм (предмостное укрепление) на восточной стороне и дожидайтесь подхода основных сил дивизии. Есть основания ожидать массированного контрнаступления. Зима на подходе. Нам необходимо достигнуть целей до ее наступления.

Дивизионный адъютант отвел меня в сторону:

– Люк, строго между нами. Роммель добивается вашего перевода в Северную Африку на должность командира 3-го моторизованного разведывательного батальона. Уже и приказ подготовлен. Но генерал не хочет отпускать вас сейчас. Он намерен положить приказ под сукно и ничего не говорить вам. Я же хотел, чтобы вы знали.

Сообщение озадачило меня. Выходит, Роммелю нужен именно я? Думается, в так называемом «офицерском резерве» дома хватает командиров. Поменять Москву на Триполи – заманчивая перспектива. Однако пока все было неофициально. Зато необходимо было сделать одну вполне реальную вещь – атаковать, атаковать решительно и напористо.

На следующее утро мы сосредоточились еще до рассвета. По утрам бывало уже очень холодно. С притушенными фарами, света от которых хватало лишь на то, чтобы рассмотреть впереди идущего, мы нащупывали путь по проселкам. Вскоре после восхода мы достигли канала. На восточном берегу стоял маленький городок Яхрома. Мы не видели и не слышали противника. Передовые дозоры увидели, что мост цел, и тут же помчались по нему на восточную сторону. Вдруг из города начали стрелять – стрелять хаотично, наугад, а потом послышались звуки двигателей удаляющейся техники. Я последовал за авангардом с обоими батальонами и занял город, только что брошенный русскими [48] .

Я отдавал приказы:

– Обыскать весь город немедленно. Мотоциклетно-стрелковому батальону при поддержке машин разведки приступить к обеспечению окраин. Держать предмостное

укрепление любой ценой.

Я попросил своего адъютанта подыскать дом в центре, где можно было бы оборудовать командный пункт и послать донесение в дивизию.

– Добро пожаловать к столу на русский завтрак, – весело произнес адъютант, подводя меня к дому. К моему удивлению, мы нашли в доме накрытый стол, на котором стоял самовар, хлеб, масло, яйца и даже тушенка.

– Какое замечательное гостеприимство! – воскликнул я. Тут управляющий маленькой гостиницей пояснил мне, что только что накрыл завтрак для русского командира. Однако из-за нашего неожиданного появления в городе тому не пришлось подкрепиться. Голодные и усталые, мы с энтузиазмом налегли на еду. Позднее история с этим завтраком сыграла в моей жизни неожиданную роль.

Наш маленький береговой плацдарм, как ни странно, атаке не подвергся. Дивизия подошла и расширила его. Вступили в дело танки и артиллерия. Путь вперед – на юг и на юго-восток к Москве – казался открытым.

Из нашего тыла подтянулась пехота, которая взяла под охрану дорогу, соединявшую Москву и Ленинград. Много позднее – уже в русском плену – я встретился с «Кебесом» Виттхаусом, а когда видел его снова в 1984 г., он сказал мне:

– В ту зиму я тоже находился рядом с Москвой. Наша 35-я пехотная дивизия была брошена в бой за ту дорогу между Калининым и Москвой. Я с дозором вышел прямо в пригороды Москвы. Там нас отрезал противник, но мы смогли спрятаться, просидели двое суток, а потом отступили под контрударом русских.

Вот настолько близко сумел немецкий Вермахт подобраться к своей первой цели. И в этом ему очень помогли решительно наступавшие к юго-западу от нас танковые части.

В конце октября пришла зима. День за днем температура опускалась все ниже, падая за нулевую отметку. Начались снегопады – мы и представить себе не могли, что может выпасть столько снега. Переносить это было тяжело, одно лишь радовало – грязь замерзла, и под нами была теперь твердая поверхность. Ухабы и неровности заровнял снег.

Как уже говорилось, Вермахт оказался совершенно не подготовлен к зиме. По всему северному и центральному фронту снег сковывал любые передвижения войск. Хуже всего доставалось пехотным частям и нашим мотоциклистам, особенно беззащитным в условиях такой погоды. К нашему огромному огорчению, русские подтянули хорошо укомплектованные всем

необходимым дивизии лыжников из Сибири и районов далеко на востоке. В зимних белых маскхалатах, русские пехотинцы почти бесшумно просачивались через наши рубежи обороны.

Мы чувствовали надвигающуюся катастрофу и вспоминали о судьбе Наполеона. Домой в Германию из России поступали настолько тревожные вести, что там были приняты самые срочные меры для исправления ситуации – для доставки на фронт зимнего обмундирования. Геббельс призвал население «помочь храбрым солдатам на фронте добровольными пожертвованиями. Сограждане-немцы, добровольно сдавайте свои лыжи, зимнюю одежду, меха и теплое белье для сынов и мужей на фронте».

Как узнали мы, дома началась гигантская кампания по сбору теплых вещей. Со сборных пунктов дары отправлялись на передовую. Однако, как и следовало ожидать, службы снабжения и складские работники в большинстве случаев действовали в соответствии со своими традиционными бюрократическими методами, а потому им оказалось не под силу доставлять все необходимое в заданные точки. Так, наши танкисты получали бесполезные сани и лыжи, тогда как так нужные им меха оседали у тыловиков, которые между тем и так сидели в тепле в русских избах. Нам приходилось самим заботиться о себе, мы реквизировали теплые русские тулупы и выдавали их мотоциклистам и гренадерам.

Наша гусеничная и колесная техника оказалась катастрофически не готова к суровым холодам. Слишком жидкое летнее масло и вода в радиаторах замерзали мгновенно. Нам пришлось растапливать лед паяльными лампами, добывать горячую воду в деревнях или же не выключать двигатели всю ночь. Никто из западных и южных европейцев или американцев просто не в состоянии представить себе, что такое воевать при температуре минус 40 °С, да еще при снежной вьюге.

Поскольку я ожидал, что рано или поздно меня переведут в Северную Африку, я попросил Бека заняться «Мерседесом», на котором мы намеревались отправиться в путешествие длиной более 2000 километров. Через два дня Бек возвратился из своего вояжа в роту снабжения.

– Передние рессоры разбиты из-за отвратительных дорог, – сообщил он. – С помощью ребят из ремонтного взвода я выковал новые и поставил их при минус 40 °С. Дорогу машина должна будет выдержать.

Старый добрый Бек, что бы я делал без него?

К северу от Яхромы – между Клином и Калининым – просочились русские лыжники, создавалась угроза того, что мы будем отрезаны от своих.

– Береговой плацдарм придется отставить, – заключил наш дивизионный командир. – Мы больше не сможем удерживать фронт. Ночью вам надлежит выйти из боевого соприкосновения с неприятелем и обеспечить прикрытие дивизии восточнее Клина на шоссе Москва – Ленинград. Наши пехотные части отойдут на новые оборонительные позиции к северу и к югу от Волоколамска, где дивизия окопается после боев на сдерживание противника.

Генерал посмотрел на меня поверх очков:

– Люк, этого и следовало ожидать. Гитлер переоценил себя. Теперь всем нам придется платить за это, особенно несчастной пехоте и гренадерам. Поддержите людей как можете. Многие предадутся панике и бросятся спасаться кто как может. Выход из боевого соприкосновения – не говорите «отступление» – может пройти успешно, если мы удержим головы на плечах. Материальной частью придется в значительной мере пожертвовать, пусть так, главное, вывести личный состав. Все в руке Божьей, Люк.

Хотя катастрофа светила в глаза, я не мог понять, почему. Впервые после головокружительных блицкригов нам приходилось отступать, почти трусливо бежать. Снег, мороз, ледяной ветер и наш противник, который привык к суровому климату и не пожелал покориться, – все они одолели нас. Трудно было не проводить сравнений с Наполеоном. Мне вдруг вспомнились картинки в исторических книжках, где изображалось, как остатки гордой и непобедимой армии бегут и пытаются переправиться через Березину.

Солдаты, как и большинство офицеров, не осознавали подлинных размахов происходящего. Их волновали другие проблемы: как привести в порядок технику, поступит ли наконец снабжение, как спастись от варварского холода?

Гитлер и Геббельс все разглагольствовали о непобедимости Вермахта. Мой радист, который слушал новости на коротких волнах, сказал мне, что наше отступление пытаются представить как меру по укреплению фронта.

3 декабря началось отступление. В тылу, у Волоколамска, как нам сказали, пехота наскоро готовила для нас новые позиции. Мало-помалу одна за другой отдельные части нашей дивизии выходили из боевого соприкосновения с противником и оттягивались из района Клин – Яхрома. Со своими двумя батальонами я стоял в городке и вокруг него. Особой активности у нас русские не проявляли, предпочитая действовать на направлениях севернее и южнее нашего. В итоге мы тоже оставили восточный берег канала Москва – Волга, хотя

раскинувшаяся веером бронетехника разведки поддерживала заслон к востоку настолько, насколько позволяли заносы и состояние дорог.

В обстановке крайней спешки от снега были очищены два коридора отступления. В результате по обочинам образовались огромные сугробы, что делало невозможной любую попытку отклониться от заданного маршрута.

Если не считать значительной активности разведки, противник особо упорных попыток преследовать нас не предпринимал. Однако русские военно-воздушные силы все яростнее и яростнее набрасывались на отступающие колонны на своих старых бипланах и легких бомбардировщиках. Наших же ВВС почти не было видно. Передовые аэродромы, должно быть, передислоцировали дальше на запад, или же вьюги мешали использовать взлетные полосы.

Последствия воздушных налетов противника были ужасными. Поскольку никто не мог никуда деться из проложенной колеи и поскольку русские всегда приходили с востока, то есть с тыла, больше всех от их атак доставалось пехоте. Следующими жертвами оказывались снабженцы с их телегами и артиллерийские части. Не понадобилось много времени, чтобы дороги буквально завалили трупы лошадей, брошенные телеги и техника. Уцелевшие тащились дальше на запад пешком и то и дело подвергались нападениям с флангов русских лыжных дозоров.

Поскольку мы долго оставались в арьергарде и привыкли к тактике противника, а еще потому, что применяли против наземных целей легкие зенитки, мы не особенно страдали. Однажды, правда, мы подверглись воздушной атаке. На бреющем полете сзади неожиданно появились несколько «антикварных» самолетов. Две пули пролетели между мной и Беком и ударили в ветровое стекло. Нам повезло.

К западу от магистрали Москва – Ленинград нам тоже пришлось передвигаться по расчищенным коридорам. После наших танков в снегу остались колеи то тут, то там по обочине дорог, этими колеями наши грузовики и полугусеничная техника могла объезжать многочисленные препятствия.

Зрелище они представляли отвратительное. Рядом с мертвыми конями лежали мертвые или умирающие пехотинцы.

– Возьмите нас с собой или пристрелите, – просили они. Если позволяло место, мы поднимали их на наши грузовики снабжения и везли к наскоро оборудованным перевязочным пунктам. Бедняги! В платках и грязных обмотках на ногах, как мало они походили на тех удальцов, которые ураганом промчались по

Польше и Франции.

Снабжение доходило до нас всегда с трудом, иногда и вовсе не доходило. Водителям грузовиков приходилось прокладывать себе путь в потоках отступающих войск. Если шоферам не удавалось прорваться, мы могли вдруг оказаться без горючего. Единственным выходом в таких случаях оставалось залить баки самых необходимых для боя машин, а остальные привести в негодность и бросить. «Поразил Господь людей, коней и повозки» [49] . Была такая поговорка, и она становилась для нас реальностью.

Только желание добраться до безопасного места – до подготовленных позиций – заставляло людей двигаться все дальше и дальше. Все, что угодно, только не отстать и не попасть в руки к русским.

Наш дивизионный капеллан, Мартин Тарнов, в своих записках «Последние часы» описывал страдания и смерть очень многих:

«Воды, воды… Несколько раненых лежали в строении, напоминающем амбар, среди них несколько русских. Перед лицом смерти они перестали быть врагами. То и дело слышался пронзительный крик одного русского: “Воды, воды!” Я протянул ему фляжку, он припал к ней, сделал огромный глоток и посмотрел на меня с благодарностью. Я приподнял одеяло и увидел окровавленную повязку. Рана в живот – никакой надежды. Мы не понимали друг друга, но вдруг он схватился за мой серебряный крест. Может статься, и у него дома, у его родителей, на стене висел такой же крест? Я подумал об украшавшей крест фигурке Христа, выкликнувшего однажды: “Нынче же будешь со мной в раю”. Скоро пальцы его разжались и отпустили мой крест. Он умер быстро. Я верил, что со смертью страдания кончились для него…»

Спустя недели, показавшиеся нам вечностью, полной нужды и страданий, мы наконец вышли к подготовленным позициям под Волоколамском, расположенном примерно в 100 километрах к западу от Москвы. Мы проследовали через расположения пехоты в район немного дальше в тылу – туда, где могли передохнуть и привести себя в порядок. Жалкие избы крестьян казались нам роскошными апартаментами. Несказанно обрадованные окончанию ада, мы забирались на печи рядом с хозяевами, не желая ничего на свете – только спать, спать и спать.

Начали поступать пополнения – новички оказывались лучше экипированы для суровой русской зимы, – приходила новая техника и горючее, продовольствие, которого так долго не хватало, и письма из дома. Тут мы вспомнили о том, что

Рождество пришло и прошло, что начался новый год. Что принесет нам он, 1942 год?

В середине января меня вызвали к дивизионному командиру. Генерал фон Функ принял меня крайне тепло.

– Люк, у меня для вас две важные новости. Я представил вас к награждению Рыцарским крестом. Несколько недель назад Гитлер учредил новый орден, Золотой Немецкий крест, который будет занимать место между Железным крестом 1-го класса и Рыцарским крестом. Все представленные к Рыцарскому кресту получат новую награду. Вы тоже. От имени фюрера я имею честь вручить вам новый орден за храбрость перед лицом неприятеля.

Я был поражен – здоровенная «звезда» со свастикой в середине. Помпезный знак этот полагалось носить на груди справа. Генерал улыбнулся:

– Солидно сморится, правда? Тем не менее позвольте поздравить, – в голосе его звучала ирония.

Скоро кто-то придумал меткое прозвище для этого монстра – «яичница Гитлера». Я надевал орден только при посещении штабов.

– Ну а теперь вторая новость, Люк. Вас немедленно переводят в Африканский корпус, где вам предстоит принять 3-й моторизованный разведывательный батальон. Должен признаться, что приказ о переводе лежал у меня с ноября. Я ничего не сказал вам и не отпустил вас раньше, потому что вы были очень нужны мне в решающий момент. Теперь Роммель угрожает мне разного рода карами, если я не отправлю ему вас тотчас же. Мне не хочется отпускать вас. Несмотря на некоторые несходства во мнениях между нами, вы очень помогли мне как адъютант, а как командир вы проявили себя просто выдающимся образом. Подготовьтесь. Можете ехать в своем любимом «Мерседесе». Первым делом доложите о себе в управление кадров в Берлине. Загляните сюда перед отъездом. Мой адъютант приготовит соответствующий приказ. Еще раз благодарю вас и всего самого лучшего на будущее.

Новость о моем переводе произвела эффект разорвавшейся бомбы среди моих солдат и офицеров. Как-никак мы сражались бок о бок с самого начала войны, делили радости и беды и стали настоящей бойцовской командой. Боевой дух части вновь поднялся. Несмотря на то что обстановка не стала лучше, дни отдыха тем не менее произвели должный эффект.

Я собирался отбыть 25 января 1942 г. Бек проверил готовность «Мерседеса» и сделал запасы на несколько суток пути, в том числе позаботился и о канистрах с горючим. Как и положено мужчинам, мы не показывали чувств, когда прощались.

Перебросились несколькими шутками, и я отбыл в дивизионный штаб, где получил все соответствующие документы и подорожную: «Цель путешествия – Берлин. Всем постам и службам – оказывать всяческое содействие капитану фон Люку». В снабженческом отделении мы собрали всю почту, чтобы отвезти ее домой, а у доктора я взял лекарство-стимулятор первитин. Последним я попрощался со старшим фельдфебелем Кушелем, ротным фельдфебелем моей бывшей роты.

Я обратился к Беку:

– Будем гнать без остановки, пока не выберемся из России. Станем менять друг друга через каждые 100 километров, глотать первитин и делать остановки только для заправки.

Преодолев где-то 200 километров, мы в первый раз остановились для заправки в одной части снабжения.

– Нам не положено отпускать горючее для личных нужд, – заявил «серебряник», как называли мы «героев тыла» из-за их серебряных нарукавных шевронов.

– Послушайте, – отозвался я. – Через пять минут вы меня заправите, если вам жизнь дорога. Кроме того, на нашем участке прорвались русские. Они выйдут сюда к утру, – соврал я.

Он так удивился, что не только заправил меня в считаные минуты, но и поделился деликатесами, которых мы на фронте и в глаза не видели, – дал бутылку коньяка, сигарет и несколько банок тушенки.

То, что творилось в тылу, было нам отвратительно. Вслед за первыми армейскими снабженцами сюда являлись партийные деятели, которые принимали на себя функции администрации и начинали обращаться с населением, которое нередко встречало нас как освободителей, в соответствии с заветами партии и министра пропаганды Геббельса, то есть как с «недочеловеками» и представителями «низшей расы».

Никто не обращал внимания на нас, усталых и небритых, когда мы прикатывали на своей выкрашенной белой краской машине. В каждом селе, у каждого моста стояла охрана из призванных на службу стариков. Только однажды, при очередном предъявлении подорожной, старый резервист спросил меня:

– Господин капитан, вы «оттуда», да? Как там? Мы тут ничего точно не знаем. У меня сын в пехоте. Вот уже несколько недель у жены нет от него никаких известий. Скажите мне правду, господин капитан. Мы очень беспокоимся.

Я попытался как мог успокоить старого резервиста.

Из района Волоколамска мы двигались на запад по второстепенным дорогам, многие из которых почти не были расчищены, стремясь скорее добраться до «магистрали» Москва –

Минск, проехать по которой должно было бы быть проще.

Мы слышали артиллерийский огонь с обеих сторон, становившийся все слабее и слабее, по мере того как мы удалялись от фронта. А потом вдруг наступила полная тишина – никакого грома боя, только рокот немногих грузовиков снабжения, следовавших на восток. Путешествие наше стало почти романтическим. Мы проезжали через широкие заснеженные поля и через брошенные села. Метель скрывала следы, оставляемые нашей машиной. Ехали мы, опустив верх, чтобы в случае чего быстрее заметить русские самолеты. На коленях у Бека лежал готовый к бою автомат. Все казалось нам ирреальным. Мы держали путь через первобытный край, захватить который и овладеть которым не мог никто.

Мы с Беком оба погружались глубоко в свои мысли и наслаждались покоем. Но мы спешили назад, спешили как можно больше увеличить дистанцию между собой и жутким опытом прошедших недель, стремясь поскорее выбраться из страны, в которой навеки остались наши товарищи.

И вот мы выбрались на «магистраль». Мы, конечно, запаслись картами, чтобы не сбиться с дороги. Мы устали. Пришлось поддерживать себя первитином, чтобы сохранить способность ехать и ночью.

На шоссе движение было более оживленным, что и вернуло нас к реальности. Дорога пролегала севернее Вязьмы и Смоленска. Я боролся с искушением побывать еще раз в смоленском соборе. И в Смоленске тоже, надо думать, теперь устроились как дома нацистские функционеры.

Я решил возвращаться путем, которым мы наступали. С одной стороны, дорога была знакомой, а с другой – мне хотелось посмотреть, как теперь там. Это не стало таким уж отклонением на пути в Берлин.

Мы ехали сутки напролет, меняя друг друга за рулем. К северу от Минска мы свернули с шоссе и взяли курс на Вильнюс, столицу бывшего Прибалтийского государства Литвы, превращенной в 1940 г. русскими в одну из советских республик, – «презент» Гитлера Сталину за пакт о ненападении.

Счетчик показывал, что на текущий момент мы покрыли почти 1000 километров. К тому моменту мы уже утратили счет дням и ночам. Постепенно перестал помогать даже первитин. Мы устали как собаки и старались побороть желание спать пением или же рассказывая друг другу всякие истории.

– Бек, Вильнюс ведь не Россия. Литва в большей степени часть Европы, чем Восток. Проедем оставшиеся 200 километров и заночуем.

Снег на дорогах утрамбовали колеса машин. «Мерседес» работал как часы, шел ровно и легко. В итоге ближе к вечеру в один из дней мы достигли цели – как обычно, местной немецкой штаб-квартиры. Нам попался отзывчивый офицер из запаса, который распорядился выдать нам номер в отеле «Регина». Мы рухнули на кровати. Впервые за истекшие восемь месяцев – постель и ванна. Только тут мы осознали, что мы больше не на русском фронте. Напряжение последних недель стало понемногу отходить.

– Примем ванну, Бек, сбреем щетину и пойдем в ресторан, закажем ужин. А потом выспимся как следует.

Входя в ресторан, мы чувствовали себя заново родившимися. Все казалось нам сном. Расквартированные в городе офицеры сидели за столами в обществе женщин и явно наслаждались тут «dolce vita» [50] . Звуков маленького оркестра было почти не слышно из-за шума голосов. Казалось, тут всем наплевать на войну. Мы почувствовали отвращение и, поспешно проглотив свой ужин, рассчитались талонами, выданными нам в штабе, после чего улетучились из зала, чтобы растянуться в постелях, о чем столько мечтали.

На следующее утро я пробудился поздно.

– Вперед, Бек, мы выезжаем. Скорее, скорее в Берлин. Нет ничего, что могло бы задержать нас тут.

Перед нами лежало еще 600 километров пути. В итоге через два дня мы, миновав Гродно, Варшаву и Познань, добрались до Берлина.

Закончилась русская глава.

– Пустыня ждет нас, Бек!

Глава 10 Передышка. 1942 г

Первой нашей задачей было достигнуть 3-го лагеря переформирования в Штансдорфе, около Берлина, где нам предстояло пробыть до отъезда в Африку. Такие лагеря переформирования занимались подготовкой солдат, необходимых, чтобы компенсировать потери на фронте. Также они служили центрами, где поправлялись раненые и квартировали отпускники в ожидании отправки к новым местам службы. Офицеры и унтер-офицеры, которые из-за полученных ранений перестали быть «годными к несению боевой службы», как это называлось, использовались в качестве инструкторов, чтобы иметь возможность передавать опыт молодым.

Я доложил о прибытии командиру лагеря, который мне обрадовался.

– Ну, наконец-то вы здесь. Роммель и батальон ждут вас уже с ноября. Первым делом отправляйтесь в управление кадров. Там получите подорожную и всю необходимую информацию.

Первым же делом, однако, ему пришлось определить нас на постой. В управление кадров я собирался следующим утром. Но перед этим мы с Беком посетили автомастерскую.

– Этот «Мерседес» пережил Русскую кампанию. Пожалуйста, проверьте его и перекрасьте – белая маскировка больше не нужна. Я заберу машину, если вернусь из Африки.

Бек, которому предстояло жить в казарме до нашего отъезда, обещал присмотреть за машиной глазом Аргуса [51] .

Рано утром я на вездеходе с водителем из лагеря формирования поехал в Берлин. Как же изменился город с тех времен, когда я был тут в последний раз! Люди казались удрученными и подавленными. Скверные новости с Восточного фронта, все учащавшиеся воздушные налеты, продовольственные карточки и наглое бесчинство фашистских функционеров высасывали жизненную энергию берлинцев, обычно столь остроумных и жизнелюбивых. Повсюду попадались всевозможные бомбоубежища. Ночью предписывался режим полного затемнения. Берлин превращался в город призраков.

Друзья рассказали мне, что им приходится все время держать наготове чемоданы с документами и наборами предметов первой необходимости, чтобы в случае объявления воздушной тревоги бежать в подвалы – никто не знал, застанет ли свой дом целым после бомбежки. Бензин выдавался по талонам, личный моторный транспорт практически исчез с улиц. По Курфюрстендамм, бывало кишевшей автомобилями, и по

оживленной Унтер-ден-Линден теперь колесили лишь машины боссов, руководства Вермахта и партийных организаций.

В управлении кадров я не без труда отыскал главу отдела, отвечавшего за Северную Африку.

– С приездом! Теперь вы дома, первым делом отдохните и пообвыкнитесь тут. Вот вам направление в тихую гостиницу на Курфюрстендамм и наряд в управление обмундирования армии для вас и вашего денщика на получение тропических комплектов формы. Где желаете провести отпуск? Я распоряжусь выдать вам подорожную.

Я бурно запротестовал:

– Мне известно, что Роммель ждет меня с ноября. Просто мой дивизионный командир ничего не сказал мне насчет приказа о моем переводе. Мне бы хотелось как можно быстрее отбыть в Африку.

– Знаю-знаю, – отозвался он. – В штаб-квартиру Роммеля уже сообщили, что вы только что возвратились из России и нуждаетесь в отдыхе. Зайдите ко мне в конце марта. 1 апреля вас отправят к месту назначения. Так где вы намерены провести следующие четыре недели?

Спорить, как видно, было бессмысленно, а потому я ответил, что желал бы на две недели поехать к матери и на две – в Париж.

Офицер улыбнулся.

– Париж – недурная идея, – заметил он. – Но все не так просто. Мне надо как-то оправдать вашу поездку.

– У меня много друзей там. Я знал Париж до войны. Кроме того, комендант города – бывший командир нашей 7-й танковой дивизии, которого я бы тоже хотел навестить.

– Отлично! Для одного из командиров бывшей дивизии Роммеля мы можем кое-что сделать. Завтра приходите за подорожной.

Что же, раз уж не получалось отправиться в Африку немедленно, я попытался по крайней мере по максимуму использовать ситуацию. По прибытии в Штансдорф я тотчас же написал заявление на четырехнедельный отпуск и для Бека.

Прежде чем навестить мать во Фленсбурге, расположенном на границе с Данией, я отправился повидать друзей, о судьбе которых ничего не знал с самого начала войны. Я поехал к Гизеле фон Шкопп. Она все еще жила в Потсдаме, в котором когда-то стояла моя часть. Это ее свадьбу с «отважным Бернардом», как его называли, мы в столь приятном благодушии праздновали в замке в Восточной Пруссии. Она призналась мне, что уже несколько недель ничего не знает о муже. Он тоже служил на Восточном фронте. Мы вместе поужинали и сварили кофе из зерен, которые

я раздобыл на складе на обратном пути из России. Однако насладиться им не успели, поскольку затявкали зенитки и завыла сирена, предупреждающая о воздушном налете. Впервые в жизни мне довелось стать свидетелем рейда союзнической авиации на нашу страну.

– Теперь это почти правило. Случается почти каждую ночь. Пойдем в подвал! – крикнула мне Гизела.

– Нет, я так за здорово живешь в подвал не полезу. Чувствую себя лучше на свежем воздухе, где хоть видно, что происходит. Надо будет – спрячусь, если вдруг бомбы станут падать на Потсдам.

Я вышел на улицу. Было на что посмотреть. Длинные белые щупальца прожекторов шарили по небу. Где-то вдалеке рокотали моторы бомбардировщиков и надсадно кашляли зенитки. Налет был на Берлин, а не на Потсдам, который не представлял стратегической ценности для противника. Я вызвал Гизелу из подвала.

– Ты только посмотри! Видишь, как красиво! Но сколько же домов рухнут в пламени, сколько невинных людей будет погребено в подвалах под руинами?

Тут до меня вдруг впервые дошло, насколько же труднее гражданскому населению по сравнению с нами на передовой, они оставались пассивными, ничего не могли поделать перед лицом воздушных налетов. Я понял также, почему наши раненые, когда шли на поправку, так стремились поскорее попасть обратно на фронт.

Я договорился о встречах с женами товарищей, находившихся на боевой службе. Поделился с ними кофе из своих запасов. Кофе ценился дороже золота, поскольку весь шел на нужды войск. Гражданским приходилось довольствоваться эрзац-кофе из ячменя или из еще чего-то в таком же роде.

Я был одним из первых, не считая раненых, кто мог рассказать о том, что делалось на Восточном фронте. Меня придирчиво допрашивали. Чтобы и вовсе не лишить последнего мужества моих друзей, я приукрашивал правду.

Меня глубоко трогали судьбы этих женщин. Многие вышли замуж, создали семью, а потом мужья погибли. Они стали вдовами, не успев толком пожить семейной жизнью. По этой причине я в самом начале войны решил не жениться, пока все не кончится. Хотя иногда у меня возникали связи, которые заставляли меня подумать о браке, я все же крепко держался принятого решения.

Ночная жизнь в Берлине практически исчезла. Вернер Финк, великий артист кабаре, все еще не закрыл двери «Катакомбен»,

однако его колючий юморок не нравился Геббельсу. Ему удавалось избежать ареста только из-за Германа Геринга, который, питая слабость к Финку, просто-напросто зачислил того в личный состав Люфтваффе.

Несмотря на удовольствие вновь видеть друзей, в Берлине не осталось решительно ничего, что могло бы удерживать меня там, и я поспешил к матери во Фленсбург.

Хотя Фленсбург был военно-морской базой, его не бомбили. 9 июля 1941 г. мой отчим, с которым последние годы нянчилась моя мама, умер от рака кишечника. Прошли недели, прежде чем известие об этом достигло меня в России. Мой брат, прекрасный китобой, был призван в ВМФ вместе со своим судном, переоборудованным в минный тральщик, с которым он нес службу где-то у побережья Норвегии. Только сестра моя, Аннелизе, находилась дома и помогала матери. В конце 1942 г. и ее «призвали» и распределили в штаб военного командования в Голландии. Кроме того, власти посчитали, что семь комнат нашей квартиры слишком много для нас, и часть помещений реквизировали для размещения беженцев.

Мама моя проявляла мужество и не выказывала своего беспокойства в отношении детей. Она искренне обрадовалась мне и настоящему кофе, который я привез с собой вместе с несколькими банками консервов из своего армейского пайка.

Мирные дни в обществе матери быстро подошли к концу, и я вернулся в Берлин за «Мерседесом». С подорожной в кармане, с полным баком бензина и кофейным резервом в багаже я отправился в путь.

Как и Берлин до того, Париж тоже разочаровал меня. Снабжение там ухудшилось. Город кишел управленцами. Гестапо тоже уже раскинуло свои сети по всей Франции.

В штаб-квартире мне тут же выдали номер в одном из реквизированных отелей люкс прямо на Елисейских Полях. Ж.-Б. Морель и Клеман Дюур обрадовались нашей встрече. Из британских новостей и подпольных источников они уже знали о том, что происходит у нас на Восточном фронте, причем владели обстановкой лучше, чем я, а потому считали наши шансы на победу очень невысокими. И все равно ничего не могло мне помешать провести несколько приятных часов в баре Клемана, «Ле-Шевалье». Я ходил туда только в гражданском костюме. Немцы там вообще не появлялись. Я побывал только в Ле-Везине, где мы стояли после Французской кампании в 1940 г.

Я уехал из Парижа немного раньше, чем планировал. Больше не чувствовал себя там как дома, как в былые времена. Что же сделала война с городом? Французы свыклись с ней и уже

начинали проникаться уверенностью, что в итоге мы проиграем.

В лагере пополнений я узнал, что Бек уже вернулся из отпуска. Его тоже ничего не удерживало дома. Стояла середина марта 1942 г. Жестокая зима миновала, и мы пришли к выводу, что вполне акклиматизировались, чтобы отправляться в Африку.

Мы с Беком поехали на армейский склад получить комплект тропического обмундирования. То, чем нас там снабдили, не поддается никакому описанию. Нетрудно вспомнить, что Германия с 1918 г. больше не являлась колониальной державой, а потому, видимо, никто и понятия не имел, что же нужно для условий тропиков. Нам бы следовало поинтересоваться у союзников, итальянцев, но нет, куда там – снабженческое ведомство разработало тропическое снаряжение строго в прусском стиле: плотно пригнанная форма из толстого материала цвета хаки с брезентовым поясом и высокие шнурованные башмаки. К этому еще топи, которые, по распространенному и стойкому мнению, как раз то, без чего не обойтись солдату в тропиках. Прихватив это и прочие иные «изыски» – плотные, не пропускающие воздух рубашки, коричневые галстуки, – мы поставили подписи в графе «получено» и отправились в лагерь устраивать себе показ мод.

Раненые из Северной Африки, ожидавшие распределения к местам службы, рассказали нам о бойкой меновой торговле, которую они, как и многие другие, вели с итальянцами, чтобы сбыть им по меньшей мере часть своего снаряжения и обзавестись более подходящим к условиям пустыни итальянским обмундированием.

Рассказали они нам, конечно, и о первых боевых операциях в пустыне, о быстром продвижении Роммеля, которое застало врасплох британцев, и о специфике войны в Африке: о жаре днем, песчаных бурях и холодных ночах.

И вот настало время отправляться в путь. Мы получили подорожные и 1 апреля 1942 г. погрузились в экспресс Берлин – Рим, где получили спальное купе на двоих. Под стук колес оба мы уносились в мыслях к тем дням, когда мчались через снега и лед, стремясь побыстрее вернуться из России. Как же быстро все меняется!

Ночь мы провели в Риме, в котором никто, казалось, и не слышал ни о какой войне. Немецкий офицер связи сообщил нам, что далее мы проследуем в Бриндизи по железной дороге, а оттуда нам предстоит самолетом снабжения через Крит вылететь в расположенную в Киренаике Дерну.

Что ждет нас там? Мы были готовы к новым приключениям, можно сказать, жаждали их.

Глава 11 Северная Африка, 1942 г. Роммель – лис пустыни

Из Бриндизи мы вылетели на Крит, остров, на котором в прошлом году высадились наши парашютисты и среди них Макс Шмеллинг, легенда немецкого бокса. Крит встретил нас приятным весенним бризом.

Затем утром 8 апреля 1942 г. мы поднялись на борт «Юнкерса»-52, повсеместно прозываемого «Танте Ю» [52] , и отбыли на нем в Северную Африку. Меня допустили в пилотскую кабину.

– Придется идти над морем на бреющем, – сообщил мне летчик. – Несмотря на наше превосходство в воздухе, над Средиземным морем то и дело рыскают «Спитфайры» или «Харрикейны». Они прилетают с Мальты, которую, по совершенно непонятным мне причинам, наше начальство до с их пор оставляет как бы в стороне.

В тот момент я даже не думал о том, что нахожусь на войне, о том, что́ может случиться со мной в любой момент. Меня совершенно захватила мысль о том, что я вот-вот увижу другой континент.

Внезапно машина стала набирать высоту.

– Повезло нам, – со смехом заключил летчик. – Скоро сядем в Дерне.

Перед нами вдалеке появился берег Африки: узкая полоса земли у моря, которую облагородили итальянцы, насадив там финиковые пальмы, оливковые рощи и построив белые домики, проложив длинную асфальтовую ленту – шоссе Виа-Бальбиа. За всем этим дышала жаром пустыня.

– Только камни, и все, – пояснил мне пилот, – ничего больше километров на 200 или 300, а уж потом начинается настоящая Сахара с ее белыми песчаными дюнами. Эти равнины, на которых то там, то тут торчат скалы и каменистые холмы, наверное, повидали на своем веку немало армий.

Мне приходилось читать в книгах о бедуинах, о кочевниках, которые уже более 2500 лет скитаются по пустыням Аравии и Ливии, живут по своим собственным законам и не имеют какой-либо государственности. Мне думалось о том, что вот сейчас я увижу нечто такое, что поражает путешественника, когда нога его впервые ступает на подобную землю. Хорошо бы нашлось время узнать и почувствовать новый мир и населяющих его людей.

Поднимая за собой огромные клубы пыли, «Танте Ю»

побежала по посадочной полосе. Полуденная жара, точно стояла уже середина лета, сразу же тяжелым грузом придавила нам плечи. Просто два разных полюса, если сравнить с колючими вьюгами России.

– Ефрейтор Мантей, – отрапортовал мне солдат в выцветшей форме. – Позвольте предположить? Майор фон Люк? – его сугубый берлинский акцент звучал для меня сладкой музыкой, возвращая на миг к временам жизни в Потсдаме. – Меня прислали за вами. Вас ждут.

Мы с Беком в своей новенькой тропической форме сразу же казались теми, кем и были, – новичками. Мы взяли вещи.

– Спасибо за то, что приехали за нами, Мантей. Как вы думаете, мы долго протянем тут в этих толстых бушлатах?

– Вы еще вспомните их добрым словом. Ночью в Африке чертовски холодно. А вообще я раздобуду вам что-нибудь у итальянцев. Они разбираются в таких делах.

Ветровое стекло вездехода было сложено и зачехлено, чтобы от него не отражалось солнце.

– Сначала я отвезу вас к Роммелю, а потом поедем в дивизию и в наш батальон.

Все говорили просто «Роммель» и никогда «генерал», настолько он был популярен у солдат, они считали его одним из них.

По дороге Мантей рассказал нам о боях прошедшего года, таких, какими они виделись ему. Он говорил об «отце» разведывательного батальона, подполковнике бароне фон Вехмаре, о его известности, об успехах и о том, как гордился фон Вехмар тем, что был одним из первых, кто вступил на африканскую землю в 1941 г. [53]

– Наш батальон – само яблоко в глазу Роммеля, – гордо сообщил ефрейтор, и я почувствовал, как мне будет непросто.

Мы выехали из Дерны в восточном направлении. Штаб-квартира Роммеля находилась, должно быть, где-то среди оливковых рощ.

– Кому-то надо смотреть в небо. Самолеты обычно налетают сзади.

Эту задачу взял на себя Бек.

Внезапно мы съехали с дороги. Ни тропы, ни дорожки. Следы колес после проезда техники обычно тут же засыпали – маскировка. Вдруг мы остановились. Штаб-квартира Роммеля. Вся техника была рассредоточена и закамуфлирована. В центре стоял огромный грузовик.

– Это «Мамонт». Мы отбили его у британцев и переделали в командирскую машину Роммеля.

Под брезентом я заметил несколько четырехосных бронеавтомобилей разведки. Подобная новая техника еще не встречалась в России, когда я находился там.

Меня все сильнее охватывало волнение. Все-таки я не видел Роммеля со времен Французской кампании 1940 г. Дежурный офицер проводил меня к нему. Его лицо с резкими чертами покрывал густой загар, что придавало генералу вид здорового, полного жизни человека. Он достиг вершин, стал знаменитостью мирового уровня. Роммель находился в отличном расположении духа и явно обрадовался мне.

– Разрешите доложить о моем переводе в Африканский корпус, господин генерал-полковник, – отрапортовал я.

– Рад видеть вас здесь, – отозвался он. – Мне пришлось долго ждать. К сожалению, пришлось отослать Вехмара в Германию. Заболел. Получаете мой любимый батальон, так сказать, в подарок.

Затем по своему обыкновению он перешел прямо к делу:

– Вы прибыли как раз вовремя. Я планирую новое наступление и хочу предвосхитить действия британцев. Вашему батальону придется играть важную роль в операции. Мой начальник штаба, Гаузе, введет вас в курс дела. Затем доложите о своем прибытии командиру дивизии. Как моя старая 7-я танковая? Тяжело досталось в России?

Я коротко рассказал ему и получил разрешение удалиться. Начиналась новая фаза в жизни.

Генерал Гаузе, начальник штаба Роммеля, у которого мне предстояло получить всю информацию, в общих чертах познакомил меня с обстановкой. Затем добавил:

– Роммель очень разочарован индифферентностью высшего руководства. Гитлер и Главное командование рассматривают Северную Африку как «второстепенный» ТВД. В то же время для британцев он имеет решающее значение. Кроме того, командующего злит нерадивость итальянцев, которые без воодушевления воюют с противником на море. В результате недостает снабжения. В марте, например, вместо запрошенных 60 000 тонн военных грузов поступило только 18 000.

По мнению Роммеля, шанс на победу в Африке мы уже упустили. Несмотря на большие потери у противника в подводной войне и на то, что материалы к нему поступают по маршруту длиной 20 000 километров, британцы получают все необходимое для фронта.

Все это звучало не особенно ободряюще. Тем не менее Роммель, по всей видимости, все же еще надеялся повернуть ситуацию в свою пользу. Он рассчитывал захватить Тобрук

неожиданным броском и развязать себе руки для марша в Египет, если, конечно, удастся переиграть британцев.

На сем начштаба позволил мне быть свободным.

– Мантей, нам надо в дивизию, – это была 21-я танковая, – а потом сразу же в батальон.

– Так точно, господин майор. Вы, должно быть, на короткой ноге с Роммелем, раз он вас лично принял, – заметил Мантей.

Я рассказал ему, откуда знаю Роммеля и вообще как я попал сюда.

– Да уж, – проговорил он, – смотрите, так вот взял и вызвал вас из России. Нечасто такое бывает. Наш командир, фон Вехмар, был отличным парнем. Его сын, Рюдигер, тоже у нас уже пару недель, служит лейтенантом. Традиция. Все у вас пойдет как надо, господин майор.

Хорошо замаскированная дивизионная штаб-квартира располагалась среди пальм и оливковых рощ. Генерал фон Бисмарк [54] приветствовал меня почти по-приятельски. Он был моим командиром в Восточной Пруссии в 1930 г., когда только начиналась моя карьера военного. Как и многие, кому доводилось служить в пустыне, он выглядел словно бы подсушенным. Безжалостная жара днем, ледяной холод ночью, песчаные бури, миллионы вездесущих назойливых мух и тяжелые бои – все это оставило на нем свою печать.

– Я искренне рад вам, Люк, мы не виделись двенадцать лет [55] . Вам достается отличное наследие. Вехмар и его батальон изрядно отличились, так что последний заслуженно стал любимой частью Роммеля. Поскольку вы из России, вам придется немного притереться. Постарайтесь освоиться как можно быстрее. Мы вполне можем в самом ближайшем будущем перейти в решительное наступление. Всего самого наилучшего!

Офицер штаба ввел меня в курс дела. Задача 3-го разведывательного батальона состояла в ведении наблюдения далеко на юге, с целью предотвращать любые попытки противника обойти нас с фланга или же информировать о подобных замыслах, а кроме того, послужить острием наступления, когда оно начнется.

– Британцы успели как следует укрепить свои позиции в районе Газалы, – продолжал он. – Вот тут находится огромное минное поле, около 500 000 мин, оно тянется от берега к прорытому еще итальянцами колодцу, Бир-Хакейму, что к югу от Тобрука. Бир-Хакейм удерживают французские войска генерала Кенига [56] . За этим барьером британцы стягивают силы и готовятся перейти в наступление, как только соберут все необходимое. Вот этого-то как раз и хочет избежать Роммель,

опередив их.

Нам надо смотреть в оба, чтобы британцы, чего доброго, не атаковали к югу от Бир-Хакейма и не вышли во фланг нам. Ваша задача, Люк, среди всего прочего, следить за тем, чтобы враг не ударил нам в тыл.

Мы покинули зеленую Киренаику и отправились на юг. Мантей знал дорогу. Обычно в пустыне ориентировались только по компасу, наиважнейшему прибору, который имелся при себе у каждого. Позади за нами тянулся огромный шлейф пыли, которая тотчас же обволакивала нас, если мы вдруг резко останавливались.

Пустыня жила. Издалека часто было трудно понять, что именно «шевелилось» там – просто ли ветер теребил куст верблюжьей колючки или это катила машина или даже танк.

Внезапно перед нами словно из-под земли выросла вади – русло некогда пересохшей реки, которых полно в пустыне повсюду. В ней и располагался мой батальон, рассредоточившись, как и положено.

Меня приветствовали капитан Эверт, выполнявший обязанности командира батальона, и несколько других офицеров. Все как положено, но, как показалось мне, встречали меня с настороженностью. Заменить «старика» Вехмара было непростой задачей.

Мы проследовали к командирской машине, переоборудованному грузовику «Опель-Блиц». Как объяснил мне Эверт, вся техника оснащалась специальными масляными фильтрами против пыли. У многих машин была «лысая» резина, так что они не оставляли характерного следа. Кроме новых четырехосных бронемашин разведки, я заметил особые мотоциклы «BMW» с двигателями 750 см3, оснащенные узкими гусеницами вместо задних покрышек. Данная техника создавалась специально для условий пустыни.

Я попросил офицеров собраться, чтобы я мог обратиться ко всем сразу. Мне особенно досаждало мое новое тропическое обмундирование, в котором я разительно отличался от прочих, одетых в блеклую форму – предмет их гордости – или же и вовсе в свободные итальянские брюки и рубашки. (Добрый старина Мантей добыл и для меня нечто подобное буквально в считаные дни.)

– Я знаю ваш батальон еще по предвоенным временам, когда служил в Потсдаме, – начал я. – Между нашими двумя батальонами всегда существовало здоровое соперничество, каждый претендовал на звание лучшего. Но мы также не раз и не два действовали вместе, рука об руку. Для меня большая честь

принять часть вашего любимого командира и прославленного ветерана фон Вехмара. У меня за плечами есть небольшой опыт – Французская кампания и Россия. Мне предстоит многому научиться, и тут я был бы рад вашей помощи. Хотелось бы по возможности поскорее отправиться в дозор с одним из разведывательных патрулей, чтобы освоиться.

Я пожал руку каждому – лед, совершенно очевидно, удалось растопить.

Мне сказали, что наш обычный противник на стороне британцев – Королевский драгунский, 11-й гусарский полки [57] и причинявшая особенно много неприятностей Группа дальнего действия в пустыне легендарного подполковника Дэвида Стерлинга. Британцы имели на вооружении лучше бронированные, но менее быстроходные бронемашины разведки «Хамбер», мы же располагали проворными четырехосными бронеавтомобилями [58] . Между тем мы «понимали» друг друга. Уважение к противнику и тенденция играть по правилам превалировали.

Мне стала привычной Фата-Моргана – мираж, нечто походившее издалека на озеро, но исчезавшее при приближении. Перестали пугать меня и кошмарные песчаные бури, которые итальянцы называли «Гибли». Обычно они бушевали день, но случалось, и целых три. Они словно предупреждали о своем приходе. Небо становилось черным, песок забивался во все поры и делал любые передвижения, не говоря уже о военных операциях, просто невозможными.

Я научился ориентироваться по компасу, а ночью находить свой батальон путем обмена условными световыми сигналами. Обстановка в разведывательных дозорах, действовавших в глубине пустыни, буквально зачаровывала меня.

В первые недели после моего приезда в Африку там царило относительное затишье. Время от времени британцы отправляли разведчиков в южном направлении. Однако мы перехватывали противника путем развертывания широкой сети патрулей. Тут нас особенно выручали наши быстрые четырехосные машины.

К началу мая 1942 г. я почувствовал, что окончательно «сжился с коллективом». Я побывал во всех ротах, хорошо узнал людей и поучаствовал в нескольких дозорах. Свыкся с ритмом повседневной жизни. Утром мы обычно выпивали пол-литра жидкости, днем не пили ничего, а вечером приканчивали «вторую половину» рациона. Снабжение поступало раз в несколько дней, обычно колоннами с охраной, чтобы не дать британцам перехватить их.

Научились мы переживать и холод ночей. Только утром,

когда жара наступающего дня постепенно брала свое, мы снимали наши тропические бушлаты и толстые неуставные шарфы. Действовал принцип термоса, который был выведен нами в результате наблюдения за бедуинами. Однако миллионы мух становились самой настоящей пыткой. Количество их, к счастью, уменьшается по мере того, как углубляешься в пустыню.

Днем жара делалась невыносимой. Тень была самым желанным на свете. Некоторые даже жарили яичницу на раскаленной броне танков. Это не сказки, мне самому случалось делать подобные вещи.

Период обильного выпадения осадков уже прошел, но если вдруг шел дождь, маленькие вади в считаные минуты наполнялись метровой глубины потоками воды, которые мчались по руслам, сметая все на своем пути. Как-то я сам видел, как грузовик с нашей полевой кухней, который не успели быстро убрать из вади, течением протащило на расстояние в несколько сотен метров.

В процессе разведывательных рейдов мы как-то встретились с семьей бедуина. Только бедуины знали, где копать, чтобы добраться до подземных озер с пресной водой. Они останавливались в какой-нибудь вади и рыли скважину, наскоро проводили каналы, высевали просо и жили около поля до тех пор, пока не приходило время собирать урожай. Потом они грузили зерно на спины верблюдов, засыпали скважину и уходили, оставляя за собой все таким, как было до их появления тут. Итальянцам удалось отыскать несколько таких скважин, построить колодцы и использовать такие точки как важные пункты в сети снабжения. Бир-Хакейм как раз и представлял собой одну из таких бывших скважин.

Как-то я вступил в контакт с семьей бедуина. Они, похоже, приготовились сняться с места. При нашем приближении женщины тотчас же бросились в палатки – чужакам не полагалось смотреть на них. К нам вышел старейший член семьи. Мы объяснили, что мы немцы.

– Мы не хотели тревожить вас и еще меньше вынуждать уходить из земель ваших предков. Сожалеем, что доставили вам неудобства. Вас, наверное, страшит война, мины и все прочее?

Я произнес все это на чудовищной смеси немецкого и итальянского, с вкраплениями арабского, стараясь, чтобы они поняли меня.

– Мы всегда знаем, где вы, и уходим, если становится опасно, – отозвался старейшина. – У нас довольно мест, где можно найти воду и вырастить просо. Мы рады приветствовать вас, немцев. Мы не любим итальянцев, которые захватили нашу

страну, а еще больше – британцев, угнетающих наших братьев в Египте и других арабских странах. Придет день, и все вы уйдете отсюда, исчезнете, и пустыня вновь станет безраздельно принадлежать нам. Да пребудет с вами Аллах, вы нам нравитесь!

Было странно услышать, что бедуины не только почитают императора Вильгельма II и канцлера Бисмарка (которых считали все еще живущими), но и одобряют гонения Гитлера против евреев; это уже из собственной нелюбви к ним. Мы постарались избежать бесед на еврейскую тему.

Неожиданно 24 мая 1942 г. – я к тому времени находился в Африке уже семь недель – нас вызвали в дивизию. Генерал фон Бисмарк проинструктировал командиров:

– Роммель решил перейти в наступление. Британцы каждый день получают снабжение. Можно с уверенностью сказать, что скоро они развернут атаку. Наши снабженцы опаздывают, грузы поступают слишком медленно и идут через порты Триполи и Бенгази, а не через Дерну. Все это означает, что материалы приходится доставлять по одному прибрежному шоссе за 2000 километров.

Возможно, британцы в курсе наших планов, знают, когда мы будем наступать. По всей видимости, наши донесения перехватываются, разговоры прослушиваются. Однако им не известно, где будет нанесен главный удар.

Затем фон Бисмарк отдал нам боевые приказы и подчеркнул, что выполнение их потребует напряженного ночного перехода. Роммель намеревался двинуть весь Африканский корпус в обход противника с юга, у Бир-Хакейма, чтобы потом развернуть его на север, отрезать Тобрук и устремиться в восточном направлении к границе Египта. Атака на севере – удар по позициям британцев в районе Газалы – задумывался как отвлекающий маневр.

Моему механизированному разведывательному батальону, действовавшему отдельно на правом крыле, предстояло наступать в обход Бир-Хакейма широким охватным маневром, чтобы блокировать прибрежную дорогу восточнее Тобрука, а также обеспечивать правый фланг Африканского корпуса путем дозорного патрулирования.

Мы сосредоточились на исходных позициях в ночь с 26 на 27 мая 1942 г. в кромешной темноте. В черном южном небе ярко светили звезды. Каждой машине был задан точный азимут, которого водители были обязаны строго придерживаться, чтобы каждая единица техники из тысяч, стартовавших в ночь, шла своим курсом.

Незабываемая сцена, нечто мистическое. Машины справа, слева и впереди. Мы ограничивали скорость, чтобы не поднимать

слишком много пыли и не терять визуального контакта с соседями. Мы медленно пробирались сквозь ночь. Через какое-то время проследовали Бир-Хакейм, оказались к югу от него. Мы знали это, хотя и не видели его.

Далеко на севере мелькали светлячки – вспышки артиллерийских орудий итальянцев. Как нам сказали позднее, на участке фронта под Газалой Роммель бросил на противника трофейные британские танки и грузовики с установленными на них старыми авиационными двигателями, чтобы создать побольше шума и вызвать ощущение масштабной танковой атаки. Наступление на противника у Газалы разворачивали итальянские дивизии под командованием немецкого генерала.

Судя по всему, мы остались не замеченными британцами. Ранним утром 27 мая мой батальон на правом крыле 15-й танковой дивизии развернулся на север в направлении Найтсбриджа и Триг-Капуццо, где пролегала дорога, параллельная Виа-Бальбиа, к которой мы скоро вышли. Настроение у нас было отличное – нам, очевидно, удалось достигнуть внезапности. От нашей цели, Виа-Бальбиа, нас теперь отделяло всего несколько километров. По всему получалось, что Роммелю удастся окружить британцев в районе Газалы и под Тобруком.

Незадолго до полудня 27 мая я внезапно заметил приближавшуюся с востока британскую танковую колонну. Новые танки, которых мы прежде еще не встречали. (Уже позднее мы узнали, что это были американские «Гранты», машины, превосходившие даже наши PzKpfw IV.)

Вдруг несколько «Грантов» повернули на юг и открыли огонь по передовым частям моего батальона с дистанции, на которой они оставались неуязвимыми перед нашими 5-см противотанковыми пушками.

Я распорядился приостановить продвижение и создать оборонительный заслон на севере. Чтобы координировать действия на рубеже, я выбрался из своего командирского танка и побежал к противотанковым пушкам. Снаряды рвались повсюду. Вдруг я почувствовал, как меня что-то ударило по правой ноге, и упал. Осколок снаряда, попавшего в бронемашину, угодил мне в верхнюю часть правого бедра. Кровь хлынула, расплываясь пятном на брюках. На несколько секунд я потерял сознание. Подкатила машина разведки, меня подняли и отвезли на несколько сотен метров назад, где мной занялся врач. Рана была нехорошая. Меня охватили злость и отчаяние. Что же получается, моя служба в Северной Африке кончена?

– Вы счастливо отделались, майор, – заключил врач после

осмотра. – В дырку можно кулак просунуть. Придись осколок всего в нескольких сантиметрах в сторону, и вы бы лишились своего мужского достоинства, а так ни вены, ни кости, ни нервные окончания – ничего не пострадало. В противном случае я не смог бы остановить кровь. Это так же верно, как и то, что вам придется отправиться в полевой госпиталь.

Сказать было проще, чем сделать. Африканский корпус, очевидно, сумел окружить британцев на позициях вокруг Газалы, однако взять Тобрук не удалось. Напротив, нас самих в свой черед окружили. Выбраться из кольца и прорваться на запад едва ли представлялось возможным. С помощью уколов морфия мне удалось как-то справиться с болью и вновь принять на себя командование из своего вездехода.

– Капитан Эверт, – распорядился я, – если я не смогу продолжать руководить боем, вы примете управление на себя. Я постараюсь установить связь с Роммелем, чтобы прояснить обстановку и получить приказы.

Слава богу, связь с Роммелем наладили. Создалось чрезвычайно опасное положение. В районе Найтсбриджа, к юго-западу от Тобрука, наступление Африканского корпуса захлебнулось под огнем британской артиллерии и интенсивными налетами Королевских ВВС. Скоро застопорилась и лобовая атака итальянцев на севере.

Мне удалось создать фронт обороны на востоке. К счастью для нас, наступление британцев с востока в большей степени нацеливалось на две танковые дивизии Африканского корпуса. Британцы предположили, что Роммель попытается прорваться в восточном направлении. На этом строилась их диспозиция в несколько последующих дней. И тут Роммель принял одно из своих внезапных решений: он приказал Африканскому корпусу вырываться из окружения не на восток, а на запад, через минные поля под Газалой. Моя задача состояла в том, чтобы прикрывать отступление от возможного прорыва британцев с восточного направления и предотвратить фланговый маневр противника на окружение с юга.

Пять дней я – накачанный морфием – сидел в своем вездеходе, пока утром 1 июня Роммелю не удалось наконец с помощью саперов проложить коридоры в минных заграждениях и вытащить Африканский корпус из окружения, хотя из-за нехватки горючего ему и пришлось бросить немало техники. Мы стали последними, кто вышел из боевого соприкосновения с противником и отправился в район сосредоточения в тылу у итальянцев.

Рана моя внушала опасения.

– Я больше не могу ни за что поручиться, – предупредил меня врач. – Вам немедленно надо в Дерну, на эвакуационный пункт.

Я тоже понимал, что дальше так продолжаться не может, однако все еще надеялся, что в Дерне меня поставят на ноги. С тяжелым сердцем я передал командование Эверту и, чуть не плача от злости и отчаяния, позволил старому доброму Мантею и верному Беку отвезти меня в Дерну. К моему огромному огорчению, врачи там установили, что из-за моего пятидневного сидения в вездеходе да еще из-за песка и пыли, поднятых гибли, рана загноилась.

– Вам нужно сейчас же ехать в Германию – в порту как раз стоит итальянский госпитальный корабль. Завтра вы будете в Европе, – вот такой окончательный приговор вынес мне врач. Страшно расстроенный, я на следующий день перекочевал на судно. Адьё, Африка, – прощай, но ненадолго.

Я оказался на крупном лайнере, приспособленном для транспортировки раненых и снабженном огромным красным крестом. Потом я слышал, что корабль тот потопили на обратном пути в Африку, будто бы по причине того, что на нем находились военные грузы. Меня устроили в маленькой каюте, где я лежал, досадуя на судьбу. На следующее утро мы причалили на Сицилии.

По причине тяжести моего ранения я оказался на операционном столе в числе первых. Заправлял всем в госпитале итальянский хирург, который, как шепнула мне медсестра, раньше работал в одной из лучших итальянских клиник. Повязки сняли, боль усилилась, стало особенно тяжело, принимая во внимание, что морфия мне не давали уже с позавчерашнего дня.

– Нельзя допустить возникновения у вас зависимости, – пояснил врач. – Рана, слава богу, не страшная. Сначала почистим ее, а потом пойдем дальше.

Затем меня подготовили к операции, сказав, что обезболивающие берегут для самых тяжелых случаев.

– Сожмите зубы покрепче, – приказали мне коротко и жестко. Две сестры навалились на меня и прижали к столу, а доктор, казавшийся мне мясником, принялся ковыряться в ране. Я кричал, точно животное, и думал, что вот-вот потеряю сознание от боли. И тут раздался голос:

– Постойте, пожалуйста, – рядом с собой я увидел генерала фон Ферста, командира 15-й танковой дивизии [59] . – Что с вами, Люк? Что вы так орете?

Я обрисовал ему положение и попросил распорядиться сделать мне обезболивание. Тут врачу пришлось сдаться, а посему остальная часть операции прошла вполне сносно.

Генерал фон Ферст сказал мне, что тоже был ранен, причем недалеко от того места, где зацепило меня. Генерал Гаузе и полковник Вестфаль из штаба Роммеля тоже получили ранения. Последнее, что знал о делах у Роммеля фон Ферст, это то, что после успешного прорыва на запад Африканский корпус перегруппировывается для продолжения наступления.

После того как мне оказали помощь, я в обществе фон Ферста отправился на континент. Мы обсуждали шансы Роммеля на прорыв в Египет в условиях нехватки снабжения. В Неаполе меня вновь осмотрели и сочли способным следовать дальше.

На следующее утро итальянский санитарный эшелон увез меня на север. Хотя я не мог стоять, меня радовало путешествие по северной итальянской равнине и дорога через Альпы. Сияло солнце, и местность казалась прекрасной. Ничего вокруг не говорило о том, что Италия тоже ведет войну. Врачи и сестры обращались с нами в пути просто великолепно. После лишений и жарких боев в пустыне меня буквально пленило приятное чувство покоя.

На австрийской границе нас перевели в немецкий санитарный вагон, который прицепили к обычному составу, и мы в итоге оказались в Эсслингене, в маленьком промышленном городке неподалеку от Штуттгарта. Нас было там всего трое, в том числе молодой офицер запаса из моего батальона. Муниципальную больницу, расположенную в живописном месте среди гор на окраине города, превратили в военный госпиталь. До нашего прибытия там находились только раненые с Восточного фронта.

Пока что Эсслингену повезло, война почти не затронула его, если не считать очередей и талонов, ставших повседневностью для местных жителей. Ничего было не достать. Хорошо, что я разжился кофе и сигаретами перед отъездом из Северной Африки, потому что тут это ценилось дороже золота.

Я стремился поскорее встать на ноги. Через несколько недель я уже мог передвигаться на костылях, а потом и – осторожно – с палочкой. Мать и сестра приехали повидаться со мной из Фленсбурга, проделав нелегкий пусть через всю Германию. По причине воздушных налетов поезда передвигались медленно, с большими задержками. Приехал мой дядя из Штуттгарта, и мы наслаждались настоящим кофе и эрзац-печеньем на залитой солнцем террасе.

Северная Африка сделалась бесконечно далекой. Но я не забывал о ней, каждый день усаживаясь у радиоприемника и жадно внимая новостям с этого ТВД. Через две недели после моего поступления в госпиталь стало известно, что 21 июня

1942 г. Роммель вошел в Тобрук и южноафриканский генерал Клоппер сдал ему город. Это стоило противнику 30 000 попавшими в плен, не говоря уже о доставшихся немцам запасах военных материалов, в том числе и топлива, острый недостаток которого мы ощущали все время. Сразу же за тем мы узнали, что Роммель немедленно устремился на восток и 23 июня пересек границу Египта. Всего в пятьдесят лет Роммель стал фельдмаршалом. Между тем своей жене он признался потом, что предпочел бы, чтобы Гитлер не повышал его, а дал бы хоть одну дополнительную дивизию.

Понятно, что мы, трое «африканцев», приковывали всеобщее внимание. Тогда как на русском фронте дела шли скверно, начинали уже потихоньку вырисовываться контуры Сталинградского «котла», достижения Роммеля в Северной Африке служили чем-то вроде лучика надежды для людей. Вместе с тем они чувствовали уже, что война продлится еще долго и выльется в куда большие жертвы, чем уже принесены. А посему Гитлер и его министр пропаганды Геббельс не пожалели славословий для восхвалений успехов Роммеля, невзирая на то, что считали наш ТВД в пустыне второстепенным.

Через три недели я почувствовал себя достаточно поправившимся, чтобы ходить с палочкой. Бад-Киссинген, мое последнее место службы перед войной, находился совсем недалеко. Мне удалось убедить медицинское начальство перевести меня туда до полного выздоровления. Мне хотелось провести это время вынужденного безделья в кругу моих старых друзей, в атмосфере курортного местечка. И вот утром в воскресенье карета «Скорой помощи» отвезла меня в частную клинику, реквизированную и отданную для размещения идущих на поправку фронтовиков.

Так как было воскресенье, на дежурстве находилась всего одна медсестра. Она поместила меня в отличную палату с видом на парк.

– Сейчас принесу вам поесть. Надеюсь, вам понравится у нас. Завтра вас осмотрит главный врач.

С этими словами она покинула меня.

Телефона в палате не было. Как же связаться с друзьями? Сидеть в клинике мне не хотелось. Я нашел швабру и, задействовав ее в роли костыля, потихонечку поковылял в «Бар Хубера», находившийся всего в нескольких сотнях метрах.

Когда я ввалился в бар в своей тропической форме – еще только вечерело и в заведении находилось всего несколько завсегдатаев, – Хубер остолбенел.

– Быть того не может! Старина Люк здесь. Боже мой, вы что, с

неба свалились? Вы ведь ранены. Приготовьте комнату для нашего майора! Идемте за почетный стол.

Зепп Хубер и его жена не могли сдержать радости.

– Вот последняя бутылка виски, которую я уже несколько лет держу для особо важного случая. Сейчас я ее открою.

Бар постепенно заполнялся людьми, и спустя немного времени я оказался в центре большого круга желавших видеть и слышать меня. Все казалось мне каким-то нереальным. Тут я, бывало, сиживал в последний год перед войной и теперь сидел так, словно бы ничего не произошло. Ближе к полуночи Хубер закрыл бар. Осталось всего несколько завсегдатаев. И тут меня точно током ударило – вдруг до меня дошло, что у меня нет ключа от двери клиники. Что же теперь делать? «Самовольная отлучка, действия, ставящие под угрозу выздоровление», – загремело у меня в мозгу.

– Вы можете остаться у нас, майор, – предложил Хубер. – Все в Киссингене будут рады африканскому ветерану.

Тут кто-то заколотил в дверь.

– Впустите же меня, – зазвучал снаружи требовательный голос. Это оказался один из врачей курорта, которого я хорошо знал и с которым нередко сидел вечерами тут, у Хубера. – Мне сказали, что вы в Киссингене. Здесь новости распространяются быстро. Я тут же прибежал и рад видеть, что вы более или менее в порядке. Вы давно тут? В каком госпитале вас поместили?

– И я вам тоже очень рад. Давайте выпьем по такому случаю, – я сказал ему, где разместился, и, показав на швабру, объяснил, каким образом добрался в «Бар Хубера». – Однако у меня нет ключа, вот что меня волнует.

Мой приятель доктор хлопнул меня по бедру и рассмеялся:

– Друг вы мой, так я же и командую в клинике. – Я, должно быть, побледнел, потому что он продолжал: – Все в порядке. Сегодня вам открою я, а завтра посмотрим, может быть, сумею раздобыть для вас отдельный ключ.

Лучше просто и быть не могло.

Остался позади июль. Я полным ходом шел на поправку. Предполагалось, что к концу августа или к началу сентября меня можно будет признать полностью годным к службе.

Все это время, экипированный тростью, заменившей швабру, я навещал друзей. К моему крайнему удивлению, курортный оркестр и сейчас ежедневно играл в парке. Мир – никакой войны! Вот если бы только не сводки с Восточного фронта да не сообщения о воздушных налетах на наши города. Я старался извлечь максимальную пользу из вынужденного досуга и гнал прочь все неприятное так, как делают всюду и всегда фронтовики.

Тем временем по радио сообщили, что Роммель углубился на территорию Египта и остановился около Эль-Аламейна, примерно в 100 километрах к западу от Александрии. Из телефонных разговоров с людьми из лагеря переформирования под Берлином и из того, о чем рассказывали возвращавшиеся из Африки офицеры, я сделал вывод, что главной причиной остановки стало фиаско снабженцев. Я представлял себе, как бесится Роммель, не встречая должного понимания в ставке фюрера и не находя должной помощи у итальянцев.

В тот период жизни в Киссингене я часто бывал в казармах, где встречался со многими ранеными, служившими в бывшем моем 37-м разведывательном батальоне, который сражался на Восточном фронте. Большинство из его солдат и офицеров погибло, а семьи их и друзья остались в Киссингене. Боевые действия зимы 1941/42 г. и арьергардные бои измотали людей. Никто уже больше не верил в быстрый финал. Мне откровенно завидовали из-за того, что я попал в Северную Африку. Многие простые солдаты просили меня передавать привет Роммелю.

Даже бургомистр и многие функционеры, все до одного состоявшие в партии Гитлера, смотрели теперь на вещи под иным углом. Наступило отрезвление, и они задавались вопросом, не было ли вторжение в Россию ошибкой. Слушать пропагандистские тирады, которыми каждый вечер разражался Геббельс, становилось совершенно невыносимо. Все речи вились вокруг «недочеловеков», «лебенсраум», столь необходимого для Германии, и «веры в нашего любимого фюрера». Никто не решался открыто выражать недовольство – слишком уж разветвленной была сеть осведомителей и слишком опасно было откровенничать на людях.

В начале сентября 1942 г. меня признали «ограниченно годным к строевой службе в военное время». На неделю я отправился погостить у матери, а потом поехал в лагерь переформирования под Берлином. Там я повстречался со многими офицерами и унтер-офицерами, которые получили очень серьезные ранения и теперь задействовались как инструкторы. В гараже я обнаружил свой верный «Мерседес», отремонтированный и чистенький, точно новый. Несколько раз я съездил на нем в Берлин повидаться с приятелями.

Берлин особенно страдал от воздушных налетов и от нехватки продовольствия. Лица берлинцев, обычно таких веселых и отзывчивых, потемнели. Они всегда были реалистами и потому не питали иллюзий.

Ничто больше не удерживало меня в Германии. Я хотел вернуться в свою часть. И вот в середине сентября управление

кадров наконец выдало мне все необходимые для отъезда документы. Первым делом мне надлежало появиться в Немецком бюро связи в Риме, а затем через Сицилию лететь в Тобрук.

Соответственно, я отправился в Рим через Альпы, а оттуда прямиком на Сицилию. На сей раз путешествовать пришлось на громадной летающей лодке «Блом-унд-Фосс», которые задействовались для доставки материальной части. И вновь мы шли низко над водой – военно-воздушная база британцев, остров Мальта, находилась неподалеку. Было просто замечательно взлетать с воды и садиться на воду, поднимая за собой тучи брызг. С воздуха я заметил Тобрук и его порт, за обладание которыми так горячо соревновались воюющие стороны; многие объекты пострадали. Затем мы снизились и приводнились около потопленного британского сухогруза.

Очень скоро я стоял на пирсе и дышал привычным мне горячим воздухом пустыни. В сентябре днем было даже жарче, чем в то время, когда меня ранило. Машина доставила меня с моим алюминиевым чемоданом в штаб-квартиру Роммеля, расположенную в пустыне неподалеку от Мерса-Матруха.

– Мы славно повоевали тут в последнее время, господин майор, хотя порой и тяжело приходилось, – сообщил мне водитель. – Теперь на фронте под Эль-Аламейном затишье. Интересно, кто первым ударит на сей раз?

Я и понятия не имел, где мой батальон. Одно ясно – где-то далеко в пустыне.

И вот я предстал перед Роммелем, доложил ему о том, что готов вернуться в строй, поздравил с присвоением ему звания фельдмаршала и с несколькими успешными операциями.

– Рад вновь видеть вас тут, – сказал мне Роммель. – Капитан Эверт отлично потрудился как ваш заместитель, батальон прекрасно действовал под его началом. За что я представил его к Рыцарскому кресту. К сожалению, и он подцепил одну из этих коварных тропических болезней. Ждет вашего прибытия, чтобы уехать домой. Мне тоже придется подлечиться. Вы как раз вовремя, успели перед моим отъездом. Вернусь как только смогу. Всего самого наилучшего, Гаузе введет вас в курс дела.

С этим я отправился получать инструкции к генералу Гаузе (начальнику штаба).

– Хорошо, что вы вернулись, Люк. Мы уже начинали беспокоиться, что не увидим вас.

Гаузе тоже казался замученным и высохшим. Ему доставалось особенно тяжело, приходилось принимать решения, пока Роммель «командовал с фронта» и порой сутками находился вне досягаемости. Гаузе быстро обрисовал картину, особенно

коснулся того, что касалось продвижения в глубь Египта, которое застопорилось у Эль-Аламейна – в 100 километрах от Александрии – из-за нехватки топлива и другого снабжения. Он рассказал мне о том, как досаждают Роммелю стиль руководства войной Главного командования Вермахта – читай Гитлера – и вялые усилия итальянцев в обеспечении доставки военных материалов.

– Фельдмаршал поразил меня своим видом, он явно разочарован и подавлен, – признался я. – В чем тут дело? Виновато ухудшение здоровья? Или же сыграла роль неудача в наступлении на Каир в конце августа? Мне в Германии не довелось узнать подробностей этой операции.

– И то и другое, – отозвался Гаузе. – Состояние его здоровья действительно внушает опасения. Роммелю необходимы отдых и покой. Но вы же знаете, какой он. Он не бросит наш ТВД, особенно в столь решительный момент, который уже приближается. Ну и плюс к этому он страшно разочарован полным провалом наступления в конце августа.

Солдаты наши, с присущим им юмором висельников, называли эту атаку «шестидневной гонкой», как и известную велогонку на стадионе в Берлине.

– Мне известно, что Монти (генерал Бернард Монтгомери) готовится к решающему наступлению, – продолжал Гаузе, – но не начнет его, пока не получит всей материальной части, необходимой ему для достижения полного успеха. Роммель надеялся опередить его и первым броситься в атаку, чтобы вновь поменяться местами за карточным столом с противником. Последний шанс для этого был в конце августа, в полнолуние. Перед этим маршал Кавальеро обещал ему прибытие нескольких танкеров, а Кессельринг – доставку 500 тонн горючего в день воздушным мостом.

– 31 августа горючего все еще не было в помине. Но Роммель *должен был* начать. Сильные песчаные бури не давали КВВС использовать свое превосходство (ну а наши истребители «Мессершмитт» стояли на летных полях без бензина). 2 сентября поступило только лишь 900 тонн горючего из «анонсированных» 5000 тонн: 2600 тонн пошло ко дну, а 1500 оставались в Италии.

– На следующее утро бури улеглись и КВВС стали поднимать в небо эскадрилью за эскадрильей, буквально волнами атакуя Африканский корпус, который пытался прорваться на север в тыл позициям противника под Эль-Аламейном. Британская дивизия, дислокацию которой до того момента никто не установил, заняла высоты, встав фронтом к югу. Два этих обстоятельства привели к тому, что наступление застопорилось.

– Из-за нехватки снабжения и почти полного господства в воздухе противника атака наша кончилась ничем. Группа разведки, в которую входил и ваш батальон, отправилась на восток в самом начале, чтобы маршем двигаться на Каир, что примерно в 100 километрах дальше на восток, как только Африканский корпус выйдет к побережью в тылу у британцев. Группа подверглась особенно жестоким налетам авиации и понесла тяжелые потери.

В ночь с 2 на 3 сентября Роммель скрепя сердце решился дать приказ о прекращении наступления и выводе войск из тыловых районов британцев. Во время отступления в плен был захвачен и доставлен к Роммелю бригадный генерал Клифтон из Новозеландской дивизии [60] . Я должен рассказать вам о нем. Об этом стоит послушать.

– Всегда, когда возможно, – продолжал Гаузе, – Роммель старается поговорить с достойным противником. Так было и с Клифтоном, которому он первым делом выразил восхищение тем, как сражалась его дивизия. Однако и пожаловался на те жестокости, которые совершаются по отношению к пленным немцам. «Это маори, – пояснил Клифтон, – туземцы Новой Зеландии [61] , которые дерутся столь же яростно, сколь и сикхи из Индии. Я сожалею о том, что бывает с пленными». Клифтон воевал против нас в 1940 г. во Франции и сказал, что уверен в конечной победе. Внутренне Роммель тоже уже не сомневался в этом. Вскоре после этого Клифтон сбежал из уборной и был позднее пойман в пустыне с единственной фляжкой воды. Роммель не смог уважить его просьбу быть немецким, а не итальянским военнопленным. Роммель выразил сожаление, что все военнослужащие противника, попавшие в плен в Северной Африке, по желанию Муссолини, должны передаваться итальянцам.

Позднее я узнал, что Клифтон, совершив восемь неудачных побегов, на девятый раз все же добрался в Швейцарию, несмотря на то что получил ранение.

В ходе разговора с Клифтоном Роммель заметил, что союзникам придется свыкнуться с мыслью о том, что в будущем угроза будет исходить с востока, от России.

Ну вот, Люк, теперь вы знаете, почему Роммель выглядит таким расстроенным.

(Многие недели спустя после провалившегося наступления Роммеля все еще не переставали циркулировать слухи о том, что некий итальянский генерал раскрыл британцам план Роммеля. Официальных подтверждений данные разговоры так никогда и не нашли, однако в 1985 г., во время ужина с командиром

британской 6-й воздушно-десантной дивизии, генералом сэром Найджелом Поуиттом, в Клубе армии и Военно-морского флота в Лондоне, Стив Эмброуз представил меня миссис Джин Хауард. Та бурно приветствовала меня:

– Ханс фон Люк, какое удовольствие познакомиться с вами! Я полностью в курсе ваших действий в Северной Африке. Мне довелось работать в Блечли-Парк [62] , где специалисты нашли способ взломать немецкие шифровальные коды – знаете, была такая операция «Ультра». Мы перехватывали все сообщения по рации немецкой стороны, так что командование в Лондоне и в Африке располагало всей полнотой информации о планах немцев. О вас мне известно с 1942 г., с того самого момента, как вы только прибыли в Северную Африку. Мне приятно теперь увидеть вас, тогда майора, и поговорить с вами.

И только тут я понял, почему британцы всегда оказывались в курсе наших действий, знали, когда пойдут конвои со снабжением, как будут действовать Люфтваффе, и имели возможность так точно и своевременно реагировать. «Ультра» была даром Божьим для британцев и катастрофой для нас.)

– Роммель намерен встретиться в Германии с Гитлером, – продолжал рассказ Гаузе, – и поставить вопрос ребром, сказать ему откровенно, что без соответствующего снабжения войны в Северной Африке не выиграть.

Нам известно из достоверных источников, что в начале августа в Каире побывал Черчилль и что двенадцатого числа командование 8-й армией принял Монтгомери. У нашего противника, судя по всему, задули новые ветры. Он, вне сомнения, будет готовить наступление и на сей раз доведет его до победного конца.

Пока же британцы закрепились на позициях под Эль-Аламейном, прикрыли подступы к ним 800 000 мин, разместили свежие дивизии пехоты и танков.

Теперь что касается вас. Вашему батальону, как всегда, достается «большой куш». «Кусок пирога» ваш лежит в оазисе Сива, примерно в 300 километрах к югу от Мерса-Матруха во впадине Каттара. Я побывал там вчера с Роммелем и с генералом Фрицем Байерляйном. Настоящий рай, не сравнить с теми местами, что служат нам полем битвы в пустыне. Нам надо кого-то послать туда. Опасность обхода нас неприятелем с фланга к югу от Эль-Аламейна очень высока.

После тяжелых потерь и трудных боев я, как видите, приберег для вас приятное местечко службы.

Придется доставить вас туда на Ju-87 (на пикирующих бомбардировщиках). Взлетная полоса для других машин слишком

коротка, тогда как для «Физелер-Шторхов» [63] расстояние слишком большое. (Экипажи «Штука» рвали друг у друга это задание.)

Вы выводитесь из состава 21-й танковой дивизии и поступаете в подчинение непосредственно ко мне. Капитан Эверт подробно разъяснит вам обстановку перед отправкой домой; к сожалению, его здоровье пошатнулось. Теперь желаю всего наилучшего. Наслаждайтесь жизнью там, пока колесо вновь не завертелось.

На сем он отпустил меня, и я отправился прямо на поле, где стояли Ju-87. Вот-вот должна была начаться самая интересная глава моей службы в Африке.

Меня проводили к капитану Гаместеру, командиру эскадрильи.

– Мне выпала честь доставить вас в Сиву. Мы используем эти полеты, так сказать, для расширения горизонтов, углубляемся дальше в пустыню, сбрасываем бомбы, нагоняем страху на британцев, если встречаем их. Мы летаем звеньями по три машины. Уверен, вы знаете о наших крутых пике и душераздирающих сиренах. Вам, сухопутному, будет интересно полетать на пикировщике.

– Наслышан от приятелей, от тех, которые вчера сопровождали Роммеля в Сиву, какой замечательный там оазис, – отозвался я, – о том, как генерал непременно хотел искупаться в «бане» Клеопатры.

– Вылетаем завтра утром, – продолжал Гаместер. – Полетите вместо хвостового стрелка. У нас на борту всего два места. 2-см пушку вы, конечно, знаете по своим машинам разведки [64] .

23 сентября 1942 г. Роммель вылетел в Германию для лечения и встречи с Гитлером. В тот же самый день я поднялся в кабину Ju-87 капитана Гаместера. Втиснулся на заднее сиденье, засунув свой тропический сундучок вертикально между собой и пилотом. Нацепил наушники и микрофон.

Полет продлился около часа. Мы шли на высоте примерно 1000 метров. Под нами лежала мирно дремавшая каменистая пустыня с изредка попадавшимися на ней скалами и кустами верблюжьей колючки. Повернувшись, я мог видеть вдалеке высокие дюны бескрайнего песчаного моря. С высоты можно было рассмотреть даже верблюжьи тропы и следы нашей разведывательной техники, петлявшей по пустыне. А может, то были следы колес бронеавтомобилей Королевского драгунского полка или Группы дальнего действия в пустыне?

Впереди показался крутой и глубокий провал – впадина Каттара. Впереди слева находился оазис, к которому вела всего

одна извилистая дорожка. «Будет легко блокировать ее», – подумалось мне.

Мы приземлились и подрулили к пальмам, в тени которых и укрылись все три самолета.

– С прибытием в рай! – приветствовал меня капитан Эверт, только что награжденный Рыцарским крестом. – Мы рады видеть вас вновь полностью выздоровевшим. А ко мне прицепилась одна из этих дурацких тропических болезней, так что я должен возвращаться в Германию.

Батальон разместился в палатках, рассыпанных под пальмами.

– Мы намеренно держимся немного в стороне от арабов, чтобы не мешать будничной жизни этих гордых сынов пустыни, – сообщил мне Эверт. – Предлагаю первым делом прогуляться по оазису. Вы не против? А тем временем я расскажу вам кое-что об этом дивном уголке, а заодно и о нашей задаче.

Я тотчас же принял приглашение.

У меня возникло ощущение, будто я оказался действующим лицом одной из сказок «Тысячи и одной ночи». Над головой синие небеса, жаркое солнце и всюду пальмы с наливающимися соком финиками. По территории оазиса пробегало несколько ручейков. Южнее, сразу за последними пальмами, океанскими волнами высились песчаные барханы. На севере круто уходил метров на 50 вниз обрыв. На востоке находилась впадина Каттара, пересохшее соляное озеро, тянувшееся на 300 километров дальше на восток и заканчивавшееся в точке примерно в 100 километрах юго-восточнее Эль-Аламейна.

– Впадина Каттара непроходима, – пояснил Эверт. – Только в самую засуху там можно пройти по единственной тропе на легкой технике. Нам надо быть начеку, вдруг томми из Группы дальнего действия в пустыне вздумают незаметно проскользнуть там. Мы дислоцируемся примерно в 300 километрах к югу от Мерса-Матруха. Только от 50 до 70 километров линии под Эль-Аламейном прикрыто живой силой и техникой. Остальное – ничья земля, то есть открытое поле для оперативных действий любой из сторон.

О Сиве я слышал еще в школе, читал о дворце и купальне Клеопатры. Период от 51 до 30 г. от Р.Х. В древние времена, как считалось, в Сиве жил оракул, которого среди прочих посещал даже Александр Великий. Сива, изначально именовавшаяся Аммонион, перешла под власть Египта в 1820 г. Эту страну в настоящее время представляли три государственных служащих: врач, специальный уполномоченный и почтмейстер.

Местными жителями, число которых доходило до 5000 человек,

были в прошлом бедуины, осевшие здесь и с тех пор не смешивавшиеся с представителями других племен. Несмотря на инбридинг, народ здоровый. По сложившейся традиции суфиям ордена санусия, бежавшим от итальянцев из Ливии, было позволено лишь ненадолго остановиться в Сиве, после чего им пришлось продолжить путь дальше на восток. Каждая из крупных семей имеет своего старейшину, или шейха. Старейшина самой сильной семьи – «primus inter pares» [65] .

Тогда как присутствие египетского врача имело право на существование, полномочный представитель особой популярностью не пользовался, поскольку отвечал за сбор податей. В почтмейстере не было решительно никакой нужды, потому что никто тут не умел ни читать, ни писать. Однако он нашел прибыльное хобби – открыл в себе талант торговца и пережил момент триумфа, когда несколько дней назад Сиву посетил Роммель и старейшины вручили ему конверт с набором, как и полагается, погашенных местных марок (настоящий раритет – большая находка для филателиста).

Мы пришли в «баню» Клеопатры, где наслаждались отдыхом члены экипажей «Штука». Я оказался перед колодцем диаметром около 10 метров, полным такой чистой воды, что просматривалось дно, находившееся на глубине метров 5–6. Там било несколько бурлящих источников. Температура была всегда постоянной, 18 °С, и вода манила обещанием свежести и возвращения сил. Эверт пригласил меня побывать там вечером:

– Нам пришлось составить расписание, чтобы все могли получить свою порцию отдыха.

Неподалеку стоял бывший дворец Клеопатры, где, как считалось, она ежегодно проводила некоторое время – отдыхала. И тогда там высились фрагменты конструкций из огромных каменных блоков. Как они туда попали, никто не знает. Вода из колодца Клеопатры и из других, расположенных по соседству меньших по размеру колодцев, по хитроумным водотокам подавалась в сады старейшин, снабжая их водой круглый год.

– А теперь пойдем в «город», как мы его называем. По арабским законам я должен представить вас главному шейху, который окажет вам прием, как гостю, – пояснил Эверт.

Оказавшись в «городе», мы вошли через ворота в окруженный высокими стенами сад главного старейшины. От зрелища у меня захватило дыхание. Зелень и цветы заставляли мгновенно забыть о том, что находишься в пустыне. Через роскошный сад пролегали бесчисленные маленькие каналы, повсюду вились великолепные виноградные лозы и бугенвиллии поднимались по глинобитным стенам. Между экзотическими растениями виднелись маленькие

грядки, так называемые китайские грядки, на которых росли злаки и овощи; хозяева снимали урожай один к десяти. Не было конца бесчисленным оливковым, лимонным и гранатовым деревьям. А над всем этим зеленым великолепием высились финиковые пальмы.

В конце сада стоял приземистый выбеленный дом главного старейшины, который приветствовал нас низким поклоном. Мы ответили на его «салам» и попросили принять нас. Он провел нас во внутренний дворик, устеленный дорогими коврами. В соответствии с традициями арабов женщин там не было. Мы устроились на коврах, сложив ноги, от чего у меня свело икры, поскольку к подобной посадке я был непривычен. Сыновья старейшины принесли нам охлажденный сок – алкоголь строго запрещался. Кроме того, все еще шел рамадан, месяц поста, в ходе которого мусульмане не вкушают пищу в дневное время.

– Рад приветствовать вас, немцы, – проговорил старейшина. – После оказанной нам несколько дней назад чести, визита вашего знаменитого маршала Роммеля, я с радушием принимаю вас, господин майор, как нового командира оазиса. Да будет вам известно, мы восхищены вами, немцами, и желаем вам успеха в войне. Я попросил Роммеля передать привет вашему великому шейху Бисмарку, коего мы тут весьма и весьма почитаем, – спасибо, еще Гитлера не вспомнил. – К несчастью, война отрезала нам путь в Каир и в Александрию. Мы не можем продавать то, что имеем, и покупать необходимое нам, а посему чай, наш основной напиток, у нас постепенно вышел.

Старейшина – высокий, с темным лицом и приятными чертами – производил хорошее впечатление. Белая борода придавала ему величественности. Бурнус его был сделан из великолепной белой материи.

– Когда через несколько недель закончится рамадан, – произнес он, прощаясь с нами, – будьте нашими гостями.

Затем мы поехали на летное поле, чтобы проводить экипажи «Штука» в обратный путь. Помахав нам крыльями, самолеты дугой ушли в северном направлении, чтобы вернуться к своей нелегкой службе на фронте под Эль-Аламейном.

Мы с Эвертом возвратились на командный пункт, в талантливо переоборудованный «Опель Блиц», походивший на современный жилой фургон. Тут Эверт подробно доложил мне о задачах батальона и о наличествовавшем снаряжении.

– Снабжение батальону по суше поступает редко, так как приходится создавать охраняемые колонны на случай нападения британских дозоров или рыскающих по пустыне летучих отрядов рейдеров. Такие вещи, как продовольствие, топливо или

боеприпасы, обычно сбрасываются со «Штука» или с «Хейнкелей», которые заодно занимаются разведкой. Поскольку здесь в оазисе есть возможность купить зерно, Роммель придал нам взвод пекарей, которые снабжают нас хлебом и даже бывает свежими булочками по воскресеньям.

Несколько дней назад нам прислали итальянский «Гибли» [66] , нечто вроде нашего «Физелер-Шторха», с симпатягой-пилотом и необходимыми запчастями. Благодаря этому самолету нам нет нужды совершать проблематичные дозорные вылазки как на север, за впадину Каттара, так и в направлении оазиса Джарабуб в Ливии, куда ведут единственные дороги из нашего оазиса.

Я не знал, что бы такого можно было предпринять, и решил хорошо использовать свое, как мне представлялось, непродолжительное пребывание в Сиве. Погружение в «ванну» Клеопатры на следующее утро стало для меня приятным развлечением, тогда как во время прогулки по оазису Эверт более подробно рассказал мне об этом месте:

– Несколько десятилетий назад королю Фаиду вздумалось открыть замечательный оазис для посещения туристов и для участников сафари. В те времена Сива кишела миллионами комаров, разносчиков опасных заболеваний, так что редко кто мог побывать в оазисе и не подцепить малярию. По приказу короля Фаида ученые разработали инсектицид, который ввели в каналы с водой, лишив насекомых питательной среды. Прошло всего несколько лет, и комары полностью исчезли.

Тем временем день стал клониться к закату, и мы стали свидетелями грандиозного зрелища: заходящее солнце окрасило крутые склоны впадины Каттара в кроваво-красные тона, погрузив весь оазис в море сине-зеленого света. От зрелища этого невозможно было оторвать глаз.

На следующий день я впервые облетел район дислокации на «Гибли», что дало мне возможность оценить размеры оазиса. Я рассматривал огромные девственные барханы внизу под нами, на севере – «эскарп», а на востоке – едва заметную тропу через пересохшее соляное озеро, на которой теперь не появлялись верблюжьи караваны.

На протяжении двух следующих недель – соприкосновений с неприятелем у нас все это время не отмечалось – отбыли несколько опытных боевых офицеров: больной капитан Эверт улетел в Германию, откуда уже не должен был вернуться; фон Фаллуа, адъютанта моего предшественника, заменили другим офицером. Капитан Киль успешно возглавил «боевую группу» у Роммеля.

За исключением немногих «стариков», оставшихся до конца, все сменились: ротные командиры, взводные и офицеры по особым поручениям. Среди них был и лейтенант Рюдигер фон Вехмар, сын моего предшественника, сегодня немецкий посол в Лондоне. Капитан Мейер сделался новым командиром роты; до 1983 г. он служил послом Германии в Люксембурге. Лейтенант фон Мутиус вообще был у нас новичком. Позднее ему довелось с приключениями счастливо бежать из Туниса. Он и по сей день живет в Бразилии. Из резерва к нам прислали лейтенанта Венцеля Людеке, никогда не унывавшего весельчака; до недавнего времени он занимал заметную должность на киностудии UFA, а сейчас владеет фирмой звукозаписи в Берлине. Позднее он очень и очень помог мне.

Из «старой когорты» мне оставили капитана Бангеманна и – в качестве адъютанта – всегда спокойного и надежного оберлейтенанта Бернхардта. Мы пережили эти крутые перетасовки в нашем офицерском корпусе без особых сложностей, поскольку обладали душой как единая команда и терпимостью, особенно характерной для этого необычного батальона – для всех в нем, для каждого.

Примерно через неделю генерал Штумме сообщил нам о своем предстоящем визите. Он тоже хотел «успокоить» себя, убедившись в нашей готовности к выполнению задания, хотя, вне сомнения, просто рассчитывал лицезреть «райские кущи» Сивы. Сопровождаемый офицерами, я вышел на взлетно-посадочную полосу встречать Штумме. Пока экипажи поехали в «баню» Клеопатры, мы приступили к традиционной для гостей программе: прогулка по оазису к купальне царицы и бывшему дворцу, а затем визит к старейшине и почтмейстеру.

Мы уже начали чувствовать себя экскурсоводами – и это на ТВД, где события приближались к развязке. Но и это тоже война. Между упорными противостояниями, кровопролитными битвами находится место для безмятежного отдыха, для своего рода регенерации, причем все это при постоянной мысли о том, что любой день может стать последним.

В ходе последовавшего после «официальной части» обсуждения обстановки Штумме не оставил сомнений – решающего боя не миновать.

– По имеющимся у нас сведениям, к британцам поступает огромное количество военных материалов, которые доставляются морем в Суэц и без промедления переправляются на фронт. Монтгомери поступает, как все британские командиры: если можно за счет техники сберечь людей, это будет сделано.

Мы же, к сожалению, не в столь благоприятной ситуации.

Снабжение, которое доходит до нас, не покрывает по сути дела даже минимума. Более всего меня заботит подавляющее господство в воздухе британцев, что в условиях пустыни, где нет укрытий, может служить источником смертельной угрозы. У нас катастрофически мало истребителей, но даже и те, что есть, по большей части прикованы к земле из-за хронического отсутствия авиационного горючего.

Я не раз и не два просил Роммеля употребить все имеющееся у него влияние, чтобы обратить внимание Гитлера и Геринга на необходимость скорейшим образом обеспечить нас топливом, большим количеством танков, 88-мм пушек и истребителей.

Ваша задача в ходе предстоящего британского наступления, – заключил Штумме, – будет состоять в обеспечении нашего открытого южного фланга и в предотвращении любых неприятельских попыток обхода.

Глава 12 Отступление от Эль-Аламейна

Шел уже октябрь 1942 г. На фронте вообще стояло затишье, а в нашем оазисе и подавно. Ежедневные облеты территории на «Гибли» не выявляли чего-то экстраординарного на нашем участке.

Между тем дни нашего пребывания в благодатном оазисе Сива были, несомненно, сочтены. Сообщения о приготовлениях британцев накапливались горами огромных папок. Я разработал план, который позволял тыловым частям, включая «взвод булочников», пройти в направлении берега, избежав опасности со стороны атакующих британцев.

Кроме того, я обсудил с ротными командирами два варианта развития событий: продвижение по извилистой дороге на север или же – на запад через оазис Джарабуб, откуда уже можно будет развернуться на север. Горючего и боеприпасов у нас хватало. Все свободные канистры мы залили водой. Нам приходилось считаться с реальностью: в первые дни после начала наступления начнется неразбериха, так что на регулярное снабжение, особенно тем, кто находится так глубоко в пустыне, лучше не рассчитывать.

В середине октября, по имевшимся у нас сведениям, британцы располагали 1000 танков, включая 400 новейших и превосходящих все прочие образцы американских «шерманов», против которых мы могли выставить только 200 наших боевых бронированных гусеничных машин. Натиск 195 000 британцев (вместе с их союзниками), части которых были полностью механизированными, с нашей стороны должны были сдерживать 24 000 человек [67] . В середине октября к нам поступило всего 44 процента от минимально необходимого объема снабжения на следующие одиннадцать суток. Горючего для танков едва хватило бы на 300 километров. Кроме того, противник достиг полного господства в воздухе. Небольшое количество имевшихся у нас истребителей, которые больше всех страдали от нехватки топлива, ничего не могли поделать с Королевскими ВВС [68] .

23 октября зашипели «адские сковородки» – грохотом 1000 артиллерийских стволов «затрещали дрова в печах под ними». КВВС тоже бросились в атаку. Монтгомери открыл сосредоточенный огонь по нашим позициям, благодаря чему сумел пробить бреши в наших хитроумно устроенных минных полях.

Мой батальон поднялся по тревоге.

– Контратака силами 15-й танковой дивизии назначена на завтра, – сообщил нам Гаузе. – Находитесь в состоянии готовности либо к участию в контрударе, либо к обороне на южном фланге.

Приказы от Гаузе поступили по рации (они были перехвачены и расшифрованы в Блечли-Парк британскими специалистами, работавшими в программе «Ультра». Об этом в 1985 г. сказала мне Джин Хауард). То, что все наши намерения немедленно становились известны британцам, оказывало наиболее разрушительное воздействие.

На следующий день обстановка стала более тревожной: генерал Штумме, находившийся на передовой в частях, очутился на участке, где попал под сосредоточенный огонь противника и погиб, по всей видимости, в самый ответственный момент – в разгар атаки. Роммель моментально прервал лечение и примчался в Дерну – так и не успев поправить здоровье – 25 октября [69] . Возвращение его воодушевило наших солдат.

Контратака не увенчалась успехом. Под градом пуль и снарядов, под рвущимися РС, впервые примененными британскими истребителями и штурмовиками, перед лицом бронированного танкового вала она захлебнулась. Однако Африканский корпус и итальянские дивизии отчаянно оборонялись перед наступающими британцами. Несмотря на то что наши позиции беспрестанно обрабатывали КВВС и тяжелая артиллерия, Монти смог осуществить прорыв не ранее 29 октября. Бомбардировщики и истребители противника шли сменяющими одна другую волнами, шли как на параде в мирное время, не оставляя нас в покое даже ночью, на поле сражения было светло, как днем, от множества осветительных ракет.

Затем Монти перегруппировался. В ночь с 1 на 2 ноября 1942 г. стартовала вторая стадия наступления. Силами 400 танков, при мощной поддержке артиллерии и авиации противник атаковал на узком фронте на севере, обрушив всю тяжесть удара на слабые итальянские дивизии, и осуществил прорыв. Атакующие буквально стерли с лица земли итальянцев, многие из которых были ранены или погибли.

Роммель перебросил на участок прорыва 21-ю танковую дивизию, дислоцированную южнее [70] . Мне же отдали приказ прикрыть брешь и поддержать брошенный на произвол судьбы XX итальянский корпус.

В тот же день, 2 ноября, в соответствии с заранее подготовленными планами я распорядился, чтобы части снабжения, в том числе и взвод пекарей, отступали в Киренаику. Чтобы не утратить связи с ними, я снабдил их бронеавтомобилем

с рацией.

До рассвета 3 ноября мы оставили оазис Сива и передислоцировались в район расположения XX итальянского корпуса, который на тот момент, если не считать активности КВВС, еще не испытывал на себе сильного натиска наступающего неприятели.

К огромному счастью, мне удалось сохранить связь со штабом Роммеля. Мне сказали, что Роммель вот-вот отдаст приказ об отступлении, поскольку нет никакой возможности удержать прорванный на нескольких участках фронт, особенно в условиях непрекращающихся ударов с воздуха. Отдав британцам Киренаику, Роммель рассчитывал добраться до Триполитании и создать там рубеж обороны. При этом особенно важным для него представлялось сохранить как можно больше людей, отвести на дистанцию почти в 2000 километров наши части, особенно немеханизированные итальянские пехотные дивизии.

Пока Роммель занимался подготовкой к спасению наших войск, от фюрера поступил сколь же краткий, столь и бескомпромиссный приказ: «У солдат нет выбора, только победа или смерть». Все это означало, что высшая власть запрещала любое отступление.

Как признавался мне Роммель спустя некоторое время, он разрывался между долгом – обязанностью всецело подчиняться приказам командования – и необходимостью принять решение в соответствии с положением на фронте, где создалась угроза гибели всего нашего африканского контингента. Во второй половине дня 3 ноября он решился довести приказ фюрера до сведения командиров, солдатам же велел пока ничего не говорить. Роммель был просто раздавлен, однако он все же подчинился.

Утром 4 ноября, после мощной артиллерийской подготовки, британцы перешли в наступление против Африканского корпуса. Они располагали 200 танками, включая и новейшие «шерманы», у нас же осталось лишь 20 танков. Несмотря на прорванный в нескольких местах фронт, Африканский корпус продолжал держаться и наносить неприятелю значительный урон, особенно за счет применения 88-мм орудий. Однако в то время как противник имел возможность восполнять потери практически немедленно, нам не хватало всего – танков, тяжелого вооружения и боеприпасов.

Затем около десяти часов, после интенсивного артиллерийского обстрела и массированных налетов КВВС, британцы ударили на XX итальянский корпус, который, не располагая адекватным оборонительным вооружением, просто не

мог выдержать атаку. Я попытался как-то помочь итальянцам, но имел в своем распоряжении лишь разведывательную бронетехнику, тогда как они – слабые противотанковые орудия, одним словом, поддержка моя была скорее моральной.

У меня разрывалось сердце от того, что приходилось видеть, как отчаянно, истекая кровью, сражаются наши самые верные союзники, дивизия «Ариете», как погибают остатки дивизий «Триесте» и «Литторио», их жалкие танки («жестянки из-под сардин», как мы называли их) один за другим вспыхивали на поле боя жаркими кострами. Хотя нам самим приходилось вести бои, мне удалось сохранить взаимодействие с XX итальянским корпусом до тех пор, пока его почти полностью не окружили.

Около 15.30 командир дивизии «Ариете» [71] послал по рации последний рапорт Роммелю: «Мы окружены, танковая дивизия “Ариете” еще держится». К вечеру XX итальянский корпус прекратил свое существование. Мы лишились верных и храбрых боевых товарищей, от которых требовали больше, чем они могли сделать.

Британцы устремились вперед на участке шириной около 20 километров и создали угрозу обхода с юга Африканскому корпусу, который отчаянно дрался на позициях к северу. Тут Роммель и решился на немедленное отступление, таким образом не подчинившись приказу Гитлера. Из примерно 750 танков [72] , имевшихся в распоряжении наших войск в Африке на момент перед началом британского наступления, у нас осталось всего 12 машин.

Я получил приказ выйти из боевого соприкосновения с неприятелем и передислоцироваться для начала в район между оазисами Сива и Джарабуб, находившимся к западу от Сивы уже на территории Ливии. Задача моя состояла в ведении разведки во всех направлениях и предотвращении фланговых охватов отступающих частей с юга.

Утром 5 ноября, не вступая в бой с противником, мы вышли в район к северу от оазисов Сива и Джарабуб. Наши дозоры действовали «широким веером», прощупывая местности к востоку, к юго-востоку и к югу. Песчаные бури сменялись ливнями, что делало многие дороги для откатывающихся частей армии «Африка» непроходимыми [73] .

На следующий день мы столкнулись с британскими дозорами, посланными, по всей видимости, с целью выяснить возможность осуществления флангового охвата. Однако мы легко отразили врага.

7 ноября патрулировавший далеко на востоке отряд обнаружил генерала Рамке, командира парашютной бригады,

которая вела боевые действия к югу от Эль-Аламейна [74] . Мы доставили генерала Рамке в расположение батальона на машине разведки. Он выглядел совершенно измотанным и попросил как можно скорее доставить его к Роммелю. Для его парашютистов – элитной части – настали времена суровых испытаний и геройских подвигов.

Я немедленно доложил Роммелю по рации:

– Нами обнаружены генерал Рамке с его 700 человек и вооружением. Он находится на моем командном пункте.

Роммель ответил, что очень беспокоился о судьбе парашютистов и считал их часть уничтоженной. Мне было приказано доставить генерала к командующему и помочь парашютистам транспортом.

Никогда не забуду, какими измученными казались парни Рамке, когда мы увидели их в расположении нашего батальона. Они избавились от «всего лишнего», оставив при себе только воду и оружие, однако моральный дух находился на поразительной высоте.

Утром 8 ноября Роммель появился на моем командном пункте – восточнее границы между Египтом и Ливией – и ввел меня в курс происходящего. С 4 ноября армия «Африка» отступала к ливийской границе на всех участках фронта. Мы из последних сил сдерживали отчаянный натиск британцев. Горючее, которое разгружалось в Бенгази, поступало на фронт слишком поздно или вовсе не доходило до немецких танковых дивизий, в результате приходилось взрывать последние машины. На тот момент на ходу оставалось лишь четыре танка, так что основную нагрузку по отражению неприятеля несли 88-мм орудия.

Роммель рассказал о том, какой кошмар творится на шоссе вдоль побережья. Под ударами британских танков, под постоянными атаками авиации солдаты бросают пылающую технику и пытаются найти спасение в бегстве. Поскольку дорога блокирована, грузовики снабжения не в состоянии пробиться к местам назначения.

Роммель намеревался создать на перевалах Ливии заставы из офицеров и с их помощью провести через горы по возможности большую часть сил армии «Африка».

На лице Роммеля явственно читались следы глубокого разочарования.

– Из-за безумного приказа Гитлера мы потеряли сутки, упустили наиважнейший момент, понесли потери, которые нечем восполнить. Удержать Киренаику я не смогу, а потому с остатками Африканского корпуса, возглавляемыми полковником

Байерляйном [75] , я пройду через Южную Киренаику, прорвусь через нее, невзирая на песчаные бури, чтобы создать рубеж обороны у Мерса-эль-Брега (у самой границы Триполитании).

У меня есть сведения, – продолжал Роммель, – что британцы, силами разведывательных подразделений и бронемашин, стараются развить успех и произвести фланговый охват с юга всего Африканского корпуса. Их прорыв грозит нам гибелью. Поэтому я пошлю вам группу разведки Фосса – 580-й моторизованный разведывательный батальон майора Фосса и 33-й моторизованный разведывательный батальон майора Линау [76] , – чтобы у вас хватило сил отразить любой маневр на окружение.

Казалось, Роммеля ничем не взять. Однако нельзя было не заметить, сколь сильно подорвало его силы отношение высшего руководства. Во что превратилась гордая армия «Африка» Роммеля? Как же тяжело ему было в считаные дни бросать все, что было им завоевано в отчаянных и ошеломляющих по смелости операциях.

Мы все чувствовали себя обязанными встать плечом к плечу с «нашим Роммелем».

Прибыли со своими батальонами майор Фосс и майор Линау. Под моим командованием была сформирована механизированная группа разведки армии «Африка». Фосс рассказал мне подробнее о том, какие ужасные сцены разворачиваются на побережье.

– Страшно было видеть, как итальянцы и наши солдаты гроздьями повисают на последних уцелевших машинах, – сказал Фосс. – Некоторые из оставшихся танков пришлось тянуть на буксире – горючее кончилось. Снабженцы практически не могли прорваться к нам через массы отступающих. Но самое кошмарное – наша беспомощность перед лицом КВВС, которые замостили дорогу заново, только не асфальтом, а бомбами. Они поливают колонны огнем не только днем, но и ночью.

Я разделил подконтрольную территорию на оперативные участки, чтобы вся она постоянно находилась под наблюдением наших трех батальонов.

На следующий день Гаузе прислал нам «Физелер Шторх», испытанную легкую машину, незаменимую для разведки и связи, особенно в нашей ситуации, поскольку «Гибли» нам пришлось вернуть итальянцам. Мой адъютант или я раз или даже дважды в день садились в самолет и облетали районы патрулирования, чтобы вовремя засечь противника. Так мы экономили горючее в баках нашей разведывательной техники.

5 ноября остатки некогда гордой армии «Африка» пересекли границу Ливии. В течение следующей недели, к 13 ноября, наши

измученные и изрядно поредевшие части достигли Мерса-эль-Брега. Ценой ужасных потерь командующему удалось сохранить армию, пройдя 1000 километров; в 21-й танковой дивизии на ходу осталось четыре танка.

8 ноября из штаб-квартиры сообщили о высадке американцев в Марокко и в Алжире и о том, что создается угроза удара по армии «Африка» с двух сторон. Чтобы предотвратить это, 9 ноября части Люфтваффе высадились в городе Тунис и около него; 11-го к ним добавились парашютисты. Следом подтягивались немецкая 10-я танковая и одна итальянская дивизии. Была сформирована 5-я танковая армия.

Новость о высадке американцев очень встревожила нас, хотя от Туниса нас пока еще отделяло большое расстояние. Пошли слухи, будто бы французское оперативно-тактическое соединение выступило из Чада и двигается через пустыню в направлении Туниса, чтобы отрезать нас ударом с юга.

Через несколько дней из штаба Роммеля сообщили о том, что пришлют на усиление мне итальянский разведывательный бронебатальон «Ницца». Поначалу такая перспектива мало порадовала меня, поскольку я не приходил в восторг от качества вооружения итальянцев и от состояния их боевого духа. Однако они прибыли, как положено – полнокровное подразделение, грамотное руководство. Их командир, высокий светловолосый майор, отрапортовал о своем поступлении в мое распоряжение. Позднее он признался, что получил назначение «по причинам дисциплинарного характера» – попросту завел интрижку с представительницей королевской фамилии. Все офицеры и солдаты были исключительно с севера – из Пьемонта и Венеции. Гордые и смелые, они стремились доказать нам, что умеют сражаться.

– Могли бы наши дозоры действовать совместно с вашими? – спросили меня командир и его офицеры. – Это стало бы для нас самой лучшей школой.

Я осмотрел их бронемашины [77] .

– Опять банки с сардинами, – ворчали наши люди, глазея на технику союзников. И верно, снаряжение не отвечало даже стандартам времен начала Польской кампании. Куда им до британских «хамберов», что могут они поделать против противотанковых пушек противника. Между тем итальянцы рвались в бой.

Впоследствии меня одолевали противоречивые чувства: восхищение граничило с жалостью, которую вызывали у меня эти отважные люди. Они теряли друзей, проливали кровь, но не сдавались, до конца оставаясь нашими добрыми друзьями.

Мы же, несомненно, часто несправедливо относились к нашим союзникам итальянцам. Называя их повсеместно «макаронниками», мы традиционно смотрели на них не как на помощь, а как на обузу. При этом мы как-то все время забывали о том, что их бронетехника не шла ни в какое сравнение с той, которой располагали мы и наши противники в Северной Африке.

Итальянцы отличаются жизнерадостностью и дружелюбием, они не такие, как мы, немцы. О них можно сказать, что они «работают, чтобы жить», тогда как мы в большей степени «живем, чтобы работать». Нельзя не признать, что итальянцы – выдающиеся саперы, мастера строить укрепления и дороги; ну и, конечно, они дали миру лучшую оперу и лучших исполнителей классической музыки. Наследие культуры древних римлян и теперь чувствуется в этом народе, оказывает влияние и на другие страны. Обаяние и живость, средиземноморский климат – все это неизменно восхищает гостей из других земель.

Все эти качества и особенности, разумеется, оказывают влияние на итальянского солдата. Он не способен принимать войну со смертельной серьезностью и не желает продолжать ее тогда, когда она становится безнадежной. Патетика Гитлера с его воззваниями вроде «пусть немецкие солдаты сражаются или умрут» совершенно чужда итальянцам.

Вот под таким углом и следует смотреть на боевые качества и боевой дух наших союзников. Тем более могли мы оценить вклад батальона «Ницца», офицеры и солдаты которого храбро сражались плечом к плечу с нами до конца – до горького конца.

Невозможность возмещать потери в вооружении, нехватка боеприпасов и горючего и прочие снабженческие проблемы катастрофическим образом сказывались на процессе отступления. Я уже не говорю о тех танках и прочей боевой технике, которую приходилось тащить на буксирах или взрывать, достаточно сказать, что порой случалось, что немецкий танковый корпус встречал атакующих британских танкистов или самолеты КВВС неподвижным из-за отсутствия бензина.

Наш разведывательный батальон был в огромном долгу перед начальником снабжения: ему то и дело удавалось добывать жизненно важное топливо и переправлять его к нам в пустыню маленькими колоннами. Только однажды такая колонна попала в переделку за линией фронта и была уничтожена британцами, о чем сообщил нам радист из сопровождавшей снабженцев бронемашины.

Для нас это обернулось введением рационирования воды: пол-литра в день на человека из расчета на десять дней. Пол-литра воды для питья, и никакой речи о мытье или бритье. Но

ничего не поделаешь, приходилось экономить – без воды посреди пустыни нам было просто не выжить. Несмотря на все лишения, мы продержались эти десять дней.

Начиная с 6 ноября моя группа разведки, находившаяся тогда далеко в пустыне, действовала сначала из оазиса Джарабуб, расположенного примерно в 250 километрах к югу от побережья.

Каменная пустыня не была такой же ровной, как дальше на север, и это не позволяло проводить крупные военные операции. Чем дальше мы углублялись в южном направлении, тем более гористой становилась местность. Местами попадались словно облизанные ветром скалы – целые гряды скал, тянувшихся с севера на юг и превращавшиеся в препятствие, преодолеть которое было затруднительно. А еще южнее начиналась песчаная пустыня с ее высокими, непроходимыми барханами. Длинные морщины вади могли послужить укрытием на случай внезапной атаки.

Днем было очень жарко, а ночью жутко холодно, так что счастлив был тот, кто имел при себе бушлат или шарф, а лучше и то и другое. Вновь и вновь на нас обрушивались то песчаные бури, то ливни.

Возобновились стычки с неприятелем. Нам встретились «старые друзья» – Королевский драгунский и 11-й гусарский полки, с которыми мы уже имели дело по пути к Эль-Аламейну. Хотя мы понимали, что прикрываем отступление армии «Африка» на запад, у нас не было ощущения того, что мы бежим. Мы действовали на всех направлениях с целью поддержания соприкосновения с противником и сохранения возможности находиться в курсе его намерений. Чтобы разузнать о планах врага получше, приходилось добывать «языков».

Наши бронетанковые патрули разработали собственную тактику «поимки в сети»: на ровной местности, где видимость доходила порой до 20 километров, мы строили свои быстрые четырехосные бронемашины охватным серпом и заманивали в него британские «хамберы», чтобы захлопнуть западню с двух сторон. Обычно тактика срабатывала, хотя, случалось, мы теряли отдельные бронемашины под огнем более мощных пушек «хамберов».

Ко мне привели первых пленных, и некоторые из них приветствовали меня словами:

– С новым свиданьицем, разведка.

Британцы не расставались со своим чувством юмора ни в каких ситуациях. После недолгих расспросов мы выяснили, что главная задача британских батальонов – не дать нам перерезать артерии снабжения Монтгомери нападениями на них из пустыни.

Однако более интересным оказалось то, что сообщил молодой офицер, который тут же пожалел о том, что раскрыл рот. Группе дальнего действия в пустыне майора (позднее подполковника) Стерлинга поручили отыскать путь для того, чтобы провести целую британскую танковую дивизию через горную местность дальше на юг. С такого момента началась наша так называемая «охота на Стерлинга». Иногда нам попадались следы колес, оставить которые могли только его бронеавтомашины разведки. Но вновь и вновь этим хитрецам удавалось избежать столкновений.

Пару недель спустя дозорным посчастливилось захватить сбившуюся с пути командирскую машину Группы дальнего действия в пустыне. Так в руки нам попала карта, на которой был обозначен весь маршрут, по которому британцы намеревались провести в тыл нашим подготовленным позициям целую танковую дивизию. Благодаря этой карте Роммелю удалось спасти от угрозы окружения некоторые части Африканского корпуса.

Со временем мы узнали имена командиров двух британских разведывательных батальонов. Моя фамилия тоже нередко звучала у противника – частенько пленные говорили мне:

– Так вот вы какой, майор фон Люк. Мы тоже ловили вас, да не получилось.

В то время как вся армия «Африка» прилагала титанические усилия, чтобы в порядке осуществить отход через Киренаику, мы с нашими четырьмя батальонами имели возможность три недели действовать на полной воле, не тревожимые танками и самолетами противника.

Мы даже разработали своего рода традицию. Где-то около пяти вечера разведывательные дозоры начинали сворачиваться, чтобы вовремя добраться до базы, потому что на лишенной даже деревьев, не говоря уже о каких-либо других ориентирах, местности найти путь к месту расположения было просто невозможно. С целью избежать обнаружения нашего лагеря неприятелем подавать световые сигналы разрешалось только в самом крайнем случае. Оба британских батальона поступали аналогичным образом, а потому после 17.00 вся разведывательная и вообще боевая активность затухала, чтобы возобновиться с рассветом следующего дня.

– Мы могли бы договориться с британцами о перемирии начиная с 17.00 и до утра, – пошутил я как-то, обращаясь к стоявшим рядом.

– Почему бы нет? – подхватил лейтенант Венцель Людеке, офицер резерва, ранее работавший на киностудии UFA

помощником режиссера. – В конце концов, – продолжал он, – юмора у британцев не отнять. Надо хотя бы предложить им.

На помощь нам пришел случай. Как-то вечером, когда все отряды уже возвратились, меня навестил мой начальник разведки.

– Королевский драгунский полк на связи, – сообщил он, – хотят поговорить с вами.

– Привет, это Королевский драгунский. Может быть, вам покажется необычным такое обращение по рации, но сегодня вечером у нас пропал лейтенант Смит со своим отрядом. Он, часом, не у вас? Если да, то как у них дела?

Одному из наших патрулей посчастливилось взять в плен нескольких солдат противника. Как выяснилось, это действительно оказался лейтенант Смит со своим отрядом.

– Да, он у нас. Никто из них не ранен. Они передают привет семьям и друзьям, – затем последовало мое контрпредложение: – Можем ли и мы обращаться к вам и в 11-й гусарский, если кого-нибудь недосчитаемся?

– Разумеется, всегда рады будем помочь.

Прошло всего несколько дней, прежде чем мы выработали «джентльменское соглашение»:

– Ровно в 17.00 все враждебные действия приостанавливаются. Мы прозвали это «чаепитием» [78] . – В 17.05 мы и британцы будем выходить друг с другом на связь открыто, чтобы «обменяться новостями», в том числе и относительно пленных.

Вообще-то, с расстояния где-то в 15–20 километров мы часто слышали, как британцы растапливают свои печки и готовят чай. Соглашение соблюдалось обеими сторонами до тех пор, пока обстоятельства не развели нас в Тунисе. Пленным нередко приходилось оставаться у нас по несколько дней, пока не прибывала следующая колонна снабжения и их можно было отправить в тыл. Мы делились с ними чем могли из своего небогатого пищевого довольствия.

Однажды вечером, когда мы настроили рации на волну Белградской радиостанции и стали слушать «Лили Марлен», некоторые из пленных принялись подпевать.

– Там, у себя, мы тоже каждый вечер слушали «Лили Марлен», – признались они. – Уже есть английская версия. Монти строго-настрого запретил ее, но нам нравится и мелодия, и сентиментальные слова.

Французы и американцы тоже слушали ее, как выяснили мы позднее. Она каким-то образом облегчала всем жизнь.

Наше «соглашение о перерыве на чай» имело интересные

последствия. Как-то вечером доставили двух пленных, захваченных в пустыне. Высокого, светловолосого молодого лейтенанта и его водителя привели ко мне. Лейтенант-англичанин оказался этаким заносчивым снобом. Он лишь назвал мне свой служебный номер и больше ничего.

Я попытался втянуть его в разговор, стал рассказывать о своих поездках в Лондон, о друзьях, в том числе и о капитане Гвардейских гренадеров. Постепенно лейтенант «оттаял», и выяснилось, что он племянник одного из совладельцев сигаретной компании «Плейерс». Мои офицеры наперебой зашептали, и я не смог сдержать смеха.

– Лейтенант, что бы вы сказали, если бы я предложил вам обменять вас с водителем на сигареты? У нас сейчас с ними как раз туговато.

– А что, неплохо, – ответил он.

– Как вы сами думаете, на какое количество вы тянете? Что предлагать вашему командиру?

С ответом он не колебался:

– Миллион штук. 100 000 пачек.

Мой офицер радиосвязи вызвал полк Королевских драгун и передал им предложение.

– Подождите, пожалуйста, мы сейчас ответим, – услышали мы. Затем через несколько минут: – К сожалению, у нас у самих в данный момент ощущается нехватка сигарет. Можем предложить только 600 000 штук. Согласны?

К моему огромному удивлению, молодой лейтенант категорически не согласился с этим.

– Миллион, и ни одной сигаретой меньше. Последнее слово! – отрезал он. Ничего не поделать, сигарет действительно не хватало, и молодому человеку пришлось остаться в плену.

Спустя неделю с наступлением темноты куда-то пропал наш врач. Вздумалось прогуляться по известной надобности.

– Доктор, – окликнул я его перед этим. – Не уходите слишком далеко, скоро стемнеет.

Он меня, похоже, не услышал.

Когда он не вернулся через полчаса, мы забеспокоились. Не говоря уже о том, что его все любили, без врача в условиях тропиков нам бы пришлось очень тяжело. Мы отправились искать и даже принялись подавать условленные световые сигналы. Врача не было нигде. Заблудился он, что ли, или британцы похитили? Мы спросили.

– Да, врач у нас. Наскочил прямо на наш дозор. На сей раз у нас есть предложение. Японцы перерезали наши пути коммуникаций на Дальнем Востоке. У нас кончился хинин, и мы

страдаем от малярии. Нельзя ли обменять доктора на какое-то количество вашего искусственного атебрина? Что скажете?

– Подождите немного, – попросил я. Тут вставал, так сказать, моральный вопрос: что важнее, воспользоваться положением противника, силы которого точит малярия, или же заполучить назад доктора? Долго я не колебался: – Хорошо, принимается. Сколько упаковок вы хотите за врача?

Мы сошлись на количестве, которое могли оторвать от себя, и договорились об условиях обмена на следующее утро. С каждой стороны выехало по вездеходу с белым флагом – церемонии были соблюдены в лучшем виде.

– Ваша прогулка дорого обошлась нам, доктор. Так или иначе, хорошо, что вы снова с нами, – Роммель, которому я рассказал о сделке во время его посещения нашей группы, меня понял.

– Я никогда не сомневался в британцах. Рад, что тут, в пустыне, вы имеете возможность играть честно, – сказал он. – Там, на побережье, мы бьемся за выживание.

Только однажды «соглашение» было нарушено, причем непреднамеренно. Как-то вечером дозорные вернулись с операции с британским грузовиком снабжения. Командовал патрулем молодой лейтенант, который совсем недавно прибыл к нам из Германии.

– Господин майор, – гордо сообщил он, – в грузовике полно тушенки и прочих консервов, пива и сигарет.

– Когда вы захватили его? – первым делом поинтересовался я. Тут выяснилось, что машину отбили у противника около 17.30, то есть после оговоренного срока.

– Вы с ума сошли? У нас же соглашение! Так нельзя.

Лейтенант был поражен:

– Но нам все это просто необходимо. К тому же британцы не получат груза. Война есть война.

Я представил себе, что произойдет, и тут же связался по рации с Роммелем:

– Есть впечатление, что британские патрули намерены обойти нас с юга. Предлагаю передислоцироваться южнее.

Роммель согласился и сообщил, что на следующий день мои позиции займет другое небольшое подразделение. Командира части я проинструктировал относительно ситуации в данном районе и предупредил насчет британских отрядов, которые могут появиться внезапно и попытаться захватить кого-нибудь в плен. После полудня я передислоцировался южнее.

Случилось то, чего я и ожидал. Вечером, где-то около 17.30, британское подразделение напало на сменившую нас часть,

захватило два грузовика и исчезло в темноте. Джентльменское соглашение есть джентльменское соглашение.

Конец «соглашению» настал позднее, когда мы уже действовали в глубине пустыни Туниса. На несколько дней мы утратили контакт с двумя британскими батальонами. Потом вдруг к моей командирской машине приблизился связной:

– Тут один бедуин хочет поговорить с вами, господин майор.

Бедуин подошел и поклонился:

– Салам, у меня для вас письмо. Буду ждать ответа.

Бедуин с письмом здесь, посреди пустыни, где, как есть все основания считать, никто не может нас найти? Похоже, бедуины всегда знали, где мы. Я развернул письмо.

«От командира Королевских драгун.

Дорогой майор фон Люк, у нас теперь другие задачи, посему мы не сможем больше находиться в контакте с вами. Судьба войны в Африке решена и, к моему большому счастью, не в вашу пользу.

Поэтому мне хотелось бы поблагодарить вас и ваших солдат от себя и от имени личного состава моей части за то, сколь честную игру вы вели с нами.

И я, и все в моем батальоне надеются, что вам посчастливится выйти из войны целыми и невредимыми и что у нас еще будет возможность встретиться при более благоприятных обстоятельствах.

С глубочайшим уважением».

Я сел за стол и написал ответ командиру Королевского драгунского полка в аналогичном тоне. – Доставьте письмо тому человеку, письмо которого вы принесли мне, – наказал я бедуину. – Передайте ему от меня спасибо, но не говорите, где вы нашли нас.

Начались затяжные ливни, позволившие нам закрепиться на позициях в районе Мерса-эль-Брега. Разливы, вызванные проливными дождями, мешали не только нам, но и британским батальонам. Мы не могли пользоваться вади как укрытиями, поскольку водяные потоки глубиной до метра мчались по ним и сметали все на своем пути. Мы дислоцировались к югу от Аджедабии, недалеко от границы Киренаики и Триполитании.

20 ноября меня вызвал Роммель. Он на короткое время оборудовал свою штаб-квартиру у летного поля, на которое и опустился привезший меня «Физелер».

Роммель выглядел чрезвычайно утомленным. Мундир был помятым и пропыленным.

Тяжелое отступление, глубокое разочарование и не до конца вылеченная болезнь – все это наложило тяжелый отпечаток. Он

поприветствовал меня и вместо того, чтобы отдать новые приказы, за которыми я прилетел, предложил:

– Идемте прогуляемся, – генерал Гаузе кивнул мне, словно бы радуясь, что Роммель готов отвлечься от дел. Мы прошлись по краю аэродрома.

– Я больше не знаю, как решить проблему снабжения, – начал Роммель. – Несколько дней назад итальянский эсминец с 500 тоннами горючего повернул на запад и разгрузился в Триполи вместо того, чтобы идти сюда, в Бенгази. Кессельринг обещал перебросить топливо по воздуху. Первые пятьдесят Ju-52 уже летят сюда.

Вдалеке послышался рокот двигателей, но затем заговорили пушки. Из пятидесяти машин вскоре приземлились только пять – остальные были сбиты над морем. Откуда британцы обо всем узнали? Теперь-то я знаю, это была работа Джин Хауард и ее друзей из Блечли. Роммеля гибель самолетов просто раздавила. Он затопал ногами.

– Люк, это конец! Мы не удержим даже Триполитанию, нам придется откатываться в Тунис. Там мы столкнемся с американцами и, возможно, еще с французами, которые, как следует предполагать, силами боевой группы маршем идут в Тунис из Чада через южную пустыню. Произойдет то, чего я со страхом ждал последние недели: наша гордая армия «Африка» и те новые дивизии, что высадились на севере Туниса, будут потеряны. Сначала Сталинград, где теперь в котле 200 000 опытных ветеранов, а затем мы лишимся Африки, погубив в ней наши элитные дивизии.

Я даже растерялся:

– Господин фельдмаршал, у нас еще есть шанс. Люди стоят за вас горой, а боевой дух просто первоклассный. Если мы не можем получить достаточного для нас количества снабжения, будем держаться с тем, что дают. Положение может улучшиться.

Роммель улыбнулся:

– Я не сомневаюсь и горд за своих солдат. Но снабжение не придет. Ставка Гитлера уже списала наш ТВД со счетов. Все, что он ожидает, это чтобы «немецкий солдат побеждал или умирал». Нам же нужно проделать нечто вроде немецкого «Дюнкерка». То есть доставить на Сицилию по воздуху и по воде как можно больше офицеров, солдат и специалистов, бросив здесь всю материальную часть. Люди понадобятся нам для решающего боя в Европе.

– Но как вы скажете это Гитлеру? – спросил я.

– Посовещавшись с Кессельрингом и итальянцами, я полечу к Гитлеру в Растенбург и выложу ему откровенно все, что думаю.

Мое слово еще чего-то стоит, народ и мои солдаты не утратили уважения ко мне. Но я больше не верю, что мы получим все необходимое: нужные нам дивизии, самолеты и снабжение, с которыми могли бы вновь побеждать.

Лицо его осунулось, плечи поникли. Он представлял собой воплощение уныния.

– Война проиграна, Люк! – проговорил он.

Меня точно громом поразило. Неужели все было напрасно?

– Мы все еще в глубине России, – возразил я. – Половина Европы наша. Как ни горько будет потерять Северную Африку, мы продолжим войну в Европе и сумеем выиграть.

– Люк, пока у нас есть все эти козыри на руках, нам надо искать возможности заключить перемирие. Если удастся, договориться о мире с западными союзниками. У нас есть еще что предложить им. Разумеется, Гитлеру придется уйти. Нам надо будет немедленно прекратить преследование евреев и сделать уступки церкви. Возможно, все это звучит похожим на утопию, однако только так можно остановить бойню и дальнейшее разрушение наших городов.

Что так круто изменило отношение Роммеля к Гитлеру и к войне? Вне сомнения, величайшее разочарование, вызванное тем, что его, по сути дела, бросили на произвол судьбы, наплевали на его планы и не придали должного внимания ТВД, на котором он действовал. Мы медленно пошли в направлении его штаба. Роммель снова коснулся моего плеча.

– Люк, однажды вы вспомните мои слова. Угроза Европе и нашему цивилизованному миру исходит с Востока. Если народы Европы не сумеют объединиться и встать на пути этой опасности, Западная Европа погибнет. На данный момент я вижу лишь одного «воителя», готового возглавить дело объединенной Европы. Это Черчилль!

Слова Роммеля произвели на меня глубокое впечатление.

Как рассказал мне в начале декабря генерал Гаузе, 24 ноября Роммель имел крупный разговор на совещании с маршалами Кессельрингом и Кавальеро. 28 ноября он вылетел в Растенбург, в Восточную Пруссию, чтобы повидаться с Гитлером. Важнейшая встреча произвела эффект, прямо противоположный тому, на который рассчитывал Роммель. Гитлер счел Роммеля больным, утомленным, а его доклад о сложившейся ситуации – преувеличенным. В раздражении он отказался даже обсуждать саму возможность эвакуации армии «Африка».

Вперед вылез Геринг и пообещал Гитлеру добиться перелома в войне в Северной Африке путем решительной интервенции Люфтваффе. Геринг давно «точил зуб» на Роммеля, поскольку тот

высказался прямо в отношении дивизий Геринга и войск СС, назвав их «преторианской гвардией», которая должна быть включена в состав армии.

Роммель вернулся обратно «к своим» солдатам, несмотря на предложение пройти курс лечения от тропической болезни. Все, с чем он приехал, были пустые обещания поддержки.

13 ноября, после того как наши отступающие части уничтожили все важные объекты Тобрука, город был оставлен и без боя взят британцами. Довольно крови пролилось здесь с обеих сторон за предшествующие полтора года.

Отступление через Южную Киренаику стало мастерским достижением Роммеля. Если не считать материального ущерба, можно сказать, что потерь мы почти не понесли.

Ситуация с топливом становилась все более отчаянной. Из обещанных 250 тонн воздушные транспорты доставили только 60. Этого хватало нам на то только, чтобы покрыть 150 километров, не вступая в бои. К счастью, проливные и затяжные дожди осложняли британцам задачу преследования. Между тем итальянские эсминцы с горючим на борту повернули на запад, и Африканский корпус вновь остался без топлива. На последних каплях нам удалось отвести наши моторизованные части в район к западу от Мерса-эль-Брега.

Роммель беспокоился в отношении мощной фланговой атаки вокруг соляного озера к югу от Мерса-эль-Брега. Мне пришлось интенсифицировать разведывательную активность в данном районе. В то же время нашу группу разведки раскололи: батальоны Фосса и Линау были переброшены на север, а со мной остался только батальон «Ницца».

Нас снова собрал Гаузе:

– Ввиду нехватки горючего мы не можем позволить себе вступить в боевое соприкосновение с британцами под Мерса-эль-Брега или к югу от него. Все указывает на приближение сильного британского наступления.

С 6 декабря немеханизированные немецкие и итальянские части отводились к Тунису, что было тоже непросто по причине отсутствия все того же бензина. Ситуация со снабжением становилась все хуже. Все чаще дивизии и полки лишались подвижности. Только благодаря опыту и высочайшему боевому духу нам иногда удавалось извернуться и высвободить их из окружения, добыв немного горючего. «Физелер Шторх» я был вынужден отдать – в нем возникла нужда в штаб-квартире. Пришлось уплотнить сеть дозоров. К счастью, наша воздушная разведка усилила наблюдение в районах далее к югу. Правда, в процессе мы попали под огонь наших собственных истребителей,

которые никак не ожидали встретить нас на таком удалении от района базирования. Во время налетов всем приходилось покидать технику и, отбежав метров 20 или 30, бросаться на песок. Радисты часто добровольно не оставляли постов, чтобы отсылать наши донесения.

Наши воздушные разведчики сообщили о появлении южнее сильной колонны, по всей видимости, целой британской бронетанковой дивизии, целью которой мог являться обход с фланга позиций у Нофилии. 17 декабря я с батальоном передислоцировался севернее, откуда с другими частями Африканского корпуса мы развернули атаку во фланг этой дивизии. Все вместе – особенно при помощи наших 88-мм орудий – мы сумели подбить 20 британских танков и отвратить угрозу.

В то время как части армии «Африка» на побережье сражались за жизнь в условиях хронической нехватки горючего, мы вновь вернулись в пустыню. Опасность попытки противника обойти нас с фланга по-прежнему оставалась высока.

Южнее «линии Буэрата» мы вновь столкнулись с нашими британскими «друзьями» и возобновили наше «соглашение о пятичасовом перемирии». Однако нам случилось напасть на след Группы дальнего действия в пустыне, и след этот повел нас дальше на запад. Генерал Гаузе сообщил, что британцам, судя по всему, придется сделать остановку, поскольку им необходимо реорганизовать сеть снабжения. Между тем ожидалось нападение на охват с фланга со стороны легендарного подполковника Стерлинга. Задача состояла в как можно более интенсивной рекогносцировке насколько возможно дальше к югу от района Триполи – Хомс, обращая особенное внимание на почти непроходимые гряды гор с севера на юг между Хомсом и Триполи.

Глава 13 Поражение в Северной Африке. 1943 г

Как-то незадолго до Рождества во второй половине дня, около четырех часов, я решил отправиться на высоту примерно в 12 километрах к югу, чтобы осмотреть местность. Непредусмотрительно я поехал на легком бронеавтомобиле без рации, я не очень волновался, так как к пяти рассчитывал вернуться. Так или иначе, я приказал водителю трогаться в путь.

Ничего необычного мне обнаружить не удалось, мы поехали обратно и… по пути обнаружили крупный британский отряд прямо между собой и своим батальоном. Противник, по-видимому, намеревался встать тут лагерем на ночь. К счастью, мы остались незамеченными и отъехали сначала на юг, а потом повернули на запад. Из-за трудной местности прошло немало времени, пока мы смогли как следует увеличить расстояние между собой и британцами. Тем временем вокруг темнело, и шансов отыскать батальон становилось все меньше. Хотя в машине и не было рации, у меня имелся по меньшей мере компас.

В последнем свете уходящего дня мы заметили вади, в которой решили заночевать. Приблизившись к склону, обнаружили там семейство бедуина с верблюдами и палатками. С куском белой материи я направился к бедуинам, которые тут же сбежались и собрались все вместе. Я объяснил им, что я немец. На дикой смеси итальянского и арабского мне удалось обрисовать им свое положение и попросить принять меня с водителем на ночлег.

– Будьте нашими гостями, немцы. Ничего не случится с вами, а утром мы покажем вам дорогу к своим. Завтра мы тоже снимемся отсюда и двинемся на юг и не вернемся до тех пор, пока вы и британцы не уйдете.

Женщины, как и всегда, оставались в палатках и лишь исподтишка бросали взгляды на чужестранцев. Старший в семье проводил нас к очагу, и мы уселись возле него. Кочевники подбрасывали в невысокий костер стебли верблюжьей колючки, над пламенем на железных вилках висели три чайника. Начиналась арабская чайная церемония.

В одном чайнике кипела просто подслащенная вода, в другом она заправлялась листьями, в третьем же в сладкую воду всыпали чай. Процесс продолжался до тех пор, пока крепкий и тягучий чай не перелили в котелок. Затем раздали маленькие пиалы в медных

подстаканниках, и наступил самый удивительный момент. Старший в семье брал пиалы одну за другой, подносил носик котелка к самой кромке чашки и, пока чай лился, поднимал котелок все выше и выше, так что в конце чайная струя падала в пиалу с высоты около метра, но при этом не проливалось ни капли. Как мне объяснили потом, делалось это для того, чтобы чай напитался воздухом, что поможет сделать напиток особо ароматным. Еще мне сказали, что для бедуинов особая гордость состоит в том, чтобы уметь аккуратно разлить чай в маленькие пиалы с высоты спины верблюда.

Вот так мы и сидели вместе: бедуинская семья, я и мой водитель. Тем временем настала ночь, и все небо покрылось звездами, среди которых было легко различить Южный Крест. Мы вдруг ощутили, в каком невероятном и благодатном месте очутились. Почти молча мужчины в бурнусах сидели у костра, отблески пламени которого придавали их лицам красно-коричневый оттенок. Мне вдруг почудилось, что течение времени остановилось, что его не стало, ведь мы могли бы сидеть тут так тысячу лет назад или через тысячу лет в будущем – часы, дни, месяцы, годы и даже столетия не имели тут никакого значения.

Мы завернулись в свои бушлаты – ночи в пустыне очень холодные. Перед самым рассветом бедуины свернули шатры. Старший в семье подошел проститься с нами:

– Немцы, мы снимаемся с места и идем к следующему колодцу. Поезжайте по этой верблюжьей тропе, пройдет три часа («верблюжьих часа») [79] , затем вам встретится другая тропа, которая ответвляется и уходит вправо. По ней вы проедете пять часов, затем увидите пригорок, а оттуда – ваших друзей. Британцы же вас не заметят. Да благословит вас Аллах и да поможет вернуться в свою страну живыми и невредимыми.

Мы пожали друг другу руки, и он ушел – растворился в пустыне со своим верблюдом.

Для меня всегда оставалось непостижимым, откуда эти люди так точно знали, где находятся наши позиции, ну и британские тоже.

Я перевел «верблюжьи часы» в «часы машины разведки», прикинул направление по компасу, и, осторожно проследовав по указанным тропам, мы выехали прямо к нашему батальону!

В расположении части царила тревога. Вчера вскоре после наступления темноты на поиски отправились патрули, которые смогли вернуться обратно в батальон, только воспользовавшись световыми сигналами. Нас же, естественно, не нашли. В конце концов связались с британцами из Королевского драгунского и 11-го гусарского полков, спросили у них, не взяли ли они нас в

плен.

– К искреннему сожалению, нет, – ответили там, – мы были бы рады принять у себя вашего командира!

Наступило Рождество 1942 г., но времени праздновать у нас не было. Да и в любом случае, как праздновать? В глубине пустыне, где нет не то что деревьев, бывает, и кустов не найдешь, в жаркие дни мы мысленно уносились домой, к нашим родным и близким, которым приходилось прятаться от воздушных налетов и голодать, получая минимум продуктов по карточкам.

31 декабря, в канун Нового года, неожиданно прилетел Роммель на своем «Физелер Шторхе». Он познакомил меня с обстановкой и проинструктировал насчет дальнейших планов:

– Люк, рано или поздно томми вновь атакуют и обойдут с фланга на юге наши позиции под Буэратом. Оставшиеся силы танковых дивизий нужны мне на севере. Группа разведки вновь пополнится. В ближайшие дни Линау и Фосс вернутся к вам, а кроме того, вы снова получите «Физелер Шторх», который поможет вам вести разведку.

– Меня очень беспокоят американцы с их огромными ресурсами вооружения, – продолжал Роммель. – Они могут ударить с гор Атласа и отрезать нас в районе Габеса от войск, находящихся на севере Туниса. Маршал Бастико разделяет мое мнение относительно того, что мы не можем позволить себе роскоши дать разгромить армию «Африка» под Буэратом. Я предложил перебросить остатки 21-й танковой дивизии в Южный Тунис, чтобы отразить возможное наступление американцев.

Затем Роммель повторил то, что уже говорил мне за несколько недель до этого:

– Я по-прежнему думаю, что – ввиду катастрофического положения со снабжением и состояния наших солдат, которые уже вынесли больше, чем в человеческих силах, – мы не сможем ничего изменить и непременно проиграем войну. Поэтому мне хотелось бы отвести как можно больше живой силы и техники в Тунис. Там горы – удобнее держать оборону, а к тому же – и это заботит меня больше всего – есть возможность спасти больше людей – вывести их по наиболее короткому маршруту в Сицилию.

– Теперь то, что касается вас, – продолжал Роммель. – Со своей группой разведки вы обеспечите мне весь район к югу от Хомса и Триполи. Британцы, вне сомнения, попытаются ударить нам в тыл.

До середины января 1943 г. у нас царила относительная тишина. 13 января 21-я танковая дивизия передислоцировалась в район «линии Марет» на юге Туниса. Пока, однако, американцы не выказывали намерений выдвинуться в восточном направлении

из скалистых гор Атласа.

Прибыли батальоны Фосса и Линау, прилетел и «Физелер». Мы, развернувшись широким веером, прощупывали южные районы, возобновляя контакты с нашими старыми «друзьями» на той стороне. К моему немалому удивлению, мой батальон на несколько дней вдруг перебросили в район к юго-западу от Триполи для доукомплектования. Командование остальными частями группы разведки принял майор Фосс.

Короткий отдых в тени оливковых рощ оказался совсем не лишним. Поступили пополнения, пришли боеприпасы и горючее. Я воспользовался возможностью наскоро посетить Триполи. В баре отеля «Уадан» итальянский бармен смешал мне коктейль.

– Следующий буду подавать, наверное, уже Монтгомери, – произнес он. Итальянцы относятся ко всему менее трагично.

13 января я вернулся в расположение группы разведки. 14-го числа при массированной поддержке артиллерии и авиации британцы двинулись на немецкие позиции под Буэратом. Затем совершили скачок к югу от Буэратского рубежа к Тархуне – Хомсу, то есть практически уже к Триполи.

Мою группу разведки вместе с частями 164-й дивизии и парашютистами тотчас же бросили для противодействия неприятелю на данном участке. Несмотря на значительные потери в танках, наступление к Гарьяну и Эль-Азизии развивалось в целом довольно успешно. Таким образом, британцы вышли в район южнее и западнее Триполи. Благодаря усилиям Группы дальнего действия в пустыне целая танковая дивизия прошла через каменистые горные уступы. Позиции в районе Хомс – Тархуна оказались под угрозой. Чтобы избежать уничтожения войск, Роммелю пришлось спешно выводить их оттуда.

20 января, даже находясь намного южнее Триполи, мы слышали, как там раздавались взрывы. Как я узнал позднее, в результате сверхчеловеческих усилий частей снабжения около 95 процентов имущества и содержимого складов удалось вывезти из Триполи в направлении Туниса, вся инфраструктура порта была уничтожена, а продовольственные склады переданы итальянскому мэру.

23 января британцы, не встречая противодействия, заняли Триполи.

Спустя несколько дней, когда мы прикрывали наши части, выходившие из боевого соприкосновения с противником к юго-западу от Триполи, дозорные донесли:

– Примерно в шести-восьми километрах северо-восточнее отмечается скопление высокопоставленных военных, вероятнее всего, там сам Монти, сильное прикрытие из танков и машин

разведки.

Я немедленно отправился в указанный район и принялся рассматривать скопление в бинокль. По всей видимости, там действительно находился сам Монтгомери, но что еще более невероятно – с ним, судя по всему, был и Черчилль в охотничьем колониальном шлеме. Они находились слишком далеко для нашего вооружения, а 88-мм пушки или другие подобные артиллерийские орудия у нас отсутствовали. Я немедленно сообщил по рации Гаузе:

– Есть уверенность, что на большом расстоянии от нас находятся Черчилль и Монти. Действия против них невозможны.

Вообще-то я немедленно вспомнил слова Роммеля о Черчилле, так что, наверное, не стал бы стрелять.

Позднее я получил подтверждение тому, что действительно мог видеть там Черчилля, который по пути в Касабланку сделал остановку, чтобы повидать Монти и его армию. Как бы там ни было, мы никогда не видели на нашем ТВД не то что Гитлера, даже хотя бы высших офицеров Главного командования Вермахта (OKW).

В январе наконец попал в плен подполковник Стерлинг, командир Группы дальнего действия в пустыне.

– Рад познакомиться, – сказал он при встрече. – С удовольствием проведу несколько дней в вашем обществе и, возможно, повстречаюсь с вашим знаменитым маршалом Роммелем.

Под мощным эскортом мы отправили его в штаб, но через день или два он сбежал. Однако из-за неудачной «сделки» с бедуинами был в итоге возвращен нам.

Британцы приостановили наступление для реорганизации системы снабжения. Мы же, путем невероятных усилий, под постоянными ударами КВВС, смогли все же вывести все наши части через границу Ливии и Туниса на позиции по «линии Марет».

С прибытием в Тунис группу разведки вновь расформировали. К большому сожалению, мне пришлось вернуть и «Физелер».

Задача наша состояла в том, чтобы предотвращать попытки прорыва британцев к югу от Марет или по меньшей мере сообщать о появлении там их частей. Особое внимание надлежало обратить на тропу, что вела на север из расположенного в пустыне форта Фум-Татавин. Именно оттуда ожидалось появление французской колонны, которая, совершив невозможное, должна была ударить нам в южный фланг из Чада через Сахару. Она опоздала – не смогла добраться до Туниса

вовремя.

Чтобы выяснить обстановку и разузнать о наших планах боевых действий в Тунисе, я отправил в штаб Роммеля офицера связи. По возвращении он сказал, что Роммель, надо полагать, готовит наступление через удерживаемые войсками армии США горы Атлас, чтобы смять совершенно неопытных американцев и затем прорваться на север – в их тыл. В данной операции задействовался и 3-й разведывательный батальон.

Вскоре после этого от Роммеля прибыл порученец с взводом противовоздушной обороны и батареей легкой артиллерии.

– Господин майор, – сказал он, – ваша задача в следующем: поскольку Роммель считает возможной попытку британцев совершить широкий охватный маневр с фланга на юге, а также не исключено и появление французской боевой группы, ваш усиленный батальон выступит на форт Фум-Татавин, захватит врасплох французский гарнизон и будет оттуда вести разведку в южном и юго-восточном направлениях. Если следов присутствия неприятеля так и не обнаружится, ваша боевая группа вернется на позиции Марет. Вы выступаете на юг завтрашним утром, поддерживайте постоянную радиосвязь.

В рассредоточенных порядках мы продвигались успешно до тех пор, пока нас не засекли британские самолеты-разведчики, они покружили над нами и улетели. Очень зловещий знак. Я послал Гаузе сообщение по рации:

– Ожидаю налета авиации противника на мою боевую группу, можете ли вызвать наши истребители? В остальном продвижение к Фум-Татавину нормальное.

Вот тут они и прилетели. Пришли от солнца и на бреющем полете: «Харрикейны» в сопровождении прикрытия – «Спитфайров», которые кружили высоко над ними.

Отдавать какие-либо специальные приказы было не нужно: все движение прекратилось, все и каждый выскочили из машин и бросились в песок метрах в 30 в сторону. Мои мотоциклисты открыли огонь из пулеметов, но безрезультатно. Мы не знали, что «брюхо» у «Харрикейна» бронированное. Целью их стал взвод зенитчиков, который был уничтожен прежде, чем успел сделать хоть выстрел.

На втором круге мишенью послужил артиллерийский взвод, техника которого получила серьезные повреждения. Истребители исчезли так же быстро, как появились. Все продолжалось всего несколько минут.

«Харрикейны» должны были заметить мои бронемашины разведки. По всему, следовало готовиться ко второму налету. Я снова послал сообщение по рации:

– Подвергся атаке «Харрикейнов», зенитный и артиллерийский взводы по большей части выведены из строя. Очень вероятен повторный налет, пришлите «Мессершмитты».

Аэродромы британцев находились, должно быть, где-то очень близко за линией фронта. Не прошло и часа, как они вернулись. На сей раз настал черед наших бронемашин разведки. В полном бессилии что-либо изменить я смотрел, как «Харрикейны» выпускают реактивные снаряды, которые легко пробивали любую броню. С такими вещами мы еще не сталкивались.

Единственным, кто остался на боевом посту, был радист, отправлявший донесения. Рядом с его машиной стоял мой начальник разведки, который передавал радисту мои команды, которые я выкрикивал издалека.

Но вот один из штурмовиков на бреющем полете – я почти уверен, что рассмотрел на нем канадские опознавательные знаки, – зашел для атаки на бронемашину. С 20 метров я видел лицо пилота из-под летного шлема. Вместо того чтобы стрелять, он рукой показал радисту, чтобы тот убирался из машины, а затем заложил вираж, разворачиваясь для новой атаки.

– Пусть радист уходит, – закричал я офицеру, – оба в укрытие.

Самолет зашел для повторной атаки от солнца. В этот раз он выпустил снаряд и попал в машину радиосвязи, к счастью для нас, не нанеся ей особого ущерба.

Поступок летчика, кем бы он ни был, канадцем или британцем, я никогда не забуду. Он стал для меня примером того, что можно воевать, оставаясь благородным и великодушным. Лицо пилота и его взмах рукой тоже навсегда запечатлелись в моей памяти.

За исключением двух машин, которые пришлось бросить, все прочие сохранили способность двигаться, хотя некоторые нам пришлось взять на буксир, прицепив к полугусеничным мотоциклам. Но, поскольку британские истребители все еще находились над нами, мы могли ожидать и третьей атаки. Вдруг высоко в небе появилась эскадрилья «Мессершмиттов», которая тут же вступила в бой с британцами. Они пошли на север, однако одна британская машина устремилась к земле, оставляя за собой дымовой шлейф. Что ж, по меньшей мере третий налет удалось предотвратить и хотя бы одного из нападавших сбили.

Наша колонна продолжила путь к Фум-Татавину. Мы находились посредине пустыни, по большей части ровной, что позволяло передвигаться довольно легко. По радио я доложил обстановку генералу Гаузе. А затем мы увидели перед собой маленький пустынный форт: куча камней, наваленных один на

другой, – ни деревца, ни кустика. Какое же напряжение для солдат гарнизона сидеть здесь и сторожить пустыню месяцами или даже годами.

Нас приветствовали огнем пулеметов, которые нам очень быстро удалось заставить замолчать своими MG 34. С нашим мотоциклетным эскортом и двумя уцелевшими пушками, под прикрытием бронеавтомобилей, я помчался в форт. К нам вышел французский капитан, его солдаты побросали оружие и подняли руки.

– Почему вы все еще здесь? – спросил я его. – Ведь фронт теперь переместился в Тунис?

– Мы простояли тут больше года, – ответил он. – Наша задача находиться тут, и все. Никаких других приказов я не получал.

Я пошел с капитаном на его КП и увидел там рацию. Я указал на нее, и мой начальник разведки вывел ее из строя.

– Считайте себя и своих людей военнопленными, – сообщил я капитану. – Собирайте все необходимое. Вам придется поехать с нами.

Тем временем в форт вошли все части моей маленькой боевой группы, и солдаты занялись поиском оружия. Я немедленно отправил дозоры в южном и юго-восточном направлениях, которые признаков присутствия противника не обнаружили, о чем и доложили. Я, в свою очередь, радировал Гаузе:

– Фум-Татавин занят, гарнизон взят в плен, рация уничтожена, ведем разведку далее к югу, соприкосновения с противником не отмечается. Возвращаюсь на позиции Марет с боевой группой и несколькими единицами техники на буксире.

Когда нас отделяло от «линии Марет» еще около 50 километров, стало темно. Я решил остановиться на ночевку посреди пустыни. Особой опасности не было. Британцы тоже прекращали передвижение в ночное время. На следующий день мы без приключений достигли «линии Марет», после чего нас передислоцировали в тыл как резерв для боевых действий на будущее.

Я воспользовался моментом, чтобы получить инструкции от генерала Гаузе.

– Идея Роммеля, – начал Гаузе, – состоит в том, чтобы, применив переукомплектованную 21-ю танковую дивизию во взаимодействии с вновь прибывшей 10-й танковой дивизией генерал-полковника фон Арнима [80] , а также со всеми имеющимися в наличии частями Африканского корпуса, расколоть сосредоточения сил армии США, предотвратить их выдвижение к берегу и проникнуть как можно дальше в тыл

американцам.

Ввиду полного отсутствия у американцев боевого опыта, – продолжал Гаузе, – Роммель считает эту операцию довольно многообещающей. Итальянцам предстоит укрепиться на «линии Марет» и держаться там во что бы то ни стало, хотя оборонительные рубежи к западу от Габеса были бы куда более выгодны из-за наличия там соляных озер. Однако Муссолини и итальянское Командо Супремо [81] настаивает на удержании позиций по «линии Марет». К сожалению, сотрудничество с фон Арнимом не заладилось, он желает оставаться сам по себе, – подытожил Гаузе. – К счастью, проливные дожди на нашей стороне. Они практически не дают противнику использовать КВВС.

Ваш батальон будет вести разведку к западу от Габеса с целью не допустить того, чтобы 5-я танковая армия на севере была отрезана. Здоровье Роммеля не в лучшей кондиции, однако он хочет остаться со своими людьми и считает, что, если его план получит одобрение, у нас есть шанс на успех.

Мы снова исполнились надеждой и занялись ознакомлением с местностью, которая очень отличалась от той, к которой мы привыкли в пустыне. В горах Атлас нас ждали узкие перевалы и крутые горные вершины, на равнине лежали соляные озера, а далее на север раскинулись обрабатываемые сельскохозяйственные земли.

– Роммель только что получил по рации сообщение от Командо Супремо, – продолжал Гаузе. – Речь идет о том, чтобы, по достижении позиций по «линии Марет», он передал командование итальянскому генералу Мессе, который до того руководил действиями итальянского экспедиционного корпуса в России. Роммелю предоставлена возможность определить дату передачи полномочий.

План Роммеля строится в основном на двух предпосылках: (1) или мы получаем из Сицилии всю необходимую материальную часть: танки (в том числе превосходящие бронетехнику противника «тигры»), противотанковое вооружение, боеприпасы и мощную поддержку с воздуха для перехода в решительное контрнаступление, или же (2), не получив всего этого, атакуем тем, что имеем: стремимся продвинуться как можно глубже в тыл американцам, захватить главные перевалы и одновременно удержать британцев на «линии Марет», чтобы иметь возможность эвакуировать из Туниса основную массу опытных и проверенных боями солдат, которые понадобятся нам в Европе. К сожалению, второй вариант представляется мне более вероятным. Приготовьтесь для броска и удара по американцам.

Тем временем, пока итальянцы закреплялись на позициях Марет, полностью переукомплектованная 21-я танковая дивизия 1 февраля 1943 г. двинулась к перевалу Фаид, чтобы выйти на исходные позиции для атаки в северном направлении в тыл американцам. Застигнутые врасплох совершенно неопытные американцы сдали перевал и потеряли пленными 1000 человек.

Затем в середине февраля наша дивизия стартовала с плацдарма на перевале Фаид, двинулась на север и вошла в соприкосновение с частями американской 2-й бронетанковой дивизии. В упорных боях наших танкистов с танкистами противника основная часть американской дивизии была выведена из строя, множество «грантов», «ли» и «шерманов» остались догорать на полях сражений. Развивая успех, 21-я дивизия продвинулась дальше, овладевая все большей территорией, тесня остальные американские части, сражавшиеся со все большим упорством. Потеря около 150 танков и 1600 человек пленными вынудила американцев оставить также и важный город Гафса, что дало нам новый трамплин для броска дальше на север.

Боевые группы армии «Африка» и 5-й танковой армии тотчас же ударили на юго-запад, на запад и на север, захватили при этом большое количество топлива, а американцы подожгли 30 самолетов на передовом аэродроме.

Мой моторизованный разведывательный батальон спешил дальше на север от Гафсы, чтобы не давать продохнуть американцам.

От Гаузе я узнал о намерении Роммеля нанести удар по Тебессе, а оттуда выйти в глубокие тылы американцев. Однако итальянскому Командо Супремо и фон Арниму подобные намерения показались слишком рискованными, они не могли и не желали действовать в соответствии с планами Роммеля. Потому пришел приказ атаковать Эль-Кеф, расположенный гораздо ближе за англо-американским фронтом, чем Тебесса.

В ночь с 18 на 19 февраля мне поставили задачу неожиданным броском овладеть Кассеринским перевалом и удерживать его до подхода остальных частей. Послав впереди мотоциклетные эскорты, я выступил до рассвета, надеясь застать американцев врасплох. Однако они заметили нас и встретили мощным артиллерийским огнем, наведение которого осуществлялось с наблюдательных пунктов на высотах по обеим сторонам перевала. Я не мог продвинуться. Не удавалось это и стрелковому полку, который тоже бросили на перевал.

Все же мы захватили некоторое количество пленных из состава 34-й дивизии армии США. Нас просто поразило то, каким первоклассным снаряжением они располагали, но, пожалуй,

наибольшее впечатление произвели на наших солдат «суточные пайки», которые находились при каждом из американцев. И дело было даже не в плитках шоколада, в жевательной резинке, в масле и отличных сигаретах – мы забыли, как выглядит многое из этого, – а в отпечатанных в типографии памятках, которые вкладывались в каждый пакет. Вот что там значилось: «Вы самые высокооплачиваемые и наилучшим образом экипированные солдаты в мире. Мы снабдили вас лучшим вооружением на свете. Теперь вам осталось только доказать, что вы самые лучшие бойцы».

Как мы скоро убедились, американцы действительно располагали отличными танками и противотанковыми пушками. Расположенные за линией фронта огромные склады снабжения позволяли быстро доставить в части все необходимое. И не беда, что солдаты пока не имели боевого опыта и потому не могли еще равняться с нашими закаленными в боях «лисами пустыни».

В одном они, по нашему мнению, имели большое преимущество перед своими британскими союзниками: американцы были чрезвычайно пластичны – они немедленно приспосабливались к изменениям обстановки и дрались с отчаянным упорством, порой с безрассудством. Никогда не забуду танков «тигр» с их превосходной 88-мм пушкой, которые один за другим уничтожали пытавшиеся продвинуться на восток «шерманы», командиры которых словно не понимали, что их машины безнадежно слабее «тигров». Храбрость и натиск американцев в атаке вызывали наше восхищение, хотя мы нередко сочувствовали им – слишком высокую цену платили они за свой первый боевой опыт. Но уроки не прошли даром – позднее они сказались в Италии и не только там. Во Франции в 1944 г. мне довелось лично убедиться в том, сколь быстро способны американцы извлекать уроки из ошибок и, вследствие гибкого и нетрадиционного подхода к ведению боя, достигать значительных результатов.

Наш так многообещающе начавшийся бросок на север быстро застопорился, с одной стороны, из-за фальстарта на Эль-Кеф, а с другой – из-за нехватки снабжения. Кроме того, наше продвижение замедлялось мощными ливнями, а в горных долинах мы нередко несли большие потери от огня вражеской артиллерии. И вот нам уже пришлось откатываться к Кассеринскому перевалу, тогда как на севере 5-я танковая армия развернула нам в помощь атаку, которая тоже не увенчалась успехом из-за упорного англо-американского противодействия.

В конце февраля Роммель стал командующим группой армий «Африка», войсками ее на юге командовал генерал Мессе [82] , а

на севере – генерал-полковник фон Арним. Вследствие исключительной протяженности фронт не мог быть сплошным – разместить части на нем удавалось только на некоторых участках.

Противник подавляюще превосходил нас технически, особенно американцы. Роммель не видел выхода, как только оставить районы на юге Туниса и силами уцелевших частей группы армий создать сильный береговой плацдарм в районе г. Тунис, включая полуостров мыс Бон, чтобы осуществить вывод оттуда по меньшей мере какой-то части опытных бойцов и специалистов африканского контингента. План не встретил понимания.

В начале марта, как сказал мне Гаузе, Роммель намеревался вылететь в ставку фюрера, чтобы убедить его спасти то, что еще можно спасти. Поскольку мы оказались в резерве – у меня в батальоне практически не осталось бронемашин и боеприпасов, – я отправился на расположенный неподалеку командный пункт Роммеля.

– Можно ли мне поговорить с Роммелем и попрощаться с ним? – спросил я Гаузе.

– Конечно, он будет рад видеть командира своего любимого батальона.

Роммель, как обычно, сидел в своем «Мамонте» перед разложенными на столе оперативными картами. Я не видел командующего уже несколько недель и поразился его нездоровому виду. Он был заметно ослаблен, страдал от тропической болезни – казалось, здоровье его совершенно подорвано. И все же в глазах его еще поблескивали знакомые искорки.

– Господин фельдмаршал, я слышал, вы собираетесь лететь в ставку. Судя по тому, как все складывается, мне кажется, вы не вернетесь. Могу ли я как командир батальона, который был некогда первым из вступивших на землю Северной Африки и имел счастье сражаться во всех битвах с вами, от себя лично и от военнослужащих моего батальона попрощаться с вами и выразить надежду на то, что мы еще встретимся когда-нибудь и где-нибудь. Мы будем держаться тут настолько долго, насколько возможно, всегда опираясь на тот пример, которым служили и будете служить для нас вы.

Роммель поднялся. В глазах его блестели слезы.

Что же происходило с этим человеком, который всегда был жестким прежде всего к себе и который не мыслил себя без своих солдат и ТВД, где ему выпало сражаться? Я никогда и никому не говорил о тех слезах. Только уже после войны, после того как вернулся из плена, я встретился с его женой, Люси, и рассказал

ей о пророчествах ее мужа и о том, что видел слезы в его глазах. Слезы Роммеля – слезы великого человека – тронули меня больше, чем что бы то ни было на войне.

Роммель подошел к шкафчику на стене и вернулся ко мне с большой фотографией, с которой на меня смотрел он прежний – здоровый, веселый и удачливый. Он написал на портрете несколько слов.

– Вот, Люк, возьмите в знак признательности вам и вашему храброму батальону. Храните ее. Надеюсь, мы увидимся дома. Да благословит вас Бог.

Он отвернулся, и я, глубоко взволнованный, оставил его.

9 марта Роммель вылетел в Германию.

Далее события развивались быстро.

Генерал-полковник фон Арним принял командование группой армий «Африка» при поддержке генерала Гаузе, опытнейшего штабного офицера в Северной Африке. В преддверии крупного наступления Монтгомери на позиции по «линии Марет» мы обменивались ударами с американцами, которые пытались прорваться к побережью из гор Атлас. Потери наши возрастали.

23 марта Монти сделал ход – устремился вперед силами бронетанкового корпуса, обходя «линию Марет» и охватывая слабые итальянские позиции. Пришлось оставлять этот оборонительный рубеж, бросив основное ядро артиллерии. Остатки танковой армии «Африка» попытались закрепиться в районе Габеса. Моему батальону пришлось прикрывать западный фланг. Наши снабженческие отделения уже передислоцировались на полуостров мыс Бон.

Затем в конце марта мне приказали немедленно прибыть к фон Арниму. Я и понятия не имел, что он от меня хочет.

Меня принял генерал Гаузе.

– Роммель ничего не смог добиться от Гитлера. Ни один из вариантов не принят: мы не получим необходимого снабжения – раз, и два – фюрер не желает слышать ни о каком «немецком Дюнкерке». Роммеля отправили на лечение и запретили возвращаться в Африку, хотя он и рвался сюда. Идемте, вас ожидает командующий.

Чего хотел от меня фон Арним? Я не знал его лично, даже ничего о нем толком не слышал. Но вот я вошел. Меня ждал высокий, подтянутый человек с резкими чертами лица.

– Господин генерал-полковник, майор Люк по вашему приказанию прибыл, – отрапортовал я.

– Рад познакомиться, Люк. Я имею удовольствие наградить вас от имени дуче Медалья д'Ардженто [83] – орденом, который

практически соответствует нашему Рыцарскому кресту, – он приколол орден к моей груди и вручил удостоверение.

Мне, конечно, было приятно получить орден. Я подумал, что, несомненно, обязан награждением своим друзьям из батальона «Ницца». Кроме самого ордена, обладатель его получал небольшую месячную ренту и пожизненное право бесплатного проезда (на две персоны) первым классом по всем итальянским железным дорогам.

Однако фон Арним, разумеется, вызвал меня не только затем, чтобы вручить орден. И тут все прояснилось.

– Люк, по договоренности с Роммелем и Гаузе я решил немедленно отправить вас самолетом в ставку фюрера, чтобы вы представили Гитлеру детальный план эвакуации по возможности большего количества частей африканского контингента. Сначала вы полетите в Рим, чтобы получить там подпись фельдмаршала Кессельринга. Затем прибудете в Берлин и доложите генерал-полковнику Гудериану (начальнику генерального штаба армии) и генералу Шмундту (начальнику управления личного состава армии), которые тоже должны поставить на плане свои подписи. Затем вы направитесь в Берхтесгаден, в ставку фюрера, и скажете Кейтелю или Йодлю, что вам необходимо встретиться с Гитлером. О каждом шаге вы будете докладывать нам по 1000-ваттной рации специальным кодом. Генерал Зайдеманн (начальник авиации в Африке, которого я, как и его жену, «Зайдефрау» [84] , знавал по временам жизни в Берлине) даст вам свой «Хейнкель-111». Вылетайте по возможности скорее.

– Такое задание – большая честь для меня, господин генерал-полковник, – ответил я. – Но как я, простой офицер-фронтовик, смогу убедить Гитлера? Кроме того, мне хотелось бы остаться со своими людьми до последнего.

– Мы обо всем подумали, – произнес фон Арним. – Армейские генералы вызывают особое подозрение у фюрера. Роммель тоже, по-видимому, в опале. Даже после Сталинграда Гитлер требует «победы или смерти и никакого отступления». Что означает, мы потеряем в Северной Африке еще около 13 000 человек, бывалых солдат, обладающих высочайшим боевым духом. Мы считаем, что Гитлер скорее прислушается к мнению «простого» майора с фронта, особенно если вы сумеете ясно обрисовать положение дел и чувства, которые владеют солдатами. Вы прилетите и предстанете перед ним в своей пыльной и выцветшей форме. Это должно произвести на него впечатление. План, о котором идет речь, был разработан некоторое время тому назад и предполагает пропорциональный вывод наиболее важных для армии офицеров, солдат-фронтовиков и техников. Детали с вами обсудит генерал

Гаузе. Я желаю вам и всем нам добиться полного успеха. Ежедневно докладывайте по рации.

Мы пожали друг другу руки, и я получил разрешение удалиться.

Гаузе ввел меня в курс «технических» подробностей.

– К батальону вы не вернетесь, отправитесь на базу снабжения на полуостров мыс Бон. Туда я пошлю вам «Физелер Шторх», который и доставит вас на аэродром послезавтра, как раз, чтобы вы успели вылететь до рассвета.

Кессельринг, Гудериан и Шмундт о вашем появлении предупреждены. Не знаю, разрешат ли вам вернуться в Африку, но постараюсь что-нибудь сделать. Быстрота и еще раз быстрота действий – вот, что нужно. Каждый потерянный день осложняет возможность эвакуации. Всего наилучшего, Люк.

Гаузе вручил мне «план» в большом конверте, после чего отпустил меня.

Мне требовалась передышка – слишком уж грандиозное и слишком уж неожиданное задание я получил. После всех проведенных на фронте лет мне дали поручение, которое, вне всякого сомнения, превосходило уровень батальонного командира.

До базы снабжения было недалеко, так что я добрался туда еще засветло. Конечно, мои люди очень удивились, когда узнали, что я должен летать в Германию со «специальным заданием». Я немедленно уведомил по рации капитана Бернхардта:

– Думаю, вернусь где-то через неделю. Не теряйте твердости духа и постарайтесь привести как можно больше людей на полуостров мыс Бон. Передайте всем привет от меня.

На следующий день я собрал все необходимое. Остальные вещи, включая фотографию Роммеля, я оставил в командирской машине.

Во второй половине дня на базе приземлился «Физелер». Его молодой пилот сказал мне, что я должен быть на аэродроме около 5.30 утра, чтобы «Хейнкель» успел пересечь Средиземное море до тех пор, пока в небо не поднимутся «Спитфайры». Затем появилось несколько офицеров из батальона «Ницца», от которого уже почти ничего не осталось – на тот момент в активных боевых действиях принимал участие только один небольшой отряд. Они принесли несколько бутылок кьянти и передали мне письма и посылки для своих семей в Италии. Вечером мы устроились под пальмами. Там, где мы находились, не было слышно ни звука боя, все казалось мирным и каким-то нереальным.

Я заснул и проспал дольше, чем рассчитывал, так что летчику «Физелера» пришлось меня будить – мы уже выбивались из

графика. Помахав на прощание провожающим из кабины, мы покатились по взлетной полосе в свете начинающегося утра.

«Хейнкель» уже прогревал двигатели, и «Физелер» подрулил прямо к люку. Пилот, по всему видно, опытный фельдфебель, прокричал мне из кабины:

– Поторопитесь, господин майор. Мы уже опаздываем, скоро везде будут «Спитфайры».

Мне пришлось устроиться на сиденье носового стрелка перед 20-мм пушкой. Другого места для меня просто не было.

– Вы знакомы с пушкой, господин майор? – спросил летчик через переговорное устройство.

– Знаете что, они стояли у нас на машинах разведки, когда вы еще писали в штанишки, – отозвался я.

– Отлично, опробуйте ее, пожалуйста, когда полетим над морем. Мы пойдем очень низко, – прозвучал голос пилота.

Заря нового дня уже вовсю разгоралась на востоке, когда самолет поднялся, ревя двигателями. Через несколько минут мы уже были над морем, шли на высоте метров 10–15, как мне показалось, над ровной гладкой поверхностью. Я вставил магазин, взвел затвор и нажал на спуск. Никакой реакции! Я вновь передернул затвор, потом еще раз, потом еще.

– Что за идиотская пушка у вас тут? – закричал я пилоту.

Я пытался что-то сделать. Уже почти разобрал эту пушку. Снова перезарядил и снова безуспешно. Летчик занервничал:

– Она понадобится, если британские истребители атакуют в лоб. Пожалуйста, попробуйте что-нибудь сделать, уже рассвело.

Все мое внимание поглощала чертова пушка, так что ничего вокруг я не видел, даже не знал, как высоко мы летим, не вынырнули ли откуда-то уже британские истребители. Внезапно летчик стал набирать высоту.

– Подлетаем к Сицилии, – зазвучал в наушниках его голос, – скоро будем вне опасности.

Я почти не слышал его – был поглощен пушкой. И вот наконец она изрыгнула длинную очередь.

– Ура! – обрадовался я. – Заработала!

– Стойте, стойте! – закричал пилот. – Перестаньте стрелять!

Вокруг уже стали рваться первые снаряды зениток. Итальянская ПВО решила, видимо, что это британцы летят на трофейном «Хейнкеле». К счастью дня нас, они плохо прицелились. Мой пилот выпустил опознавательные ракеты, итальянцы перестали палить по нам, и мы смогли спокойно приземлиться.

– Спасибо за то, что довезли, – поблагодарил я фельдфебеля. – В следующий раз возьму с собой нашу 2-см

пушку.

В тот же день я вылетел в Рим челночным рейсом, получил от немецкого офицера связи номер в знаменитом отеле «Эксельсьор» на Виа-Венето и был уведомлен о времени свидания с Кессельрингом на следующее утро.

Рим казался почти не затронутым войной. Здесь не было затемнений, как в Германии, на улицах довольно редко попадалась военная техника, а на знаменитой Виа-Венето бурлила жизнь точь-в-точь как в мирные времена. Я в своем тропическом обмундировании чувствовал себя тут совершенно чужим.

В гостинице я передал письма и посылки моих итальянских друзей портье, который немедленно поздравил меня с награждением Медалья д'Ардженто. После ванны – первой за долгое время – я решил отобедать в «У Альфредо». Альфредо славился своими спагетти и получил от итальянской королевской фамилии золотые столовые приборы, которыми пользовался только сам лично и только когда накрывал важным лицам. Стены его маленького ресторана на Пьяцца-Колонна покрывали фотографии и автографы знаменитых политиков, актеров и писателей; в его Золотой книге посетителей можно было встретить самые громкие имена со всех концов света.

Едва завидев меня, Альфредо поспешил ко мне:

– Commandante, какая честь, какая радость! Поздравляю с Серебряной медалью, команданте. Я лично принесу вам лучшие спагетти, которые пока еще не переводятся у меня, несмотря на войну.

Люди, сидевшие за другими столиками, смотрели, как Альфредо схватил свои золотые ножи и принялся суетиться, накладывая мне спагетти.

И вот в конце погас свет, и главный официант принес на мой стол пылающий «omelette surprise» – яичницу-сюрприз, а Альфредо прокричал в восхищении:

– Ecco maestoso! – Великолепно!

За всеми столиками зааплодировали. У меня голова пошла кругом: еще утром я был в Северной Африке, на войне, а теперь меня сподобили тут церемонии, не имеющей ничего общего с войной и смертью.

Я поблагодарил Альфредо:

– Восхитительно! Просто первый класс! Мы и не мечтали о таких вещах в Северной Африке. А теперь бы запить праздничную еду отличным мокко.

Альфредо чуть не зарыдал:

– Команданте, идет война! Мы давно уже не видели кофе. Как

же, черт побери, она некстати, эта война!

Я засунул руку в карман и достал оттуда маленькую упаковку кофе.

– Вот, дон Альфредо, вот наше мокко. Вам, шеф-повару и мне – всем по чашке. Что скажете?

Глаза Альфредо просияли. Вскоре после этого он пригласил меня в святая святых – к шеф-повару на кухню. Там мы трое уселись за столом, с наслаждением потягивая мокко; большая честь для меня сидеть рядом с шефом.

Заплатить мне не позволили, но потребовали оставить запись в Золотой книге посетителей, где мое скромное имя стоит теперь рядом с именами знаменитостей. Размякший и умиротворенный, я прогулялся по Венето, затем вернулся в гостиницу и нежился в постели – в нормальной постели, спать в которой мне не доводилось уже очень давно.

На следующее утро машина, присланная офицером связи, отвезла меня в Фраскати, центр виноделия поблизости от Рима, где находилась штаб-квартира Кессельринга. Время там, казалось, текло медленно и спокойно – и вновь ни следа войны. Уже наступила весна, и овеянный романтикой, окруженный виноградниками городок мирно дремал среди гор и холмов.

Меня немедленно пригласили к Кессельрингу, он, как видно, был полностью в курсе дела. Фельдмаршал был обаятельным человеком среднего роста с теплыми и понимающими глазами. Мы уважали его уже за то, что он единственный из высших командиров бывал в Африке.

– Как добрались? – спросил он. – Понравилось лететь в «Хейнкеле» Зайдеманна над водой?

Он здорово посмеялся, когда я рассказал ему о приключении с 20-мм пушкой.

– Я не очень-то верю, что удастся убедить Гитлера принять наш план, но надо попробовать все же протолкнуть его, заручившись подписями Шмундта и Гудериана. Хорошо бы вам вылететь в Берлин уже сегодня самолетом курьерской связи. Каждый день на счету. Удачи.

Он пожал мне руку.

Все так же в своей пропыленной, полинявшей и выгоревшей тропической форме я приземлился в Берлине, послав предварительно из Фраскати донесение фон Арниму.

Какой контраст с Римом! Повсюду виднелись груды развалин – следствие бомбежек, многие дома лежали в руинах, а лица некогда доброжелательных берлинцев потемнели и осунулись. Сразу же становилось ясно, что никто тут не верит в «окончательную победу» Гитлера и Геббельса, хотя открыто

высказывать подобных мыслей никто не решался – слишком уж велика была опасность доноса.

Тем же вечером меня принял генерал Шмундт. Он тоже находился в курсе дела. Как лицо, ответственное за меры по выводу личного состава, он подписал план, даже не читая его.

На следующее утро я предстал перед генерал-полковником Гудерианом, вновь назначенным начальником генерального штаба армии. Я не видел его с самого начала войны. Он выглядел уставшим, но в глазах еще виделся прежний свет.

– Люк, я рад видеть одного из ветеранов танковых войск живым и здоровым. Сколь многие из наших храбрых танкистов уже никогда не вернутся! Мы потеряли Сталинград. Вы, наверное, знаете, как много опытных солдат и офицеров погибло там или попало в плен. Теперь то же самое грозит нам в Африке. Не могу даже думать о бывалых военнослужащих трех дивизий старого доброго Африканского корпуса с их неоценимым опытом войны в пустыне, как и о тех новых дивизиях, которые посланы в Тунис.

Потому-то я сразу согласился на план эвакуации, который был разработан Роммелем, хотя у нас и немного надежд получить согласие Гитлера. Идея послать к нему вас, закаленного фронтового бойца, разумна, в любом случае ваше мнение будет значить больше, чем наше, – Гитлер уже окрестил нас «пораженцами». Можете уехать сегодня ночным поездом, прибудете в Берхтесгаден завтра утром.

– Господин генерал-полковник, только один вопрос, прежде чем я уйду. Почему вы вернулись – вернулись после того, как Гитлер отстранил вас? Мы часто спрашиваем себя об этом.

– Отвечу вам, – произнес Гудериан. – Если бы я отказался, чего бы мне лично хотелось, в моем кресле мог бы очутиться кто-нибудь другой, который, возможно, ничего не понимает в тактике танкового боя или же просто станет поддакивать Гитлеру. А так я могу попытаться спасти то, что еще можно спасти, и попробовать сделать что-то, чтобы отвратить худшее. Сейчас, как никогда прежде, возросла угроза вторжения западных союзников в Италию или в Южную Францию или же и туда и туда. По этой причине мне необходимы жизнеспособные танковые войска с опытным личным составом. Все, что я могу сделать для всех нас, я сделаю.

Тут Гудериан высказал неожиданную просьбу:

– Люк, у вас ведь хорошие отношения с Роммелем, не так ли? Мы с ним уже многие годы не сталкивались, а мне бы очень хотелось поговорить с ним. Если случится так, что вы встретите Роммеля в ставке фюрера или где-то еще, попросите его, пожалуйста, увидеться со мной. Лучше всего в Мюнхене. Никто не должен знать об этом. Гитлер тут же заподозрит заговор, что

будет иметь для нас далеко идущие последствия. Вы поняли, что я имею в виду?

– Конечно, господин генерал-полковник. Я сделаю все, что смогу, и сообщу вам.

Он улыбнулся, как всегда, тепло и располагающе и велел мне быть свободным.

Я снова отправил по рации сообщение фон Арниму и сказал, что буду в ставке на следующий день.

Всю долгую ночь я трясся в купе спального вагона на пути на юг, авиация противника не побеспокоила наш состав.

Первым, кого я встретил в Берхтесгадене, оказался подполковник фон Бонин, которого я видел последний раз в канун Нового года в 1942 г., когда он сопровождал Роммеля на мой командный пункт в пустыне.

– Что вы тут делаете? – воскликнул он. – Я-то думал, вы сражаетесь в последней битве в Тунисе.

Я по секрету рассказал ему о моем задании и спросил, через кого и как лучше подобраться к Гитлеру с моей просьбой.

– Мой друг, – отозвался он, – тут мы не на поле боя. Даже слово Роммеля здесь немного значит. Мы в царстве бюрократии. Таким образом, есть один путь: вы идете к «офицеру, отвечающему за Африку», некоему полковнику *Икс* , который доложит о вас генерал-полковнику Йодлю. Тот получит добро от фельдмаршала Кейтеля относительно того, где и как вы будете препровождены к фюреру. Для начала я отведу вас к первому звену командной цепочки. Однако с 12.30 и до 14.00 тут полуденный перерыв, так что поговорить нельзя ни с кем. Это здешняя действительность. В Африке больше сотни тысяч наших солдат истекают кровью, сражаясь за жизнь, а тут свято соблюдается перерыв – войны словно нет!

Полковник *Икс* принял меня очень дружески настроенным. Я изложил суть вопроса и попросил доложить обо мне Йодлю.

– Послушайте, дружище, забудьте о плане эвакуации. Североафриканский ТВД можно уже считать списанным со счетов. Конечно, мы еще посылаем туда, что можем, чтобы продолжать борьбу, однако больших надежд у нас нет. Благословляйте Бога, что выбрались из этой мясорубки. Ваша мать будет рада увидеть вас снова живым и здоровым.

Я просто остолбенел. Все было просто – проще не бывает. Похоже, он был прав, ТВД именно «списали» – просто списали, и все.

– А вы хоть представляете, – начал я несколько жестко, – каково там? Знаете, через что мы прошли? Понимаете, что мы проигрываем войну там только потому, что никогда не получали

достаточно снабжения? Пожалуйста, договоритесь о моей встрече с генерал-полковником Йодлем сегодня во второй половине дня.

Встречу назначали на три часа. После съеденного наскоро обеда Бонин дал мне адрес и телефонный номер Роммеля. Что бы ни случилось, я хотел доложить ему о результатах.

Затем со своим большим конвертом в руках я просителем предстал перед Йодлем. Мы, фронтовики, знали, что он был опытным штабным офицером, но не любили его за подхалимаж перед Гитлером. Я объяснил Йодлю суть задания и то, почему фон Арним выбрал меня в посредники.

– Дела очень плохи, господин генерал-полковник, – проговорил я. – Мы больше не способны сдерживать натиск британцев и американцев. Особенно из-за КВВС, которые делают невозможными любые передвижения войск, когда нет дождей. Мы не способны держать длинный фронт от Габеса до города Тунис. Чтобы предотвратить катастрофу, необходимо как можно быстрее вывести личный состав, который понадобится на фронтах, когда западные союзники высадятся в Европе. По этой причине я должен передать план эвакуации, который был тщательно разработан Роммелем и фон Арнимом и подписан также Кессельрингом, Гудерианом и Шмундтом.

С этими словами я протянул ему конверт.

– Меня послали сюда, – продолжал я, – как простого полевого офицера в надежде, что это, может быть, произведет некоторое впечатление на фюрера.

Йодль долгое время смотрел на меня, не открывая конверта.

– Послушайте, Люк, – произнес он наконец, – нет и не может быть вопроса об эвакуации частей армии «Африка» или об обсуждении «немецкого Дюнкерка», как вы его называете. Фюрер не расположен даже думать об отступлении. Мы не позволим вам увидеться с ним лично. Он очень разозлится и вышвырнет вас вон. Кроме того, фюрер на несколько дней углубился в чистую политику, поскольку у него сейчас с государственным визитом руководитель Румынии Антонеску, – без всякой паузы Йодль взял меня за локоть и подвел к огромной карте боевых действий, занимавшей всю стену. – Вот тут вы можете видеть фронт в России, каким он был, перед тем как мы потеряли Сталинград. Что вы думаете о Сталинграде?

– Господин генерал-полковник, у нас хватало бед и забот на своем собственном ТВД, чтобы мы еще думали о Сталинграде. Мы только никак не могли понять, зачем надо было бросать на произвол судьбы 200 000 опытных бойцов. В общем-то, слово «Сталинград» для нас источник особого беспокойства, потому что нас ожидает та же судьба, если только никто не предпримет

попытки спасти то, что еще можно спасти.

Йодль не сказал ни слова. После короткой паузы он протянул мне руку:

– Я понимаю вас – вас всех, однако ваше «задание» бессмысленно. Доложите об этом фон Арниму.

Когда я уходил от Йодля, я видел в его глазах беспомощное сочувствие к армии «Африка».

Глубоко разочарованный, я отправился к радистам и послал донесение фон Арниму:

– Фюрер меня не примет, план отвергнут Йодлем. Вылетаю обратно в Рим, а оттуда в Тунис.

Я доложил об отъезде полковнику *Икс* и вновь встретился с Бонином.

– Пожалуйста, скажите Роммелю о провале моей миссии. Я попробую вылететь обратно в Африку. Если не удастся, тогда свяжусь с Роммелем, – сказал я Бонину.

Более ничего не удерживало меня в Германии, больше всего я хотел быть со своим батальоном. В Риме немецкий офицер связи сказал мне, что получен строгий приказ не посылать более военнослужащих в Африку, в г. Тунис отправлялось по воздуху только снабжение. Однако я не отказался от намерения перебраться через море, а пока оставался в Риме и ежедневно являлся в приемную отдела связи.

Новости с фронта день ото дня становились все тревожнее. Позиции по «линии Марет» были потеряны, однако остатки армии «Африка» все еще держались под Габесом, а 5-я танковая армия – к западу и юго-западу от г. Тунис. Американцам не удалось протиснуться в огромную брешь между двумя армиями и нарушить взаимодействие между ними. В первой половине апреля все еще оставалась возможность перебросить значительную часть войск на Сицилию с полуострова мыс Бон севернее г. Тунис. Годились все средства: от «Юнкерсов-52» («Танте Ю»), которые доставляли снабжение и возвращались обратно пустыми, до торпедных катеров и знаменитых «паромов Зибеля» – больших плоскодонных барж, передвигавшихся за счет тяги, обеспечиваемой старыми авиационными двигателями. Однако, кроме раненых, покидать Тунис не дозволялось никому. Как-то в апреле я встретился в Риме с генералом Гаузе – его послали к Командо Супремо (полагаю, фон Арним просто хотел спасти опытного офицера генерального штаба, очень нужного Роммелю) – и с генералом Байерляйном, который выбыл из строя по причине тяжелой болезни.

К концу апреля фронт на юге находился на грани крушения – боеприпасы, горючее и пополнения почти не приходили через

море. Внезапно из ставки фюрера в Рим пришел приказ: «Немедленно приступить к эвакуации немецких и итальянских войск из Туниса. Задействовать все имеющиеся в распоряжении транспортные средства».

Затем поступило распоряжение действовать по тому самому плану, который я представлял Йодлю несколько недель назад. «Юнкерсы», торпедные катера и «паромы Зибеля» вступили в дело. Мой батальон все еще находился на юге в составе армии «Африка». Им не представлялось шанса пробиться на север к полуострову мыс Бон. Я получил последнее радиосообщение от капитана Бернхардта:

«Не осталось ни топлива, ни боеприпасов, лишены возможности передвижения, ожидаем решающей атаки. Передаем привет командиру и нашим семьям. 3-й танково-разведывательный батальон».

Когда первые солдаты и офицеры прибыли на аэродромы для эвакуации, там их уже ждали американские танкисты:

– Привет, ребята. Похоже, все для вас кончилось, – приветствовали они наших военнослужащих. – Ручки вверх!

В ставке колебались больше полумесяца, чтобы все же решиться на «немецкий Дюнкерк». Тысячи людей можно было бы спасти, если бы Йодль сразу дал добро нашему плану.

6 мая, после широкомасштабного наступления союзников по всему фронту, немецко-итальянские части некогда гордой армии «Африка» сложили оружие. В плен отправились свыше 130 000 немецких солдат.

Попасть в плен испокон веку считалось позором как в личном плане, так и в «общегосударственном». Несмотря на то что со стороны британцев и американцев можно было ожидать гуманного обращения, многие старались избежать плена. Некоторым удалось вырваться всеми правдами и неправдами. Некоторые из военнослужащих парашютной дивизии добрались до Сицилии, привязавшись к шасси переполненных Ju-52.

Вдруг в Риме мне встретился лейтенант фон Мутиус из моего батальона.

– Поскольку ни техники для разведки, ни боеприпасов у нас не осталось, – рассказывал он, – меня со снабженцами отправили на полуостров мыс Бон. Когда стало ясно, что конец уже близок, мне посчастливилось отыскать в гавани целенький и хорошо замаскированный «паром Зибеля». Механики пришли к выводу, что паром готов к отплытию. Я спросил солдат, бесцельно слонявшихся поблизости, не хочет ли кто из них добраться со мной на Сицилию. Желающих нашлось до сотни, с ними мы и отплыли до рассвета. Шли только по компасу и без помех

прибыли на Сицилию. Однако высадиться там нам не разрешили из-за отсутствия соответствующих документов. «Ну хорошо, хорошо, – прокричал я итальянцам, – мы снова выходим в море». Мы причалили в неохраняемой бухте. И вот мы здесь, готовые вновь встать в строй.

Лейтенант фон Вехмар из моего батальона, который после войны стал корреспондентом агентства UP в Германии, а сегодня наш посол в Лондоне, поведал о своей судьбе годы спустя:

«В последние дни мне довелось участвовать в боях на севере. После капитуляции мы с одним офицером сумели сбежать и найти американский джип, на котором решили выбраться из Туниса и доехать до Марокко. Нам не удалось добраться дальше Алжира, где “ами” (американцы) засекли нас и взяли в плен, когда мы пытались добыть горючего. Как большинство немецких военнопленных, нас отправили в США, где я и оставался в лагере в Тринидаде, шт. Колорадо; обращались там со мной хорошо. Хотя тогда я очень горевал по поводу того, что попал в плен, если подумать, наверное, это обстоятельство и спасло мне жизнь».

Винфрид фон Санкт-Пауль, племянник одного моего доброго друга, поступил в наш батальон в конце 1942 г., переведенный по моему запросу, и побывал в боях с эффективным отрядом «Молинари». Спустя долгое время после войны я снова встретился с ним в Гамбурге. Он рассказал мне о последних днях моего батальона:

– Как-то, когда мы еще действовали на юге Туниса, нашему отряду удалось оторваться от британцев, хотя они и захватили наш небольшой ремонтный грузовик. На следующий день они вернули нам машину. Экипаж передал слова британского командира: «Не можем же мы оставить вас в пустыне без запчастей и воды. Вот вам немного воды, возвращайтесь в свой батальон».

Вот еще один эпизод благородства на той войне.

– Когда вы улетели в Германию, – сказал мне Санкт-Пауль, – командование принял капитан Бернхардт. В начале мая 1943 г. мы все еще сражались в южном секторе. Когда 9 мая нам пришлось сдаться, в строю батальона оставалось 90 активных штыков, при этом ни одного бронеавтомобиля и лишь чуть-чуть горючего. Британский офицер, который брал нас в плен, подошел к Бернхардту и сказал: «Для нас честь принять капитуляцию 3-го разведывательного батальона. Я разрешаю вам оставить пистолет при себе. Могу ли я чем-нибудь помочь вам?» «Пожалуйста, не заставляйте нас топать в Тунис пешком, – попросил Бернхардт, – мы очень устали». Британцы организовали для нас грузовики и доставили на них прямо в лагерь, по дороге мимо нас тащились

пленные, шли пешком, причем среди них был даже один генерал.

– В Константине, – продолжал Занкт-Пауль, – нас посадили на поезд и отвезли в Касабланку, охраняли нас американцы с деревянными дубинками. «Мы не собаки, – сказали мы им, – уберите дубинки». С тех пор относились они к нам хорошо, охрана даже разговаривала с нами. По пути на запад мы проследовали мимо одного гигантского склада боеприпасов, он был не меньше футбольного поля. Нам пришло в голову одно и то же: сколько у них всего, да при таких условиях у нас просто нет шанса выиграть войну. В лагере для военнопленных в Опелике, штат Алабама, с нами обращались превосходно. Так все и шло до тех пор, пока в начале апреля 1946 г. нас не отправили в Англию, где мы провели еще год, прежде чем нас отпустили по домам.

Во всех этих рассказах, которые я слышал еще тогда, в Риме, и в историях, поведанных спустя многие годы после войны, всегда присутствовали отзвуки горького финала той беспощадной и благородной войны в Северной Африке. В то время как все в Риме гадали, где и когда станут – и станут ли – союзники высаживаться в Италии, африканская глава уже закрылась для меня. Мыслями же я оставался по ту сторону моря с моими храбрыми солдатами, для которых война уже закончилась.

Глава 14 Берлин и Париж 1943–1944 гг

И снова поезд повез меня на север, вверх по Апеннинам, через равнину реки По к Альпам. Вокруг царила такая мирная атмосфера, что просто не верилось, что итальянцы могут чувствовать опасность прихода войны в их собственный дом. Погода стояла по-летнему теплая, и по пути я видел людей, занимавшихся повседневным трудом. От офицера связи в Риме я получил распоряжение ехать в Берлин через Мюнхен.

В Мюнхене мне хотелось повидать друзей, но главным образом я беспокоился о том, как выполнить просьбу Гудериана организовать ему встречу с Роммелем.

Мне дали номер в знаменитой гостинице «Четыре времени года», принадлежавшей братьям Вальтершпиль. По телефону я связался с Роммелем, который проходил лечение в Земмеринге.

Я рассказал ему о проваленном «задании» и о безнадежно затянутом приказе об эвакуации. Роммель никак не прокомментировал мое сообщение – его телефон мог прослушиваться.

В «замаскированной» форме я передал ему просьбу Гудериана, на что Роммель тотчас же откликнулся. После того как я сообщил Гудериану о его согласии, они договорились о встрече в «Четырех временах года». Я попросил Вальтершпилей зарезервировать номер и в любом случае не распространяться о визите к ним двух знаменитых военачальников.

В день встречи я свиделся с Роммелем, и он расспросил меня о событиях, происходивших в последние дни, перед тем как меня отправили в Европу. Он сказал, что впал в немилость у Гитлера, и заметил, что ему будет приятно обменяться мнениями с Гудерианом, с которым ему уже очень давно не случалось побеседовать лично. Вскоре прибыл и Гудериан, перебросился со мной двумя словами, после чего они уединились для разговора. О чем они говорили, я не знаю.

Вальтершпилю очень льстил визит столь важных персон в их с братом отель. Он накрыл для меня столик несколько в стороне от прочих посетителей и угощал продуктами с «черного рынка», которые «простые» клиенты не могли бы получить у него даже за большие деньги. Когда я курил сигарету в холле, ожидая Роммеля и Гудериана, к моему столику подсела пожилая дама приятной наружности.

– Не возражаете? – осведомилась она, достала из сумочки

серебряную коробочку, взяла из пепельницы мой сигаретный окурок и положила в коробочку, где уже лежали другие.

– Прошу простить меня, – проговорила она в смущении, – но по карточкам дают очень мало табака, так что приходится делать самокрутки из окурков. Поскольку кофе не достать уже давно, сигареты – единственное, что помогает пережить трудные времена. Еще раз простите.

Я был глубоко потрясен. Как же тяжело было тем, кто оставался дома! Им приходилось жить на скудном пайке, терпеть воздушные налеты и постоянно переживать за тех, кто воюет на фронте. Когда я отдал даме пачку с оставшимися сигаретами, она мне благодарно улыбнулась.

Роммель и Гудериан спустились в холл раздельно. Короткое рукопожатие:

– Всего наилучшего, Люк, – и оба удалились.

Пробыв несколько дней в Мюнхене, я отправился в Берлин, живущую под свист бомб бывшую «столицу Европы».

Венцель Людеке, мой офицер по особым поручениям в Африке и бывший помощник режиссера с UFA, предложил мне квартиру под крышей [85] около Курфюрстендамм, в качестве места для постоя в Берлине, на что я с готовностью согласился. Я побывал в лагере переформирования и забрал из гаража свой верный «Мерседес».

Чтобы получить дальнейшее направление, мне надо было побывать в управлении кадров. Я отправил запрос прямо на имя генерала Шмундта, у которого побывал в ходе выполнения своего неудавшегося «задания». Чего мне ждать? Снова Восточный фронт? Шмундт немедленно развеял сомнения:

– Люк, вы незамедлительно приписываетесь к «командному резерву» сроком на один год. Мы потеряли множество хороших командиров, так что теперь необходимо сформировать резерв для действия на возможных ТВД в Италии и во Франции. Я найду вам должность, на которой вы сможете поделиться своим опытом с молодежью.

Подобная перспектива приводила меня в ужас. Только не это! Целый год дома! Я хотел на фронт. Тут вдруг меня осенило:

– Господин генерал, вы не можете так поступить со мной. Позвольте мне внести коррективы? Вместо года – полгода. И не здесь, а в Париже, где находится армейское училище командиров механизированной разведки. Именно там я смогу лучшим образом передавать опыт будущим командирам. Что скажете?

Шмундт не смог сдержать смеха:

– Типично для вас, людей из разведки. Вы всегда гибки и готовы к неожиданным решениям. Будь по-вашему.

Через несколько дней меня официально направили в училище в Париж сроком на полгода с августа 1943 г. по март 1944 г. Там меня встретил полковник фон Вехмар, кузен моего предшественника в Северной Африке.

Тем временем наступил конец мая 1943 г. Тепло весны сделало даже такой пропащий город, как Берлин, немного более привлекательным.

Я водворился в квартиру под крышей. Каждый вечер вступал в действие режим затемнения. Маленький чемоданчик всегда стоял наготове. Там находились самые важные из моих документов и запас кофе и сигарет, которые я достал на снабженческом складе в г. Тунис. Как только начинала выть сирена – случалось это почти ежедневно, – я подхватывал свой чемоданчик и бежал в бомбоубежище. В море домов Берлина нельзя было позволить себе остаться на улице во время воздушного налета. Слишком много шансов было погибнуть от осколков или обломков зданий. Кроме того, всем надлежало подчиняться указаниям сотрудников системы ПВО.

Союзники теперь сбрасывали все больше и больше зажигательных боеприпасов, от которых немедленно возникали множественные очаги возгорания, если же был ветер – настоящие огненные бури. Конечно, квартира под крышей была особенно уязвимой, но я шел на риск.

Теперь и я получал продовольственные карточки – с голоду не умрешь, но и не пожируешь особо. Еда была хуже, чем в лагере переформирования. Что поделаешь, солдат надо кормить – им воевать на фронте. На «Мерседесе» я мотался туда-сюда между Курфюрстендамм и казармами. Многих из моих друзей было не найти. Некоторые переселились в сельскую местность, другие, особенно евреи и интеллигенция, исчезли навеки – того, кто не успел сбежать за границу, по всей видимости, отправили в концентрационные лагеря.

Мы, солдаты-фронтовики, как и друзья, которых я спрашивал, о существовании подобных лагерей знали (самым знаменитым в Берлине являлся Заксенхаузен), нам был известен и термин, применяемый к подобным местам, «охранное заключение». Но вот о том, что́ происходило за колючей проволокой, нам ничего не было известно.

В начале июня меня пригласили на вечеринку к прусской княгине, с которой меня до войны познакомил мой друг фон Папен. Вероятно, по причине окружавшей меня как военного, прибывшего из Африки, «экзотической ауры», а скорее, из-за моего презента – кофе – меня принимали как дорогого гостя. Там я встретился с Дагмар, дочерью попечителя наикрупнейшей в

Европе сети детских приютов. Она праздновала свой двадцать первый день рождения.

Мы тотчас же *нашли* друг друга. На следующий день я пригласил ее на обед. Она сказала мне сразу («чтобы вы знали, с кем имеете дело»), что ее признали «на одну восьмую еврейкой» и она обладает «арийскими правами». Ее мать – одна из самых элегантных женщин Берлина – была «на четверть еврейкой». Просто ужасно, как бюрократия клеймила народ Германии, решая «еврейский вопрос». Я познакомился с родителями Дагмар, людьми космополитических взглядов, которые – как и сама Дагмар – бегло говорили по-английски и по-французски.

Мы встречались часто, как только могли. Постепенно Дагмар утратила отвращение ко всему военному – военных она наряду с партийными функционерами считала своего рода квинтэссенцией власти Третьего рейха.

Я подумывал о будущем, но не мог забыть и о решении сторониться близкой привязанности до конца войны. Я обещал, однако, что она будет жить в Париже до конца периода моей преподавательской работы. Мне хотелось вытащить ее из большого концлагеря, каким стал Берлин, и уберечь от опасности воздушных налетов, а заодно позволить ей перестать чувствовать себя «полноценной на семь восьмых».

В конце июня я взял отпуск, чтобы поехать повидаться с друзьями в Гамбурге и с матерью и сестрой во Фленсбурге.

Мой друг, Боос, жил вне городской черты Гамбурга, недалеко от Фридрихсруэ, где по выходе в отставку проживал Бисмарк. В ночь перед тем, как я должен был ехать в Фленсбург, Гамбург подвергся страшнейшему за всю войну воздушному налету. В руины обратились целые кварталы. Потери среди гражданского населения были просто огромными [86] . Из сада Бооса мы видели, как пылал Гамбург. Ранним утром в пригороды хлынули тысячи беженцев, они пришли пешком, многие с ожогами от фосфорных бомб, большинство из них не сумели спасти ничего из того, что имели. Эти люди и теперь еще возникают перед моим мысленным взором. Их размещали в лагеря по экстренному приему беженцев. Теперь я еще лучше понимал раненых, которые рвались обратно на фронт, – там они действовали, сражались, тогда как гражданское население вынуждено было погибать, лишенное возможности что-либо сделать.

Фленсбург, несмотря на свой статус морской базы, пока еще не пострадал. Нашу большую квартиру реквизировали для беженцев, оставив матери лишь две комнаты. Сестру тоже призвали, и она служила в командовании в Голландии. Мать жила за счет бартерной торговли с фермерами, с которыми мы

были знакомы еще до войны. На ценные «objets d'art» [87] , которые привозил мой отец с Дальнего Востока, она выменивала у крестьян масло и мясо. Так ей удавалось получить прибавку к скудному пайку, полагавшемуся по карточкам. Будучи пожилой женщиной, она не могла быть как-то полезной для войны, а потому не могла и рассчитывать на повышенный рацион. Хотя и с болью в душе, я тем не менее одобрил ее бартер, а также пообещал прислать из Франции что-нибудь, что могло бы стать для нее полезным.

Я восхищался матерью. Она мужественно переносила не только смерть второго мужа, моего отчима, но и то, что ей приходилось жить в постоянном страхе за троих детей, которых призвали на войну. Мы провели вместе несколько счастливых часов, я попытался немного утешить и успокоить ее. Привезенный мной кофе тоже помог ей скрасить жизнь в несколько следующих недель.

Я вернулся в Берлин, дни и недели текли быстро – пролетали. В лагере переформирования я беседовал с молодыми призывниками, рассказывая им о своем опыте солдата. Мать Дагмар, которую не признавали за арийку, но считали «терпимой» как жену выдающегося человека, уехала в Швейцарию и решила не возвращаться. Оставаться в Берлине и дальше становилось для нее слишком опасно.

С Дагмар и несколькими друзьями я отпраздновал свой тридцать второй день рождения. По этому случаю барон фон Бёзелагер прислал мне шампанского и коньяка из моего «подводного склада». Не последний ли это день рождения? По крайней мере, последний дома.

Наступил август 1943 г., пришло время сделать шаг в становившееся все более неопределенным будущее. Расставание с Дагмар оказалось куда более болезненным, чем я ожидал.

– Так или иначе я вытащу тебя в Париж, можешь мне поверить.

Имея при себе подорожную, я сел в «Мерседес» и развернулся спиной к Берлину. Мои личные вещи из квартиры Людеке перекочевали к Дагмар, которая отвезла их на хранение за пределы Берлина. Через две недели квартиры не стало – сгорела от попадания зажигательной бомбы.

Сделав остановку у Бёзелагеров под Бонном, я приехал в Париж и доложил о прибытии «Буби» фон Вехмару, коменданту училища механизированной разведки. Затем отправился в местную штаб-квартиру, к коменданту города, генералу фон Бойнебургу, командовавшему в России стрелковой бригадой в нашей 7-й танковой дивизии [88] .

– Рад видеть вас живым и невредимым, мой дорогой Люк. Полагаю, вы не откажетесь поселиться поблизости от вашего училища в Инвалидах [89] ?

– Так точно, господин генерал. Мне бы еще получить право ездить на своем «Мерседесе», который так хорошо послужил мне в России.

Меня поселили в отличном пентхаусе на Рю-Бикси, из которого открывался вид на весь Париж. Квартира принадлежала швейцарскому бизнесмену, который уехал домой, передав ее в распоряжение военного коменданта – вместе с прислугой, которая жила там же. Для женщины наступили прекрасные времена, потому что я снабжал ее провизией, о которой многие в Париже уже забыли.

Начался первый четырехнедельный курс. Между курсами делался перерыв продолжительностью в неделю для оценки предыдущего набора. На одном из курсов появился мой друг, Франц фон Папен, служивший до того на Восточном фронте. На другом – де Мезьер, позднее ставший генералом Бундесвера, и майор Вальдов, позднее командир в моей танковой дивизии.

Я встретился с Ж.-Б. Морелем и Клеманом Дюуром, которые обрадовались, увидев меня снова живым и здоровым. Они не сомневались, что скоро западные союзники высадятся где-нибудь во Франции.

– Ханс, вы не сможете выстоять. Вам не выиграть войну на два фронта, войну против неприятеля, обладающего подавляющим материальным превосходством. Оставайся тут, пока все не кончится, мы спрячем тебя так, что никто не найдет.

– Вы знаете, что я не могу, – ответил я. – У каждого из нас есть своя страна и своя присяга. А посему я должен остаться верен ей – если потребуется, до конца.

После нескольких недель моей жизни в Париже на квартиру ко мне вдруг пришел чрезвычайно взволнованный Клеман.

– Ханс, Гестапо арестовало Мореля. Мы не знаем, где он. Полагаю, он сотрудничал с Сопротивлением или просто ляпнул что-то не то в отношении немцев. Вы же знаете, что Морель – настоящий патриот и служил офицером во французской армии.

Я пообещал Клеману сделать все возможное.

Оказалось, что один важный чин из Гестапо жил в одном со мной доме на Рю-Бикси. Мы несколько раз встречались в лифте или на улице, перебрасывались словом-другим. Похоже, он ценил во мне фронтовика и до известной степени восхищался мной.

Я решил – хотя и очень неохотно – обратиться к нему за помощью и заглянул в его квартиру. Я объяснил причину, назвал фамилию и продолжал:

– Мсье Морель так же, как и я, воевал в 1940 г., только был по другую сторону. Он храбрый противник и истинный патриот. Я не верю, чтобы он мог высказаться как-то непочтительно в адрес немцев. Он слишком хорошего мнения обо мне, чтобы говорить нечто такое. Он мог сказать, что после Сталинграда и Северной Африки в войне произошел решительный сдвиг. Если так, то я с ним согласен. Был бы очень обязан, если бы вы помогли освободить мсье Мореля.

Шаг мой был, несомненно, рискованным. За сказанное мной относительно перелома в войне наци с их Гестапо могли бы записать меня в «пораженцы».

Через четыре дня Морель появился у меня в квартире. В глазах его стояли слезы.

– Ханс, мне вовек не забыть того, что вы для меня сделали.

Я поблагодарил гестаповца и подарил ему бутылку коньяка.

Тем временем я предпринимал усилия, чтобы вытащить в Париж Дагмар. В штаб-квартире мне сказали, что все будет просто, если она сможет доказать, что у нее есть работа во французской фирме, которая выполняет заказы для немецких оккупационных властей. Около Елисейских Полей мне удалось отыскать одну мастерскую, в которой переоборудовали грузовики, ставя на них паровые двигатели (бензина давно уже не хватало). Там согласились взять Дагмар переводчицей.

Через военного коменданта я раздобыл для Дагмар разрешение на проживание и работу в Париже и, радостный, отписал ей об этом. Однако мое письмо пришло в горькую минуту: Гестапо арестовало ее отца. Он как будто бы недостойным образом высказался в адрес Гитлера. Я был просто поражен. Ее отцу, гордому и консервативному человеку, всегда с трудом удавалось сдерживать свои эмоции, глядя на происходившее вокруг. После своего успеха с Гестапо в деле Мореля я чувствовал себя в силах вытащить и его тоже. Я обрисовал положение Вехмару и получил от него увольнительную на четыре дня для поездки в Берлин в перерыве между курсами.

Такой шанс представился неделю спустя. С необходимой подорожной и с водителем из училища я без остановки преодолел 1000 километров, отделявшие Париж от Берлина. При мне находилась записка от коменданта, в которой тот просил все подразделения СС и Гестапо оказывать мне содействие как фронтовику.

Радость встречи с Дагмар померкла в мрачной тени угрозы, нависшей над ее отцом. Она очень любила его и, будучи «на одну восьмую еврейкой», несомненно, не могла питать теплых чувств к Третьему рейху. Она мужественно переносила испытание.

Несмотря на отсутствие у нее больших надежд на успех моей «миссии», она была по меньшей мере благодарна за то, что делается хоть что-то.

На следующее утро мы поехали на моем «Мерседесе» в Заксенхаузен. Моя форма (я все еще носил тропическую), мои награды и записка от Бойнебурга произвели определенное впечатление. Сам комендант явился в охранное помещение. Дагмар в лагерь не пустили, так что я взял большой пакет с продуктами и прошел в комнату для свиданий один. По пути комендант заверил меня:

– Мы тоже на фронте, только на домашнем. Делаем наше дело – сражаемся для победы.

Слова его прозвучали для меня как издевательская насмешка. Но я воздержался от комментариев. Мне надо было как-то спасти отца Дагмар.

И вот привели его – тень от него прежнего с глазами, полными страха. Что же эти несколько недель сделали с таким здоровым и уверенным в себе человеком?

– Как вы? – проговорил я, задав совершенно лишний вопрос. – Дагмар в охранном помещении. Ее не пустили, но она целует и обнимает вас.

О чем мы могли говорить с отцом Дагмар? В углу сидел эсэсовец, который слышал все до последнего слова и, несомненно, прислушивался.

– Я принес вам передачу – еду, кофе и сигареты, которые для вас подготовила ваша дочь. Завтра у меня встреча с Кальтенбруннером. (Кальтенбруннер возглавлял Гестапо, в любом случае он был номером два после Гиммлера, шефа частей и подразделений СС.) У меня есть рекомендательное письмо. Я буду добиваться вашего немедленного освобождения.

По его реакции я понял, что надежды у него нет.

– Спасибо вам за то, что специально приехали сюда из Парижа. Передайте дочери, что я люблю ее. Вам обоим я желаю всего самого наилучшего. Будьте счастливы.

Он поднялся, поскольку охранник подал знак, что время вышло. Мы пожали друг другу руки.

– Выше голову, я вытащу вас отсюда.

Последний взмах руки, и тяжелыми шагами этот честный немец вышел из комнаты.

На следующее утро я приехал в главное управление СС, где меня немедленно принял Кальтенбруннер. Звание его соответствовало генеральскому.

– Огромное удовольствие для меня приветствовать удостоенного высоких наград офицера с фронта. Как вы там, так

и мы тут сражаемся на домашнем фронте, прилагаем нечеловеческие усилия, чтобы добиться окончательной победы.

Извечная трескотня. Я еле сдерживался. Но я хотел спасти отца Дагмар, а потому терпел и даже подпевал по мере сил. Затем изложил свою просьбу:

– Мне дали отпуск на четыре дня. Я ехал в Берлин всю ночь, а вчера виделся с моим будущим тестем в Заксенхаузене. Он очень плох. И даже не знает, за что его арестовали. Поверьте мне, обергруппенфюрер, – не помню точно, какое у него было звание в СС, – мой будущий тесть добропорядочный немец и известная личность в Берлине. Мне представляется совершенно невозможным, чтобы он был в чем-то виноват. Вероятно, произошла ошибка.

Кальтенбруннер отнесся к моим словам сочувственно, вызвал адъютанта:

– Принесите мне дело господина…

Вскоре тот вернулся:

– Дела всех заключенных Заксенхаузена переведены в Чехословакию. Мне придется сделать запрос на получение.

Мне жаль, но придется подождать прибытия дела. Это займет какое-то время. В зависимости от того, что там значится, я постараюсь освободить вашего тестя. Это самое меньшее, что я могу сделать для столь храброго офицера-фронтовика.

Я назвал ему номер части и после рукопожатия удалился. Удалось мне чего-нибудь добиться? Я не знал. Можно ли доверять Кальтенбруннеру или его аппарату? Гестапо? Может быть, «перевод» дела служил лишь предлогом выпроводить меня?

Дагмар не питала ни малейших иллюзий.

– Я не верю этим типам. Они бесстыдны, и в них нет ничего человеческого. Спасибо, что приехал. Рада, что смогу быть с тобой в Париже. Это поможет мне – смягчит боль. Я не вижу, что можно было бы сделать для отца.

Мне приходилось уезжать в Париж. Дагмар должна была последовать за мной, как только уладит все дела дома.

Дагмар в Париже! В нормальное время – предел мечтаний, но теперь небо стало черным от туч. Я купил ей велосипед, чтобы ей не приходилось ездить в общественном транспорте, который ходил, как ему вздумается. Мы наслаждались жизнью в пентхаузе на Рю-Бикси. Нас часто навещали Морель и Клеман, а мы бывали у Клемана в его «Ле-Кавалье». Один вечер мы провели в компании Макса Шмеллинга [90] и Вивьен Романс, известнейшей в те времена актрисы, которая была подругой Клемана. Вместе с Дагмар я покупал духи, шелковые чулки и прочее, чтобы отправить матери для ее бартера.

Прошла зима, а с нею истек и срок моего пребывания в Париже. Мы с Дагмар решили обручиться. Купили кольца у знаменитого ювелира на Вандомской площади и отпраздновали помолвку в обществе Мореля и Клемана Дюура. Счастье наше омрачала судьба родителей Дагмар. Мы ничего не знали о ее отце. Все запросы в Заксенхаузен оставались без ответа. Она уже не надеялась увидеть его когда-нибудь живым. Связи с матерью оборвались. Последнее, что знала Дагмар, – мать ее собиралась перебраться из Швейцарии в Америку.

Кальтенбруннер молчал.

Через друга в ставке фюрера я попытался выяснить, можно ли мне получить разрешение жениться на девушке, которая на одну восьмую еврейка. Результат был отрицательный. В ответе говорилось, что если бы майор фон Люк являлся офицером резерва, тогда не было бы никаких возражений против его женитьбы на еврейке на одну восьмую, обладающей арийскими правами. Но как боевой офицер, он подобного разрешения получить не может.

Что за диковинная логика и что за причудливая интерпретация «расовых законов»? Что же получается, с точки зрения расовой чистоты офицер-резервист стоит ниже боевого офицера?

В начале марта меня послали в Германию на краткие курсы полковых командиров. Там мне сообщили о моем назначении командиром полка в Учебной танковой дивизии (Panzer-Lehr-Division), которую возглавлял генерал Байерляйн, опытный участник Африканской кампании [91] .

В Париж я вернулся в начале апреля, чтобы «собрать вещички». Надо было устроить так, чтобы Дагмар смогла как можно дольше оставаться в Париже. Я сообщил о ее местопребывании коменданту города. Морель и Клеман обещали присматривать за ней.

– Если дела станут плохи, я попробую как-то вывезти тебя. Если не смогу, иди к коменданту города, чтобы ты могла добраться в Германию на снабженческом транспорте.

Так мы и попрощались. Никто из нас не знал, где и при каких обстоятельствах мы увидимся вновь.

Дивизия Байерляйна стояла где-то в Нормандии или в Бретани. Я сел на свой «Мерседес» с намерением завернуть на командный пункт Роммеля в Ла-Рош-Гюйон, что к западу от Парижа, и засвидетельствовать фельдмаршалу свое почтение.

Меня принял генерал Гаузе, его начальник штаба и преданный помощник в Африке.

– Рад снова видеть вас живым и здоровым. Я как раз ввожу в

курс дела своего преемника, генерала Шпайделя. Поздравляю с тем, что вам выпало служить во Франции, где рано или поздно приходится ожидать высадки.

Когда я спросил, могу ли повидаться с фельдмаршалом, Гаузе тотчас же ответил:

– Обязательно. Роммель очень расстроен, поскольку его доводы относительно района и характера предстоящей высадки противника не находят понимания у Гитлера. Он будет рад вам. Пойдите прогуляйтесь с ним. Пусть он немного развеется.

Роммель встретил меня знакомой улыбкой. Выглядел он куда лучше, чем в последнюю нашу встречу.

– Рад приветствовать вас тут, на Западном фронте. Мы ожидаем перемен в обозримом будущем. Следите за боевым духом полка, который примете, и за тем, чтобы солдаты осознавали всю серьезность положения.

Мы проходили через прекрасный парк при замке, когда Роммель повторил пророчество, сделанное им в Северной Африке!

– Я против любого силового решения. Мне необходимо убедить Гитлера в том, что мы не в состоянии выиграть войну, можем лишь оттянуть конец. Как только представится возможность, я постараюсь лично разъяснить ему это – напишу, если понадобится. Он должен понять, что, если союзники откроют второй фронт здесь, на Западе, война будет окончательно проиграна. Любого противника, нога которого коснется французской земли, мы обязаны сбросить в море в первые же часы. Сделать это возможно, лишь дислоцировав танковые дивизии прямо у побережья, а кроме того, подняв в воздух такое количество истребителей, какое сможет оказать достойное противодействие военно-воздушным силам союзников.

Геринг подводил нас и раньше, в Африке, не смог сдержать обещаний и под Сталинградом. Я не верю в «тысячи истребителей», которые он собирается послать сюда.

Всего наилучшего, Люк. Я побываю в вашей дивизии в ближайшее время и не однажды. Мы должны выполнить свой долг.

Я ушел от Роммеля с тяжелыми впечатлениями.

В Учебной танковой дивизии меня немедленно принял генерал Байерляйн, сообщивший мне тотчас же «неприятные» известия:

– Мой дорогой Люк, я выбрал вас в командиры танкового полка, однако несколько дней назад мне сказали, чтобы я отправил вас заниматься реорганизацией 21-й танковой дивизии. Похоже, ваш новый командир, генерал-майор Фойхтингер [92] ,

имеет больше веса в ставке фюрера. Очень сожалею, что в моей дивизии не будет вас, столь опытного ветерана Африканской кампании.

Меня не радовало такое решение, но такова была жизнь.

Никто не мог сказать мне, где стояла 21-я танковая дивизия, и я вновь поехал в Ла-Рош-Гюйон, где опять встретился с Гаузе.

– 21-я только что вернулась из венгерской экспедиции. Ее посылали в Венгрию из-за подозрений, что там замышляется восстание в пользу русских. Она в районе Рена, в Бретани, но только что получила приказ следовать в район Кана, столицы Нормандии. Отправляйтесь туда к Фойхтингеру.

Было уже начало мая 1944 г., когда я отыскал свою дивизию и отрапортовал о прибытии ее командиру.

– Добро пожаловать, – приветствовал меня Фойхтингер. – Полковнику Мемпелю, командиру 125-го танково-гренадерского полка, пришлось отправиться домой по состоянию здоровья. Я передаю полк под ваше временное командование до поступления официального назначения.

Дивизия, собранная в Бретани в 1943 г. в основном из опытных частей, прошедших бои русского ТВД, и с добавлением пополнений из Германии, во многих отношениях представляла собой нетрадиционную танковую дивизию.

Генерал Эдгар Фойхтингер, артиллерист, не имел боевого опыта, а в танковых частях и вовсе никогда не служил. Он выдвинулся в Германии как военный организатор так называемых Рейхспартайтаге – собраний партии на государственном уровне. Таким образом, он был на короткой ноге с Гитлером и с его партийным аппаратом. По всей вероятности, именно эти «связи» он и использовал, чтобы заполучить меня в свою дивизию на место полковника Мемпеля.

Ввиду нехватки снабжения дивизия комплектовалась преимущественно французской военной техникой, которая осталась после кампании 1940 г. Использование ее допускалось Главным командованием на Западе с целью ускорить процесс ввода в строй частей. С данной целью учредили «Особый Парижский штаб» – структуру, отвечавшую за форсирование и все прочее, с этим связанное. Важнейшую роль в ней играл майор Беккер, офицер резерва и владелец небольшого завода на западе Германии. Весьма одаренный инженер, хорошо знавший круги руководства военной промышленности, а к тому же приятель Фойхтингера, он получил простор для импровизации и, используя французскую материальную часть, дал жизнь некоторым собственным конструкторским проектам.

На заводе «Гочкис» около Парижа Беккер откопал большое

количество танковых шасси, для которых он добыл в Германии орудия и готовые броневые листы, чтобы создать технику для укомплектования дивизиона «штурмовых орудий» [93] . Кроме того, он разработал пусковые установки реактивных снарядов, которые были опробованы на побережье Нормандии в мае 1944 г. в присутствии Роммеля и некоторых других армейских командиров; когда об испытаниях рассказали Гитлеру, даже он исполнился энтузиазма. По причине наличия подобного рода связей дивизион Беккера получил и новейшее радиооборудование.

Поначалу мы смеялись над жутковатого вида самоходными орудиями, однако скоро смогли оценить их. Батареи штурмовых орудий обучались вести бой в тесном взаимодействии с гренадерами, что впоследствии оказало огромное влияние на эффективность нашей обороны. Фойхтингер, естественно, гордился достижениями Беккера и часто навещал его в «Особом Парижском штабе» в Париже. Кроме того, Фойхтингер был человеком, который умел жить сам и давал жить другим. Его притягивали радости жизни, а посему его влекло в Париж. Зная, что боевого опыта у него нет, как нет и выучки танкиста, Фойхтингер понимал необходимость передавать многие полномочия подчиненным, то есть оставлять выбор способов выполнения приказов бывалым командирам.

Вот вкратце то, что собой представляла дивизия, в ряды которой мне предстояло вжиться, стать ее неотъемлемой частью. 125-й танково-гренадерский полк, вверенный под мое командование, состоял из неоднородных по боевым качествам частей: некоторые из них поучаствовали в сражениях на русском фронте, но хватало и «зеленой» молодежи – и включал в себя штаб полка, 1-й батальон на полугусеничных бронемашинах (SPW) и 2-й батальон на грузовиках.

Фойхтингер в общих чертах ознакомил меня с обстановкой:

– Наша дивизия единственная дислоцированная в относительной близости от побережья за Атлантическим валом, который здесь, в Нормандии, еще не закончен и укомплектован в основном необстрелянными пехотными дивизиями. Предполагаемую высадку союзников ожидают не в Нормандии, а в районе Кале, где Англию и континент разделяет наименьшее расстояние. Однако Кан как важный промышленный центр тоже может стать ключевой точкой притяжения сил противника. Потому и решили перебросить одну танковую дивизию сюда, к Атлантическому валу. В любом случае мы предполагаем выброски воздушных десантов или же крупные общевойсковые операции, которые могут послужить отвлекающим маневром для прикрытия

основной высадки. По этой причине Роммель считает, что на удалении от побережья тоже необходимо иметь дивизию на подготовленных боевых позициях.

Ваш полк в соответствии с распоряжениями командования группы армий «В» (Роммеля), в состав которой входит наша дивизия, дислоцируется северо-восточнее Кана и, таким образом, восточнее реки Орн. Другой полк, 192-й, к северу от Кана – западнее Орн. Южнее Кана стоят танковый полк, артиллерийские и прочие части дивизии. В качестве средства поддержки вы получите две батареи штурмовых орудий из дивизиона Беккера.
Нашей дивизии строго-настрого приказано не вступать в боевые действия с высаживающимся неприятелем до прояснения обстановки и распоряжений из группы армий «В». Роммель хочет, чтобы все части освоились на местности, в том числе и в ночное время, и чтобы регулярно проводились учения в обстановке, максимально приближенной к боевой. Надеюсь, мой дорогой Люк, вам будет хорошо у нас, я желаю вам удачи.

На протяжении мая Роммель несколько раз появлялся в дивизии, чтобы составить четкое представление о том, как идет подготовка и в каком состоянии боевой дух личного состава. В одно из посещений он высказался почти пророчески:

– Я знаю британцев по Франции в 1940 г. и по Северной Африке. Они высадятся как раз там, где мы меньше всего их ожидаем. Вполне возможно, именно здесь.

Чтобы как-то компенсировать недостаток укреплений на побережье, Роммель распорядился врыть дальше от берега надолбы и другие препятствия, получившие прозвище «спаржа Роммеля». Кроме того, всюду, где можно было ожидать высадки воздушных десантов, поставили минные поля.

Нас беспокоила в связи с этим необходимость обеспечить гражданскому населению возможность беспрепятственного передвижения. Нам пришлось оставить проходы в минных полях, чтобы крестьяне могли продолжать работать. Эвакуация не предусматривалась. Зачем? Мы ведь даже не знали, где следует ожидать высадки. Между тем Сопротивление, которое, конечно же, активно действовало в Нормандии, имело шансы поставить британцам точную информацию о нашей дислокации – сообщить, где стоят наши танки и артиллерия, указать расположения минных полей. Позднее у пленных мы находили карты с нашей подробной диспозицией.

Проходили недели. Для танковой дивизии, которая в кампаниях привыкла к маневру и быстрой смене событий, бездеятельность была утомительной и опасной. Бдительность быстро притуплялась, особенно после рюмочки-другой

кальвадоса или кружки сидра – традиционных напитков в регионе. Имелась к тому же большая неуверенность в том, что высадка вообще затронет наш участок. Это не могло не расхолаживать.

Между тем я не сидел на месте ни дня, стараясь побывать в каждой части полка, получше познакомиться с офицерами и унтер-офицерами, показаться перед рядовыми, чтобы заронить в них веру в своего командира.

На совещаниях в штабе дивизии я встречался с другими командирами. Все они обладали большим боевым опытом и имели высокие награды.

В мае 1944 г. я вновь поехал в Париж. Фойхтингер хотел, чтобы я побывал в «Особом Парижском штабе» Беккера, побольше узнал о штурмовых орудиях и установках РС, которые он разработал, и поговорил бы с Беккером на тему тесного взаимодействия с нашими гренадерами.

Я предупредил о своем приезде Дагмар, она заготовила мне приятный сюрприз: Герберт фон Караян дирижировал Французским филармоническим оркестром, исполнявшим Пятую симфонию Бетховена. Поскольку Дагмар являлась близкой подругой жены Караяна, она легко достала билеты. На несколько часов прекрасная музыка заставила меня забыть о войне и тревожных мыслях о будущем. 30 мая Роммель в последний раз появился в нашей дивизии. Беккер продемонстрировал установки реактивных снарядов на берегу Нормандии, стреляя настоящими боеприпасами, что воодушевило Роммеля. На заключительном совещании с командирами частей нашей дивизии Роммель вновь подчеркнул необходимость оставаться предельно бдительными и закончил выступление словами:

– Не следует рассчитывать, что неприятель появится в хорошую погоду и непременно днем.

Генерал Маркс, командир 84-го армейского корпуса, в состав которого мы входили [94] , выразился еще более определенно:

– Из того, что я знаю о британцах, могу сказать вам: в воскресенье, 4 июня, они помолятся, а в понедельник придут к нам.

Метеорологи из ВМФ, как и наши, армейские, подсчитали, что наиболее благоприятное время для высадки – 5 июня 1944 г., потом такой же момент наступит только 28 июня.

В первые дни июня деятельность британской воздушной разведки над побережьем Нормандии значительно активизировалась. Как узнали мы в штабе Роммеля, во Франции находилось только 130 истребителей «Мессершмитт». Острый момент приближался, а о переброске во Францию «1000

истребителей», обещанных Герингом, не было ни слуху ни духу. Все истребители вновь требовались для обороны неба над территорией рейха.

Тогда мы не знали, что Роммель, в соответствии с его собственным желанием, был приглашен на совещание к Гитлеру и 4 июня уехал в Германию. Не знали мы и того, что генерал Фойхтингер со своим первым офицером штаба отправился в Париж, в «Особый Парижский штаб». Потому в решающую ночь с 5 на 6 июня никого из них в штаб-квартирах не было.

Все, что у нас было, – судьбоносный роковой приказ не вступать в соприкосновение с противником до приказа из группы армий «В» (Роммеля) или главнокомандующего войсками на Западе (фон Рундштедта).

5 июня 1944 г. два танково-гренадерских полка стояли на оборудованных боевых позициях по обоим берегам реки Орн, к северу от Кана. Я дал 2-му батальону разрешение на выполнение предстоящей ночью учебного задания 5-й ротой лейтенанта Бранденбурга, которая для этого получила холостые патроны. Все шло в соответствии с планом, предполагавшим, что каждая из рот должна попрактиковаться в ведении боев в темное время суток.

Глава 15 Начало вторжения союзников 6 июня 1944 г

Вечер 5 июня 1944 г. выдался не из приятных. Нормандия показывала себя не с лучшей стороны – днями дождило и задували ветры.

Я сидел в скудно обставленном доме на краю селения Беллангревиль, что в нескольких километрах к западу от Вимона, маленького городка восточнее Кана, промышленного центра и речного порта Нормандии, передо мной лежали тексты приказов и инструкций, а также карты – все необходимое для подготовки полка к учениям. Мой адъютант, лейтенант Хельмут Либескинд, находился на командном пункте в селении. Скоро мне исполнялось тридцать три, я был майором, в конце июля ожидал повышения – сначала до подполковника, а еще через месяц-другой – до полковника. По моему представлению, быстрое продвижение.

Военно-морские метеорологи, которые ежедневно составляли прогнозы погоды и передавали их в дивизию, «дали добро» на отмену тревоги 5 и 6 июня. А потому мы не ожидали высадки: штормовое море, ветры и низкая облачность – все это заметно осложняло неприятелю проведение любых крупных операций с моря и с воздуха.

В тот вечер я, как и большинство моих солдат, думал о том, какая незавидная работенка нам досталась. Мы привыкли к подвижной войне, какую нам приходилось вести на других ТВД. Сидеть и ожидать вторжения было, несомненно, раздражающим занятием.

Вместе с тем, несмотря на вынужденную пассивность, личный состав сохранил высокий боевой дух, не в последнюю очередь потому, что Нормандия «развращала» нас, подкармливая маслом, сыром, «крэм-фреш» (сметаной) и мясом, а также сидром [95] .

В тот дождливый вечер мы с адъютантом ждали доклада от 2-го батальона, заканчивавшего учения в ночное время. Данный батальон действовал в районе Троарна – Эсковиля, то есть в непосредственной близости от побережья, тогда как 1-й батальон, укомплектованный бронемашинами и другой полугусеничной техникой, занимал позиции глубже в тылу. Я на всякий случай отдал команды, предписывавшие батальонам и отдельным ротам, в случае союзнической высадки, атаковать неприятеля немедленно и действовать самостоятельно, причем делать это, невзирая на запрет не вступать в соприкосновение с противником

до указаний Главного командования на Западе. Однако, ввиду полученного прогноза погоды, я не предполагал, что подобные действия могут потребоваться уже в эту ночь.

Около полуночи до меня донесся все нарастающий гул самолетов, проходивших у нас над головами. Я подумал, что противник вновь летит бомбить транспортные коммуникации у нас в тылу или же опять идет уничтожать города Германии. Казалось, машины идут очень низко. Может, из-за погоды? Я выглянул из окна и вытаращил глаза от увиденного – в небе висели осветительные ракеты. Тут как раз позвонил адъютант:

– Господин майор, парашютисты. На нашем участке приземляются планеры. Пытаюсь связаться со 2-м батальоном. Какие будут распоряжения?

Я без колебания отдал приказ:

– Поднять по тревоги все части, немедленно сообщить в штаб дивизии. 2-му батальону – вступать в боевые действия всюду, где потребуется. Постараться взять пленных и доставить ко мне.

Затем с адъютантом я отправился на командный пункт. 5-я рота 2-го батальона, отправленная на учения с холостыми патронами, еще не вернулась – опасное положение. Судя по первым донесениям, можно было сделать вывод о выброске британских парашютистов над Троарном. Командир 2-го батальона уже развернул контратаку всеми имевшимися в его распоряжении силами и сумел продвинуться до самого Троарна, куда отошли части 5-й роты.

Мы связались с командиром роты, который находился в подвале одного из домов:

– Бранденбург, держитесь. Батальон уже на подходе и вот-вот будет у вас.

– Хорошо-хорошо, – отозвался он. – У нас тут есть первый пленный, британский врач из 6-й воздушно-десантной дивизии.

– Пришлите его сюда, как только прояснится обстановка.

Тем временем мой адъютант позвонил в дивизию. Генерал Фойхтингер со своим начштаба еще не вернулись. Мы ввели к курс дела дежурного офицера, лейтенанта Мессмера, и попросили его, по возвращении командира, добиться для нас разрешения на сосредоточенную атаку.

Постепенно у нас сложилось некоторое представление об обстановке. Парашютисты, которые по ошибке приземлились в стороне от заданных районов высадки, попали к нам, когда мы развернули контратаку. Пленных привели ко мне. Прежде чем, в соответствии с приказом, отправить их под конвоем в дивизию, мы, «перекинувшись словечком» с ними, выяснили, что задача 6-й воздушно-десантной дивизии [96] состоит в овладении мостами

через р. Орн в районе Ранвиля и создании берегового плацдарма восточнее этой реки для запланированной на утро 6 июня высадки с моря.

Нас все сильнее охватывали гнев и раздражение. Указаний о немедленном переходе в атаку, что, ввиду неразберихи, творившейся у нашего противника, позволило бы нам достигнуть преимущества, все не поступало, хотя наши донесения в дивизию уже давным-давно должны были через штаб корпуса поступить в группу армий «В» Роммеля. Мы считали, что у нас есть все шансы прорваться к побережью и помешать противнику создать береговой плацдарм или же, по меньшей мере, значительно осложнить ему задачу.

Помню британского офицера медицинской службы, которого взяли в плен и привели ко мне. В своем парашютистском снаряжении он ничем не отличался от любого другого солдата. Как истый британец, он вел себя достойно, однако был очень расстроен и подавлен из-за того, что попал в плен в первом же бою. Поскольку он не пожелал говорить, назвав лишь фамилию и номер, я, как делал всегда с британскими пленными, завел с ним беседу. Повел разговор о своем последнем приезде в Лондон в марте 1939 г., о Пиккадили-Серкус и моих британских друзьях. Постепенно он «отошел», и я узнал кое-что о намерениях британцев и задачах 6-й воздушно-десантной дивизии.

Проходили часы. Раз уж вышло так, что нас обрекли на пассивность, мы организовали оборону. Остальные части дивизии – танковый полк и 192-й танково-гренадерский – находились в полной боевой готовности, однако тоже были вынуждены оставаться на местах [97] . Мой адъютант вновь позвонил в дивизию. К телефону подошел майор Форстер, ответственный за прием пленных. Он не имел полномочий изменить существующий приказ. Из группы армий «В» нам объяснили, что мы имеем дело с отвлекающим маневром: британцы-де сбрасывают с парашютами соломенные чучела. С рассветом я отправил адъютанта на дивизионный командный пункт с просьбой добиться разрешения на контратаку. По своем туда прибытии Либескинд стал свидетелем жаркого телефонного разговора, который Фойхтингер вел, судя по всему, с командованием армии:

– Господин генерал, я только что вернулся из Парижа и сам видел гигантскую армаду у побережья вблизи Кабура: линкоры, корабли снабжения и десантные суда. Я намерен атаковать – немедленно атаковать силами всей дивизии восточнее Орна и пробиться к побережью.

Однако разрешение на контрудар так и не было получено. Гитлер, который имел привычку работать допоздна, все еще спал.

Я мерил шагами командный пункт, сжимая кулаки в ярости и от досады на Главное командование, проявлявшее нерешительность и не желавшее смотреть в лицо фактам. Будь Роммель сейчас с нами, а не в Германии, он бы отбросил прочь все приказы и начал бы действовать – в этом мы не сомневались.

Мы были в отличной физической форме и чувствовали себя в состоянии справиться с ситуацией. Я подавил гнев и заставил себя успокоиться. Мой опыт на прежних ТВД научил меня, что, чем более сложна обстановка и опасно положение, тем более хладнокровно надлежит реагировать на них командиру.

Лучший способ успокоить взволнованного порученца или связного с донесением, прибывшего из района, где сложилась отчаянная ситуация, предложить ему присесть, угостить сигаретой и попросить:

– Ну а теперь расскажите мне, что происходит на самом деле.

Итак, трагедия разворачивалась и шла своим чередом. Прошло всего несколько часов, и храбро бившиеся на прибрежных фортификациях бойцы оказались не в состоянии сдерживать натиск неприятеля – им было просто нечего противопоставить бившим по ним с моря орудиям главного калибра линкоров союзников и безраздельно господствовавшей в небе авиации противника, армады бомбардировщиков которой сбрасывали свой смертоносный груз на головы защитников на побережье и в Кане. И все это время готовая вступить в действие немецкая танковая дивизия неподвижно стояла за линией фронта. Рано утром с высот восточнее Кана мы увидели несметное воинство союзников – поля, покрытые приземлившимися транспортными планерами и многочисленные аэростаты наблюдения в небе над районами высадки, помогавшие корабельной артиллерии вести точный и сокрушительный огонь.

Положение заставляло нас перегруппировываться. Восточнее и западнее реки Орн были сосредоточены сильные боевые части. Мы все продолжали ждать разрешения на контратаку. Между тем, как мне подумалось, ввиду превосходства союзников, очевидного всякому, кто видел их флотилии, шанс сбросить противника в море мы уже упустили. Подтягивание резервов представляло для нас чрезвычайную сложность. Союзники открыли второй фронт. Натиск врага на востоке все усиливался, бесконечные бомбардировки важных промышленных центров и железнодорожных коммуникаций продолжались – какими бы храбрыми и какими бы опытными ни были наши солдаты, они не могли уже выиграть войны. Успешное вторжение, как думал я, стало началом конца.

В ту пору мы не знали, но в начале мая 1987 г. мне в руки

попала интересная информация. Вернер Кортенхаус, некогда командир танка в нашей дивизии и автор книги «История 21-й танковой дивизии», дал мне возможность познакомиться с двумя письмами, которые в конце 1979 г. прислал ему генерал Шпайдель, бывший начальник штаба группы армий «В» Роммеля.

Выдержка из письма от 26 октября 1979 г.:

«Между 1.00 и 2.00 6.06.44 г. я позвонил Фойхтингеру, однако не смог с ним связаться. Только утром 6 июня мой первый офицер штаба наконец разыскал его… Фойхтингер имел *общие указания* немедленно атаковать в случае *воздушно-десантной* высадки».

Выдержка из письма от 15 ноября 1979 г.: «В действительности 21-я танковая дивизия располагала приказами вступить в боевые действия сразу же, если произойдет воздушно-десантная высадка противника, и силами *всей* дивизии».

Приказ относительно атаки всеми силами, то есть всей моей боевой группой уже в саму ночь с 5 на 6 июня, в случае *воздушно-десантной* высадки противника не был в то время доведен ни до моего сведения, ни до сведения моего адъютанта, Либескинда, позднее ставшего генералом Бундесвера. Как не знали, судя по всему, о подобных директивах и в других частях дивизии. Напротив, мы придерживались строгих указаний не вести даже малых операций до тех пор, пока наступательные действия не будут санкционированы группой армий «В». Но в дивизионном штабе *должны были* знать о другом приказе, как следует это из писем генерала Шпайделя.

Возникает вопрос: если бы я знал о приказе вступить в действия в случае воздушно-десантной высадки, разве бы я под свою ответственность не развернул атаку против воздушных десантов восточнее реки Орн всем полком, усиленным дивизионом штурмовых орудий Беккера? Мы с моим адъютантом были в тот момент уверены, что, воспользовавшись первоначальным замешательством противника, обычным после высадки, мы смогли бы прорваться к побережью и, возможно даже, отбить у врага два моста через реку Орн в Бенувиле. При этом параллельные операции развернули бы 192-й полк и танковый полк.

Этого оказалось бы недостаточно для срыва всего вторжения в целом, однако могло, вероятно, задержать высадку морского десанта и повлечь большие потери у британцев.

Вот пример того, сколь пагубным образом могут сказаться на крупной операции невнятно отданные приказы.

И еще не менее интересные вещи мне довелось узнать в начале июня 1987 г. от бывшего капитана, офицера генерального

штаба, позднее генерала Бундесвера Вагеманна, который в начале мая 1987 г. сообщил данную информацию занимающемуся изучением вторжения подполковнику Бундесвера Г. Бехтольду.

С мая по июль 1944 г. Вагеманн был приписан к дивизионному штабу и занимался вопросами подготовки. В ночь с 5 на 6 июня он замещал первого офицера, находившегося в Париже с Фойхтингером. Вагеманн говорит, что поздним вечером 5 июня 1944 г. рота радиосвязи дивизии перехватила посланное британцами открытым текстом сообщение, в котором шла речь о загрузке транспортных планеров. Донесение было передано по инстанциям. После первых известий о начале воздушно-десантных высадок он (Вагеманн) немедленно объявил тревогу в дивизии и между двумя и тремя часами раннего утра 6 июня передал информацию Фойхтингеру в Париж. Фойхтингер вместе с первым офицером штаба [98] прибыл на командный пункт между шестью и семью.

Мы были поражены тем, что Шпайдель в два часа ночи 6 июня, после попытки разыскать Фойхтингера, зная об «общих указаниях», не отдал приказа о немедленном «наступлении на воздушно-десантные части противника силами всех войск, имеющихся на участке восточнее реки Орн».

Тот факт, что в критический момент не в полной мере информированные дивизионные командиры были предоставлены сами себе, кажется мне в ретроспективе непростительным.

В ночь с 5 на 6 июня 1944 г. ефрейтор Хаммель находился на посту как часовой. Он служил в 21-м танково-разведывательном батальоне нашей дивизии, который находился в резерве и дислоцировался на позициях около селения к югу от Кана.

Как рассказывал позднее Хаммель: «Пассивность повергла нас в растерянность. Мы привыкли активно участвовать в бою, вести разведку, служить острием наступления нашей дивизии. Теперь же мы неделями стояли на месте, ожидая чего-то такого, что, возможно, и вообще пройдет мимо нас, – высадки. По приказу Роммеля нам приходилось тренироваться в темное время суток почти каждый день, чтобы мы хорошо знали местность и могли воспользоваться этим в случае воздушно-десантных операций противника. Чтобы занять остальное время, мы занимались “разведением спаржи Роммеля” – как средства против планеров, а также строили укрепления в тылу у Атлантического вала.

Вдруг около полуночи с 5 на 6 июня врата ада разверзлись: со своего поста я видел пылающие в воздухе ракеты, вслед за чем начался воздушный налет на расположенный поблизости Кан. “Ну вот и началась комедия”, – подумал я тогда».

Лейтенант (в то время) Рупрехт Гржимек из

разведывательного батальона помнит все так, точно это было вчера: «В ту самую ночь с 5 на 6 июня прозвучала тревога, нам сообщили о том, что парашютисты и планеристы противника приземляются на участке 125-го танково-гренадерского полка майора фон Люка. Ввиду проводившейся одновременно сильной бомбардировки Кана, данное обстоятельство позволяло предположить, что неприятель приступил к крупной операции. Мы имели установку: “атаковать только по приказу с самого верха”. Несмотря на это, батальон за короткое время изготовился к ведению боевых действий. Наш командир, майор Вальдов, находился в отпуске и должен был вернуться 8 июня. Наутро офицер связи, которого мы отправили к фон Люку, принес известия о том, что восточнее Орна выброшена воздушно-десантная дивизия, но мало того, гигантская армада судов противника стоит у побережья, готовясь к высадке с моря.

В действие вступила неприятельская морская артиллерия главного калибра. Слабые по численности части на побережье уже, по всей видимости, вели ожесточенные бои с противником. Вскоре поступил приказ: “Батальон придается боевой группе фон Люка и немедленно выдвигается в направлении Троарна, что примерно в 12 километрах восточнее Кана”. Тщательно маскируя свое передвижение, мы вышли в район к западу от Троарна в начале второй половины дня, почти без столкновений с неприятелем».

Ефрейтор Хаммель писал позднее: «…Когда мы продвигались вперед на северо-восток, ближе к полудню 6 июня мы увидели два истребителя “Мессершмитт”, на небольшой высоте летевших на север через Орн; единственные немецкие самолеты, виденные нами в тот день.

Восточнее Кана лежали первые погибшие британские парашютисты. Из их парашютов мы нарезали себе шарфов, чтобы защититься от пыли. Заместитель нашего командира отдал приказ наступать. Мы перешли в атаку практически с марша. Далее к западу раздавались звуки боя. Как нам сказали, там должна была наступать наша бронетехника, и противник, по всей видимости, концентрировал на этом источнике угрозы огонь корабельной артиллерии. Там же действовала авиация. Мы же тем временем продвинулись до самого Эсковиля, оказавшись таким образом всего в нескольких километрах от Ранвиля и двух мостов через Орн».

Ранним утром 6 июня ситуация – ввиду воздушно-десантных высадок, наличия армады боевых кораблей, торговых и десантных судов и в условиях начинающейся высадки с моря – становилась все сложнее, а надлежащие приказы все не поступали. Вот что

происходило:

– Несмотря на имевшиеся «общие указания», на протяжении ночи приказа о наступлении мы не получили.

– Фойхтингер, даже уже утром, не имел свободы действий и не получил «добро» на контратаку силами своей дивизии.

– Главнокомандующий на Западе (фон Рундштедт), как и все Главное командование Гитлера, упорствовал во мнении, что происходящее – отвлекающий маневр. Они ожидали настоящей высадки через Па-де-Кале [99] .

– Со своей стороны, однако, командир нашего корпуса, генерал Маркс, держался мнения о том, что проводившаяся в Нормандии высадка «подлинная».

– Роммель, как мы узнали, так и не повидавшись с Гитлером, уже находился на обратном пути в свою штаб-квартиру.

Итак, миновали ночь 6 июня и первые часы утра. «Поздно, теперь слишком поздно!» – становилось очевидно нам. Мы чувствовали бессильный гнев из-за того, что нам не поверили наверху.

В итоге генерал Маркс – неважно, имел он соответствующие полномочия или нет, – приказал нашей дивизии наступать всеми силами, ударить в район восточнее реки Орн, смять части 6-й воздушно-десантной дивизии, которые высадились там, и перерезать их коммуникации с частями к западу. Пока отдавались надлежащие приказы и дивизия выходила на исходные позиции для атаки, стал вырисовываться истинный размах высадки. В самый разгар наших передвижений, в процессе которых мы постоянно подвергались налетам британской авиации, поступил новый приказ, на сей раз из 7-й армии:

«21-я танковая дивизия основными силами атакует неприятельские войска, высадившиеся к западу от реки Орн. Только частям боевой группы фон Люка предписывается действовать против берегового плацдарма восточнее Орна».

Результатом несогласованности действий и проволочек стала потеря времени и людей, погибавших на марше под огнем авиации.

Перегруппировка дивизии заняла часы. Большинству частей из района восточнее Кана и реки Орн приходилось, точно верблюду через игольное ушко, просачиваться через единственный мост, имевшийся в наличии на данном участке. Кан же, через который они следовали, находился практически под постоянными ударами орудий неприятельского ВМФ и истребителей-бомбардировщиков КВВС.

Фойхтингер сказал мне, что бронетанковая группа, включая мой 1-й батальон на SPW (Schützenpanzerwagen – полугусеничных

бронетранспортерах), должна пробиться к побережью западнее от реки Орн. Он приказал мне:

– Вы атакуете силами 2-го батальона, усиленного 21-м танково-разведывательным батальоном, 200-м дивизионом штурмовых орудий (майора Беккера) и взводом 8,8-см противотанковых пушек к востоку от Орна. Ваша задача: уничтожить береговой плацдарм 6-й воздушно-десантной дивизии, отбить два моста через Орн в районе Бенувиля и соединиться с нашими частями на побережье. Артиллеристы поддержат вас. Переходить к действиям, как только к вам поступят все части.

Необходимость применения разведывательного батальона всерьез обеспокоила меня. На всех ТВД они действовали как «бронированные скауты», часто становясь «острием наступления» дивизии. Но они не годились для наступления как его основная сила.

Около 17.00 6 июня пришла 4-я рота танкового полка, батареи майора Беккера подтянулись не ранее ночи 7 июня. В общем, мне пришлось начинать без них.

Мой 2-й батальон вел ожесточенные бои с высадившимися парашютистами, которые, очевидно, стремились к расширению своего пока еще маленького берегового плацдарма (иначе предмостного укрепления). Мне удалось высвободить для контратаки лишь некоторые части батальона.

Ближе к вечеру мы выступили, примерно в то же время, как и бронетанковая группа, к западу от реки Орн. Целью служило: пробиваться вперед через Эсковиль – Герувиллет к Ранвилю и двум мостам через Орн. Разведывательный батальон атаковал прямо с марша и при поддержке танковой роты продвинулся к Эсковилю, потеснив застигнутого врасплох противника.

И тут начался настоящий ад. Морские орудия самых крупных калибров – вплоть до 380-мм, – артиллерия и истребители-бомбардировщики без устали поливали нас огнем. Радиосвязь нарушилась, в тыл потоком хлынули раненые, а солдатам разведывательного батальона пришлось зарываться в землю.

Я бросился искать выход и увидел, каковы размеры катастрофы. Мне удалось разыскать командира батальона и отдать ему новый приказ:

– Во избежание больших потерь немедленно прекращайте атаку и занимайте оборону на южной окраине Эсковиля. Создайте там надежный заслон на пути дальнейшего продвижения противника. 4-я рота танкового полка, а также штурмовые орудия майора Беккера подтянутся и поддержат вас. Позаботьтесь, чтобы ваши солдаты, включая и экипажи бронемашин, хорошо

окопались.

Я поспешил обратно к полковой рации. Моему адъютанту, Либескинду, пришлось сообщать в дивизию о свертывании атаки. В то же самое время Фойхтингер известил нас, что бронетанковая группа вышла к побережью в брешь между британской 3-й и канадской 3-й пехотными дивизиями. Мощный обстрел корабельных пушек, налеты истребителей-бомбардировщиков и новые высадки парашютистов в тылу у бронетанковой группы вынудили ее к отступлению во избежание окружения. Мой «сестринский полк», 192-й, занял оборонительные позиции примерно на одном уровне с нами.

Произошло то, чего так боялся Роммель: не подвергнувшийся удару целой дивизии и не сброшенный в море в первые часы после высадки неприятель добился успеха.

Две единственные танковые дивизии, дислоцированные в этом районе, находились далеко в тылу. В небе не было ничего похожего на «1000 истребителей», обещанных Герингом.

И вот к вечеру 6 июня, похоже, даже Гитлеру стало казаться, что все это очень напоминает широкомасштабное вторжение. Однако, как узнали мы от Фойхтингера, Гитлер со своим Главным командованием по-прежнему ожидал основного удара – главной высадки – через Па-де-Кале. Гитлер настоятельно запретил передислоцировать размещенные в районе Кале танковые дивизии и части резерва.

В то же время каждому на фронте, даже простому солдату, было уже понятно, что вторжение состоялось и что пройдет немного дней – в крайнем случае, несколько недель, – и союзники перебросят на континент достаточно войск, чтобы наступать на Париж, а затем и на сам германский рейх. Тогда уже ничего нельзя будет изменить.

Эх, если бы не это чертово господство в воздухе!

Даже ночью «новогодние елки» висели в небе, наполняя все вокруг ярким светом. Налеты авиации не прекращались. ВМФ огненным дождем поливал наши позиции в городе Кан, представлявшем собой фокальную точку, в которой сходились линии наших коммуникаций в данном районе.

Днем было еще хуже: на любое передвижение на поле боя, пусть даже это была отдельная единица техники, враг реагировал сосредоточенным огнем кораблей ВМФ или ударами истребителей-бомбардировщиков. Противник либо прослушивал наши переговоры, либо разделил район боевых действий на квадраты, так что сухопутным войскам лишь требовалось сообщить морякам номер квадрата, как туда немедленно обрушивался сосредоточенный огонь.

Чтобы уцелеть под обстрелом и пересидеть ночь, мы рыли «лисьи норы» – окопчики для индивидуальной защиты; отчасти это помогало. Снабжение поступало из района Парижа, доставлять его могли только в ночное время.

Ночью 7 июня я получил приказ продолжать наступление на Эсковиль в следующие сутки. «Нам необходимо уничтожить плацдарм к востоку от реки Орн, пока он еще невелик», – так значилось в распоряжении командира дивизии.

Наутро на склонах возвышенностей к северу от Эсковиля мы увидели до сотни планеров, что означало – 6-я воздушно-десантная дивизия послала своим подкрепления.

Части танково-разведывательного батальона все еще топтались на позициях на южной окраине Эсковиля. Боевой дозор прорвался в селение и понес тяжелые потери, однако привел с собой тринадцать пленных. Один из них показал:

– У нас приказ развивать наступление в южном направлении через Эсковиль, чтобы расширить береговой плацдарм и достигнуть первоначальных целей. Сейчас мы ждем подкреплений.

У себя на командном пункте я разговорил одного военнослужащего сержантского состава из 6-й воздушно-десантной дивизии. Он получил легкое ранение, и им как раз занимался наш врач. Пленный поблагодарил нас за хорошее обращение, однако с трудом скрывал раздражение:

– Я служил в роте «В» майора Джона Хауарда [100] . Мы имели задачей высадиться в полночь на шести планерах около реки Орн и мостов через нее в районе Бенувиля, чтобы захватить их целыми. Нас готовили к операции больше года. Мы приземлились прямо около мостов. Полностью застали противника врасплох. Они не успели даже рукоятки на детонаторах повернуть. Думаю, мы вообще были самыми первыми, кто высадился на французскую землю. Мы были очень горды собой, особенно тем, что почти не понесли потерь.

Майор Хауард сказал нам, что после успешного окончания операции мы вернемся в Англию, чтобы подготовиться к дальнейшем боевым действиям. Затем вчерашним вечером нашему майору приказали утром атаковать селение Эсковиль. Надо было расширить узкий береговой плацдарм. Как я считаю, мы для этой задачи не подходим – совсем не подходим. Мы ворвались в деревню и попали под огонь с обеих сторон, особенно под ваши чертовы «восемьдесят восьмые». Уверен, что больше половины роты либо погибли, либо ранены, либо попали в плен. После слабого сопротивления, оказанного нам у мостов, теперь мы, похоже, наткнулись на сильного, понюхавшего пороха

противника.

Наш майор так гордился нашим «coup de main» [101] . А тут такая катастрофа! Тем не менее мы знаем, что наша высадка с моря прошла успешно. Вы уже ничего не сделаете, скоро мы возьмем Париж. Вам теперь войны не выиграть.

Один из тех мостов сегодня носит имя «Мост Пегаса». Он назван так из-за крылатой лошади – эмблемы британских воздушно-десантных сил.

Тем временем стали поступать донесения с правого фланга: мой 2-й батальон вел ожесточенный бой в обороне, особенно на правом своем фланге около Троарна и на его северной окраине. Нельзя было допустить тут прорыва противника и его выхода в наш незащищенный, неприкрытый фланг. 7 июня погиб командир батальона, капитан Курцон. Его посмертно произвели в майоры и наградили Рыцарским крестом. Погиб и лейтенант Бранденбург, который со своей 5-й ротой первым вступил в боевое соприкосновение с противником 6-го числа. Обоих похоронили в тылу за позициями, а впоследствии перезахоронили.

У нас у всех были очень серьезные потери. В качестве командира батальона из резерва дивизии прислали майора Курца. Он был пехотинцем и послужил в России, эти обстоятельства делали его особенно пригодным для выполнения поставленной задачи. Он за короткое время сжился с частью и стал впоследствии одним из самых результативных и надежных командиров в составе боевой группы.

8 июня не атаковали ни мы, ни британцы. Обеим сторонам надо было заняться ранеными и принять пополнения. Вдруг, к нашему удивлению, появилось несколько «Мессершмиттов», которые тут же вступили в воздушный бой.

Над британскими позициями был сбит истребитель КВВС. Наши солдаты кричали и размахивали руками в ликовании. Так что, обещанные «1000 истребителей» все же прилетят?

Но тут сбили и «Мессершмитт». Летчик сумел выброситься с парашютом и приземлился около позиций разведывательного батальона. Его привели ко мне. Он выругался и указал рукой вверх:

– Что может сделать горстка истребителей против такой армады? Где те чертовы 1000 истребителей?

Он не знал. Мы тоже.

После полудня вернулся из отпуска майор Вальдов. Солдаты и офицеры его разведывательного батальона обрадовались. Его любили, он всегда стоял горой за своих подчиненных и стремился избежать ненужных потерь.

В момент возвращения Вальдова поступил также и приказ из

дивизии: «Боевая группа фон Люка утром 9 июня изготовится к решающей атаке на Эсковиль, далее на Ранвиль и на мосты через реку Орн, с целью овладения ими. В данной операции к ней прикомандировываются: 21-й танково-разведывательный батальон, 4-я рота 22-го танкового полка, три батареи из 200-го дивизиона штурмовых орудий майора Беккера и одна рота 220-го противотанкового дивизиона 8,8-см пушек. Артиллерия дивизии окажет поддержку наступлению, по мере возможностей ввиду ограниченности боезапасов».

Поздним вечером все командиры, включая и артиллерийского наблюдателя, собрались на моем КП.

– Мы выходим на исходные до рассвета, прежде чем сумеют вступить в дело военно-воздушные силы противника и когда огонь ВМФ не будет особенно эффективным. Возглавят атаку мотоциклисты разведывательного батальона и гренадеры 2-го батальона, не связанные боями с неприятелем, затем пойдет 1-й батальон, его поддержат танки 4-й роты, а также ребята Беккера. 8,8-см противотанковые орудия займут позиции на высоте к югу от Эсковиля, чтобы отразить контратаку британских танков.

Получалась мощная боевая группа, имевшая шансы добиться успеха даже в условиях наличия у противника морских орудий и истребителей-бомбардировщиков.

Мы вышли на исходные за час до рассвета. Я находился в малой командирской группе в тылу разведывательного батальона, чтобы иметь возможность принимать решения на месте событий.

Ночью нас сильно обстреливали и бомбили – нашу подготовку явно засекли.

Ефрейтор Хаммель, принимавший участие в атаке в рядах мотоциклетного эскорта, вспоминает: «При поддержке танков и штурмовых орудий мы вскоре пробились в Эсковиль. Оставшееся гражданское население собралось у церкви. Нам попалось несколько детей, которые бегали и искали родителей. Мы отвезли детей к церкви.

Британцы из 6-й воздушно-десантной дивизии оказывали упорное противодействие. Когда рассвело, морские пушки обрушили огонь на центр селения и его южную окраину. Мы не могли продвинуться. Тут до нас дошло известие о гибели нашего любимого командира, майора Вальдова, который только что вернулся из дома, где навещал жену. Это стало для нас всех настоящим ударом. Поначалу мы даже не могли забрать его тело под огнем. Только после наступления темноты отряд добровольцев, которому британцы благородно предоставили право сделать это, сумел принести тело майора Вальдова и похоронить его у нас в тылу. Позднее британцы перенесли его на

военное кладбище в Ранвиле, где он и нашел место последнего упокоения среди своих бывших врагов».

Смерть Вальдова стала для меня тяжелой утратой. Находясь на преподавательской работе в Париже, я не раз беседовал с ним и из наших разговоров уяснил себе, как сильно он презирает Гитлера. Как я узнал позднее, он принадлежал к широкому кругу «участников 20 июля 1944 г.».

Я рассказал Вальдову о пророчестве Роммеля. Он тоже очень верил в Роммеля. Вальдов был офицером старой прусской школы, удостоившимся высоких наград в России, скромным человеком, всегда заботившимся о своих людях. Его сестра рассказала мне потом, как однажды он оказался в русском селе, окруженном партизанами. Местные жители страшно голодали, и Вальдов раздал часть пищевого довольствия своих солдат женщинам и детям. И вот ночью неожиданно появились посланцы от партизан: «Немец, ты поделился с нашими женщинами и детьми едой, спасибо тебе. За это мы пропустим тебя с твоими солдатами. Уходите, мы не будем атаковать».

Проявление гуманизма с обеих сторон.

Разведывательный батальон Вальдова принял капитан Брандт из офицерского резерва дивизии.

Для Вернера Кортенхауса, тогда командира танка в 4-й роте, 9 июня тоже стало днем кошмара. «В тот день мы вели самые ожесточенные бои. Силами примерно десяти танков мы сосредоточились под деревьями к югу от Эсковиля. С закрытыми люками, машина за машиной мы проследовали мимо замка и вышли на широкий огороженный луг. Здесь нам предстояло построиться широким клином для атаки совместно с гренадерами, которые должны были следовать рядом и за нами.

События развивались очень быстро: не прошло и нескольких минут, как мы потеряли четыре танка, уничтоженных огнем корабельной артиллерии. На моем танке (PzKpfw IV с короткоствольной пушкой) заклинило башню, так что я мог лишь стрелять по изгородям из пулемета. Огонь сделался более интенсивным, а потому по приказу майора фон Люка мы отошли, а с нами и гренадеры.

Артиллерийский обстрел продолжался. От 30 до 40 гренадеров, должно быть, погибли под снарядами. К вечеру 9 июня мы осознали, что не способны сбросить британцев в море.

В 1960 г., когда замок все еще стоял в руинах, я снова оказался в местах былых боев.

Наша атака не могла увенчаться успехом, потому что за изгородью находилась прочная стена, если бы мы стали таранить ее, думая, что перед нами всего лишь слабая изгородь, мы бы

повредили пушки. Перед стеной пролегала канава, очень удобная для обороняющихся. В стене же были бреши, пробитые артиллерийскими снарядами, через эти проемы противник мог легко отступить в случае надобности. Следовательно, для нас, танкистов, данный участок представлялся совершенно невыгодным при наступлении».

Из донесений дозоров стало известно, что 8 июня на береговой плацдарм на смену измотанной 6-й воздушно-десантной перебросили 51-ю Хайлендскую дивизию, состоявшую из уроженцев горных районов Шотландии. Данный факт еще более снижал и без того мизерные шансы смять береговой плацдарм. Я знал 51-ю Хайлендскую дивизию еще с Северной Африки, уже тогда мы считали ее опытным в боевом отношении элитным соединением.

Один раз, к моему большому удивлению, отряд дозорных пригнал мотоцикл DKW. Я стал рассматривать машину, которую покрывала характерная раскраска и познавательные знаки 3-го разведывательного батальона на крыльях. Мотоцикл побывал в переделке. Он в виде трофея достался британцам в Северной Африке, они перевезли его в Англию, а теперь в Нормандию, где наши ребята отбили его у противника и доставили мне в целости и сохранности.

Тем временем в ночь с 7 на 8 июня две танковые дивизии – Учебная танковая и 12-я танковая СС, – прибывшие в район вторжения после тяжелых и кровопролитных маршей из районов дислокации далеко к востоку и к югу от Кана, были брошены в контратаку и в поддержку рубежам нашей обороны к западу от Кана. Однако и они, теряя машины в бессильной злобе на постоянно атакующие КВВС, тоже не могли сокрушить береговой плацдарм к западу от Кана. Мы увязли в боях.

Глава 16 Операция «Гудвуд» 18 – 19 июля 1944 г

До Гитлера тоже уже, похоже, стало доходить, что мы имеем дело с самым настоящим вторжением, а не с отвлекающим маневром. Однако он не исключал возможности проведения противником операции и через Па-де-Кале.

Как сказал мне в один из своих приездов на передовую Роммель, он в устной и письменной форме упрашивал Гитлера появиться на фронте и самому составить представление об обстановке. Нам казалось это само собой разумеющимся и наименьшим, что следовало бы сделать «главе армии». Он же сидел в хоромах на Оберзальцберге [102] и отправлял оттуда приказы. Поневоле мы испытывали уважение к Черчиллю, который прибыл на фронт, ездил в части, встречался с солдатами и вселял в них мужество. Между тем в соответствии с директивами Гитлера ни одну дивизию нельзя было ввести в дело без его личного приказа.

Не только Роммель, но и все мы осознавали, что оценка Гитлером ситуации слишком оптимистична, он «жонглировал» дивизиями и армейскими корпусами, фактическая численность которых была далека от полной.

Боевой же дух личного состава был, как ни удивительно, чрезвычайно высок, хотя солдаты и понимали, что успех союзников на Западе означал неизбежный конец. Применение ракет Фау-1 и позднее Фау-2, а также заявления о готовящемся к вводу в действие неком «чудо-оружии» подогревали в людях надежду, что все еще может повернуться к лучшему.

На 12 июня дивизия получила очередной приказ – атаковать селение Сент-Онорин, расположенное на господствующей высоте, отбить его у противника, что открыло бы нам возможность обзора позиций неприятеля и одновременно лишило бы британцев возможности наблюдать за нашими. Мою боевую группу предполагалось усилить. Нас должна была поддержать бригада установок реактивных снарядов, «ревущих коров», – что-то около 300 ПУ, стрелявших гранатами калибра 21 см и 30 см. Особенно важным было психологическое воздействие такого оружия: снаряды пролетали над полем боя с громким, пронзительным воем и заставляли врага в смятении бросаться на землю.

Силами двух мотоциклетно-стрелковых рот из разведывательного батальона и части гренадеров из состава 1-го батальона в пешем строю, при поддержке нескольких оставшихся

на ходу танков 4-й роты и штурмовых орудий Беккера, мы после сосредоточенного обстрела из установок реактивных снарядов перед самым рассветом двинулись на Сент-Онорин.

Атака застала врасплох нашего противника, части канадской дивизии, и он быстро очистил селение.

Я следовал сразу за мотоциклистами и впервые увидел с высоты позиции противника. На земле лежали сотни планеров. Мы тотчас же окопались на северной окраине селения, чтобы закрепиться и удержать высоту.

Тут мы подверглись самому мощному обстрелу с моря, который только случался с самого начала вторжения. Мы видели, как ведут огонь линкоры, крейсеры и эсминцы. В воздухе свистели туши 38-см снарядов, они ударяли в землю, образуя огромные воронки. Никем не тревожимые, заходили для атаки на нас, ревя моторами, британские истребители-бомбардировщики.

Затем под прикрытием огня, в дыму взрывов, канадцы контратаковали и после рукопашной вынудили нас откатиться и оставить селение.

Что мы могли противопоставить превосходству противника? Его морским орудиям и штурмовой авиации?

Мы окончательно покинули надежду нанести весомый урон неприятелю на британском береговом плацдарме, не говоря уж о том, чтобы уничтожить его. Между тем мы понимали, как важен этот береговой плацдарм, и «чувствовали» это своим незащищенным правым флангом.

Как вспоминал позднее ефрейтор Хаммель: «Такого огненного шквала, какой противник обрушил на Сент-Онорин, мы прежде не видывали. Мы молились. Когда мы отошли в селение Кювервиль, расположенное в нескольких километрах дальше на юг, неприятель накрыл огнем и эту деревню. Что же выходит, уж совсем не осталось места, где можно было бы перевести дух и хоть немного поспать?»

Наши частые контратаки и активная дозорная деятельность принесли по меньшей мере один результат, который выражался в том, что британцы начали ограждать свои позиции минными полями. Это служило для нас верным признаком того, что в ближайшем будущем они не имеют намерения продолжать наступление.

На несколько недель на нашем участке воцарилось нечто вроде неофициального перемирия. Продолжались патрулирование и ведение наблюдения.

Только однажды, 15 июня, при активной поддержке артиллерии мы попытались атаковать Эсковиль, служивший ключевой позицией для любого, кто хотел отбить мосты через

Орн. Попытка, однако, не увенчалась успехом и стоила больших потерь обеим сторонам. Мы просто не могли изменить положения, пока действовали на дистанции огня морских орудий и в условиях безраздельного господства в воздухе вражеской авиации.

Храбрый и несгибаемый 21-й танково-разведывательный батальон был отведен с передовой 16 июня, однако 29 июня ему вновь пришлось отражать неприятельский натиск на восточных окраинах Кана, поскольку противник стремился овладеть Каном и находившимися там мостами через Орн. 30 июня батальон был передислоцирован в район к югу от Кана для получения пополнений.

Побывав на моем командном пункте, генерал Фойхтингер сказал мне, что британцы и американцы создали себе надежные, хотя иногда и маленькие базы по всему фронту вторжения.

– Совершенно ясно, что союзникам в тот или иной момент придется где-то прорываться с плацдармов далее в глубь континента, иначе вторжение не имеет смысла. Наше слабое место – правый фланг, ваш участок, мой дорогой Люк. Южнее и восточнее вас нет никаких резервов. Единственное преимущество для вас в том, что участок местности между рекой Орн и вышедшей из берегов рекой Див настолько узок, что атаковать там с плацдарма может сразу не более одной дивизии противника. Мы должны быть готовы к этому, поэтому вы получите подкрепления и построите эшелонированную оборону. Сама по себе местность подходит для танковой атаки, однако, учитывая наличие на ней множества селений, всевозможных изгородей и рощ, она в не меньшей мере годится и для противотанковой обороны.

Задача ваша остается неизменной: предотвратить прорыв или вклинение противника с берегового плацдарма в южном или юго-восточном направлении.

Июнь прошел, наступил особенно жаркий июль. Мы страдали от нашествия комаров, для некоторых солдат дело не обходилось без медицинского вмешательства – вздувались веки глаз. Урожаи созрели и колосились в полях, но крестьяне не рисковали выходить на работу, опасаясь превратиться в мишени и погибнуть под обстрелом.

Почти каждые сутки 2-му батальону приходилось отражать атаки сильных штурмовых групп противника, неся в стычках серьезные потери.

Одним жарким утром, когда я изучал положение на фронте вместе с майором Курцем, пуля снайпера сбила мою фуражку. Повезло.

В начале июля противник неожиданно перешел в наступление – стартовала операция «Эпсом». (Британцы любили называть боевые операции в честь мест проведения скачек.) Противник попытался прорваться к западу от реки Орн, на участке 192-го полка. Атаковала 11-я бронетанковая дивизия генерал-майора «Пипа» Робертса, вероятно, самого молодого, но и наиболее опытного танкового командира у противника. Я знал Робертса по Северной Африке, где он командовал танковой бригадой в знаменитой 7-й бронетанковой дивизии. С другой стороны, его 11-я бронетанковая была вновь сформированной дивизией и не имела опыта [103] .

Как почти всегда поступали британцы, они пустили в бой танки без пехотного сопровождения. В результате им не удалось сразу уничтожить маленькие, хорошо замаскированные противотанковые гнезда, которые располагались в рощицах или за изгородями. На основном направлении наступление захлебнулось под нашим огнем, хотя на фланге британская и канадская пехота сумела проложить путь в западную часть Кана. Фронт мы удержали.

Как обещал Фойхтингер, в начале июля мою боевую группу значительно усилили:

– На мой участок перебросили 503-й батальон танков «тигр». Из-за его наводящей страх на противника «восемьдесят восьмой» и толстой брони «тигр» считался неуязвимым и превосходил все имевшиеся у противника танки.

– В мое распоряжение поступил майор Беккер со всеми пятью батареями 200-го дивизиона штурмовых орудий, которые действовали в тесном контакте с гренадерами.

– Мне придали оставшийся батальон нашего танкового полка (другой батальон перебросили в Германию для укомплектования танками PzKpfw V «пантера»), а также подразделение установок реактивных снарядов.

– Батальон 16-й полевой дивизии Люфтваффе тоже перешел под мое командование, чтобы образовать тонкую линию прикрытия перед моим позициями.

– Как Фойхтингер и говорил мне, на высотах в Бургебю и за ними расположились три отделения противотанковой обороны, вооруженные 8,8-см пушками. Прибавим к этому дивизионную артиллерию.

– Мои батальоны – 1-й и 2-й 125-го полка – дислоцировались справа и слева за полевыми частями Люфтваффе на так называемых «блокировочных позициях», с которых могли либо контратаковать, либо держать там оборону. С ними находились и батареи майора Беккера.

Таким образом мы создали фронт обороны на глубину около 15 километров, что позволило бы нам рано или поздно свести на нет усилия атакующих.

Несмотря на интенсивную воздушную разведку, британцы не сумели выявить наших позиций на всю их глубину. Как мы узнали позднее, они считали, что она не будет превышать 7 километров. Благодаря трофейным картам мы установили, что, по мнению британцев, им на данном участке противостояли по меньшей мере две, если не три, немецкие танковые дивизии. Переоценка наших сил стала, возможно, позднее причиной их осторожного продвижения.

Несмотря на бурные протесты командира корпуса, два танковых батальона были дислоцированы за самыми передовыми позициями. Возможно, лучше было бы отвести их немного дальше в тыл и держать наготове для контратаки. Решение, повлекшее за собой роковые последствия.

Ближе к вечеру 14 июля меня вызвали в штаб обергруппенфюрера Зеппа Дитриха, недавно назначенного командиром нашего корпуса [104] . Зепп Дитрих знал меня с тех пор, как я обращался к нему за советом по поводу проблем с женитьбой на Дагмар. Получив «любопытный» ответ из ставки Гитлера, он не поверил, что такое возможно, и пообещал обратиться с запросом напрямую. Из-за тяжелых боев, которые приходилось вести, данное намерение так, к сожалению, и осталось намерением.

На командном пункте корпуса кроме Зеппа Дитриха находился и Фойхтингер.

– Люк, – сказал Дитрих, – на протяжении шести недель после высадки вы отлично возглавляли боевую группу и на начальном этапе воспрепятствовали прорыву британцев на нашем угрожаемом восточном фланге. Ваш командир представил вас к награждению Рыцарским крестом. Я знаю также, что завтра у вас день рождения и то, что ваша невеста работает в Париже. Вместо того чтобы давать вам несколько дней отпуска, я решил направить вас в Париж с особым заданием взамен одного из моих офицеров штаба. Вы отбываете сегодня вечером, а возвращаетесь утром 18-го. Желаю вам хорошо провести время.

– Господин обергруппенфюрер! – воскликнул я. – Я не смогу принять предложение, как бы заманчиво оно для меня ни звучало. Мне нельзя бросить своих людей в столь сложной обстановке. У меня есть основания считать, что британцы попытаются осуществить прорыв или хотя бы вклинение на нашем участке фронта. Спасибо за честь, но, пожалуйста, позвольте мне остаться тут.

– Люк, – отозвался Зепп Дитрих, – в соответствии с нашими сведениями, возможность возобновления противником наступления тут на ближайшие десять дней или даже две недели невелика. После дорого обошедшегося им «Эпсома» британцам для начала придется перегруппироваться и подтянуть необходимое снабжение. Так что можете смело ехать.

В конце концов, сдавшись под грузом аргументов начальства, к которым добавилось еще и мнение Фойхтингера, я сдался. Да и перспектива повидать Дагмар тоже была соблазнительной.

По возвращении на свой командный пункт я отправился в 1-й батальон и велел его командиру принять руководство боевой группой на время моего отсутствия.

Подогнали мой «Мерседес», загрузив его «сокровищами Нормандии». Через армейскую телефонную сеть и через гражданскую в Париже меня соединили с Дагмар, и я предупредил ее и ее femme de chambre [105] о своем прибытии. Свой командный пункт я покидал со смешанными чувствами.
Из соображений безопасности, а прежде всего для того чтобы иметь возможность наблюдать за небом, я взял с собой водителя. Впереди меня ждали три дня в Париже!

После завершения «задания» и короткого визита в «Особый Парижский штаб» я был свободен – мог общаться с Дагмар и с друзьями.

Мы с Дагмар еще больше любили друг друга, несмотря на то что дурацкие установки и расистские законы не позволяли нам вступить в брак. Мы обещали друг другу, что подождем, пока закончится война, а уж потом поженимся.

Продукты, которые я привез с собой, общим весом около 50 килограммов, всюду служили источником воодушевления, особенно два килограмма кофе, которого в Париже было больше не достать.

– Нам приходится довольствоваться эрзацем, – посетовал Морель. – Позаимствовали у вас это уродское слово [106] .

Несмотря на удовольствие встретиться с любимой и с друзьями, я беспокоился и каждый день звонил в дивизию. «Тут все тихо, все как обычно, никаких изменений в обстановке», – всякий раз отвечали мне. Я опять говорил с Дагмар и с друзьями о том, что надлежит делать, если создастся угроза падения Парижа. Дагмар хотела оставаться там до последнего, чтобы быть ближе ко мне.

Вечером 17 июля мы все вместе сидели за бутылкой шампанского. 18 июля еще в темноте я отправился в путь, чтобы добраться до командного пункта до рассвета – раньше, чем выйдут на охоту «Спитфайры» и «Харрикейны». Путешествие,

однако, затянулось, оказавшись несколько продолжительнее из-за активных ночных переброс снабжения. Только около девяти мне удалось достигнуть высот восточнее моего участка. До командного пункта оставалось всего несколько километров. Я остановился и стал всматриваться в небо – как бы не появились истребители. Над районом боевых действий стояла туманная дымка. Казалось, все в полном порядке.

Вскоре после девяти я прибыл на командный пункт в предвкушении «нормандского завтрака», после чего собирался переодеться в боевую форму.

Меня встретил явно озабоченный, если не сказать растерянный, командир 1-го батальона. Тут я почувствовал, что что-то не так, поскольку все на командном пункте находились на взводе.

Затем прозвучал рапорт, от которого у меня захолонуло сердце:

– Начиная с пяти утра британцы подвергали наш участок бесконечным налетам тысяч бомбардировщиков, особенно место дислокации 1-го батальона. За бомбардировками последовал артобстрел – «ползучий огненный вал». Огонь прекратился всего полчаса назад.

– Как дела в 1-м батальоне? Есть какие-нибудь данные? – спросил я первым делом.

– Еще нет, – прозвучало в ответ, – связь нарушена.

– А как у «тигров» и у танкового батальона нашего полка?

В ответ:

– Радиосвязи нет. Я ничего не знаю о происходящем.

– А 2-й батальон? Штурмовые орудия майора Беккера? В дивизию сообщили? – допытывался я все напористей, хотя уже и без того становилось ясно, что не сделано ничего. Как ясно было и то, что мы имеем дело с новой попыткой прорыва. И при этом ничего, ничего не было сделано!

Мой заместитель явно пребывал в состоянии глубокого замешательства. Он казался совершенно беспомощным. Я приказал ему выполнять мои распоряжения. Через несколько дней я велел своему адъютанту отправиться в Управление личного состава армии и потребовать освобождения от должности этого командира, на что получил немедленное согласие.

Я обогатил свой опыт: лишний раз собственными глазами увидел, как офицеры и унтер-офицеры, бывшие в мирное время отличными преподавателями и инструкторами, пользовавшимися любовью начальства, уважением товарищей и учащихся, теряют самообладание в критической ситуации и оказываются

неспособными справиться с обстановкой. Как говорил мне позднее генерал Пип Робертс, ему пришлось столкнуться с точно таким же явлением. По тем же самым причинам, по которым мне пришлось избавиться от командира батальона, он был вынужден распроститься с командирами более высокого уровня – бригады и полка. Более того, опыт показывал, что снимать с должности нужно сразу, чтобы замешательство командира не передалось всей части.

Одним словом, никто на моем командном пункте не знал, что происходит. Никто ничего не контролировал, хотя было ясно, что враг переходит в решительное наступление.

Мне пришлось забыть о сытном завтраке и о том, чтобы переодеться. Я помчался к PzKpfw IV, передвижной радиостанции, которую предоставил в мое распоряжение танковый полк, предложил механику-водителю сигарету и сказал:

– Поехали! По главной дороге в Кан, – своему адъютанту я прокричал: – Сообщу, когда доберемся. Немедленно свяжитесь с дивизией, как угодно, в крайнем случае поезжайте сами. Доложите обстановку и попросите подкреплений, чтобы остановить британцев. Отправьте порученца к танкистам.

Медленно, но без проблем мы приблизились к селению Каньи, которое располагалось как раз посредине моего участка и в котором не было наших частей. Восточная часть деревни до церкви оказалась почти целой, западную же часть противник сровнял с землей. Добравшись в западную часть, я, к своему разочарованию, увидел оттуда 25 или 30 британских танков, которые уже проследовали в южном направлении в Кан через главную дорогу, пролегавшую с востока на запад.

Затем я бросил взгляд на север, где на боевых позициях должен был находиться мой 1-й батальон. Весь район там был буквально усеян британскими танками, катившимися южнее и не встречавшими никакого противодействия. «Бог ты мой, – подумалось мне, – бомбардировки и артиллерийский обстрел уничтожили батальон».

Мне было совершенно ясно: беспрецедентными по размаху бомбардировками британцы старались подавить любое сопротивление на узком фронте. Чем же заткнуть дыру? Может быть, бросить сюда превосходящие противника качественно PzKpfw VI «тигр»?

Я поспешил вернуться на командный пункт, чтобы организовать контрмеры.

Проезжая мимо церкви Каньи, расположенной в неповрежденной половине селения, я, к своему удивлению, обнаружил там батарею 8,8-см зениток Люфтваффе, стволы

которых торчали в небо.

«Что они тут делают? – спросил себя я. – Откуда взялись? Я же не видел их на пути сюда».

Я велел водителю остановиться под деревом и, выскочив из танка, побежал к батарее.

Ко мне вышел молодой капитан.

– Господин майор, – сказал он, – можете мне сказать, что здесь происходит?

– Боже мой, что вы тут делаете? Вы хоть знаете, что́ происходит слева от вас?

Он ответил спокойно:

– Моя батарея входит в состав кольца ПВО, прикрывающего заводы и другие объекта города Кан. В данный момент мы ожидаем следующего воздушного налета.

– Дорогой мой, – произнес я как можно хладнокровнее, – вас уже обошли танки противника. Севернее все пространство буквально кишит танками. Вы немедленно выдвинете свои четыре пушки на северную окраину Каньи и встретите наступление танков огнем. Не отвлекайтесь на танки, который уже проследовали на юг. Бейте во фланг противнику. Так вы сможете заставить их остановиться.

Он ответил мне так же невозмутимо:

– Господин майор, мое дело – вражеские самолеты, а танки – это ваша забота. Я служу в Люфтваффе.

На этом он собирался удалиться. Я выхватил пистолет – нам всем полагалось носить пистолеты во время поездок в Париж, – наставил на него и проговорил:

– Выбирайте, вы можете сейчас стать покойником, а можете заработать орден.

Тут молодой капитан понял, что с ним не шутят:

– Я подчиняюсь силе. Говорите, что́ мне нужно делать?

Я схватил его за руку и под прикрытием изгородей и деревьев пробежал с ним на северную окраину деревни.

– Поставьте ваши четыре орудия вот здесь, в яблоневом саду. Пшеница в поле высокая, она будет прикрывать вас – просто бейте через поле, и все, стреляйте во все танки, которые увидите. Посмотрю, может, смогу прислать вам взвод гренадеров для прикрытия на случай неожиданной атаки. Если положение ваше станет критическим, уничтожьте пушки и уходите на юг. Я надеюсь, наш батальон «тигров» сможет вскоре развернуть контратаку с правого фланга. Их и вашими силами мы должны суметь отразить наступление. Это возможно, особенно учитывая, что, насколько я могу судить, они идут без сопровождения пехоты. Я вернусь через полчаса. Вам все понятно?

Похоже, понятно было не все, однако в итоге он все же кивнул:

– Порядок, господин майор.

Вернувшись на свой командный пункт, я узнал в полной мере результаты предварительных «ковровых бомбардировок» [107] .

Дежурный офицер доложил, что самые тяжелые американские бомбардировщики буквально засыпали позиции батальона «тигров» бомбами. Он своими глазами видел один из 60-тонных колоссов, лежащий перевернутым вверх «брюхом». Воронки шириной в 10 метров сделали местность почти полностью непроходимой, нечего было даже думать применить «тигры» в ближайшие несколько часов. Похоже, и батальон PzKpfw IV постигла та же судьба.

Майор Беккер, находившийся в тот момент на моем командном пункте, установил связь со своими батареями.

– Одна батарея полностью уничтожена бомбами, – доложил он. – Две батареи на левом фланге уцелели и поддержат ваших гренадеров из 1-го батальона, которые ведут бой против британской пехоты. Две другие батареи в любую минуту готовы вступить в действия на правом фланге, где майор Курц, не дожидаясь приказов, организовал рубеж обороны силами 2-го батальона.

Из дивизии вернулся капитан Либескинд, мой адъютант. Фойхтингер сообщал, что на затыкание дыры на моем левом фланге у него нет резервов. Однако на обеспечение слабого правого фланга мне обещали прислать разведывательный батальон капитана Брандта. Я отдал приказ: всеми средствами сорвать попытку противника прорваться восточнее на открытом правом фланге.

Капитан Брандт докладывал тем же утром:

– Господин майор, я снова в вашем распоряжении. Нахожусь с разведывательным батальоном примерно в 7 километрах восточнее Троарна. С 6 июля мы стояли в резерве к югу от Кана и частично получили пополнение живой силы и техники. Ранним утром мы подверглись ожесточенным налетам авиации. Ваша боевая группа сильно пострадала?

Я наскоро ввел Брандта в курс дела:

– На моем левом фланг зияющая брешь до самого Кана и до 192-го полка, заткнуть ее нечем. Однако три отделения противотанковой обороны – 8,8-см пушки – стоят на позициях на высотах у Бургебю. Они должны суметь остановить любое наступление танков, коль скоро британцы идут без сопровождения пехоты. Однако есть еще одно окно, очень опасное, между моим командным пунктом и 2-м батальоном

майора Курца. Если британцы пройдут через него, путь им на юго-восток будет открыт. Вот в эту брешь я и поставлю вас. На правом фланге держите контакт с Курцем, а на левом – со мной. Одна из батарей майора Беккера, укомплектованная длинноствольными 7,5-см противотанковыми пушками, поступит в ваше распоряжение для уничтожения вражеских танков. Пришлите мне офицера связи. Удачи вам, Брандт. Сегодня мы обязаны выжить и победить.

Из официальных сообщений, из донесений от моих частей и из слов пленных начинала вырисовываться мрачная картина происходящего. Потом мои расчеты подтвердили документы, с которыми мне довелось ознакомиться после войны; ситуация складывалась именно так, как я и предполагал.

Монтгомери решил развернуть генеральное наступление с маленького берегового плацдарма и ворваться во внутренние районы Франции в направлении Фалеза. Проведя грандиозную работу силами служб тыла в условиях строжайшей секретности, противник сосредоточил для достижения целей следующие части:

– один бронетанковый корпус: 11-я бронетанковая дивизия, Гвардейская бронетанковая дивизия и 7-я бронетанковая дивизия, хорошо знакомая мне по Северной Африке [108] ;

– на прикрытие флангов: одна канадская пехотная дивизия (правый) и одна британская пехотная дивизия (левый);

– свыше 1000 стволов всех калибров, плюс морская артиллерия;

– 6-я воздушно-десантная дивизия и 51-я Хайлендская дивизия, которые оставались на береговом плацдарме для его обороны;

– в качестве подготовительных мер перед наступлением противник собрал наикрупнейшую воздушную армаду, которая только вводилась в действие с начала войны: около 2500 британских и американских бомбардировщиков. На участке шириной по фронту 4 километра и глубиной в 7 километров огнем артиллерии и авиации предполагалось уничтожить все живое;

– за воздушными налетами предстояло последовать «ползучему огненному валу» 1000 орудий плюс пушки корабельной артиллерии, за которым должны были двинуться первые волны танков;

– начальная цель: высоты Бургебю, что примерно в 15 километрах от исходных позиций [109] .

«Никто не выживет в этом аду. Нам останется только двинуть наши танки прямо к Парижу», – такого было единодушное мнение в стане союзников, принимавших участие в наступлении. «Скоро

мы поняли, как сильно ошиблись», – говорили потом многие командиры из британского бронетанкового корпуса [110] .

Поскольку всем частям приходилось следовать через узкий проход между минными полями, одна дивизия шла за другой, чтобы потом развернуться и наступать широким фронтом в направлении высот в районе Бургебю.

Я лишь надеялся, что батарея 8,8-см пушек в Каньи и две батареи 7,5-см штурмовых орудий смогут задержать противника достаточно надолго, чтобы успели подтянуться резервы: 1-я танковая дивизия СС и 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд». Обе недавно сняли с фронта для доукомплектования и направили в район Фалеза и Лизье, где они и находились в настоящее время.

На исходе утра 18 июля поступили рапорты от двух батарей Беккера, которые поддерживали действия 1-го батальона на левом фланге: «Отдельные роты 1-го батальона вступили в бой со следующей за танками пехотой. Мы обеспечили поддержку насколько возможно».

«Вторая волна британских танков повернула на запад после мясорубки под Каньи и стала наступать на высоты Бургебю. Нам пришлось постепенно выйти из соприкосновения, чтобы не быть окруженными».

Майор Беккер находился на моем командном пункте. Я подозвал его:

– Послушайте, Беккер. Мне особенно нужны ваши батареи сейчас, поскольку два танковых батальона выведены из строя бомбардировками. Все батареи, особенно те, которые отрезаны на левом фланге, должны действовать самостоятельно, по возможности дольше прикрывая гренадеров и, кроме того, нанося удары по британским танкам с фланга. Мы должны остановить танковый бросок во что бы то ни стало.

Майор Билл Клоуз – британец, возглавлявший танковый эскадрон в одном из полков 11-й бронетанковой дивизии, что развернулась веером на запад, – теперь мой хороший друг [111] . Много позднее тех событий он говорил мне:

– Мы предупредили Гвардейскую бронетанковую, которая проходила мимо Каньи за нами. Несмотря на это, они продолжали продвижение и в считаные секунды потеряли под Каньи почти 20 танков. Мы видели, как передовой полк пытался обойти огневую точку в Каньи. В процессе этого они потеряли еще несколько танков, на сей раз от огня из леса к востоку. Атака захлебнулась. Мы были рады, что повернули на запад и смогли избежать встречи с вашими чертовыми «восемьдесят восьмыми». Мы наступали на юг, пересекая дорогу Париж – Кан. Видели пожары, полыхавшие там и тут в Кане, расположенном у нас на

правом фланге, а впереди нас, примерно в 5 километрах южнее, находились высоты Бургебю – наша первая цель, которой мы должны были бы достигнуть ранним утром.
Не встречая противодействия, мы продвигались вперед широким строем. Мой эскадрон впереди [112] . Внезапно, когда мы подошли примерно на 1000 метров к селениям на холмах, мы очутились под сосредоточенным огнем «восемьдесят восьмых». Не прошло и нескольких секунд, как 15 наших танков встали и загорелись. Повернуть налево или направо не получалось. К вечеру у меня осталось всего несколько исправных танков. В другом эскадроне положение было ничуть не лучше. Нам пришлось приостановить продвижение и отойти. Вскоре поступил приказ из бригады приостановить боевые действия на текущие сутки. На следующий день поступили новые распоряжения.

После прибытия разведывательного батальона я почувствовал, что отчасти стабилизировал свой правый фланг. До сих пор переодеться мне так и не удалось, я уж молчу о еде. На протяжении нескольких следующих часов все зависело от батареи в Каньи. Я сел в свой танк и, соблюдая осторожность, поехал в селение. Оставив танк у церкви, я побежал к четырем пушкам, и там глазам моим открылось невероятное зрелище:

– 8,8-см орудия давали залп за залпом. Снаряды летели через колосящееся поле как торпеды. Обслуга у пушек испытывала гордость от того, как дебютировала в роли противотанковой части. Все четыре пушки были в целости и сохранности – никто не атаковал их.

– На обширных полях к северу от деревни стояло по меньшей мере 40 британских танков, некоторые горели, некоторые нет. Я видел, как танки, уже перешедшие главную дорогу, медленно начинали откатываться.
– В бой вступили также и штурмовые орудия Беккера. С правого фланга они подбивали любой танк, делавший попытку обойти селение.

Молодой капитан подошел ко мне. Я поздравил его.

– Взвод из моей штабной роты прибудет сюда с минуты на минуту, чтобы охранять вас на случай неожиданной атаки противника. Повторяю приказ: будете держать позиции до тех пор, пока возможно, противодействуя любому продвижению неприятельских танков. Когда же положение станет критическим, уничтожайте орудия и вместе с гренадерами отходите на мой командный пункт.

С этим я покинул расположение батареи, сыгравшей столь решительную роль 18 июля.

Вернувшись на командный пункт, я связался с Фойхтингером.

Я доложил обстановку такой, какой она представлялась мне по состоянию на полдень 18 июля, и закончил:

– Господин генерал, я считаю, что все британское наступление захлебнулось благодаря действиям моей боевой группы, а также не в последнюю очередь за счет вклада батареи 8,8-см орудий Люфтваффе, обнаруженной мной в Каньи и задействованной для борьбы с наземными целями. Между тем я вижу большую угрозу моему правому флангу. Если британцы подтянут пехоту, положение моего довольно тонкого рубежа обороны станет опасным. Пока все в порядке, однако на протяжении второй половины дня необходимо перебросить сюда резервы.

– Мои поздравления с успешной обороной, Люк. У меня для вас хорошие новости: 1-я танковая дивизия СС получила приказ выступить к нам на усиление из района Фалеза, особенно на высоты Бургебю. 12-я танковая дивизия СС тоже будет поддерживать нас на правом, то есть на вашем, фланге, чтобы предотвратить прорыв противника на юго-восток. 1-я дивизия СС прибудет сегодня ближе к вечеру, 12-я дивизия СС – не раньше середины завтрашнего дня. Мы должны продержаться до их прихода.

Ближе к вечеру Фойхтингер вновь вышел на связь:

– Прибыли первые части 1-й дивизии СС. Вместе с ними мы подбили множество танков. Учитывая ваш вклад, британцы потеряли, должно быть, по меньшей мере 200 танков. Я уверен, что вы удержитесь на правом фланге. Передайте мою признательность Курцу – командиру 2-го батальона.

Во второй половине дня я наконец смог переодеться и почувствовал себя лучше. Из батальона «тигров» прислали сообщение о том, что у них на ходу не менее десяти машин, готовых перейти в атаку на левый фланг неприятеля.

Лейтенант (в ту пору) барон фон Розен, командир роты PzKpfw VI («Тигр»), рассказывает следующее: «Мы еще не знали таких бомбардировок и обстрелов, как те, которым подверглись ранним утром 18 июля. Несмотря на то что мы прятались в окопах под своими танками, потерь у нас было много. Некоторые из 60-тонных машин валялись вверх гусеницами в бомбовых воронках диаметром 10 метров. Они взлетали в небо, точно рассыпавшаяся колода карт. Двое у меня в роте покончили с собой – не смогли выдержать психологического воздействия. Серьезно пострадали все 14 моих «тигров». Все были покрыты землей и пылью, пушки – выведены из строя, системы охлаждения двигателей не работали. Только в начале второй половины дня некоторые из «тигров» удалось вернуть в строй. С ними мне

предстояло атаковать в западном направлении во фланг британскому бронированному потоку».

Из захваченных карт и оперативных планов нам стало известно, что гвардейцы намеревались наступать на юго-восточном направлении, 7-я бронетанковая дивизия – на центральном и южном направлении, а головная 11-я бронетанковая дивизия – на юго-западном.

Тогда как гвардейцы – для них это был первый бой – шли вперед осторожно ощупью, то и дело откатываясь с большими для себя потерями, 7-я бронетанковая дивизия пока еще даже не появилась. Только ближе к вечеру 18 июля она смогла протиснуться через несколько проходов в минных полях [113] .

Британское наступление 18 июля застопорилось. Они продвинулись незначительно, а о том, чтобы вклиниться в наши позиции или прорвать их, не могло быть и речи. Между тем мы были уверены, что британцы готовятся продолжить наступление на следующий день. Вопрос заключался в том, сможем ли мы с нашими потрепанными частями продержаться.

Утро 19 июля началось на удивление тихо. В процессе отдельных попыток танковых прорывов мы вновь уничтожили немало британских машин. Но потом, в начале второй половины дня, Монти послал в бой все три бронетанковые дивизии при поддержке пехоты и артиллерии, которые действовали на сей раз все вместе слаженно.

Неопытные гвардейцы вели себя очень робко, что может быть понятно, но мы, к своему изумлению, обнаружили, что аналогично поступает и 7-я бронетанковая дивизия. Однако делала она это по прямо противоположной причине – из-за наличия у нее большого опыта. Мы сумели отразить все атаки на правом крыле и в ходе боев там нанести тяжелый урон двум британским дивизиям. Особенно мы были обязаны этим мастерским действиям 2-го батальона под началом майора Курца, равно как танково-разведывательному батальону и штурмовым орудиям Беккера.

Из разведывательного батальона прислали офицера связи.

– Господин майор, я должен доложить, что своими действиями и контратаками мы вновь и вновь вынуждаем противника отходить. В какой-то момент у нас в тылу даже оказался перевязочный пункт британцев. Час назад появился британский танк с белым флагом – противник доставил нам некоторых из наших раненых. Мы поблагодарили британцев.

Вот подлинное благородство!

Из дивизии и от двух батарей Беккера, действовавших теперь на моем левом фланге, мы узнали, что около четырех часов 11-я

бронетанковая дивизия силами пехоты, танков и тяжелой артиллерии развернула атаку на две деревни на северной окраине высот Бургебю, где оборону держали части 1-й танковой дивизии СС.

Вскоре после этого пришло сообщение от командиров штурмовых орудий: «Оба населенных пункта захвачены неприятелем, но его дальнейшее продвижение остановлено. Две наши батареи с боями, но без потерь вышли на высоты, продвигаясь иногда параллельно британцам».

Обстановка становилась критической, однако британское наступление не продолжилось и снова застопорилось. Просто поразительно, почему атакующие на моем участке действовали столь нерешительно. Шок, вызванный 8,8-см противотанковыми пушками, несколько «тигров» и штурмовые орудия Беккера – все это сразило британцев. Между тем нам приходилось держать фронт на востоке всего с 400 гренадерами. Решительной атаки мы с таким количеством людей выдержать просто бы не смогли.

Наконец около пяти часов прибыли первые части 12-й танковой дивизии СС. Со мной на связь вышел офицер штаба:

– Дивизии досталось на марше. То и дело нам приходилось останавливаться и искать убежища под ударами британских истребителей. Основная часть дивизии подтянется сюда ночью. Как дела у вас?

Я ввел его в курс дела и узнал, что его дивизии предстоит сменить мою боевую группу. Вскоре после этого пришел приказ из нашей дивизии: «В течение ночи боевой группе фон Люка выйти из боевого соприкосновения с противником и передать участок 12-й дивизии СС. Вам предстоит занять оборонительные позиции в обеих частях Троарна на восточном берегу разлившейся реки Див. Боевая группа Рауха также выводится из боя и дислоцируется восточнее Дива».

Передача позиций прошла без сложностей. Меня радовала надежда дать наконец измученным и измотанным боями солдатам возможность немного отдохнуть. По состоянию на поздний вечер 19 июля становилось возможным подвести итоги и подсчитать, что удалось и чего не удалось сделать британцам: маленький береговой плацдарм расширился до 9 километров, был полностью занят Кан. Однако осуществить прорыв в направлении Фалеза не получилось. Монти впоследствии утверждал, что таких задач и не ставилось, что операция «Гудвуд» проводилась с целью связать боем немецкие танковые дивизии и таким образом облегчить американцам запланированный прорыв на западе.

Помимо меня есть и другие люди, которые сомневаются в

правдивости данной версии, и вот по каким причинам: (1) пленные канадцы показали, что незадолго до наступления Монти обратился к ним со следующими словами: «На Фалез, ребята! Будем наступать на Париж»; (2) у любого, кто знал Монти – знал его самолюбие – и дал себе труд проанализировать его операции в Северной Африке, не возникнет сомнений, что он рассчитывал на нечто большее, чем «связать боем немецкие танковые дивизии» и «расширить береговой плацдарм».

Так или иначе, операция «Гудвуд» обошлась британцам примерно в 450 танков [114] . Она была отлично подготовлена и являлась верхом мастерства служб тыла. А нам все же удалось предотвратить прорыв неприятеля.

Только теперь мы узнали, что за день до начала операции «Гудвуд» – то есть до старта наступления – фельдмаршал Эрвин Роммель получил тяжелые ранения, когда истребитель-бомбардировщик обстрелял его машину. Мы не могли поверить в это, для нас Роммель всегда казался неуязвимым.

Тем не менее глубокоэшелонированная оборона, организованная Роммелем, выстояла под ударами дивизий Монтгомери. 15 и 17 июля Роммель как раз проверял состояние дел на участке нашего корпуса. Наверное, не будет преувеличением сказать, что Роммель преградил своему извечному противнику путь в Париж – последняя его удача как военного.

В ночь с 19 на 20 июля зарядили проливные дожди, затруднившие нам передачу позиций. Никогда не забуду наш ночной марш на север и запах разлагающихся в полях тел. 20 июля, однако, прошли еще более сильные грозы, превратившие все вокруг в болота. Британским военно-воздушным силам пришлось остаться на земле.

Поздним вечером 20 июля мы узнали – сначала из листовок, сброшенных британцами, а потом из радиосообщений – о покушении на Гитлера. Те, кто постарше, испытывали смешанные чувства, молодых же охватила ярость: «Это удар в спину нам тут на фронте!»

Я же вспомнил разговоры с Роммелем в Северной Африке в 1943 г. и во Франции в 1944 г. «Попытка уничтожить Гитлера физически может породить легенду об «ударе в спину». Как только второй фронт будет открыт и конец станет очевидным, мы должны заставить его отречься от власти, чтобы избежать дальнейших потерь и сконцентрировать все силы на войне на Востоке».

На следующий день на моем командном пункте появился военный корреспондент:

– Господин майор, что вы тут, на фронте, думаете о попытке

покушения на фюрера?

Я ответил незамедлительно:

– Послушайте, мы тут неделями почти не вылезаем из тяжелых оборонительных боев. Нам просто некогда думать ни о чем другом. Приезжайте, когда обстановка немного улучшится.

Рискованный ответ? А что я должен был сказать?

Примечательно, однако, одно обстоятельство, которое мне самому стало известно лишь недавно, но из надежного источника. Когда командир нашего корпуса, обергруппенфюрер Зепп Дитрих (группа армий «B»), узнал о покушении на Гитлера, он первым делом поинтересовался:

– Кто? СС или армия?

Хотя КВВС проводили постоянные налеты, а Гвардейская дивизия отправляла отряды разведчиков на поиски слабых мест – окна на Восток, – дни после неудачного наступления британцев казались райским отдыхом. Из-за обильных дождей разлившаяся река Див стала еще более труднопреодолимой преградой. Для меня наиважнейшим было воссоздать 1-й батальон, который практически стерли с лица земли обстрел и бомбардировки 18 июля.

Всего за несколько суток в дивизионном лагере переформирования, из послуживших ядром части немногих оставшихся ветеранов и хорошо подготовленного пополнения из дома удалось поставить в строй фактически заново собранный батальон, посадив его на новенькие SPW (бронетранспортеры). Тыловики восхищали нас, умудряясь снова и снова доставлять на фронт пополнение, боеприпасы и технику.

После всего недели на наших «курортных» позициях в обороне дивизию вывели в тыл на доукомплектование. У нас появилась надежда на несколько спокойных дней, чтобы зализать раны.

Однако все явственнее проступавшие признаки скорого начала нового британского наступления, получившего название «Блюкоут», положили конец передышке. Всего через двое суток дивизию передислоцировали в район к югу от Виллер-Бокаж на важное шоссе № 175 к югу от Байе. Вместе с храбрым 21-м танково-разведывательным батальоном мы сумели удержать фронт.

Личный состав был измотан, потери были тяжелыми. Мы почти без отдыха провели в боях уже восемь недель – больше, чем любая другая дивизия. Но, несмотря ни на что, боевой дух оставался высоким. Люди сражались до тех пор, пока не падали. И вот 25 июля, после четырехчасового воздушного налета, американцам удалось прорваться на участке Учебной танковой

дивизии. Мы отошли, линия фронта немного отодвинулась и пролегала теперь от района Авранш – Сен-Ло к югу от Кана.

Затем 31 июля стало известно, что генерал Джордж Паттон, наверное, самый гибкий из союзнических танковых командиров, осуществил прорыв в Авранше, около знаменитой Мон-Сен-Мишель. После этого дорога во внутренние районы Франции – на Париж и далее к территории рейха – оказывалась открытой. Гитлер отреагировал немедленно: он бросил на Авранш генерала Эбербаха с наспех сколоченной танковой группой, с тем чтобы перерезать линии коммуникаций армии Паттона.

Вновь вмешались люди из Блечли-Парк, взламывавшие коды, и военно-воздушные силы США подавили наше контрнаступление в зародыше. Хуже того, однако, был тот факт, что наши дивизии, ведущие бои на западе, оказывались под угрозой окружения, поскольку Паттон мог, совершенно очевидно, продолжать свой натиск в восточном направлении никем не останавливаемый.

С этого момента события стали развиваться очень быстро – стремительно. Нам пришлось откатываться, потому что наши поредевшие и измотанные дивизии были не в состоянии выдержать нового удара.

Глава 17 Отступление на территорию Германии Август – ноябрь 1944 г

Потребовалось еще две недели – две недели боев на сдерживание неприятеля и маневров на выход из-под удара в юго-восточном направлении, – прежде чем мы вышли в район Фалеза, к югу от Кана. В результате мы потеряли весь полуостров Контантен с важным портом Шербур.

Тем временем Монтгомери тоже выступил с берегового плацдарма, расширенного в результате операции «Гудвуд», и силами 4-й канадской и 1-й польской бронетанковых дивизий продвигался в район северо-восточнее Фалеза. Наступление Монти с северо-запада и бросок Паттона с юго-западного направления грозили охватом всему немецкому фронту в Нормандии – созданием одного огромного «котла».

17 августа канадская и польская бронетанковые дивизии пробились и раскололи надвое нашу дивизию: боевая группа Рауха, включая 192-й полк, 21-й разведывательный батальон и последние восемь танков, угодила в формирующийся «карман», а моя боевая группа и дивизионный штаб оказались сразу за ним.

С того момента союзнические бомбардировщики без перерывов утюжили отступающие дивизии. Превосходные американские артиллеристы простреливали все дороги днем и ночью.

Хуже всего то, что пехотные дивизии с их вспомогательными частями на гужевой тяге, тащась на восток пешком, блокировали проход. То и дело разыгрывались кошмарные сцены: танковые и прочие механизированные части, в том числе и грузовики снабженцев, силой прокладывали себе путь на восток. На всех шоссе и дорогах, ведущих на восток, а еще больше по их обочинам всюду валялась брошенная техника, телеги, останки лошадей. Даже санитарные машины, забитые ранеными, горели по сторонам дорог. Мужественные офицеры пытались восстановить хоть какую-то видимость порядка в этом хаосе, но обычно безуспешно.

Мне с моей боевой группой было приказано создать рубеж обороны западнее, чтобы преградить путь дальнейшему продвижению польской и канадской дивизий. С высот к западу от Вимутье, где 17 июля тяжело ранило Роммеля, мне открывался широкий вид на долину. Вражеские самолеты пикировали на все,

что двигалось. Я видел грибы бомбовых разрывов, горящую технику и раненых, которых подбирали отходящие машины. Разыгрывавшиеся внутри котла сцены были неописуемы, но мы ничем не могли помочь.

«Поразил Господь людей, коней и повозки». Эти слова из хроники времен крестовых походов в Палестине, относящиеся к 1213 году, приходили мне на ум уже дважды: в декабре 1941 г. под Москвой и в 1943 г. в Северной Африке.

Клещи охвата еще не сомкнулись: далее к югу, около маленького селения Шамбуа на реке Див, оставалась пока небольшая брешь, которую не успели занять ни американцы, ни две дивизии Монтгомери. Происходило так, возможно, с одной стороны, потому, что нам пока удавалось сдерживать польскую танковую дивизию, а с другой – потому что Паттон, похоже, не стремился воспользоваться возможностью, а спешил поскорее вырваться к Сене восточнее Парижа. Очевидная враждебная настроенность Паттона в отношении Монти помогла нам в итоге вытащить из «котла» значительные по численности части, хотя всю материальную часть им пришлось бросить.

Полковник Раух и майор Брандт, командир танково-разведывательного батальона, потом докладывали о том, при каких невероятных обстоятельствах им удалось выбраться из окружения. Вместе с остатками танковых дивизий СС, которые прорвали брешь в закрывающемся кольце и держали открытым путь на восток, боевой группе Рауха удалось перейти Див вброд ночью под сильным артиллерийским огнем.

Унтер-офицер Корфлюр, командир одного из последних PzKpfw IV 4-й роты, рассказывает об этом следующим образом: «19 августа приказ звучал так: “Каждый за себя”. В сопровождении второго PzKpfw IV мы двинулись на восток. Видя полуголых, обгоревших танкистов, мы поклялись, что не дадим прикончить себя в «котле». То было адское путешествие. Пытаясь объехать колонну на гужевой тяге, мы свалились в кювет, и нам пришлось бросить наши танки. Пошли дальше пешком. Ночью мы проскочили мимо противника, воспользовавшись его замешательством. К утру «котел» остался позади, и мы были спасены – пока».

В прорыве принимал участие и лейтенант Геллер из 8-й роты тяжелого вооружения 192-го полка. «Мы получили приказ оставить позиции ночью с 19 на 20 августа и прорываться в направлении Трена. Там все еще оставалась брешь шириной около 5 километров, где действовали только отдельные отряды разведки неприятеля. Для нашей измотанной боями части отступление в ночное время было чем-то уже свыше человеческих

сил.

Чем ближе мы подходили к точке прорыва, тем более отвратительные сцены открывались нашему взору. Дороги блокировала подбитая и сгоревшая техника – по две или три единицы в ряд, – рвались боеприпасы, горели танки, и лошади бились в упряжках, не в силах перевернуться со спины до тех пор, пока кто-нибудь не высвобождал их. В полях всюду царил подобный же хаос. Вражеская артиллерия била по отступавшим со всех сторон, а все спешили и спешили на восток. Нам пришлось продвигаться через Сен-Ламбер. Был создан маленький оперативный штаб, колонну возглавили танки “пантера” и “тигр” из дивизий СС.

Невзирая на беспрестанный огонь противотанковых и полевых орудий противника, мы смогли проложить себе путь дальше. Подбитые танки и прочую технику сдвигали в сторону, на обочинах лежали многие раненые и убитые – те, кому не случилось прорваться раньше. Смотря по наличию места, мы подбирали раненых или по меньшей мере оказывали им помощь.

Мы выскочили из бронетранспортеров, чтобы помочь танкистам СС и нейтрализовать противотанковые пушки неприятеля. Два генерала, пехотные дивизии которых были стерты с лица земли, просто покачали головами, давая добро на нашу отчаянную попытку прорыва. Они пошли с нами.

Ночью мы сделали короткий привал, чтобы дать отдохнуть людям и позаботиться о раненых. В результате отважного броска танкистов СС противник понес такие большие потери, что не смог закрыть кольцо на следующий день, 21 августа. Пока танкисты держали проход открытым, все больше и больше отдельных групп, некоторые очень маленькие, просачивались через него на восток. Мы проложили себе курс по компасу и двинулись вперед – мы снова сбежали из ада».

Во второй половине дня 21 августа все было кончено – крышка «котла» захлопнулась. Как могли люди прийти в себя после кровавой мясорубки, которую они пережили?

Дать точные цифры потерь в Фалезском «котле» едва ли возможно. Согласно оценкам, в окружение попали от 90 000 до 100 000 человек. Несмотря на отчаянные просьбы дать приказ на отход нашим дивизиям, пока еще не было поздно, Гитлер оттягивал все до последнего момента. Известно, что около 10 000 погибло, но от 40 000 до 50 000 человек сумели вырваться. Примерно 40 000 человек попали в плен, включая и несколько штабов и остатки 15 дивизий, в основном пехотных. Тот факт, что такое большое количество людей смогло выбраться из кольца и немедленно перегруппироваться для оказания противодействия,

говорит о высоком уровне их выучки.
Но опасность еще не миновала.

Я в итоге пробился к дивизионному командиру, который сказал мне:

– Ситуация совершенно неуправляема. Все, что известно, это то, что 18 августа генерал Паттон вышел к Шартру, к юго-западу от Парижа, и 21 августа – к Сене в районе Фонтенбло. Согласно не подтвержденным пока данным, он сумел форсировать Сену и создать два небольших береговых плацдарма. Из Шартра, – продолжал генерал Фойхтингер, – Паттон повернул на север, и части его армии устремились в район Руана. Как видно, остановить его некому. Нам угрожает новый «котел» – южнее и западнее Сены; все мосты, похоже, уже уничтожены.

Я уполномочен немедленно перебросить на тот берег Сены боевую группу Рауха и танково-разведывательный батальон, которые оставили почти всю свою материальную часть в кольце, и передислоцировать их в район северо-восточнее Парижа, где они получат пополнения и технику. Дивизионный штаб переместится еще дальше к востоку, по всей видимости, в район к западу от Вогезских гор, чтобы создать оборонительные рубежи и пункты приема частей, отступающих с юга Франции.

– Вы, Люк, – продолжал Фойхтингер, – примете командование над всеми частями дивизии, сохранившими способность действовать; район сбора – к северо-востоку от Руана. Танков у меня больше нет, но вы получите последние два отряда из состава разведывательного батальона.

Если Монтгомери сейчас ударит со всей решительностью, я сомневаюсь, что вам удастся даже перейти Сену. Для начала вы постепенно отойдете по направлению к Сене, где оставшиеся силы саперного батальона будут ждать вас с последними понтонами.

Отныне вы предоставлены сами себе. Не могу сказать, где вам удастся добыть горючее, боеприпасы и продовольствие. Все – сами по себе. Что же касается маршрута вашего продвижения на восток и цели назначения – района, где именно соберется дивизия, вы получите дальнейшие распоряжения до моего отбытия.

Всего наилучшего, Люк. Сохраните как можно больше людей из нашей дивизии.

В тот решающий день, 21 августа, мои люди занимали оборонительные позиции. 22 августа я вывел их из соприкосновения с неприятелем. Слава богу, Монтгомери преследовал нас не слишком настойчиво. Даже наоборот, он действовал очень осторожно, не желая ничем рисковать. Это дало

нам немного «воздуха». Союзническая авиация более не могла так радикально влиять на события, потому что часто было невозможно с воздуха отличить своих от противника.

23 августа мы двинулись в направлении Руана, все так же не тревожимые дивизиями Монтгомери. Меня беспокоили данные Фойхтингера в отношении того, что в тот же самый день практически параллельно с нами на Руан наступал Паттон. Успеем ли мы туда раньше и сумеем ли быстро переправиться через Сену? Армии Паттона, однако, по данным нашей разведки, пока видно не было. Зато мы соединились с частями танковой дивизии СС. Мы договорились при помощи саперов перейти реку в одной из ее излучин к западу от Руана.

Только после войны я узнал, что Монтгомери провел линию разграничения между британскими и американскими войсками, проложив ее за Мант на Сене, к западу от Парижа и далеко на северо-восток через Амьен – Лилль до Гента в Бельгии. Это означало, что Паттону пришлось отозвать свои части, наступавшие на Руан, и применить их где-то в другом месте.

В общем, нам приходилось иметь дело отныне только с Монти, а он по каким-то причинам продвигался вперед очень робко.

По выходе к Сене мы поставили в качестве заслона с юга танки СС. Между тем наскоро наведенная переправа через реку была запружена отступающими. Части снабжения пехоты и отряды отбившихся от своих частей солдат были готовы драться, а иногда и дрались за место на немногих паромах.

Выбрав себе место для переправы, мы не пустили туда больше никого, намереваясь во что бы то ни стало спасти не только людей, но и боевую технику. Пока саперы возились с понтонами, мы искали любые другие возможности пересечь 400 метров реки. Капитан Кригер, мой тогдашний адъютант, спустя несколько дней рассказывал мне, как он со своими людьми снимал с петель двери в ближайших деревнях и привязывал к ним в качестве поплавков пустые канистры из-под горючего. На каждом из таких плотов помещалось до восьми человек. Мы действовали в тесном взаимодействии с танкистами СС. Я заверил их в том, что мы заберем их на своем понтонном пароме последними. У нас царило спокойствие – прячась среди деревьев, солдаты молча ждали, когда придет их очередь переправляться. Это совсем не походило на Руан, куда отступили основные силы, чтобы перейти реку по еще уцелевшему железнодорожному мосту; там страсти накалились до предела.

В распоряжении моей штабной роты имелся автомобиль-амфибия VW («Фольксваген»), которым я до того никогда не

пользовался. Я поинтересовался, можно ли воспользоваться машиной по назначению.

– Должна держаться на воде, – ответили мне, – что еще сказать? Должна, и все.

Несмотря на все трудности и напряженность обстановки, я решил переправиться на этой машине последним из своей боевой группы.

К 26 августа все части ее были на противоположном берегу, и я отдавал приказы о сборе.

В ночь с 28 на 29 августа мы замаскировали машину ветками, чтобы нас не засекли и не потопили союзнические истребители. Утром я сел за руль, рядом устроился мой адъютант Либескинд, позади находились водитель и еще один солдат в качестве наблюдателя.

Мы быстро отыскали пологое место, и я осторожно съехал в реку.

– Смотрите, нет ли где течи!

Машина поплыла. Я позволил ей дрейфовать по течению. Либескинд занимался тем, что высматривал место, где можно выйти на берег. Я аккуратно развернул амфибию вправо и стал приближаться к берегу.

– Истребители слева! – закричал наблюдатель. Я тут же выключил двигатель и позволил «кусту» плыть вниз по течению. Истребители, судя по всему, приняли нас за то, чем мы и хотели казаться, – за куст. Либескинд отчаянно искал место, где бы выйти на сушу, но везде попадались крутые обрывы или густые заросли.

В итоге, проделав примерно 15 километров, мы нашли место, где без труда и никем на замеченные смогли выбраться на берег. Через час мы соединились со своей боевой группой, где нас уже считали пропавшими.

Я в последний раз вышел на связь с дивизионным командиром, который вкратце разъяснил мне ситуацию и поставил задачу:

– Люк, я рад, что вам удалось переправить через Сену практически всю боевую группу. Контроль за ситуацией в настоящее время полностью утрачен. Меня вызвали в корпус, однако им пришлось в спешке бросить командный пункт – американцы были уже рядом. Никто не знает, где наши части, а уж где противник – и подавно. Два дня назад я получил четкий приказ, в соответствии с которым дивизионный штаб, закаленные части боевой группы Рауха и все подразделения снабжения должны следовать в район Мольсхайма (Мольсема), к западу от Страсбурга, для доукомплектования. Дивизия должна

подготовить позиции насколько возможно западнее для частей потрепанных 1-й и 19-й армий, отступающих из Южной Франции через Бельфор. 15 августа сильные части американцев высадились на юге Франции и теперь наступают на север.
После того как соберете свою группу и реорганизуетесь, выступайте в восточном направлении, чтобы как можно быстрее выйти в районе к западу от Страсбурга. Смотрите не наткнитесь на американцев, которые наступают через Сену на широком фронте. Где и как вы добудете горючее, боеприпасы и продовольствие – я не знаю. Вам придется делать все самим. Всего наилучшего.

Боеприпасов у нас осталось в обрез, потому мы не могли позволить себе втягиваться в боевые действия. Я прикинул, сколько займет дорога до заданного района поблизости от Страсбурга – по меньшей мере неделю, да и то при оптимальных условиях.

Чтобы не быть застигнутыми врасплох наступавшими на север американцами, я издал следующие приказы:

– Два отряда из танково-разведывательного батальона ведут рекогносцировку к югу от запланированного мной маршрута отхода и докладывают о любом соприкосновении с противником по рации.

– На каждые 100 километров дороги выделить одного офицера с рацией, чтобы докладывать о перемещении неприятеля на наиболее важных перекрестах.
– Отряду снабжения с его тремя последними грузовиками и двумя SPW (полугусеничными бронемашинами) с рацией вести постоянный поиск складов снабжения, которые должны иметься поблизости от всех крупных городов.

Основное ядро моей боевой группы должно было отходить маршем на восток с широкими интервалами между частями, следуя по второстепенным дорогам. Я обозначал пункты назначения на каждый день.

С тем мы и выступили, поначалу сделав хороший крюк на север от Руана, а затем повернули к востоку, пройдя севернее Парижа. В первые двое суток продвигались мы медленно, шли параллельно фронту, пересекая направление наступления американских войск. На третий день возникли перебои с топливом. Снабженцы получили приказ любой ценой достать горючее и, если будет возможно, боеприпасы. Грузовики вернулись вечером, нагруженные всем необходимым; даже продовольствие раздобыли. Мы были очень благодарны этим людям, которым так или иначе удалось найти склад. Доклад ответственного офицера вызвал смех и раздражение.

– Когда мы разыскали склад, – не без злобы начал он, – и потребовали горючее для нашей боевой группы, мы получили типичный и наглый ответ: «Ничего не выдается без письменных предписаний». Тогда я спросил: «А что вы станете делать, если завтра сюда явятся американцы, что совсем не исключено?» И вот что я услышал: «В соответствии с приказом мы взорвем склад». Это так разозлило моих людей, что они были готовы броситься на начальника склада. Я еле остановил их.

Я спокойно и рассудительно сказал этому бюрократу: «Если через полчаса у меня не будет горючего, боеприпасов и еды, я снимаю с себя ответственность за то, что произойдет. Так что лучше дайте нам все добром».

Таким образом снабженческая проблема, благодаря столь замечательно сработавшей «поисковой партии», удачно разрешилась и более так остро до прибытия в предписанный район сосредоточения не вставала. На моем правом, южном фланге, слава богу, никакой опасности не возникло.

Американцы, судя по всему, и не подозревали, что на восток перед ними, пересекая маршрут их наступления, следует боевая группа. Даже авиация нас не выявила. Только однажды один из двух дозоров доложил: «Встретили американский отряд, который ушел, вероятно, не заметив нас».

Через Компьен, в котором четыре года назад Гитлер подписывал перемирие с Францией, мы прошли мимо Вердена в направлении Меца. Мы оказались, таким образом, вне района активных боевых действий и могли позволить себе делать больше привалов, чтобы дать отдых измученным водителям и собрать рассеявшиеся части. Снабжение перестало представлять столь уж трудноразрешимую проблему, однако время от времени приходилось грозить применением силы.

Так и не доходя Меца, мы повернули на юго-восток в направлении Нанси и двинулись далее через Баккара. 9 сентября, после продолжавшегося одиннадцать дней марша, мы прибыли в заданный район к западу от Страсбурга. Устали мы просто мертвецки.

Мы находились в боевых действиях без отдыха три месяца. Нам требовался отдых и были отчаянно необходимы пополнения живой силы и техники. Численность гренадерских рот сократилась до 50 человек.

Наш район сосредоточения располагался между Вогезами и Страсбургом, между «линией Мажино» и Западным валом. Я распустил личный состав на поиски постоя в ближайших деревнях, а сам задался целью найти дивизионный командный пункт.

Начиналась осень, но было тепло. Внизу мирно раскинулась долина Рейна, которую я видел, поднимаясь по извилистой дорожке к шоссе через Вогезы. Более четырех лет люди тут жили в стороне от войны. Я наткнулся на один из снабженческих грузовиков дивизии. Водитель предположил, что дивизионная штаб-квартира расположена скорее всего где-то в западных предгорьях Вогезов. Связаться с ней по рации мне не удалось.

Вдруг откуда ни возьмись появился вездеход с флажком командующего армии. Я откозырял и оказался перед генералом Хассо фон Мантойффелем, «коллегой» по 7-й танковой дивизии, который в России в 1941 г. командовал стрелковым полком [115]
.

– Люк, какая замечательная встреча. Мы так давно не виделись, – приветствовал он меня. – Что вы тут делаете?

Я коротко рассказал ему что к чему и спросил, не знает ли он, где может быть дивизионный штаб и какова в общем и целом обстановка.

– Обстановка, мой дорогой Люк, чрезвычайно отвратительная. Я сам прибыл сюда только вчера из Бельгии принимать командование 5-й танковой армией.

Нарисованная Мантойффелем картина не радовала:

– Еще до моего отъезда из Бельгии Монтгомери предпринял наступление силами своей группы армий и, не встречая серьезного противодействия, 3 сентября вышел к Брюсселю, а 4-го числа – к Антверпену.

Но куда опаснее, однако, бросок американцев – генерала Паттона с его 3-й армией США. Именно Паттон смог достигнуть решающего прорыва через Авранш, а затем, невзирая на оставшийся открытым южный фланг, со всей скоростью принялся развивать успех, наступая на восток. Я бы назвал его американским Роммелем. Эйзенхауэр очень высоко ценит его, а в США его считают чуть ли не национальным героем. Показания пленных постоянно подтверждают это.

К концу августа, однако, американцам пришлось сделать перерыв – их линии снабжения от Шербура и еще нескольких портов Нормандии слишком растянулись. Между тем с начала сентября американцы вновь переходят в наступление: 2 сентября 1-я армия США вышла к Монсу и взяла в плен 30 000 человек. Паттон, не обращая внимания на правый фланг, продвигается все дальше. Он уже вышел к Вердену и наступает на Мец и Нанси, то есть на Мозель.

6-я группа армий США, включая 1-ю французскую армию, приближается из Южной Франции и должна будет соединиться с Паттоном. Правда, остатки наших армий, отступающих от

Средиземного моря и от Атлантического побережья, пока что держат выступ, который достигает Дижона, но сколько это будет продолжаться?

– И самое худшее, – продолжал Мантойффель, – Гитлер манипулирует дивизиями, которые на деле уже давно никакие не дивизии. А теперь еще, – не без горькой иронии, качая головой, заключил он, – Гитлер хочет развернуть танковое наступление на север из района Дижона, чтобы, как он изволил выразиться, «ударить Паттону во фланг, перерезать линии коммуникаций и уничтожить его». Полное непонимание обстановки и наших возможностей.

Слова его произвели на меня тяжкое впечатление.

– А как, по-вашему, что надо делать? – спросил я Мантойффеля.

– Вести подвижную оборону тут, на западных склонах Вогезов и к западу от Саарбрюкена, чтобы подготовить к обороне Западный вал и разместить там достаточно людей. Это даст шанс надолго задержать противника. Здесь, на Западе, нам нужно выиграть время, чтобы приготовиться к наступлению русских. Но все это, мой дорогой Люк, так, похоже, и повиснет в воздухе. Я желаю вам всего наилучшего. Постарайтесь выйти целым и невредимым из последней битвы.

Мы пожали руки и расстались.

Встретиться с Мантойффелем мне довелось уже только спустя долгое время после окончания войны.

В итоге я все же разыскал дивизионный штаб. Фойхтингер очень обрадовался, что я сохранил и привел боевую группу. Я рассказал ему о нашей встрече с Мантойффелем.

– Ну вот, я хоть что-то узнал об общей обстановке, – произнес он. – Наша дивизия входит в 5-ю танковую армию Мантойффеля, но мы с ним еще не виделись. Первым делом – приятное, – Фойхтингер вызвал адъютанта. – От имени фюрера я имею честь и огромное удовольствие вручить вам Рыцарский крест.

Он церемонно достал орден из черной коробочки и повесил мне на шею. Словно по заказу, под рукой оказался человек с фотоаппаратом. Мы снялись с Фойхтингером.

– Награда пришла еще в августе, но тогда вы, понятно, были на марше – на «длинном марше». Я представил вас уже давно за вашу исключительную храбрость и личный вклад в дело в Нормандии, особенно за ваши действия в обороне 18 июля во время операции Монти «Гудвуд».

Тут принесли шампанского. Мы выпили, но не за окончательную победу, а за то, чтобы живыми и здоровыми вернуться домой после войны.

Разумеется, я был горд наградой.

– Господин генерал, я могу принять орден и принимаю его только как знак высокой оценки моих людей. Без таких солдат, как они, я бы никогда не смог совершить того, что совершил, того, в связи с чем вы сегодня чествуете меня.

Затем нам пришлось перейти к повестке дня.

– Дайте личному составу немного передохнуть, – начал Фойхтингер. – Поступила техника и батальон Люфтваффе – наше пополнение. Только представьте себе, среди них подготовленные летчики и еще мальчишки 16 и 17 лет! Как мы остановим союзников с их неистощимыми материальными ресурсами, когда вместо солдат нам присылают пушечное мясо?

Вы уже слышали от Мантойффеля, что задача наша создать рубеж обороны, чтобы остатки двух армий, отступающих с юга и с запада, смогли проскользнуть в брешь между нами и швейцарской границей.

Вчера я с тяжелым сердцем отправил полковника Рауха и его «залатанный» полк в район Эпиналя сторожить переправы через Мозель. По имеющимся у нас данным, части Паттона наступают на юг из Нанси, а 2-я французская бронетанковая дивизия [116] – из района к западу от Дижона. Мы просто должны остановить их. Вы тоже должны быть готовы вступить в действия в ближайшие дни, – закончил он и разрешил мне быть свободным.

Мольсхайм – маленький городок в долине Рейна к западу от Страсбурга. В нем и в ближайших деревнях моя боевая группа нашла место для передышки. Население там говорило по-французски и по-немецки. Как и повсюду в Эльзасе – Лотарингии, они не раз меняли подданство на протяжении войн между Францией и Германией. В данный момент свое право владеть Эльзасом – Лотарингией пытался отстоять Гитлер, но постепенно складывалось впечатление, что территория в ближайшее время отойдет французам.

Селения, дома в которых очень походили на те, что встречаются в Шварцвальде, послужили местом постоя для моих солдат. Большинству из них не приходилось спать в нормальной кровати уже несколько месяцев. Что же касается меня и моего штаба, мы разместились в маленькой гостинице. Мой адъютант и прочие офицеры сидели в баре за стаканчиком знаменитого траминера [117] . Когда я вошел, среди собравшихся возникло чрезвычайное оживление. Я и забыл, что у меня на шее Рыцарский крест.

– Наши поздравления. Давно пора, подполковник.

Я запротестовал:

– Это в знак признания заслуг всего нашего полка. Буду

носить с гордостью за моих солдат, – вот и все, что я смог сказать. – Сейчас постараюсь дозвониться в Берлин, а потом расскажу вам об обстановке и о нашей задаче.

Через 15 минут вернулся офицер разведки:

– Есть связь с Берлином.

На проводе была Дагмар:

– Слава богу, ты жив. Я лишилась сна. Попыталась узнать что-то через друзей в Управлении личного состава. Никто не мог сказать мне ничего толком. «Положение слишком неопределенное» – вот и все, что я слышала. Как ты?

– В порядке, только очень устал. Я тоже волновался и очень беспокоился, как тебе удалось выбраться из Парижа. Как все прошло?

– Как и предполагалось. За два дня до вступления в город союзников из штаб-квартиры в Париже пришел грузовик, который и доставил меня с моим велосипедом в Берлин. Тяжело было прощаться с нашими друзьями в Париже. Они все предлагали спрятать меня на юге Франции до окончания войны. Все передавали тебе приветы.

Как раз тогда, когда я собирался сказать Дагмар о Рыцарском кресте, связь оборвалась. По меньшей мере теперь каждый из нас знал, что с другим все в порядке.

Я послал за всеми командирами и проинструктировал их в отношении обстановки со слов Мантойффеля и Фойхтингера.

– В течение двух-трех суток все части при сотрудничестве с пунктами снабжения дивизии должны будут получить пополнения в людях и технике. Следите за тем, чтобы наши опытные унтеры быстро готовили молодежь. В ближайшее время нам предстоят бои.

Затем мы выпили все вместе нашей «сыгранной» за последние месяцы командой.

До нас вдруг дошло, что всего в нескольких километрах от нас рейх и Гитлер требует от нас биться «до окончательной победы» или «лечь костьми», о чем ежедневно заявлял министр пропаганды Геббельс.

– Господин подполковник, а вы верите слухам, что Гитлер пытается заключить сепаратный мир с западными союзниками, чтобы обезопасить тыл для войны с русскими?

Это был один из тех вопросов, которыми часто задавались в те дни многие.

– Нет, – отозвался я. – Как и я, вы, наверное, слушаете британское радио – тайком. Черчилль и американцы решительно настроены на уничтожение Гитлера с его режимом. Тут нет и не может быть места ни для какого сепаратного мира.

Я позволял себе говорить открыто. Мы были достаточно трезвомыслящими людьми, чтобы отличать факты от иллюзий. Никто не счел бы меня пораженцем за такие разговоры.

– Я считаю, что единственным выходом является предложение Мантойффеля держать оборону на Западном валу, если, конечно, уже не поздно готовить его. Насколько мне известно, в 1940 г. оттуда сняли все вооружение и перенесли его на Атлантический вал. Если так, мы сможем воспользоваться Западным валом как укрытием от бомб и артиллерийских снарядов, но держать там оборону нам не удастся.

Меня тревожит положение на Восточном фронте, где русские, несомненно, скоро перейдут к последнему наступлению, в результате которого углубятся на немецкую территорию. Рассказы о зверствах по отношению к нашим женам и дочерям внушают страх.

Последние часы за траминером мы провели в глубокой задумчивости. Каждый размышлял о своем собственном положении, о неделях и месяцах, ожидавших нас впереди.

Прошло двое суток, и надежды на отдых растаяли.

Из дивизии поступил приказ моему 2-му батальону присоединиться к боевой группе Рауха и занять позиции на переправе через Мозель в районе Эпиналя. Майор Курц получил лишь незначительные пополнения в живой силе и мало техники.

– Следите, чтобы ветераны опекали новичков и те быстро акклиматизировались в боевых условиях, – сказал я ему. – В ближайшее время мне и самому придется вступить в боевые действия. Постараюсь достать несколько новых SPW для 1-го танкового батальона майора Лира. К сожалению, Курц, похоже, противопоставить превосходству противника в людях и технике нам, кроме своего более длительного боевого опыта, нечего.

Курц был по-настоящему испытанным командиром, продемонстрировавшим в сражениях последних месяцев как осторожность, так и личную храбрость.

Мне действительно не пришлось долго «сидеть сложа руки». Меня вызвали в дивизию.

– Люк, полковник Раух болен, и его придется отправить домой. Вы немедленно примете его боевую группу, она будет именоваться боевой группой 21-й танковой дивизии. Гитлер упрямо держится намерения атаковать из района к западу от Эпиналя в северном направлении глубоко во фланг Паттона. Безумие, если сравнить силы сторон.

Прибыли три вновь созданные танковые бригады – новая организационная концепция Главного командования. Конечно, они укомплектованы самой последней техникой, например

танками «пантера», к тому же в них имеются опытные командиры. Однако они не знают друг друга и никогда не участвовали в боевых операциях как целые части. Почему *нам* не дают новую технику после всех потерь, которые мы понесли?

– Ваша задача удерживать переправы на реке Мозель севернее Эпиналя с фронтом, развернутым к западу, тогда как танковые бригады к западу от Эпиналя ударят на север при поддержке остатков частей пехотных дивизий. Будьте очень осторожны!

После того как французские части 2-й бронетанковой дивизии и войска 1-й французской армии, наступавшие с юга, соединились и взяли Дижон, есть опасность их удара в восточном направлении на окружение остатков нашей пехоты и танковых бригад. Все тут будет зависеть от того, как будут драться французы. Сегодня же вечером принимайте с вашим штабом дивизионную боевую группу. Ожидайте дальнейших указаний.

Утром 12 сентября я получил приказ действовать совместно с танковой бригадой, которой группой своих PzKpfw IV предстояло наступать на 2-ю французскую бронетанковую дивизию – на север из района передо мной (к западу от Эпиналя). Моя задача состояла в поддержке группы «пантер».

Так начался «Эпинальский разгром».

Вероятно, вспоминая 1940 г., мы недооценили французов. Между тем 2-ю французскую бронетанковую дивизию поддерживали массированные удары авиации и великолепные американские артиллеристы, сама она располагала отличной техникой и, что немаловажно, имела такого прекрасного командира, как генерал Шарль Леклерк [118] . Нам приходилось иметь дело с противником, которому не только принадлежала честь первым вступить в Париж, но который имел возможность играть самую активную роль в освобождении Франции от «проклятых наци».

Как показали пленные, гражданские лица сообщили французскому полковнику Лангладу [119] о том, что моя боевая группа двигалась к Эпиналю с запада. Ланглад решил атаковать формирование «пантер» на севере ранним утром 13 сентября и отрезать его от южной группы прежде, чем я бы успел прийти ей на помощь.

План сработал. Только четырем уцелевшим «пантерам» удалось прорваться на соединение с моей группой. Ввиду очень активной поддержки с воздуха и за счет превосходной работы американской артиллерии действовавшая южнее группа PzKpfw IV не смогла остановить французскую дивизию. 13 сентября обе танковые группы потеряли 34 «пантеры» и 26 PzKpfw IV. Наша пехота в районе боевых действий была уничтожена. Чтобы дело

не кончилось полным разгромом, я, не имея танков, ближе к вечеру перешел в атаку силами своей боевой группы. Поначалу мы успешно продвигались, но потом, ввиду сильного противодействия неприятеля, я отдал приказ прекратить бой.

14 сентября моей боевой группе удалось соединиться с формированием, укомплектованным PzKpfw IV. Вместе с их 17 оставшимися на ходу танками мы вновь развернули наступление. Имея только 240 гренадеров, почти без артиллерии, мы все же смогли немного продвинуться, однако под массированным огнем американской артиллерии наша атака окончательно захлебнулась.

В итоге из штаба корпуса пришел приказ ночью отойти на позиции к западу от Эпиналя, чтобы «сберечь» нас для участия в предстоящей атаке во фланг Паттону, от которой до сих пор еще не отказался Гитлер.

Выручить из окружения нашу 16-ю пехотную дивизию оказалось невозможным. Только 500 человек вышли к нашим позициям, тогда как 7000 либо погибли, либо попали в плен.

После того как 2-я французская бронетанковая дивизия и части 1-й французской армии, продвигавшиеся с юга, вновь соединились, они 14 сентября форсировали Мозель к югу от нас. 15 сентября американцы овладели Нанси. 16 сентября немецких войск к западу от р. Мозель практически не осталось.
Неразумный и нереалистичный план Гитлера смять фланг армии Паттона и уничтожить ее обернулся ничем, как и предвидел Мантойффель, да, впрочем, и все мы.

На северо-запад из Вогезов практически параллельно одна другой текут три реки: Мозель, Мортань и Мерт. Мы цеплялись за каждую из них до тех пор, пока нас либо не обходили, либо не прорывали наши слабые оборонительные заслоны. Люневиль на реке Мерт юго-восточнее Нанси представлял собой важный узел коммуникаций. Если бы после Нанси противнику удалось захватить также и Люневиль, путь на север за Вогезы к Саарбрюкену и на территорию рейха лежал бы перед ним открытым.

Во второй половине сентября разгорелись ожесточенные бои за Люневиль. Американские части прорвались в него. Затем яростной контратакой подразделения из состава двух из трех новых танковых бригад отбили у противника часть города. Горячие рукопашные схватки, бои за каждую улицу и каждый дом приводили к высоким потерям с обеих сторон.

Возглавляемая мной боевая группа 21-й танковой дивизии имела задачей преградить неприятелю путь через Мортань к югу от Люневиля одним батальоном, а затем основными силами

наступать на Люневиль с юга.

Несмотря на пополнения из формирования Люфтваффе, численность батальона 192-го полка, атаковавшего Люневиль, составляла всего 100 гренадеров, тогда как мой 2-й батальон майора Курца имел 140 активных штыков для обороны довольно протяженного участка реки. Пока Фойхтингер вел бой за Люневиль, мое внимание сосредоточилось на 2-м батальоне.

Там нам вновь противостояла 2-я французская бронетанковая дивизия. Майору Курцу все еще удавалось держаться на береговом плацдарме на реке Мозель, со значительным успехом отражая удары частей этой дивизии. Но вот на нас обрушилась вся дивизия, действовавшая снова при поддержке сосредоточенного огня американской артиллерии. Первую атаку усиленной французской бронетанковой группы мы отбили при помощи нашей полевой артиллерии и нескольких 8,8-см противотанковых орудий. Развернув более мощную атаку, французы, однако, путем осуществления мастерски разработанной и проведенной операции, смогли форсировать Мортань в ночь с 18 на 19 сентября и создать береговой плацдарм (иначе предмостное укрепление).

Создалась угроза охвата противником нашего слабого фронта на р. Мортань с юга. Оценив данное обстоятельство, командование группы армий «G» [120] дало добро на отход боевой группы 21-й танковой дивизии за реку Мерт, через которую наши саперные подразделения в ту же ночь навели понтонный мост.

Бои за Люневиль все еще кипели, когда нам пришлось оставить линию обороны на второй реке. Слава богу, противнику пришлось сделать передышку, дожидаясь поступления снабжения. Однако французы отправили множество дозоров, которые действовали вплоть до Мерта, где мы отбросили их. После тяжелых боев был оставлен Люневиль.

В начале октября меня вместе с командирами вызвали на командный пункт дивизии.

Генерал Фойхтингер вручил майору Вилли Курцу Рыцарский крест, а майору Лиру из 1-го батальона – Золотой Немецкий крест. Оба удостоились награждений за личный вклад в дело в ходе боевых действий в Нормандии.

25 октября 1944 г. я вновь поехал к Фойхтингеру, на сей раз с командиром своей штабной роты, лейтенантом Карлом Зоммером, и с военнослужащим из этой роты, ефрейтором Маурером.

За свой беспрецедентный вклад в дело в ходе оборонительных боев за Эпиналь, Люневиль и Шатель лейтенант

Зоммер получил Золотой Немецкий крест, а Маурер – Рыцарский крест. Редкий случай, чтобы Рыцарский крест вручили ефрейтору. А потому на награждении присутствовали военный корреспондент и съемочная группа.

Действия, за которые наградили Маурера, были не просто замечательны сами по себе, они демонстрировали высокий уровень выучки и боевого духа нашего личного состава.

В ходе маневрирования на выход из боевого соприкосновения с неприятелем я дислоцировал свою штабную роту на высоте, оттуда она могла бы прикрывать отход моей боевой группы достаточно долго для того, чтобы мы успели выйти на следующие позиции. Не располагая поддержкой артиллерии и противотанковым вооружением, вынужденный полагаться только на свои станковые пулеметы, Зоммер с господствующей высоты вновь и вновь вынуждал противника залегать и так обеспечил нам необходимое время для закрепления на новых позициях.

Ефрейтор Маурер и его подносчик боеприпасов действовали со своим пулеметом на левом крыле роты, обеспечивая левый фланг. Задача их состояла в том, чтобы сдерживать натиск врага и отступить лишь в крайнем случае. В поисках подходящего места Маурер отошел слишком далеко и почти утратил контакт с ротой. Однако он нашел идеальную позицию на господствующей высоте.

Вдруг в долине внизу он заметил идущую на юг вражескую колонну. «Они намерены обойти нас и ударить нам во фланг», – смекнул он. Как видно, противник считал, что слева на высотах никого нет, потому что машина за машиной колонна проходила мимо.

Когда расстояние сократилось, Маурер открыл огонь по колонне, она тотчас же остановилась. Солдаты выскочили из кузовов и залегли. Маурер видел, как падают раненые. Он и его подносчик боеприпасов расстреливали ленту за лентой из их MG. Скоро загорелся первый грузовик. У врага воцарилось полное замешательство. Но вот он развернул противотанковые пушки и легкие артиллерийские орудия.

Маурер засмеялся:

– Под таким углом вам нас не достать. Давай-ка зарядим следующую ленту.

Снаряды и правда свистели над головой. Затем противник развернул атаку на высоту.

– Приятель, это последняя лента! – закричал подносчик боеприпасов. – Надо скорее возвращаться в роту.

Однако лейтенант Зоммер уже снялся с места и поначалу не заметил отсутствия Маурера.

– Ладно, тогда просто пойдем на восток. Там или тут мы

должны найти свою роту или другую часть из боевой группы фон Люка.

Когда оба солдата двинулись в путь, они все еще слышали грохот неприятельских пушек и выстрелы атакующей пехоты.

Когда Маурер нашел роту и был приведен ко мне лейтенантом Зоммером, он никак не мог понять, почему вокруг него столько шума.

– Но это же мое дело. Моя обязанность, – удивленно сказал он.

Никогда еще представление к Рыцарскому кресту не удовлетворялось так быстро, как в случае с Маурером. Пропаганда тут же превратила его в «ярчайший пример» для всех молодых людей, которых посылали на фронт все больше и больше.

Зоммер в ноябре, к сожалению, попал в плен.

Прошел октябрь. Союзники, судя по всему, решили свои снабженческие проблемы. Генерал Паттон двинулся на северо-восток в направлении Саарбрюкена. Мы же стояли спиной к Вогезам за рекой Мерт. Перед нами все так же была 2-я французская бронетанковая дивизия.

В рядах ее находился талантливый успешный антрепренер по имени Мишель Дюфрен. Никто из нас в то время не мог предполагать, что пройдет время и французский рядовой и немецкий полковник, некогда разделенные враждой своих стран, однажды станут друзьями.

В нормальные времена Мишель Дюфрен жил с женой Элизабет в Нормандии, в прекрасном старом шато, который она, отпрыск древнего аристократического рода, принесла ему в виде приданого. Шато-Вимер располагался всего в нескольких километрах от Вимутье, идиллического городка, на окраине которого в июле 1944 г. был тяжело ранен фельдмаршал Эрвин Роммель, когда его машину обстрелял истребитель противника. В августе в городе и вокруг него разгорелись ожесточенные бои между немцами, вырывавшимися из Фалезского «котла», и пытавшимися захлопнуть западню союзниками. Сам я со своей боевой группой создал рубеж обороны к северу от города, чтобы пресечь дальнейшее продвижение британцев.

Тем временем, пока муж ее, Мишель, нес службу в рядах 2-й французской бронетанковой дивизии, Элизабет Дюфрен превратила свой замок в военный госпиталь – на крыше был огромный красный крест, а раненые принимались без оглядки на национальность. Уже после войны Мишель сделался страстным историком-любителем, посвятив свои научные изыскания в основном боям в Нормандии и прежде всего – Фалезскому

«котлу». Не довольствуясь изучением архивных материалов и беседами с крупными командирами, воевавшими как по ту, так и по другую сторону линии фронта, Мишель пользовался любой возможностью получения сведений, и так уж вышло, что мы с ним познакомились в Гамбурге, а потом стали добрыми друзьями.

– В то время, – рассказывал он мне позднее, – я был водителем джипа взводного командира в 4-й саперной роте 2-й французской бронетанковой дивизии генерала Леклерка [121] . 30 октября наша дивизия пошла в атаку с целью форсировать реку Мерт. По-видимому, по причине плохой подготовки атаку отразили. Тогда в ночь на 31 октября мы ползком пробрались на немецкие минные заграждения и обезвредили их. После мощного артиллерийского обстрела мы вместе с танкистами сумели перейти Мерт к северо-западу от Баккара. В маленькой деревушке мы взяли несколько пленных, шестнадцатилетних мальчишек, один из которых целый день пробыл в моем джипе. От пленных мы узнали, что перед нами стоит 21-я немецкая танковая дивизия.

Я хорошо помню бои под Баккара, а также и то, как мы отбивали атаку французов.

К сожалению, Фойхтингер превратил этот успешный эпизод обороны в победную реляцию: «Объединенными усилиями нашей артиллерии и нескольких наших противотанковых пушек мы сумели за короткий срок уничтожить более 40 вражеских танков».

По-человечески понятно, что в таком отчаянном положении, как наше, он пытался обратить на себя внимание высшего руководства и вселить немного уверенности в сердца людей, однако как командир боевой группы, которая непосредственно вела бои на данном участке, я не могу согласиться с вышеприведенными данными.

Разумеется, Мишель Дюфрен позднее хотел выяснить точно, как виделась нам тогдашняя ситуация. Когда я привел ему донесение Фойхтингера, он сказал:

– У нас в дозорном отряде было несколько убитых и раненых. В ходе атаки 30 и 31 октября дивизия потеряла около дюжины танков и 40 человек. Данные подтверждаются Историческими фондами Музея архивов в Париже и генералом Шолле, который находит заявление Фойхтингера «несколько надуманным».

На протяжении следующих нескольких суток нам удавалось удерживать западные предгорья Вогезов. Затем 12 ноября пришел приказ отойти в район к западу от Страсбурга, где нас ждало 14 суток отдыха.

9 ноября прошел обильный снегопад. Дороги покрыла гололедица, и продвижение по ним сильно осложнилось. Мы

опасались, что противник будет наседать на нас в Вогезах, где у нас возникли бы большие сложности с преодолением извилистых и обледеневших дорог. Однако и противник замедлил продвижение. Он нацеливался атаковать на северо-восток в направлении Страсбурга. Нас сменила пехотная дивизия, которую подтянули из Словакии. Мы отходили, радуясь перспективе небольшой передышки, тому, что придут пополнения и техника.

Вместо этого вечером 11 ноября дивизию перебросили на север, чтобы остановить наступление Паттона к реке Нид между Мецем и Саарбрюкеном. После нескольких дней тяжелых оборонительных боев противник обошел нас на левом фланге, и вечером 18 ноября мы отступили.

Мы начали ощущать себя чем-то вроде пожарной команды, которую посылают повсюду, где горит. Но беда была в том, что горело повсюду.

Уже на следующий день нас отправили на север занимать подступы к Западному валу в районе Саарлаутерна (Сарлуи). Когда мы пересекли французско-немецкую границу, до нас вдруг дошло, что отныне нам придется воевать на родной земле.

В начале ноября серьезно заболел мой адъютант, Либескинд, и его пришлось отправить в госпиталь. Вернулся он оттуда только 22 декабря. Обязанности его взял на себя капитан Кригер, которому по возвращении Либескинда пришлось дать специальный отпуск – единственный сын Кригера погиб при воздушном налете на Золинген. На этом закрылась французская глава.

Глава 18 Бои с американцами Декабрь 1944 г

Итак, мы вышли на подступы к предмету былой гордости – к «непреодолимому» Западному валу. Уже поверхностный осмотр укреплений подтвердил наши опасения. С момента окончания Французской кампании в 1940 г. бункеры и оборонительные сооружения напоминали замок Спящей красавицы. Вооружение и средства коммуникаций были демонтированы и перенесены на Атлантический вал. Перед дотами дала побеги молодая поросль – деревца, кустарник, цветы и травы сделали бетонные громады внешнее более привлекательными, превратив их во что-то очень мирное, однако вести в таких условиях прицельный огонь стало совершенно невозможно. Я немедленно снарядил отряд для инспекции Западного вала, с целью выяснить, реально ли им вообще воспользоваться.

Мой порученец вернулся и доложил:

– Господин подполковник, первым делом пришлось отыскать местного «завхоза», чтобы хоть доты нам открыли. Понадобятся недели, чтобы привести объекты в пригодное для обороны состояние, не говоря уже о том, чтобы смонтировать там тяжелую артиллерию, противотанковое вооружение и поставить минные поля. У «завхоза» нет даже плана объекта, и ему неизвестно, где таковой вообще может быть. В общем, и думать нечего о том, чтобы создать эффективный рубеж обороны на базе системы бункеров.

На западном берегу реки Саар стоял небольшой городок под названием Валлерфанген, домики его теснились вокруг здания поместья. Мне вдруг вспомнилось, что поместье Валлерфанген принадлежит семейству фон Папен. Я немедленно отправился туда и нашел там двух сестер своего друга, Франца фон Папена. Обе намеревались во что бы то ни стало остаться в имении. Я попытался убедить их не делать этого, постарался объяснить, что местность станет ареной ожесточенных боев и никто не будет озадачивать себя тем, чтобы уберечь их дом. Очень неохотно они в конце концов все-таки сдались, приняв мои доводы. Прошло совсем немного времени, и Валлерфанген превратился в горы развалин.

Мы оборудовали позиции между бетонными блиндажами, которые годились теперь лишь на роль укрытий во время артиллерийских обстрелов и налетов авиации. И вот 19 ноября американцы приступили к операции по овладению переправами

через Саар на участке между Саарлаутерном и «Оршольцским барьером» восточнее Меца. Нам пришлось иметь дело с 10-й бронетанковой дивизией и 90-й пехотной дивизией армии США, которые наступали на наши позиции от Саарлаутерна и до Оршольца по широкому фронту. Поставленная им задача не вызывала у нас сомнения – преодолеть Саар, продвинуться на северо-восток за Кайзерслаутерн к Рейну.

Моя боевая группа разделилась: майора Курца с его 2-м батальоном я отправил на оборону Саарлаутерна, где им пришлось вести ожесточенные рукопашные бои за каждый дом с чернокожими американцами, взбиравшимися на здания с ножами в зубах, тогда как майора Лира с 1-м батальоном отрядил в Мерциг в помощь 25-й танково-гренадерской дивизии, которая тоже отчаянно дралась с противником в обороне. И вновь превосходные американские артиллеристы помогли своим проделать небольшие бреши в наших рубежах.

В период между 23 ноября и 11 декабря яростные схватки кипели повсюду в районе Саарлаутерна, Диллингена и Мерцига, и 29 ноября неприятелю удалось пробить глубокий коридор на восток в Саарлаутерне (Сарлуи). Вследствие тяжелых потерь наша дивизия состояла теперь фактически только из моей боевой группы. В середине декабря нам приказали отступить и передислоцироваться далеко на восток за Саарбрюкен, в район между Пирмазенсом и Виссембургом, для доукомплектования и дальнейшего пребывания в резерве группы армий «G» [122] .

Путь для 3-й армии США к Рейну лежал открытым. Она устремилась севернее Саарбрюкена к Кайзерслаутерну.

Очередная угроза нам теперь исходила от группы армий США, которая наступала в северном направлении с юга и юго-запада. Она намеревалась выйти к долине Рейна между Кайзерслаутерном и Кольмаром из района Нанси – Баккара за склонами Вогезов, с целью овладеть Страсбургом и переправой через Рейн.

Нам же даровали небольшую передышку. К тому моменту мы практически беспрерывно находились в боях в течение шести месяцев. Потери были огромными. Между тем наши состоявшие из молодежи пополнения, благодаря ветеранам, в короткие сроки осваивались и приспосабливались к фронтовой жизни. Тут молодые люди быстро расставались с иллюзиями относительно будто бы ожидавших их в будущем парадных маршей по «Тысячелетнему рейху». Очень скоро они прочувствовали отрезвляющую разницу между пропагандой и реальностью.

Наша боевая группа занимала позиции среди бесполезных объектов Западного вала в Цвайбрюккене на реке Саар и в

Пирмазенсе. В канун Нового года мы собрались вместе. Мы еще не знали, как будут развиваться события, но уже окончательно уразумели, что войны нам не выиграть. Единственное, что мы знали, – долг есть долг, и наша задача выполнять его.

Тем временем происходило следующее: 16 декабря 1944 г. Гитлер дал старт наступлению в Арденнах. До нас доносились только отзвуки этого события, главным образом визгливые завывания Геббельса по радио: «Вермахт перешел в великое наступление. Мы сокрушим врага, перережем все линии коммуникаций его войск. Наша цель – Париж».

Мы все сходились во мнениях относительно того, что из этого выйдет. Как Гитлер собирается прорваться через заснеженные Арденны по узким, покрытым наледью извилистым дорогам, силами потрепанных или неопытных дивизий, да еще в условиях полного господства в воздухе авиации союзников?

Тогда, в канун Нового года, мы еще не знали, что неожиданное наступление поначалу развивалось успешно, однако потом стало терять темп и к 28 декабря застопорилось окончательно.

Мы праздновали наступление Нового года за бокалами скромного пунша, когда из дивизии пришел приказ приготовиться выступить в ночь. Меня вызвали на командный пункт Фойхтингера. Он был мрачен, поздравил меня с Новым годом и проинструктировал:

– 28 декабря мне приказали прибыть в группу армий «G», где собрались все командующие армий, командиры корпусов и дивизий. Мы все отправились к фельдмаршалу фон Рундштедту, который сказал нам, что Гитлер желает обратиться к нам во второй половине дня у себя в штаб-квартире в Бад-Наухайме. Там присутствовали также фельдмаршал Кейтель, генерал-полковник Йодль, Гиммлер и Борман.

Наличие на совещании представителей высшего руководства армии и партии говорило о том, что момент особый. Гитлер разразился длинной речью, в которой подчеркивал то, что мы ведем идеологическую войну, поражение в которой приведет к уничтожению немецкого народа. «У меня нет ни малейшего намерения проиграть войну. Вспомните Фридриха Великого и его Семилетнюю войну».

Затем Гитлер перешел к рассуждению о наступлении в Арденнах, в ходе которого «были достигнуты не все цели», – как показалось мне, крайне оптимистическая точка зрения, – но которое дало положительный «побочный эффект», а именно ослабило американский фронт перед нами, где и предстоит развернуть операцию «Северный ветер». Он оценивает

численность американских частей на нашем фронте всего в четыре или пять дивизий, которые нам предстоит «уничтожить» силами восьми атакующих немецких дивизий, чтобы затем развить успех путем нанесения последующих ударов. Гитлер завершил свое обращение следующими словами: «Завершить все дела на Западе решительно – вот что должно стать нашей целью. Целью, к которой мы должны стремиться с яростью фанатиков».

Операция «Северный ветер» началась накануне Нового года, – продолжал Фойхтингер, – наша дивизия входит в резерв группы армий. План Гитлера в том, чтобы прорваться через «линию Мажино» к югу от Пирмазенса силами бронетанковой группы и наступать южнее по западным предгорьям Вогезов, чтобы осуществить соединение с 19-й армией на ее береговом плацдарме в районе Кольмара. Пяти дивизиям фольксгренадеров предстоит проложить себе путь через заснеженные Вогезы с запада в долину Рейна и соединиться с войсками на береговом плацдарме к западу от Рейна. Несмотря на то что мы получили пополнения и имеем теперь в наличии 74 танка «пантера» и PzKpfw IV, – заключил Фойхтингер, – без внимания остались две вещи: мы не располагаем превосходством в воздухе, и у нас нет ничего, что могло бы идти хоть в какое-то сравнение с тысячами стволов американской артиллерии. Люди измотаны, потери огромны, а у молодежи нет опыта. В соответствии с приказом мы должны изготовиться и выйти на исходные сегодня, 1 января 1944 г., сразу к северу от «линии Мажино». Да благословит вас Бог!

Мы с майором Шпреем, получившим под командование 192-й полк, переглянулись. Обоим без слов было понятно: не оставалось никакого сомнения в том, что Гитлер решил сражаться до последнего человека, он готов обречь немецкий народ на гибель.

Случилось то, что и должно было случиться: американцы хорошо приготовились к наступлению у себя на правом фланге, дислоцировав части по «линии Мажино». Разделение наших сил на две штурмовые группы, особенно принимая во внимание то, что одна была необстрелянной пехотной, не могло привести к желаемому результату.

Тем не менее, как узнали мы от пленных и из перехватов сообщений противника, Эйзенхауэр, под впечатлением наступления в Арденнах и начатой в канун Нового года операции «Северный ветер», предпочел пока отменить наступление на Западный вал в Северном Эльзасе. Согласно имевшимся данным, Эйзенхауэр и де Голль пришли к соглашению 3 января отойти к «линии Мажино» в Нижнем Эльзасе, сохранив небольшие силы для прикрытия Страсбурга.

Между тем операция «Северный ветер» не достигла результатов. Атака двух штурмовых групп в заснеженных Вогезах и к западу от них захлебнулась.

Был разработан новый план. Наша и 25-я танково-гренадерская дивизии, делая выпад на восток из района к югу от Виссембурга, должны были прорвать «линию Мажино» и замкнуть в тиски противника в низинах у Хагенау [123] .

Две дивизии передислоцировались восточнее с приказами приготовиться к переходу в наступление. Нас ждала еще одна кровавая битва.

Когда я уходил с дивизионного командного пункта, дежурный офицер штаба отвел меня в сторонку.

– Господин подполковник, – произнес он, – я чувствую себя обязанным сказать вам, потому что в ваших интересах и в интересах ваших солдат, чтобы вы знали: вполне вероятно, нашего дивизионного командира предадут суду трибунала. Десять дней назад Главное командование войсками на Западе потребовало от генерала Фойхтингера предоставить объяснения того, почему в ночь с 5 на 6 июня 1944 г. он находился не на командном пункте, а в Париже. Фойхтингер был в Германии, и мне пришлось ездить за ним туда 24 декабря, чтобы доставить в штаб-квартиру войск западного региона. Я обязан ввести вас в курс дела как командира нашей боевой группы, чтобы вы знали, отчего наша храбрая дивизия на таком плохом счету у высшего военного руководства.

Я утратил дар речи. В канун Рождества, когда мы вели отчаянные бои на Западном валу в Саарлаутерне, наш дивизионный командир находился дома.

Конечно, ни для кого из нас не было секретом сластолюбие Фойхтингера, его пристрастие к «дольче вита». Мы знали о его тесных связях еще в предвоенное время с функционерами фашистского режима высшего ранга и не одобряли этого. Как не могли мы понять, почему в решающие часы вторжения он находился в Париже, причем даже не в пресловутом «Особом Парижском штабе».

Мы, командиры, всегда оставались верны Фойхтингеру, отстаивали его, когда наши товарищи из других танковых дивизий ворчали по поводу стиля его руководства и образа его жизни. Однако даже мне теперь казалось, что это уж слишком.

Я никогда не забывал о «de mortuis nil nisi bene» («о мертвых либо хорошо, либо ничего») древних римлян, но, думая о наших отважных солдатах, сражавшихся со столь великой храбростью и самопожертвованием, о тысячах погибших и раненых, все же и я не могу не упрекнуть Фойхтингера.

В конце января 1945 г., когда закончился период ожесточенных боев, генерал Фойхтингер попрощался с нами, своими командирами. С невозмутимым видом он поблагодарил нас за службу.

В марте Фойхтингер предстал перед судом военного трибунала. Однако приговор смягчили «по приказу свыше», и под давлением обстоятельств он не был приведен в исполнение. Об обстоятельствах процесса над Фойхтингером я услышал уже много времени спустя, после своего возвращения из плена.

После освобождения из американского плена он перебивался то на одной, то на другой работе, пока не умер в конце пятидесятых, незадолго до начала нового разбирательства.

Сражение за Хаттен и Риттерсхоффен

В начале января 1945 г. в Вогезах лежал глубокий снег. В низинах между Виссембургом и Хагенау и в долине Рейна глубина покрова превышала четверть метра. Гражданское население было напугано тем, что война вновь прокатится по их жилищам. Во многих домах селян не было воды – трубы замерзли.

Виссембург – небольшой городок на севере Эльзаса у границы с Пфальцем. На склонах холмов вокруг Ландау, Арвайлера и Бергцаберна произрастает виноград, из которого делается знаменитый Пфельцер – Пфальцское вино. Недалеко к востоку протекает Рейн, на противоположной стороне которого расположены Баден-Баден и Шварцвальд.

Между восточными склонами Вогезов и Рейном лежит широкая низменность, простирающаяся на юг до самого Страсбурга.

Наш район сосредоточения находился к северу от Виссембурга. К месту назначения мы вышли после тяжелого марша по обледеневшим дорогам ночью с 5 на 6 января.

Планировалось, что в следующую ночь у нас в тылу дислоцируется 25-я танково-гренадерская дивизия, которая до того не смогла прорвать «линию Мажино» к западу от Вогезов. Задача состояла в совершении броска через «линию Мажино» в южном направлении возле восточных предгорий Вогезов силами двух боевых групп. Нам предстояло перекрыть все пути через них и перерезать линии неприятельских коммуникаций со Страсбургом.

Я затребовал карты с точным указанием расположения блиндажей и прочих фортификаций неприятельского укрепрайона. Карт не оказалось. Как выяснилось, таких карт не было даже в высшем эшелоне. Зато – видимо, желая подбодрить нас – нам сказали, что на «линии Мажино» почти нет противника, так что она не представляет собой серьезного препятствия.

Итак, 6 января мы выступили на юг «вслепую». Не успев выйти к блиндажам, мы столкнулись с ожесточенным противодействием и угодили под огонь американской артиллерии. После полудня обе боевые группы все же сумели потеснить противника, однако прорваться через заслоны «линии Мажино» нам не удалось.

Мы продолжали наступление и в ночь с 6 на 7 января. Над

долиной Рейна лежал густой туман, видимость была не больше нескольких сотен метров. Вдруг мы напоролись на первый дот, из которого нас встретили яростным огнем. Головные цепи и сопровождающая SPW наткнулись на минное поле, артиллерийский обстрел усилился. Не приходилось сомневаться в том, что противник намерен удержать позиции по «линии Мажино» при любом раскладе и сохранить в неприкосновенности маршруты сообщения как со Страсбургом, так и с берегом Рейна. Сил нашей дивизии, численно не превышавшей в тот момент гренадерского полка, для того чтобы пробиться, не хватало.

От пленных, взятых нами на подступах к «линии Мажино», мы знали, с кем имеем дело: опытная 79-я пехотная дивизия, части 14-й бронетанковой и 42-й пехотной дивизий армии США, а также сильная артиллерия. С ними нам и пришлось сражаться на протяжении следующих 14 суток.

В группе армий, похоже, начали осознавать, что американцы намного сильнее, чем предполагалось.

8 января танкисты капитана Херра с гренадерами и саперами вновь двинулись на юг. Штурмовому отряду с 12 «пантерами» удалось вынудить к сдаче защитников одного из дотов, подбить три «шермана» и взять множество пленных. Одна «пантера» подорвалась на мине. Затем неприятель обрушил на захваченный нами дот такой мощный артиллерийский огонь, что Херр, потеряв 20 гренадеров и саперов, сидевших на броне его танков, был вынужден отойти.

Из группы армий поступили новые приказы: «Двое суток назад нам удалось создать береговой плацдарм (иначе предмостное укрепление) на левом берегу Рейна, южнее Хагенауского леса и к северу от Страсбурга. С этого плацдарма предстоит нанести удар в западном направлении с целью перерезать коммуникации противника к северу от Хагенауского леса. 25-я танково-гренадерская дивизия выступает на запад 9 января по северной опушке леса, прорывает «линию Мажино» и наступает к восточным склонам Вогезов. 21-я танковая дивизия действует у нее на правом фланге и, пробив бреши в обороне противника, также немедленно выдвигается на запад».

8 января из Германии поступило 20 штурмовых орудий; у капитана Херра все еще имелось 11 танков. В тот же день 25-я танково-гренадерская дивизия сосредоточилась на исходных двумя боевыми группами, наша дивизия – сразу к северу от нее так, чтобы мой полк взаимодействовал с 25-й танково-гренадерской.

Было очень холодно, шел снег. Время от времени из-за облаков выныривала луна. Затем мы увидели торчавшие из снега

черные чудовища. Мы знали, что должны проложить себе коридоры через проволочные заграждения и минные поля. Для этих целей в нашем распоряжении имелось лишь несколько саперов и молодняк из пополнения – мальчишки 16 и 17 лет.

В ночь с 8 на 9 января головной штурмовой отряд из состава 25-й танково-гренадерской дивизии стал пробираться к первому доту. Молодые бесшумно поползли вперед и принялись пробираться через колючую проволоку. Как только выходила луна, все словно замерзали – ни одного движения. Ближе к четырем утра коридор был расчищен, до дота оставалось несколько сот метров. Шли перебежками. Американцы, судя по всему, спали. Орудийный ствол грозно торчал из амбразуры. Наши солдаты ползком обогнули дот. Бронированная дверь была закрыта, но, когда унтер-офицер ударил в нее прикладом, она медленно открылась.

Американцы оказались застигнутыми врасплох, и скоро с их сопротивлением было покончено. Шум услышали в других дотах и на промежуточных позициях. Закипел бой. Американская артиллерия накрыла дот огнем.

Тут в брешь при поддержке штурмовых орудий устремилась боевая группа 25-й танково-гренадерской дивизии.

Из-за мощного артиллерийского огня продвижение по прямой стало невозможным, и группа, повернув влево, пробилась с севера в небольшую деревушку под названием Хаттен.

Одновременно двинулась в бой и бронетанковая группа из состава моей дивизии, рассчитывая пройти мимо Хаттена. Несколько танков наскочили на мины. Атака увязла. Один из моих батальонов тоже вступил в Хаттен с севера и сменил там части 25-й танково-гренадерской. Американские пехотинцы яростно обороняли южную часть селения, они развернули контратаку, которую нам, однако, удалось отразить.

К вечеру 9 января оказалось возможным пробить лишь незначительную брешь во вражеской обороне. В группе армий и в корпусе настаивали на продолжении наступления. Они требовали развить прорыв через «линию Мажино» и создать условия для дальнейшего продвижения на запад.

В ночь с 9 на 10 января моя боевая группа силами 125-го полка атаковала дот, справа был сестринский 192-й полк.

Дивизия получила еще артиллерийский полк, так что теперь мы пользовались лучшей поддержкой.

Бронетанковая группа 25-й танково-гренадерской дивизии тщетно пыталась проложить себе путь в соседнюю деревню Риттерсхоффен. 10 января взять Риттерсхоффен приготовилась наша дивизия.

192-м полком вместо заболевшего полковника Рауха командовал офицер резерва майор Вилли Шпрей. Его атака на «линию Мажино» к северу от Хаттена тоже увязла 9 января перед дотами; численность активных штыков в ротах значительно сократилась. В качестве последнего резерва у него имелся еще саперный взвод, состоявший из одного фельдфебеля, унтер-офицера и 20 по большей части не имевших опыта солдат. Тем вечером майор Шпрей расположил свои противотанковые пушки и тяжелое вооружение прямо перед дотом.

Вот что рассказывал потом майор Шпрей: «С первым светом утра я поднял саперный взвод, пока тяжелое вооружение беспрестанным огнем поливало амбразуры дота. Мы пробрались через сугробы и через несколько минут приблизились к доту. Саперы принялись бросать в амбразуры гранаты, а остальные тем временем перерезали проволоку и обезвреживали мины. Когда мы бросились к тыловому выходу, дверь открылась, появился человек с белым флагом. Всего в плен сдались пять офицеров и 117 военнослужащих других званий. У четырех офицеров были серьезные травмы глаз, полученные от огня в смотровые щели. Ранеными занялся полковой врач, остальных отправили в тыл. Бункер оказался мощным опорным пунктом в сложной системе укреплений, так что я немедленно превратил его в свой командный пункт».

На следующий день во время атаки на высоты к северу от Риттерсхоффена майор Шпрей получил тяжелое ранение и был эвакуирован в госпиталь. 24 февраля «за проявленную личную храбрость» он получил Рыцарский крест.

10 января я двинул свой полк в атаку на Риттерсхоффен. Ночью нам удалось пробиться в деревню, но и здесь тоже, как и в Хаттене, противник удержался в домах и тотчас же перешел в контратаку силами танков и пехоты. Основной вес неприятельского натиска пришелся на мой 2-й батальон, позиции которого находились в центре населенного пункта у церкви.

Вот в этих двух селениях – в Хаттене и Риттерсхоффене – и разыгрались, наверное, наиболее ожесточенные бои из всех, которые велись на Западном фронте.

Американцы напрягали все силы для возвращения контроля над «линией Мажино» и всячески пытались не позволить нам отрезать район Страсбурга. В Риттерсхоффене нас разделяло только 20 метров. Иной раз мы оказывались на первом этаже здания, а американцы – на цокольном или в подвале, бывало, конечно, и наоборот.

Ожесточенные рукопашные бои за каждый дом полыхали около двух недель. С обеих сторон беспрестанно палила

артиллерия, активно шли в ход огнеметы. Американцы жгли дома зажигательными снарядами. К нам в плен попало несколько военнослужащих из 827-го танкового батальона армии США, состоявшего почти полностью из чернокожих. Они сказали нам, что имели приказы вести огонь и уничтожать все здания, в которых только окажутся немцы – «наци», как они выражались. Мне самому пришлось в спешке выбираться из подвала, чтобы не задохнуться, когда рядом с моим наблюдательным пунктом разорвался зажигательный снаряд. Я переместился в другой подвал неподалеку от командного пункта майора Курца, которому с его 2-м батальоном особенно доставалось.

Пленные из 14-й бронетанковой дивизии США досадовали:

– Черт побери! Мы сроду не бывали в такой мясорубке. Такого не было даже под Анцио в Италии.

Но даже и в таких условиях в обоих населенных пунктах оставалось гражданское население. Женщины, дети и старики, теснясь как сельди в банке, прятались в подвалах домов. Света не было, продовольственного снабжения не хватало, а поскольку замерзли трубы, отсутствовала и подача воды. Мы пытались помочь чем могли. Передвигаться днем было очень рискованно, снабжение приходилось доставлять только ночью и на бронемашинах. Тут нам помогала ложбинка, скрывавшая наши передвижения от неприятеля, от осветительных ракет которого даже ночью бывало светло, как днем.

Уже на вторые сутки полковой врач пришел ко мне и с раздражением сообщил:

– У меня в подвале до 50 раненых, нуждающихся в срочном медицинском уходе. У меня кончился морфий и почти нет перевязочных материалов. В другом подвале 40 трупов, которые нельзя похоронить. И еще мне приходится помогать гражданским.

По ночам мне удавалось по меньшей мере хотя бы отсылать раненых гражданских и солдат в тыл, за Хаттен, и получать оттуда боеприпасы. Моему дежурному офицеру, доктору Мюллеру-Темме, приходилось таскать патронные ящики на передний край к гренадерам, поскольку все остальные сотрудники штаба были заняты в боевых действиях – людей в обоих батальонах не хватало.

Между тем ни мы, ни американцы, у которых в боях за Риттерсхоффен участвовали части бронетанковой и двух пехотных дивизий, не уступали друг другу. Как мы узнали позднее, бои за этих два селения постоянно контролировались на уровне армий. Через несколько суток мы обнаружили в Риттерсхоффене части нашей 25-й танково-гренадерской, которые «застряли» у нас, хотя ядро дивизии сражалось в Хаттене. И в том

и в другом населенном пункте нам на какое-то время удалось окружить солдат 79-й пехотной дивизии США, однако они прорвались, пусть и с большими потерями. Через восемь суток нам сообщили, что в Риттерсхоффен на усиление нам направляется батальон воздушных десантников.

Селение превратился в деревню-призрак. Почти все здания, включая и церковь, где держали оборону ребята майора Курца, лежали в руинах. Многие дома горели, подсвечивая ночь. Мертвые, в том числе и много гражданских лиц, валялись на улицах. Убрать тела не удавалось, потому что противник находился часто в 15–20 метрах. В загонах для скота мычали брошенные хозяйками коровы, тела животных и людей разлагались, распространяя смрад.

После восьми суток мы все еще не знали, чего ради мы деремся тут – был ли то вопрос престижа или наличествовала какая-то тактическая необходимость в том, чтобы непременно удержать данную позицию.

Мне все чаще казалось, что и мы и наш храбрый противник думаем только об одном – как бы уцелеть. Связь с дивизией прекратилась уже через несколько дней. От бросавших вызов смерти экипажей SPW из состава 1-го батальона, которые по ночам вывозили раненых и доставляли снабжение, мы знали, что в Хаттене картина примерно такая же, как и у нас. Там тоже удалось окружить батальон 79-й пехотной дивизии, который вырвался из кольца лишь после нескольких суток упорных боев. Там тоже в наших руках находились северная и западная части. Остальное с отчаянным упорством защищали американцы.

Мы слышали, что 10 января сильный штурмовой отряд из состава 25-й гренадерской дивизии сумел разгромить укрепленный пункт около Хаттена и взять в плен 300 человек. Это означало, что ширина бреши в «линии Мажино» достигла около 10 километров. Между тем мы безнадежно увязли в Хаттене, в Риттерсхоффене и к северу от них. Каждый день разгорались такие крупномасштабные артиллерийские дуэли, которых мы не видели даже в Нормандии.

Более всего удручала участь ни в чем не повинных гражданских. Потом насчитали свыше 100 человек погибшими – в основном дети и старики.

14 января американцы попытались отбить Риттерсхоффен, а в Хаттене вызволить два батальона 79-й пехотной дивизии США. Благодаря отважным действиям моей боевой группы и частей 25-й танково-гренадерской дивизии атаку удалось отбить с большим уроном для неприятеля. От пленных мы узнали, что с 14 января руководство боевыми действиями в «битве за Хаттен –

Риттерсхоффен» перешло к командованию 14-й бронетанковой дивизии США. В Риттерсхоффене в состав ее были приданы один батальон 79-й пехотной дивизии, который на некоторое время был окружен нами, и части 42-й «Радужной» дивизии армии США [124] .

Как писалось потом в хронике 14-й бронетанковой дивизии: «То было кровавое, жестокое и долгое дело – худшее из тех, что когда-либо выпадало на нашу долю».

На следующий день американцы повторили попытку и снова с теми же печальными результатами. Всего стороны за сутки расходовали свыше 10 000 артиллерийских выстрелов.

17 января вновь начались обильные снегопады. Видимость сократилась до ста метров. На рассвете американцы перешли в наступление на Риттерсхоффен и Хаттен 45 танками и пехотой. Артиллерия оказывала им интенсивную поддержку. В полутьме сильный штурмовой отряд неожиданно ворвался в Риттерсхоффен и взял в плен сотрудников полкового и батальонного штабов танково-гренадерской дивизии, а также солдат некоторых находившихся на отдыхе частей.

Вскоре после этого ко мне в подвал ворвался посыльный:

– Господин подполковник, «ами» захватили почти всех наших офицеров штаба и множество солдат. Мне удалось вырваться. Можете помочь?

Слава богу, у меня в распоряжении имелись бойцы парашютного батальона и нашего разведывательного батальона, которых я немедленно бросил в контратаку. Им удалось освободить большинство наших и еще взять больше 80 пленных.

18 января начиная с 14.00 противник вновь приступил к интенсивной артиллерийской подготовке по обоим населенным пунктам и в 17.00, когда стемнело, двинулся в атаку на Риттерсхоффен с севера и юга и таким образом схлестнулся с парашютистами и с моим 2-м батальоном. С большими потерями противник был отброшен; наша артиллерия оказала нам самую действенную поддержку.

Ночью прибыл связной из дивизии:

– Господин подполковник, дивизионный командир поручил мне проинструктировать вас относительно намерений командования группы армий «G».

19 января с расширенного берегового плацдарма через Рейн к югу от Хагенауского леса будет развернуто наступление силами танкового корпуса и парашютной дивизии [125] . Нашей дивизии предписано принять в нем участие. Имеется понимание того, что выход из боевого соприкосновения в настоящий момент невозможен. Двум измотанным дивизиям, ведущим бои в Хаттене

и в Риттерсхоффене, предписывается создать впечатление о намерении перейти к наступательным действиям путем более активного применения штурмовых отрядов и широкого использования артиллерии, с целью сковать вражеские силы. Задача состоит в том, чтобы продвинуться за Хагенау на запад и затем окружить силы неприятеля севернее реки Модер.

Вам будет небезынтересно узнать, – с улыбочкой продолжал молодой офицер, – что командование на южном участке Рейна поручено Гиммлеру. Более того, Гитлер лично распорядился о новом наступлении к югу от Хагенауского леса. Теперь все пойдет так, как надо, господин подполковник. Победа обеспечена.

Иной раз мы исполнялись такого бесстрашия и такого юмора висельников, что делались позволительными подобные замечания, за которые можно было запросто лишиться погон, а то и головы.

– Отлично, – заключил я, прежде чем дать молодому лейтенанту разрешение удалиться, – положимся на Гиммлера и на его «боевой опыт».

Несмотря на мощный артиллерийский огонь, бои за два наших населенных пункта, уже на 90 процентов разрушенных, продолжались еще двое суток. В Хаттене парашютисты, при поддержке нескольких танков, вновь атаковали отважных солдат 79-й пехотной дивизии США. Американцы пускали в дело все, от пушек до базук и пистолетов, даже ножи шли в ход в отчаянных схватках за каждый дом. Противник отбил атаку.

Вечером 19 января прибыли передовые части 47-й фольксгренадерской дивизии; их доставили железнодорожным эшелоном из Германии с тем, чтобы высвободить нас. Ночью сильно поредевшие части 25-й танково-гренадерской дивизии передали свои позиции смене и отошли в тыл на доукомплектование. Остальные подразделения этой храброй дивизии были выведены ночью с 20 на 21 января.

Утром холодного зимнего дня, 21-го числа, над Риттерсхоффеном воцарилась подозрительная тишина. Я попросил майора Курца выслать штурмовой отряд, чтобы разузнать, что затевает противник.

Сам же я смотрел из окна подвала на другую сторону улицы, где в разрушенных зданиях обычно то и дело появлялся кто-нибудь из американцев.

Теперь же не было никакого движения. Тихо. Даже вражеская артиллерия молчала. Майор Курц бегом преодолел сотни метров, отделявшие его от моего командного пункта.

– Господин подполковник, «ами» ушли. Вывели свои войска ночью под прикрытием артиллерии.

Курц смотрел на меня красными от недостатка сна глазами. Я пожал ему руку.

– Так вот оно значит как, Курц… Спасибо за все, что сделали вы и ваши люди.

Небритые, обросшие бородами «подводников», мы стояли друг перед другом и никак не могли поверить, что смертоносная бойня кончилась.

– Нет ни победителей, ни побежденных. Так для чего же все это было?

Потихоньку измученные люди вылезали из подвалов. Появлялись и гражданские. У них в глазах стояли слезы.

– Все позади? Все кончилось? Можно теперь похоронить мертвецов?

– Нам очень жаль, что такая судьба постигла вас и вашу деревню. Чертова война! Для вас она теперь кончилась.

Неспешно, в задумчивости мы с Курцем подошли к церкви, от которой уцелела лишь часть. Вошли внутрь через огромный пролом в стене. Я повернулся к превращенному в руины алтарю и посмотрел на орган. Похоже, он не пострадал. Появилось несколько солдат.

– Пошли, – махнул я одному ефрейтору, – пошли к органу.

Когда мы поднялись, я попросил солдата раздуть мехи. Сам сел за орган. Как ни невероятно, он работал.

Я начал играть хорал Баха «Nun danket alle Gott» [126] . Звук разносился над руинами и улетал дальше в поля. Все больше солдат входило в полуразрушенную церковь, за ними следовали старухи и дети, они преклоняли колени и тихо молились. И мои солдаты не стыдились слез.

Что же случилось? Что побудило американцев бросить оба селения и, несмотря ни на что, отказаться от шанса отбить «линию Мажино»?

Мы узнали об этом спустя несколько суток. Пленные офицеры сказали нам, что командование 7-й армии США, отвечавшее за данный участок, рапортовало в группу армий о том, что дивизии, занятые в боях в Хаттене и Риттерсхоффене, поредели настолько, что не в состоянии удерживать позиции. В результате из группы армий пришел приказ оставить Хаттен и Риттерсхоффен, а также и весь участок «линии Мажино» в районе к северу от Хагенауского леса и отойти на подготовленные позиции по реке Модер, протекающей на восток из Вогезов через Хагенау.

39-й танковый корпус и 14-й корпус СС [127] вслед за парашютной дивизией двинулись на запад с берегового плацдарма на Рейне и вышли к Хагенау, что создавало для

американцев угрозу быть окруженными севернее Хагенауского леса. 21 января сильные боевые формирования устремились на запад из Риттерсхоффена. Утром 22-го числа нас сменила фольксгренадерская дивизия, и мы вышли к Модеру к западу от Хагенау. Храбрая 25-я танково-гренадерская дивизия, пробивавшаяся вперед южнее по обледеневшим дорогам и заснеженным тропам Хагенауского леса, тоже достигла реки Модер. Наши гренадерские роты насчитывали не более 20 или 30 активных штыков. Все равно успех был в досягаемости – мы могли отрезать американцев от Страсбурга.

Вдруг 25 января пришел неожиданный приказ сосредоточиться в районе Канделя, к западу от Рейна на высотах неподалеку от Карлсруэ для получения пополнений. 25-я танково-гренадерская дивизия уже 24 января была выведена в район севернее Канделя.

Конечно, мы радовались отдыху после стольких суток тяжелых боев в Риттерсхоффене, но никак не могли понять, зачем нам приказали отступать, когда мы находились в такой близости от цели.

Нам предстояло узнать причины раньше, чем хотелось бы. В Канделе нас ждала новенькая техника, а также и свежий батальон. Как ни радостно было получить все это, мы часто не знали, кого посадить в новые танки, SPW и в штурмовые орудия, как не знали, кого приставить к пушкам. Мы потеряли слишком много водителей, наводчиков и командиров. А потому приходилось день и ночь тренировать солдат из батальона пополнений.

30 января всех командиров собрали на дивизионном командном пункте. Мне пригнали мой старый добрый «Мерседес», который в последние месяцы использовался для курьерских надобностей.

По прибытии нас в последний раз приветствовал генерал Фойхтингер:

– Господа, как вы знаете, меня переводят в командный резерв. До прибытия нового командира дивизию примет полковник Цолленкопф из командного резерва, которого я вам и представляю. Кроме этого, я имею удовольствие сообщить о производстве подполковника фон Люка в полковники, а стало быть, также и вручить ему вторую звезду. Тридцатитрехлетний фон Люк – один их самых молодых полковников.

Новость была, конечно, приятной, но я не очень-то радовался. На последнем этапе войны быстрые повышения и частые награждения стали чем-то почти обычным. Не это теперь заботило, а то, как бы сохранить побольше людей и самому

пережить войну.

– Тревожные новости приходят с Восточного фронта, – продолжал Фойхтингер. – 14 января русские, силами трех групп армий, перешли в решительное наступление и в течение нескольких суток вышли к Одеру в Силезии. На центральном направлении они стремительно продвигаются через Польшу к границам рейха и через несколько дней создадут угрозу городу Франкфурт-ан-дер-Одер и старинной крепости Кюстрин [128] . В результате в опасном положении окажется сам Берлин. Наши поредевшие в боях дивизии неспособны долее удерживать оборону перед натиском располагающего подавляющим численным превосходством неприятеля – его заново укомплектованных армий. По этой причине Гитлер лично распорядился о немедленной переброске 25-й танково-гренадерской и нашей 21-й танковой дивизии в район к западу от Кюстрина, чтобы остановить продвижение противника к Берлину. Эшелоны получат абсолютный приоритет; за быструю доставку личного состава и техники и их разгрузку будет отвечать специальный офицер транспортной службы.

– Сожалею, – заключил Фойхтингер, – что нашим храбрым солдатам придется испить всю чашу горечи. Желаю вам и вашим подчиненным пережить эту последнюю битву, надеюсь, вы понимаете, что продвижение русских в сердце Фатерланда необходимо остановить.

Слова его резали ухо чрезмерной патетикой, но что еще он мог сказать? Теперь мы знали, что только мы – солдаты-фронтовики от командира на его КП до стрелка в башне танка – ответственны за принятие решений, на нас ложится весь груз ответственности. После семи с половиной месяцев беспрерывных боев для нас наступило наконец время прийти на защиту родины.

Погруженный в разнообразные мысли, возвращался я к своей машине, и вдруг мне пришло в голову, что я ни под каким видом не желаю, чтобы «Мерседес» достался русским и даже британцам или американцам. У меня возникла идея отдать машину Дагмар, которая находилась в Науэне, к западу от Берлина. Я тотчас же связался с офицером по транспорту.

После того как я вкратце изложил ему историю моего «Мерседеса»-кабриолета, он пообещал помочь.

– Я могу ненадолго остановить эшелон у эстакады к юго-западу от Берлина, – предложил он. – Там вы легко снимете машину с поезда. На дорогу через южные подступы к Берлину нам, наверное, понадобится целая ночь – движение там интенсифицировалось, а тут еще воздушные налеты. Вы сможете снова сесть на поезд на армейском пункте в Цоссене к юго-

востоку от Берлина.

Поскольку нам с офицером по транспорту предстояло передвигаться в моем купе, я не предвидел каких-то осложнений.

Я отправился к ближайшему телефону и позвонил Дагмар.

– Замечательно слышать тебя. Как ты? – спросил я. – Надеюсь, в Науэне ты более-менее в безопасности?

– Где ты? Ты в порядке? – спросила она вместо ответа. – Здесь не бомбят, так что все спокойно. Только каждую ночь видны длинные лучи прожекторов, слышан гул бомбардировщиков и грохот взрывов. Знаешь, мы тут все уже привыкли жить «на домашнем фронте». Только постоянно тревожат слухи, что русские вот-вот пойдут на Берлин. Ты не знаешь ничего точно?

– Слухи верные. Так или иначе, нас с нашими танковыми дивизиями переводят на Восточный фронт. Куда – я не должен говорить тебе и не скажу. А теперь слушай внимательно, – продолжал я. – 4 или 5 февраля я появлюсь у тебя на «Мерседесе». Тебе придется потом отвезти меня на нем на станцию, а затем забрать машину себе. Позже все объясню. Пожалуйста, будь дома в эти два дня, чтобы все сработало. Поняла?

– Конечно-конечно. Будет здорово увидеться, пусть и ненадолго. Буду ждать тебя тут.

Итак, этот вопрос уладился. Перед началом совещания я усадил за стол Либескинда, и мы с ним вдвоем сочинили «подорожную» Дагмар.

...

«Из Боевой группы 21-й танковой дивизии всем военным, гражданским и партийным представителям власти:

Фроляйн Дагмар С… уполномочена самым кратчайшим путем отогнать автомобиль “Мерседес”, номерной знак WH… [129] , в город Фленсбург для передачи его там командиру военного гарнизона, у которого машине предстоит оставаться до прибытия Особой боевой группы 21-й танковой дивизии.

Просьба ко всем представителям властных структур не чинить

препятствий продвижению автомобиля и оказывать фроляйн Дагмар С… всяческое содействие.

За Боевую группу

Подписано – полковник фон Люк, командир боевой группы». (разнообразные печати и подписи)

Как поведала мне Дагмар позже, уже после моего возвращения из России, «подорожная» сработала. «Особая боевая группа», множество печатей и подпись полковника-фронтовика произвели впечатление – ни на одном складе снабженцы не задались вопросом: как попала за руль машины 23-летняя женщина?

– Я тихо смеялась про себя, – призналась Дагмар, – тому, как они вились вокруг меня. Тот факт, что в конце апреля во Фленсбург перенес свою ставку назначенный Гитлером главой правительства адмирал Дениц, особенно подчеркивал важность моего «задания», выполняемого по поручению боевой группы.

Благодаря своим связям в ставке в Берлине Дагмар удалось покинуть Науэн своевременно – до начала «битвы за Берлин» – и через несколько дней благополучно добраться до моей матери во Фленсбург. К сожалению, верный «Мерседес» разделил судьбу 1000 бутылок вина из Франции и хрусталя из Баккара: британские оккупационные власти обнаружили машину и конфисковали как военный трофей.

Очень надеюсь, что этот добрый автомобиль дожил до старости и стоит в каком-нибудь гараже в Англии или в Шотландии.

Мы с моими батальонными и ротными командирами устроились в маленьком кафе в Канделе. Я рассказал им о встрече с Фойхтингером и с полковником Хельмутом Цолленкопфом, временно исполнявшим обязанности дивизионного командира.

– Нас переводят на Восточный фронт.

Все разом глубоко вздохнули.

– Вот такого мы не ждали, – сказали все едва ли не хором, – из огня да в полымя. – Были потом и вопросы: – Как долго еще продлится война? На призывные пункты фольксштурма сгоняют стариков и мальчишек 14 и 15 лет. Последние резервы?

И я должен был объяснять им, что наш долг преградить дорогу русским и избавить гражданское население от невыносимых страданий?

– Остается надеяться, что западные союзники смогут

продвигаться на восток с максимальной скоростью. Грузимся в эшелоны между 3 и 5 февраля. Потратьте имеющееся время на отдых и подготовку молодых.

Мы сидели еще долго и над чашечкой «фокко-мокко», как называли мы заменитель кофе, вспоминали бои в Нормандии, кошмар Фалезского «котла» и, конечно, ожесточенные уличные бои в Риттерсхоффене.

В дивизии мне сказали, что наши потери убитыми, ранеными и пропавшими без вести, начиная с 6 июня 1944 г., достигают примерно 15 000. Ужасающая цифра, особенно если вспомнить, что 6 июня численность личного состава дивизии составляла около 16 000 человек.

Мы спрашивали друг друга, откуда русские, несмотря на колоссальные потери, умудряются в таком количестве черпать людские и материальные ресурсы? Как решают гигантские транспортные проблемы? Уже в плену я слышал, что президент Рузвельт обязался поставить по ленд-лизу Сталину среди всего прочего 100 000 грузовиков «Студебеккер», без которых русская армия никогда не смогла бы наступать.

Настроение среди моих людей, преимущественно ветеранов, было таким, каким и должно было быть в таких условиях, – отвратительным. Но они радовались, что драться в новой битве им предстоит плечом к плечу в «старой команде» – так они чувствовали себя в определенной мере в безопасности. Многие позвонили домой, поговорили с семьями, поспали в настоящих кроватях. Они были готовы вновь встретить врага с Востока. Рассказы о зверствах русских никого не оставляли безучастными.

Поступил один из основополагающих приказов Гитлера – между собой его никто уже не называл иначе как «Грефац» (Görsster Feldherr aller Zeiten, то есть «величайший полководец всех времен»), – в соответствии с которым в части Вермахта от полка и выше надлежало назначить NFO (Nationalsozialistische Führungs-Offizier), «национал-социалистского офицера-координатора», задача которого состояла бы в том, чтобы следить за частью и командованием с позиций партии. В общем, он решил, что нам, как в Красной армии, не хватает политруков и комиссаров. Это лишний раз показывало, с каким подозрением относился к Вермахту Гитлер после 20 июля. Я назначил на должность NFO капеллана. Издевка, понятное дело. Особенно если вспомнить, какого мнения о Гитлере держалась церковь. Так высокое руководство собиралось пресечь пораженческие настроения и подхлестнуть «волю к достижению окончательной победы».

Я понимал, что на последнем этапе я не смогу видеть свою

часть как единое целое, не смогу поговорить с людьми. Поэтому отдал приказ собрать мой танково-гренадерский полк в полном составе на большой поляне в лесу под Канделем.

И вот они собрались там – люди с усталыми серыми лицами. Они прошли через все бои с 6 июня 1944 г. и выжили. Рядом с ними стояли молодые призывники с детскими лицами. Мальчишки, они не знали, что их ждет.

Мне было трудно найти правильные слова, но я чувствовал себя обязанным обратиться к ним, сказать им, что я не брошу их, вселить в них уверенность и напомнить им о том, что товарищество и чувство солидарности значат больше, чем все остальное.

– Впервые после многих месяцев сегодня я хочу обратиться к вам, может быть, в последний раз. Я буду немногословен. Все те, кто прошел со мной путь в боях с 6 июня 1944 г., и молодые, которым впервые предстоит попробовать на вкус, что такое война и битва за выживание, должны знать, что я останусь вашим командиром до конца и разделю с вами все тяготы, которые выпадут на нашу долю.

Всем тем, кто дрался со мной плечом к плечу эти месяцы, спасибо за всё. Вы были неподражаемы!

В ближайшие сутки нас перебросят на Восточный фронт. Там, на Одере, в старой крепости Кюстрин, мы встанем на пути врага к Берлину, который уже и так лежит в развалинах под бомбами, и не допустим, чтобы он попал в руки к русским. Это будет наша последняя битва. Забудьте все лозунги, все разговоры о «Тысячелетнем рейхе» и «окончательной победе, которая все равно будет за нами».

Отныне мы будем сражаться только, чтобы выжить, будем биться за нашу отчизну – за жен, матерей и детей, которых должны спасти от участи, тяжесть которой мы не можем даже и представить. За это стоит биться в предстоящие недели и месяцы. Пусть Бог поможет вам и защитит вас!

Между 3 и 5 февраля 1945 г. дивизия погрузилась в воинские эшелоны и покатила в восточном направлении через последний еще уцелевший мост через Рейн. Хотя нам приходилось часто останавливаться из-за угрозы воздушных налетов или из-за того, что где-то наскоро чинили поврежденные пути, мы восхищались великолепной организацией работы транспортных служб. Чем ближе мы подъезжали к Берлину, тем чаще становились остановки. Местные жители, с которыми мы время от времени вступали в контакты, выражали полнейший пессимизм и отсутствие надежд. Иногда кто-нибудь говорил: «Почему не покончить с этим? Какой смысл продолжать?» или «Каждый

лишний день этой войны только умножает страдания».

Партийные функционеры, выходившие поприветствовать нас на некоторых вокзалах, выражали «непоколебимую волю к окончательной победе», однако в действительности ими руководили страх и «непоколебимое стремление найти окончательно безопасное местечко» на случай прихода неприятеля.

По договоренности со мной состав остановили к юго-западу от Берлина. Я сел в «Мерседес» и поехал в Науэн в приют, где находилась Дагмар. Она встречала меня на улице.

– Бог ты мой! Я глазам не верю, что вижу тебя снова. Что ты задумал? – воскликнула она.

– У нас нет времени, Дагмар. Чашка приличного кофе из моих запасов, а потом вновь в машину и в путь, чтобы догнать эшелон.

На пути у южных предместий Берлина я объяснил ей свой план:

– Вот подорожная, возьми ее и уезжай из Науэна, как только положение станет критическим. У тебя есть связи в ставке. Нужные люди скажут тебе, когда будет целесообразно покинуть Берлин. В багажнике запас горючего, которого хватит, чтобы добраться до Фленсбурга. Поезжай к моей матери и жди, когда все кончится. Постарайся где-нибудь спрятать машину. Если я сумею вернуться, по меньшей мере у нас на первое время будут колеса… Есть какие-то новости от отца из Заксенхаузена?

– Конечно, нет. Я и не жду. Звонить бессмысленно. Меня все равно ни с кем не соединят или скажут «сведений не имеется». Я не очень-то верю, что когда-нибудь увижу отца живым. Мне придется свыкнуться с этим в следующие недели и месяцы.

Мы приехали в Цоссен. Поезд еще не дошел туда, так что у нас было немного свободного времени. Через час я уже сидел в своем купе. Последний взмах руки на прощанье – и Дагмар исчезла.

Глава 19 Восточный фронт. Последняя битва

Наши эшелоны двигались на Восток, проходя южнее Берлина. Благодаря отчаянным усилиям немецких железнодорожников, доукомплектованные дивизии прибыли к месту назначения всего за 48 час. Внезапно мы остановились на открытом месте на «восточной линии», связывавшей Берлин с Кенигсбергом в Пруссии, по которой не раз путешествовал я молодым курсантом то в Дрезден, то в Берлин. Мы находились, наверное, в 50 километрах восточнее Берлина и в 20 к западу от крепости Кюстрин.

По импровизированным сходням началась разгрузка вагонов. Дивизионный штаб уже прибыл, и меня тотчас же вызвали к полковнику Цолленкопфу.

– Наша задача немедленно, не дожидаясь подхода других составов, перейти в наступление с юго-востока на береговой плацдарм (иначе предмостное укрепление) русских на юго-западной окраине Кюстрина и соединиться с окруженным гарнизоном, численность которого около 8000 человек. Наши товарищи из 25-й танково-гренадерской дивизии действуют тут уже с 31 января. Им удалось предотвратить расширение неприятелем отдельных береговых плацдармов, но проложить коридор в Кюстрин они не сумели.

Вы с вашим полком, как только он выгрузится, включитесь в наступление при поддержке танков и артиллерии. Остальные части дивизии вступят в дело также сразу после их выгрузки. Гитлер лично распорядился об этой атаке и хочет, чтобы русских вышвырнули обратно за Одер. Перед нами войска 1-го Белорусского фронта маршала Жукова, промчавшегося через Польшу всего за 14 суток и практически уничтожившего там все слабые немецкие части. Детальные планы получите у моего первого офицера штаба. Всего наилучшего!

Далее я узнал, что наша дивизия, после получения пополнений в Эльзасе, располагала более чем 30 PzKpfw IV и Jagdpanzer IV [130] , а также и 30 «пантерами». Численность моего 125-го полка достигала 75 процентов от нормы, а по артиллерии – 90 процентов. И это уже замечательно, пусть даже боевые качества необстрелянных солдат и офицеров оставляли желать лучшего. Так или иначе, полк и по численности и по опыту не шел ни в какое сравнение с тем, каким он были вначале – 6 июня 1944 г.

Кюстрин представлял собой крепость со стенами четырехметровой толщины и с галереями постройки наполеоновских времен и ранее, устроенными так, чтобы отражать нападения с востока. Между тем русские, со своих маленьких береговых плацдармов к северу и к югу от города, пытались обойти фортификации с тыла. Кюстрин представлял собой важный авто– и железнодорожный транспортный узел: кроме западного «Рейхсавтобана 1» – имперского шоссе № 1 – и Восточной линии, которые вели из Берлина к Кенигсбергу в Пруссии, здесь пролегали железнодорожные пути из г. Франкфурт-ан-дер-Одер в Штеттин на Балтике, а также из Бреслау в Силезии в тот же Штеттин и в Кенигсберг. 30-километровой ширины долина Одера имела к западу гряды возвышенностей, служивших естественным препятствием на пути в Берлин.

Назначенное на 6 февраля наступление пришлось отложить из-за того, что дорога в Берлин была безнадежным образом запружена гражданскими беженцами, и лишь благодаря энергичным действиям военной полиции нам удалось проложить себе путь в южном направлении.

Мы начали до рассвета 7 февраля и столкнулись с упорным противодействием, однако штурмовые отряды нанесли противнику большие потери, сумев несколько потеснить его. На следующие сутки мы вновь немного продвинулись. Тем временем разгрузились остальные части дивизии, и мы подготовились к решительной атаке 9 февраля.

25-я танково-гренадерская дивизия к северу должна была атаковать другой береговой плацдарм (предмостное укрепление). Нам обещали поддержку знаменитой эскадрильи истребителей-бомбардировщиков под началом одного из самых прославленных солдат, полковника Руделя. Его «специальностью» являлось применение пикирующих бомбардировщиков Ju-87, оснащенных противотанковым вооружением, против русской бронетехники, одним словом – уничтожать танки противника прямыми попаданиями [131] .

Поначалу ожесточенный бой 9 февраля не приносил успеха ни той, ни другой стороне. Затем пикирующие бомбардировщики Руделя обрушились на русские танки, противотанковые пушки и артиллерийские позиции. Мы уже давно забыли, что такое поддержка с воздуха, – приятно было видеть, что наша авиация еще существует и эффективно действует. Однако куда важнее то, какое моральное воздействие произвел данный факт на молодежь – на юношей, для которых этот бой стал первым.

К полудню некоторые штурмовые отряды сумели пробраться

в пригороды Кюстрина с юго-запада, овладеть там мостами и при содействии подтянувшихся боевых групп проложить в крепость коридор шириной 2 километра.

В ту же ночь стоявшая наготове снабженческая колонна двинулась в город с запасом всего необходимого для осажденных. Тем временем наши товарищи из 25-й ликвидировали другой береговой плацдарм далее к северу.

Мы были рады оказать помощь храбрым защитникам Кюстрина и дать им возможность получить столь остро необходимое им снабжение. Гитлер объявил Франкфурт-ан-дер-Одер и Кюстрин «крепостями». В переводе с его языка это означало, что гарнизоны должны «сражаться до последнего человека».

После нашего успеха 9 февраля боевая активность в районе боевых действий значительно снизилась. Русские не предпринимали попыток вернуть себе потерянный береговой плацдарм. На основании данных наших служб перехвата командование сделало вывод о наличии у маршала Жукова сложностей снабженческого характера.

Начиная с 12 января, когда маршал Жуков сосредоточил войска на исходных позициях по Висле, его группа армий прошла 350 километров. Такое большое расстояние оказалось не по зубам транспортникам. Помимо расстояния для железнодорожников существовала и еще одна большая трудность – русским приходилось приспосабливать свой ширококолейный подвижной состав под более узкую европейскую колею. Кроме того, у Жукова оставалось открытым правое крыло. Между ним и 2-м Белорусским фронтом под командованием маршала Рокоссовского зияла большая брешь. После 9 февраля мы стояли к западу от Одера, занимаясь подготовкой позиций к обороне. Сообщение с Кюстрином было восстановлено.

Для обеспечения защиты от артиллерийских обстрелов и воздушных налетов противника я оборудовал свой командный пункт в подвале дома фермера. Мы не поверили глазам, обнаружив там сотни упаковок французских духов и одеколона, ящиков с бутылками коньяка и шампанского, не говоря о множестве шелковых чулок, дюжинах отрезов тканей и коробках с элегантными туфлями. Попали они сюда, разумеется, вследствие бартерных сделок, которыми жила вся Германия, так горожане восполняли свой скудный рацион, приобретая у крестьян масло, мясо и молоко.

Снаружи то и дело била артиллерия, наша. Иногда вспыхивали перестрелки – мы все же надеялись, что это затишье не перед бурей. Уже темнело, когда вдруг открылась дверь и

появилась Дагмар. Я остолбенел.

– Что такое? Ты?! С ума сошла? Как ты умудрилась попасть сюда? Как разыскала меня?

Мой адъютант и несколько дежурных офицеров тоже недоумевали.

– Ты же знаешь, что у меня есть связи в ставке в Берлине. Вот так я и узнала, где находится твой командный пункт. Сегодня рано утром я села в поезд, который шел прямо через Берлин, – продолжала она. – Затем оседлала велосипед и поехала в восточном направлении по шоссе № 1, пока меня не подобрал грузовик. Велосипед там, снаружи.

– Послушай, ты просто не можешь находиться на линии фронта. Тут отовсюду стреляют, в любой момент можно ждать русской контратаки. Я беспокоюсь. Как бы я ни был рад видеть тебя, Дагмар, ты совершила очень рискованный поступок.

Не говоря в ответ ни слова, она протянула мне письмо – официальную бумагу из концентрационного лагеря Заксенхаузен, в которой было написано следующее:

«Настоящим уполномочен уведомить вас, что господин С….. скончался от сердечной недостаточности. Урну с прахом можно востребовать по предварительной договоренности с лагерной администрацией. С немецким приветом, да здравствует Гитлер! Подписано …»

Я был глубоко шокирован и не знал, что сказать.

– Я ждала чего-то такого, – проговорила Дагмар. – Из надежного источника мне сообщили, что лагерь решили перенести, пока русские не взяли Берлин и не обнаружили его. В общем, всех ослабленных и больных поскорее ликвидировали. Безумное «окончательное решение», ты не находишь?

– Послушай, Дагмар. Ты должна выбраться отсюда как можно скорее – как только возможно скорее. Бабахнуть может в любой момент. Мне очень жаль. Я все же надеялся – я очень надеялся после разговора с Кальтенбруннером. Отвратительно, что мы тут должны сражаться за выживание, биться за свои семьи, когда в это время подло и хладнокровно уничтожают настоящих патриотов.

Я попросил одного из дежурных офицеров выяснить, нет ли грузовика или вообще хоть какого-то транспорта, который бы шел в направлении Берлина, скажем, за снабжением. Нам повезло. Я стал успокаиваться – через полчаса Дагмар с ее велосипедом будут на безопасном расстоянии от фронта.

Вдруг дверь опять отворилась и на пороге появился полковник в парадной форме с орденом за «Отличную службу» на груди. Что за дурдом? Сначала Дагмар с ее велосипедом, а теперь

вот это явление. Мы все уставились на полковника, особенно на его начищенные до блеска высокие сапоги.

– Как вы сюда попали? – спросил я наконец. – Вероятно, заблудились?

– С вами желают поговорить господа рейхсминистр фон Риббентроп и рейхсюгендфюрер [132] Аксманн.

– Мне что, ехать в Берлин? Вообще, что тут происходит? – поинтересовался я.

– Нет-нет, оба господина ждут вас снаружи в машине.

– Тогда, может, они соблаговолят спуститься, я не могу покидать командный пункт.

Те двое явились.

– Хайль Гитлер, полковник! Фюрер отправил нас сюда, чтобы узнать, каково положение в Кюстрине. Есть ли опасность прорыва русских в Берлин?

– Господин фон Риббентроп, – я не стал величать его министром, потому что не любил его, как не любили все на фронте, называя «торговцем шампанским», – чтобы разузнать все поточнее, вам было бы лучше поехать дальше, к моим гренадерам и танкистам, которые там, на передовой, на западном берегу Одера. Там очень легко составить самое правильное представление об обстановке.

Фон Риббентроп тотчас же отклонил мое предложение:

– Это не понадобится, если вы поделитесь с нами своими соображениями на сей счет.

Тут его взгляд остановился на Дагмар, которая с интересом прислушивалась к нашему диалогу.

– Извините, я и не знал, что вспомогательному составу армии позволяют бывать так далеко на передовой. Вам не опасно находиться тут, мадам?

Не отвечая на вопрос, Дагмар протянула министру извещение из Заксенхаузена.

– Прочитайте это письмо, пожалуйста, господин фон Риббентроп. Именно из-за него я приехала из Берлина сюда к моему жениху, полковнику фон Люку.

Пробежав глазами текст, Риббентроп побелел и явно растерялся:

– Разумеется, я сожалею. Примите мои извинения, – произнес он и обратился ко мне: – У меня сложилось мнение, что обстановка здесь под Кюстрином прояснилась, прежде всего за счет усилий двух опытных танковых дивизий. Я доложу фюреру о благоприятных переменах. Хайль Гитлер!

С этим два визитера стремительно покинули помещение моего подвала.

Мы покачали головами и громко захохотали:

– Боже мой! До чего мы дошли? Министр иностранных дел лично приезжает на фронт за хорошими новостями для себя и Гитлера!

Глава 20 21-я танковая дивизия как «пожарная команда». Начало конца

Постепенно стемнело. Артиллеристы и пулеметчики с обеих сторон активизировались – обычные «пожелания спокойной ночи».

Я был рад погрузить Дагмар с ее велосипедом в грузовик, следовавший в Берлин. Мы помахали друг другу в последний раз – никто не знал, когда придется свидеться и придется ли вообще.

Вскоре после этого поступил «срочный» приказ немедленно уступить позиции нашим товарищам из 25-й танково-гренадерской дивизии. Нашей же дивизии предстояло ночью по шоссе и железной дороге передислоцироваться южнее в район Загана. Пока маршал Жуков застрял на Одере под Кюстрином и Франкфуртом, маршал Конев, командующий 1-м Украинским фронтом, то есть, можно считать, русской группой армий «Юг», перешел в наступление из Силезии, форсировал Одер и двинулся на запад, сокрушая слабую оборону.

Наше командование пыталось вычислить направление следующего броска: на запад к Дрездену – Лейпцигу? К Эльбе? Или на юг, в стратегически важный промышленный регион – в Моравию через Остраву и дальше в Чехословакию? Мне скоро пришлось убедиться в том, что русские командиры очень многому научились с тех времен, как я уехал из России в начале 1942 г.: стратегическое планирование наступлений находилось у них теперь на высоте, как и организация снабжения.

Пока мы находились на марше, начиная с раннего утра 10 февраля к нам в качестве нового дивизионного командира прибыл генерал-майор Вернер Маркс. Я немного знал его по Северной Африке, где он заслужил за храбрость Рыцарский крест, однако выбыл из строя по причине серьезной тропической болезни до начала 1944 г., а затем, уже как командир 1-й танковой дивизии в России, удостоился дубовых листьев. Затем он снова тяжело заболел. Меня не очень-то радовала перспектива служить под началом Маркса. Его считали человеком заносчивым, жестким и даже беспощадным в плане выполнения приказов.

Этими качествами он напоминал фельдмаршала Шёрнера, командующего группой армий «Центр», в зону ответственности которой мы передислоцировались. Шёрнер, как и Роммель, в Первую мировую войну удостоился «Пур-ле-Мерит» на Итальянском фронте. Поговаривали, что он всегда завидовал

карьере и популярности Роммеля. Похоже, он стремился сыскать высочайшей признательности путем исключительной жестокости и любой ценой добиться успеха. Шёрнер был печально знаменит проведениями так называемых «летучих трибуналов под бой барабанов». По приказу Гитлера он взялся искоренять в зародыше любые проявления или намеки на такие явления, как пораженчество, дезертирство, нежелание выполнять приказы или симуляция. Приговор был один – смертная казнь, и обжалованию он не подлежал. Напротив, специально отобранные военные судьи, сопровождавшие расстрельные команды, выносили смертные приговоры и немедленно приводили их в исполнение, даже не сообщая об этом командиру, не говоря уже о том, чтобы выслушать его мнение.

Через несколько недель и мне тоже пришлось столкнуться с одним из таких «летучих трибуналов под бой барабанов».

Я отправил одного из своих лучших фельдфебелей, неоднократно удостаивавшегося высоких наград командира противотанкового взвода, в тыловую мастерскую с двумя водителями, чтобы пригнать на передовую ремонтировавшиеся там тягачи. Я велел ему проделать все по-быстрому, так как нам были очень нужны эти машины. Он послал связного сказать мне, что прибудет на следующее утро. О том, что случилось потом, срывающимся голосом, в слезах рассказал мне водитель:

– Убедившись, что последнюю машину доделают ночью, мы сидели вместе в маленькой гостинице, ели свои пайки и говорили о будущем – о доме и о тому подобных вещах, о которых говорят солдаты. Вдруг дверь распахнулась и в помещение влетел штабной офицер с военными полицейскими: «Я главный военный судья и действую под непосредственным начальством фельдмаршала Шёрнера. Почему вы прохлаждаетесь тут, когда на фронте храбрые солдаты рискуют жизнью?»

Наш взводный ответил: «Командир моего полка, полковник фон Люк, приказал мне доставить на фронт бронетехнику, которая тут ремонтируется. Работу обещали закончить ночью. Утром мы сможем отправиться на передовую».

Военный судья: «Где у вас приказ?» Ответ: «Мой командир отдал мне его на словах». Судья: «Это нам известно, так говорят все, когда хотят выкрутиться. Именем фюрера и властью, данной мне командующим группой армий “Центр” фельдмаршалом Шёрнером, я приговариваю вас к расстрелу за доказанное дезертирство».

«Да это просто невозможно! – воскликнул наш взводный. – Я прошел всю войну на фронте. Посмотрите на мои награды».

Судья: «Однако теперь, когда стало особенно тяжело и

каждый человек нужен на передовой, вы решили увильнуть, так? Приговор будет приведен в исполнение».

И тут военная полиция схватила нашего взводного и расстреляла прямо в саду за гостиницей.

Водитель с трудом продолжал:

– Затем нам пришлось похоронить его под надзором военной полиции. – Дезертирам запрещено ставить кресты на могилах. – Потом судья исчез так же быстро, как и появился.

Несмотря на то что шел бой, я связался с дивизионным штабом, кипя яростью, доложил о невероятном событии. Потребовал назвать мне имя военного прокурора с тем, чтобы я мог выдвинуть против него обвинения.

– Это едва ли будет возможно, – ответил мне один из офицеров. – Наш дивизионный командир, генерал Маркс, полностью одобряет меры Шёрнера.

Я был сражен – до чего мы дошли!

– Боже правый, одного из моих лучших взводных командиров расстреляли ни за что ни про что, и никто не будет за это отвечать? Я представлю письменный рапорт и буду настаивать на том, чтобы военный судья был найден.

Ход событий на фронте и трагическая развязка не позволили добиться справедливого возмездия за чудовищное злодеяние. Мои ребята из ремонтной роты по меньшей мере смогли поставить крест на могиле с фамилией фельдфебеля и номером части. Я сообщил родителям, что их сын принял смерть солдата, «исполняя свой долг».

Конечно, имели место признаки разложения, особенно там, где русские прорывали оборону, и потоки отбившихся от своих частей солдат бежали куда глаза глядят, чтобы не попасть в плен, или же пытались найти свои подразделения. Обстановка оказывала громадное психологическое воздействие, особенно на стариков, призванных в фольксштурм, и на мальчишек по 14 или 15 лет, которых бросали на врага с противотанковыми гранатами или фаустпатронами. Никто из них не имел никакого опыта и никакого иного желания, кроме одного – спастись.

Повсюду, когда нашей дивизии, которая все еще продолжала оставаться единым целым, доводилось сталкиваться с отбившимися солдатами, мы принимали их в свои части и оказывали всевозможную поддержку. Мы тоже осуждали любую форму дезертирства, которая подрывала боевой дух личного состава. Однако тот, кто видел бегущее в панике гражданское население, кто слышал об изнасилованиях женщин или говорил с уцелевшими в бою солдатами из дивизий, которые часами проводили под артобстрелами, а потом уничтожались

атакующими русскими, проявлял больше гуманизма и понимания. В любом случае, выиграть войну с помощью летучих трибуналов было нельзя. Бесконечные лозунги и декларации, раздававшиеся из ставки Гитлера в бункере под Рейхсканцелярией в Берлине, звучали для нас на фронте как наглые насмешки.

12 февраля мотопехотные формирования дивизии двинулись по шоссе Берлин – Бреслау в направлении Загана в Нижней Силезии. Из-за нехватки топлива танки отправили эшелонами.

Утром того дня русские перешли в наступление на широком фронте и создали угрозу автомагистрали. Слабым частям танковой дивизии «Бранденбург» не удалось сдержать натиска. Утром 13 февраля я повел в контратаку свою боевую группу. Нам удалось очистить шоссе, но противник обошел нас с фланга. Во взаимодействии с подтянувшимися частями дивизии и наспех сколоченной боевой группой из состава 17-й танковой дивизии мы смогли на какое-то время удержать неприятеля. В последующие дни русские то и дело пытались охватить нас с флангов; даже наша дивизия распалась на небольшие боевые группы.

17 февраля русским удалось осуществить прорыв, отрезать формирования нашей дивизии и создать угрозу их уничтожения. В критической обстановке вновь продемонстрировали свою действенность товарищество, взаимовыручка и умение принимать решения исходя из ситуации.

Майор Ханнес Гриммингер, командир батальона в сестринском 192-м полку, увидел, в каком отчаянном положении мы оказались, и, не колеблясь ни минуты, бросился нам на помощь – атаковал вместе с оказавшимся под рукой разведывательным батальоном майора Брандта и несколькими танками. Маневр застал русских совершенно врасплох, и они отошли с большими потерями. Окруженные части удалось вызволить.

В марте Гриммингер получил под командование 192-й полк и вновь был ранен. 11 марта, во время краткосрочного пребывания в военном госпитале, ему вручили дубовые листья к Рыцарскому кресту, 21 марта он женился, а 16 апреля погиб, пробыв супругом менее месяца. Солдаты похоронили командира в парке при поместье Дребкау, службу по покойному отслужил наш дивизионный капеллан Тарнов. После войны останки Гриммингера перенесли на кладбище, расположенное в лесу под Хальбе, где еще 20 000 могил остались безмолвным монументом в память о безнадежной битве.

Несмотря на все усилия, невзирая на отчаянное положение

бегущего гражданского населения, мысль о неизбежной необходимости бросать которое на произвол судьбы разрывала нам сердца, мы более не могли удерживать район Загана. Слишком велик был для горстки сохранившихся как боевые части танковых дивизий риск угодить в окружение.

Из группы армий Шёрнера пришел приказ отступить за реку Нейсе, удерживать один или два береговых плацдарма (предмостных укрепления), чтобы сохранить возможность арьергардам, отбившимся солдатам и гражданским лицам продолжать отход на запад.

Нейсе течет с гор бывшей Судетской области через Гёрлиц на север и впадает в Одер к югу от Франкфурта. Линия по Одеру – Нейсе представляла собой последнюю естественную преграду перед Дрезденом, Эльбой и Берлином.

20 февраля измотанные боями солдаты перешли Нейсе севернее Гёрлица и срочно принялись окапываться.

От Гёрлица и до Губена – до места впадения Нейсе в Одер – остаткам немногих надежных танковых дивизий и отбившимся от своих частей солдатам из уничтоженных противником пехотных дивизий пришлось создавать рубеж обороны, центром которого послужили потрепанные формирования нашей дивизии.

Маршал Конев немедленно вышел на восточный берег Нейсе, однако тут остановился, и в дальнейшем велась только активная разведка боем да шли стычки за наши немногие береговые плацдармы. Как и маршал Жуков под Франкфуртом и Кюстрином, Конев, похоже, испытывал трудности с поступлением снабжения.

Положение на линии Одер – Нейсе оставалось без изменений до середины апреля.

В штаб-квартире дивизии меня коротко ввели в курс дела:

– Пока мы консолидировались на линии Одер – Нейсе, все прочие районы Силезии к востоку от Одера уже находились в руках русских. Они окружили крепость Бреслау (она продержалась до конца войны). Важные промышленные районы Верхней Силезии восточнее Гляйвица тоже занимали русские.

От Гёрлица наш фронт пролегал на восток, проходил через Лаубан и тянулся к Бреслау, затем поворачивал южнее в Ополе к Татрам. Оборона по этому фронту была слабая и едва ли могла выдержать решительное наступление на чешский промышленный район Моравии – на Остраву. А именно туда, судя по всему, и нацеливал свой удар маршал Конев.

15 марта 1945 г. 1-й Украинский фронт перешел в наступление из района Верхней Силезии к юго-западу от Гляйвица, что вынудило нашу группу армий откатываться к бывшей немецко-чехословацкой границе в горах, соединяя наш

фронт на западе с позициями по Нейсе у Гёрлица.

Битва за Лаубан [133]

В конце февраля Гитлер решил осуществить прорыв к крепости Бреслау путем развертывания крупного наступления из района Лаубана. Данная операция, как я услышал позднее, должна была послужить своего рода прелюдией запланированного командованием «весеннего наступления».

Если «операция Лаубан», как мы называли эту акцию между собой, еще имела какие-то шансы на успех, то снятие осады с Бреслау являлось самой настоящей утопией, ну а «весеннее наступление» – просто чистым безумием.

Гитлер и Главное командование Вермахта все еще жонглировали дивизиями, которых давно уже не существовало как таковых – несмотря на поступления последней техники и вливания пополнений, они все равно оставались недоукомплектованными и не могли надолго задержать располагавшего подавляющим численным превосходством неприятеля. Меня привело в ужас появление приданного мне в качестве пополнения «батальона язвенников», сколоченного из страдавших желудочными заболеваниями пациентов госпиталей и вообще всех, кто имел отсрочки по причине аналогичных болезней; часть сопровождала специальная рота «диетпитания». Не оставалось уже никаких сомнений, что на фронт в рамках ведения провозглашаемой Геббельсом «тотальной войны» с целью достижения «окончательной победы» бросались последние резервы.

Для битвы за Лаубан командование выделило два танковых корпуса – один восточнее и один западнее Лаубана [134] , которые вышли на позиции не замеченные не только противником, но и дислоцированными там же фольксгренадерами. Нельзя не отдать должного блестящей работе, проведенной Шёрнером и его штабом. В ночь с 1 на 2 марта 1945 г. мы атаковали. Я со своей боевой группой был придан левофланговому танковому корпусу [135] .

Русские оказались полностью застигнутыми врасплох этим массированным наступлением бронетехники при поддержке 8,8-см противотанковых орудий. В ходе тяжелых боев, которые продолжались до 9 марта, была отбита у противника важная железнодорожная ветка, Лаубан, а русские – отброшены далеко на север, потеряв при этом свыше 80 танков Т-34 и оставив нам 48 неповрежденных орудий. Только одна моя боевая группа записала на свой счет 25 танков; остальные – 17-я танковая дивизия [136] . Таким образом, основная задача операции была

выполнена, между тем планы снятия осады с Бреслау оставались иллюзорными ввиду значительного превосходства русских.

Битва за Лаубан была и остается последней крупной немецкой наступательной операцией в войне, успехом ее тут же воспользовалась пропаганда Геббельса.

То, что испытали мы в ходе этих боев, навсегда останется в нашей памяти. В отбитых у противника селениях мы сами стали свидетелями зверств русских, свирепствовавших тут последние недели. Невозможно забыть тех изнасилованных женщин, которые либо бросались к нам с криками и воплями, либо просто смотрели в никуда, безучастные ко всему. Ни старухи, ни девушки – фактически дети – не нашли пощады, все дома были разграблены, старики расстреляны.

Глядя на эти ужасы, мы задавались вопросом: была ли то месть за судьбы миллионов русских, в том числе и гражданских лиц, погибших за последние четыре года или угнанных на работы в Германию? Или же просто тут, как и на других завоеванных немецких территориях, вырвались на свободу никем не контролируемые инстинкты? Ответа мы не знали.

Чудовищные зверства произвели на нас удручающее впечатление, особенно на тех, кто пришел служить из восточных регионов. Но с другой стороны, это укрепляло нашу решимость отчаянно драться за каждый квадратный метр нашей земли и всем, чем только можно, помогать гражданскому населению, бегущему на запад.

После успеха под Лаубаном в середине марта Шёрнер вернул меня с моим штабом и оставшимися танками в состав нашей дивизии, дислоцировавшейся севернее Гёрлица на позициях по Нейсе [137] .

Здесь попал в переделку командир моего 2-го батальона. О подробностях случившегося с ним мне довелось узнать много позже.

История майора Вилли Курца

Пока Конев наносил мощные удары по нам в районе Герлица, стремясь отвлечь наши силы от запланированного им наступления через Нейсе, формирования моей дивизии то и дело переходили в контратаки, участие в которых принимал и мой 2-й батальон под началом майора Вилли Курца. В одной из таких операций Курц был ранен. Меня это особенно подкосило, потому что неоднократно удостаивавшийся высших наград Курц, начиная с первых дней вторжения в июне 1944 г., был всеми любимым командиром, с которым меня связывали узы дружбы.

Посетив его в мае 1986 г. в Массасауга, в провинции Торонто в Канаде, я впервые услышал его одиссею. Вот она.

– Помыкавшись по перевязочным пунктам, накатавшись в санитарных эшелонах, я с другими ранеными наконец обрел пристанище в военном госпитале в Лейтмерице в Судетах. 8 мая 1945 г., после начала чешского восстания, нас снова погрузили в вагоны. Тем временем Кригер – мой тогдашний адъютант (ремарка автора) – тоже оказался среди раненых. Мы ехали в направлении знаменитого водного курорта Карлсбад, где сходились границы «сфер влияния» русских и американцев.

Мы надеялись попасть к американцам. Однако американские офицеры, не желавшие ни в чем нарушать установленной демаркационной линии с русскими, приказали нам отправляться в Карлсбад – в русскую зону. Как видно, американцы не понимали, на какую участь обрекают нас.

В Карлсбаде царил полный хаос. На станции стояло три санитарных состава, а между ними – эшелон с боеприпасами. Внезапно в одном из вагонов санитарного поезда, прямо рядом с составом с боеприпасами, вспыхнул пожар. Ходячие раненые бросились тушить пламя и, к счастью, погасили его – русские просто наблюдали за происходившим и ничего не предпринимали. Было жутко жарко, при этом кончились бинты. Рядом со мной лежал шестнадцатилетний мальчишка с ампутированными ногами, повязки ему не меняли уже две недели. Парень из последних сил терпел боль и надеялся, что, может статься, удастся попасть «под защиту» американцев.

Медсестры спали среди нас по ночам с перевязанными головами, чтобы сойти за раненых солдат.

Мы держались один за всех, все за одного. Русские то и дело старались стащить с кого-нибудь сапоги, снять часы или отобрать какие-то другие личные вещи. Еды мы от русских не получали. Ходячие побирались – просили милостыню у гражданского

населения. Тут вдруг кому-то в голову пришла светлая мысль: один из докторов объяснил русскому коменданту, что в двух поездах начинается эпидемия. Что было делать коменданту? Русские запаниковали и отправили все три эшелона к американцам.

Слава богу, их комендант сумел понять нашу ложь во спасение. Тем не менее он объявил наши три состава «открытым госпиталем». Положение наше было очень шатким, поскольку вооруженный личный состав чешских «полувоенных» формирований сновал там и тут, горя решимостью мстить за оккупацию своей страны Гитлером. В итоге все закончилось хорошо. Через несколько дней прибыла колонна американских грузовиков, которая доставила нас в военный госпиталь в Франценбаде, прямо на границе с Германией. Здесь наконец получили помощь тяжелораненые. Меня спустя две недели перевели в Эгер, что рядом с Франценбадом, я оказался в переполненном лагере для военнопленных, в котором под открытым небом содержались 30 000 человек.

Через несколько дней вдруг по репродуктору передали: «Майор Вилли Курц – к воротам! – Появился джип военной полиции. – Пошли, майор, – приказали мне несколько бесцеремонно. – Нам приказано доставить вас на допрос. Садитесь!» – Я заволновался.

Перед зданием, где размещалось командование, стоял молодой офицер. «Проходите!» – сказал он. Я все еще оставался при наградах и знаках различия. Войдя в большое помещение, я увидел американских офицеров, выстроившихся в два длинных ряда, между которыми образовался проход. По нему меня подвели к огромному столу, за которым сидел генерал и несколько старших офицеров. Военный трибунал, как подумалось мне, но за что? Когда я подошел к столу, генерал и офицеры поднялись.

«Вы майор Вилли Курц из 21-й танковой дивизии?»

«Так точно». – Я по-прежнему не знал, что происходит.

«Вы служили в 125-м полку под начальством полковника фон Люка и участвовали в боях в Риттерсхоффене в Эльзасе?»

«Совершенно верно. Те четырнадцать суток стали для меня едва ли не самыми тяжелыми за все время на фронте». – Они что, собирались наказать меня за Риттерсхоффен?

«Я командир 79-й пехотной дивизии армии США, которая сражалась с вами в Риттерсхоффене [138] . Тут мой штаб, а вот там за вами мои офицеры, которые построились в вашу честь. От своего имени и от имени всех моих солдат и офицеров мне бы хотелось выразить уважение и высказать высокую оценку того,

как храбро вы сражались. Мы испытываем искреннее уважение к вам».

Я остолбенел, не зная, что сказать, и изо всех сил старался сдержать слезы: после тяжелых боев в Риттерсхоффене, после всех трудных месяцев и после раны теперь неприятель сделал в отношении меня столь широкий жест. Наконец я собрался с силами и ответил:

«Мне бы хотелось тоже выразить свое уважение к вам, генерал, и к вашей дивизии. Мы восхищались вашей храбростью и упорством, с которыми вы держали оборону в деревнях Хаттен и Риттерсхоффен, несмотря на то что ваши батальоны в течение нескольких суток находились в окружении. Особенно впечатлило нас то, как вы вышли из боевого соприкосновения – ночью, да так, что мы ничего не заметили. Когда вы ушли, мы все сошлись во мнениях, что в Риттерсхоффене не было ни победителей, ни побежденных. Утром после вашего отхода мой командир, полковник фон Люк, играл хорал на уцелевшем среди руин церкви органе, а мы, солдаты и вынесшие горькую ношу войны жители, плакали».

«Через несколько дней, – продолжал генерал, – я бы хотел встретиться с вами в присутствии моих офицеров и послушать о том, как вы, немцы, вели бои в Риттерсхоффене, обсудить ваши трудности и вашу тактику. Уверен, нам есть чему у вас поучиться».

– Я был поражен, – завершил Вилли Курц свою эпопею, – с каким интересом внимали американцы тому, что я рассказывал, и не только о боях с ними, но и о том, что происходило на фронте в России. Я провел с ними несколько дней и как раненый скоро получил свободу.

Только в 1988 г. мне довелось познакомиться с «Лотарингским крестом» – боевой хроникой 79-й пехотной дивизии [139] . Там я прочитал в том числе и такие слова: «Когда война в Европе закончилась, “Нью-Йорк таймс” процитировала “историю майора Курца”, изложенную в “Юнайтед-Пресс”».

В 1960 г. Курц отправился в Канаду по делам фирмы, связанным с приобретением древесины, потом жил несколько лет в Бразилии, после чего вернулся в Канаду, где и обрел свою вторую родину.

После разговора в его замечательном доме в Массасауга близ Торонто я в последний раз увиделся с ним в 1987 г., за несколько месяцев до его смерти от инфаркта.

Тогда же, в марте 1945 г., я радовался за майора Курца и капитана Кригера, для которых война уже кончилась, хотя мне и очень не хватало их с их мастерством и опытом.

Глава 21 Горький финал

В начале апреля становилось все очевиднее, что маршал Конев будет наступать напрямую через Нейсе, а не на юго-запад, как можно было предполагать.

Поэтому Шёрнер принял самостоятельное решение передислоцировать нашу 21-ю танковую дивизию и дивизию «Лейбштандарте» в район Штремберга и Котбуса, то есть на расстояние примерно в сто километров к югу от Берлина на опушку знаменитого своими озерцами леса Шпрее западнее Нейсе.

В ночь с 12 на 13 апреля наша дивизия в срочном порядке в воинских эшелонах отбыла на север. Ввиду подавляющего превосходства в воздухе русских передвигаться было возможно только ночью. Рано утром 15 апреля 21 состав прибыл в новый район сосредоточения; еще 6 находились на пути следования туда. Затем Гитлер распорядился перевести две вышеназванные дивизии в резерв армии.

Из перехватов мы знали, что 1-й Белорусский фронт Жукова насчитывает в своем составе семь армий на Одере в районе Кюстрина и две армии у г. Франкфурт-ан-дер-Одер, а 1-й Украинский фронт Конева – шесть армий против наших позиций на Нейсе. Примерное соотношение численности русских и немецких войск выглядело следующим образом: по пехоте – 6:1; по артиллерии – 10:1; по танкам – 20:1, по самолетам – 30:1, добавим еще, что немецкие дивизии утратили былой напор и боевую мощь.

Мы даже не успели сориентироваться на местности, когда 16 апреля русские перешли в гигантское по размаху наступление: с пяти утра противник открыл огонь из 40 000 орудийных стволов, одновременно и в районе Кюстрина, и на нашем рубеже по Нейсе. При поддержке штурмовой и бомбардировочной авиации русские танки ринулись вперед и с первого же удара прорвали наши позиции.

Затем события развивались очень быстро.

В ходе немедленной контратаки образовалась огромная брешь между нами и дивизией «Лейбштандарте» [140] . Тотчас же в проход устремились бронетанковые части противника, так что нашей дивизии пришлось отходить на север, где она оказалась в образовывавшемся «котле», в который угодило основное ядро 9-й армии генерала Буссе.

Под натиском атакующих наша дивизия раскололась на несколько частей. Артиллерийская группа откатилась на север и

очутилась неподалеку от самых пригородов Берлина. Она, действуя независимо в ближайшие несколько суток, пробилась в Берлин и таким образом избежала окружения. Сестринский 192-й полк сражался разделенным на утратившие взаимодействие между собой боевые группы. У меня так и не было контакта с ними до самого печального конца. Моя собственная боевая группа, усиленная последними танками под командой майора фон Готтберга, поначалу участвовала в тяжелых оборонительных боях на правом крыле, в той самой точке, где русские танковые армии стремились в брешь между нами и дивизией «Лейбштандарте».

Мы все еще не утратили связи с дивизионным штабом, однако вразумительных приказов оттуда уже не поступало – по-видимому, командование потеряло контроль над обстановкой. Чтобы не дать противнику выйти нам в тыл и уничтожить нас, я приказал южному крылу «отогнуться» назад фронтом на юг. Вечером 16 апреля мне еще удавалось удерживать свой рубеж обороны, ночью же интенсивность боевых действий несколько снизилась.

Поздно вечером мой офицер разведки вручил мне телефонную трубку:

– На проводе командир дивизии.

– Фон Люк слушает, – сказать что-либо еще я просто не успел, поскольку из трубки понеслись невнятные вопли. – Кто говорит? Я ничего не понимаю. Не орите так!

Вопли продолжались. Среди них я услышал упоминание о «военном трибунале».

– Я до сих пор не знаю, с кем говорю, нельзя ли немного успокоиться?

Готтберг, мой адъютант и дежурные офицеры уже хохотали.

– Говорит генерал Маркс, – послышалось наконец более спокойное. – Кто позволил вам разворачивать фронт?

– Русские и обстановка на моем правом крыле «позволили» мне откорректировать фронт. Будьте добры приехать и лично ознакомиться с обстановкой. Оценить ее со своего командного пункта вы не сможете.

Мы, командиры, прекрасно понимали, что принимать решения и спасать жизни своих солдат в нашей власти. Более ничего не добавив, Маркс повесил трубку.

Чтобы выяснить общее положение, относительно которого мы не получили из дивизии никаких сведений, я решил следующим утром отправиться в штаб.

Дивизионный командный пункт размешался в здании поместья. Войдя в зал, я увидел сидевшего за столом офицера

генерального штаба.

– Доброе утро, хотелось бы поговорить с командиром.

Грязный и небритый, я выглядел совершенно неуместно среди изысканной обстановки.

– Командир еще спит, – ответили мне. – Чем могу быть полезен, полковник?

– Ничем, – отозвался я, – после ора в трубку вчерашним вечером я настаиваю на возможности разговора с командиром. У меня нет времени, так что разбудите его.

Вне сомнения, разбуженный нашим разговором на повышенных тонах, дивизионный командир появился на лестнице… в ночной рубашке. Я видел, как он слегка пошатнулся. Первый офицер штаба сделал жест, смысл которого трудно было не понять – «чуть-чуть лишку коньяка». Меня просто поразило, что этот офицер высокого ранга – командир дивизии, обладатель высших наград – психологически совершенно «выпал» из ситуации.

– Господин генерал, я хотел бы лично выяснить хоть что-нибудь в отношении положения нашей дивизии и обстановки в целом. Кроме того, я должен попросить вас поехать со мной на передовую, чтобы вы сами составили мнение о том, как обстоят дела у наших людей.

– Обстановка совершенно неясная, – отозвался он, – а потому я должен остаться здесь, на своем командном пункте. Что же до вас, полковник фон Люк, я должен предупредить, что ваше дело сражаться там, где указано. Я не потерплю несанкционированных действий.

– Господин генерал, попрошу принять во внимание, что на данном последнем этапе войны я принимаю те решения, какие считаю нужным.

С этими словами я покинул сцену этого фантасмагорического для меня действа.

С безнадежным опозданием Гитлер санкционировал отвод сражавшихся на Одере частей, которые противник уже обошел на обоих флангах.

Приблизительно в 80 километрах к юго-востоку от Берлина, по линиям автомагистралей Берлин – Дрезден и Берлин – Франкфурт, образовался треугольный Хальбеский «котел». К вечеру 19 апреля 1945 г. основные силы 9-й армии, включая, к сожалению, и остатки 21-й дивизии, оттесненные противником на север, были почти полностью окружены.

После ранения Кригера в качестве адъютанта при мне остался Либескинд. Вечером, когда бои пошли на спад, мы сидели вымотанные на моем командном пункте, как вдруг по радио

зазвучала бравурная мелодия, выводимая голосом Геббельса. Из бункера Гитлера в центре Берлина до нас донеслось:

– В преддверии дня рождения нашего любимого фюрера я обращаюсь к немецкому народу и к нашим храбрым солдатам: верьте в свою добрую звезду, верьте в Бога и следуйте за нашим любимым фюрером в трудный час.

Коснувшись темы смерти Рузвельта, Геббельс напомнил о «всевластии судьбы» и провел параллель между Гитлером и Фридрихом Великим.

Уже в следующие дни поползли слухи, как казалось, распускаемые намеренно, о том, что западные союзники порвали с Советским Союзом.

Передали одно из заявлений Гитлера, которое он будто бы уже сделал по радио: «…Я принимаю ответственность за все» и «…если немецкий народ не способен добиться победы, у него нет права на существование».

Вот это было уже слишком. Отовсюду раздались возгласы:

– Выключите эту дрянь!

– Что проку нам, нашим семьям и нашим разрушенным городам в том, что Гитлер принимает ответственность за все, если сделать этого все равно никто не может?

Мы были тут, у ворот Берлина, зная, что только чудо могло спасти нас от смерти или плена.

20 апреля доложили о том, что около 360 русских танков и вдвое большее количество грузовиков проследовало у нас за спиной в северном направлении, то есть к Берлину. С юга русские танки пробовали на прочность мой правый фланг. На протяжении нескольких следующих суток русские обрушились на нас со всей яростью и вновь заставили меня отводить части, выравнивая фронт.

Гитлер, похоже, не собирался сдаваться. Нам сообщили, что вновь созданная «Армия Венка» [141] больше не будет преграждать американцам продвижение на Берлин, а станет пробиваться к столице, чтобы спасти ее и вместе с вырывающейся из окружения 9-й армией генерала Буссе остановить русских. От Венка, которому предстояло наступать на Берлин из района Магдебурга на Эльбе, нас отделяло свыше ста километров.

Как арьергард дивизии, мы медленно отступали на север и 25 апреля вышли в район Хальбе – города, которому была уготована грустная участь дать свое имя Хальбескому «котлу».

Неожиданно меня вызвали прямо к генералу Буссе, где отдали приказ:

– Этим же вечером в 20.00 вы атакуете силами своей боевой группы и всей наличествующей бронетехникой, которая будет вам

придана, в западном направлении через шоссе Дрезден – Берлин, в тыл 1-му Украинскому фронту, наступающему на Берлин, с целью выйти в район Люкенвальде на шоссе Берлин – Лейпциг. Участок прорыва держать открытым, чтобы обеспечить отход на запад пеших формирований 9-й армии, которые последуют за вами. Всю не подходящую для операции технику уничтожить, горючее перекачать в баки боевой техники. Гражданское население не информировать – тысячи беженцев осложнят операцию.

К 19.00 к моему командному пункту действительно подтянулись танки и САУ, в основном маленькие «Хетцеры» [142] . Разумеется, приготовления наши не прошли незамеченными. С наступлением темноты сотни гражданских лиц собрались в селении, нагрузив на телеги свои нехитрые пожитки. Я не сделал и шагу, чтобы заставить этих детей и женщин остаться. Я просто не мог – не был в силах потребовать этого, несмотря на тяжелейшие предчувствия и осознание того, что они серьезно рискуют попасть под огонь.

В 20.00 25 апреля я выступил со своей боевой группой. Слава богу, у нас хоть карты были. Первой целью служил Барут, расположенный на важной железнодорожной ветке Дрезден – Берлин. Нам пришлось продираться через обширный лесной массив, очень мало пригодный для продвижения, идти тропами и просеками, к тому же ночью.

Между тем поначалу мы хорошо продвинулись. По находившемуся неподалеку шоссе Дрезден – Берлин туда-сюда сновали русские снабженцы. Мы тотчас же перекрыли дорогу на юг и на север. На каждой остановке гражданские, следовавшие за нами пешком, подтягивались и тихо ждали, пока мы вновь тронемся в путь. Около полуночи мы приблизились к селению Барут, где находилась важная станция железной дороги, параллельно которой далее за Барутом пролегала автодорога. Когда мы осторожно выбрались из леса, по нам вдруг сосредоточенным огнем ударили противотанковые пушки и пулеметы. Хотя мы действовали в глубоком тылу наступавших на Берлин русских, маршал Конев, как видно, позаботился о том, чтобы прикрыть свой длинный обнаженный правый фланг. Разыгралась ожесточенная танковая дуэль. Мы обнаружили, что имеем дело с танками «Сталин» [143] , превосходившими наши броней и вооружением, а кроме того, вкопанными в землю, что существенно осложняло их поражение.

Я решил перегруппироваться, обойти населенный пункт с севера, а потом, пока не рассвело, бросить на противника гренадеров. Я послал сообщение в 9-ю армию, уведомив

командование, что мы столкнулись с серьезным противодействием, которое я, однако, надеюсь преодолеть и продолжить прорыв на запад.

Мне стало ясно, что задача для нас облегчится, если овладеть центром Барута. Мы не могли позволить себе втягиваться в продолжительные бои. У меня не было лишних боеприпасов, а горючего хватило бы только до Эльбы. Более того, каждый лишний час, проведенный нами на занятых позициях без движения, означал усиление обороны русских, которая оказалась весьма гибкой.

Поэтому я попросил у армии разрешения на немедленную атаку, на что получил отказ:

– Вы должны ждать, когда из окружения смогут выбраться другие части.

Приходилось ждать. Тут в темноте подкатил PzKpfw V «пантера». Из башни на броню, а оттуда на землю спрыгнул офицер СС. Когда он подошел ко мне, я узнал своего товарища и однокашника Рюдигера Пипкорна.

– Боже мой, Рюдигер, что ты тут делаешь? Почему на тебе эсэсовская форма?

– Люк! Ну надо же, как довелось встретиться после стольких лет! Как офицера генштаба, меня без спроса перевели из армии в СС, так что теперь я командую 35-й полицейской дивизией. Мне дали приказ прорваться к югу от тебя, но не получилось. У меня есть несколько «пантер». Расскажешь, что тут происходит?

Я обрисовал Пипкорну картину, сказал о приказе из 9-й армии сидеть на месте и ждать.

– Что за чушь! – воскликнул Пипкорн. – Русские уже закрыли за нами дверь. Так что мы окружены. Что ты намерен предпринять?

– Я хочу атаковать Барут с севера и уничтожить русскую оборону прежде, чем туда подойдут подкрепления. Предлагаю тебе, Рюдигер, обеспечить мне своими «пантерами» прикрытие и по возможности глубже продвинуться в населенный пункт.

– Отличная идея, Люк, так мы и сделаем, а потом просто рванем на запад. Первым делом надо посмотреть, как там дела на окраине Барута.

– Очень прошу, не делай этого или, если хочешь, прокрадись пешком и тихо. Там вкопанные танки «Сталин» – только башни торчат. Очень опасная штука.

Пипкорн меня не послушался, залез на свой танк и выехал из леса. Буквально через несколько минут заговорили танковые пушки, и машина Пипкорна вернулась. На броне лежало мертвое тело моего друга Рюдигера, который погиб в тот момент, когда до

конца осталось совсем немного.

Тем временем мы перегруппировались для атаки на Барут с севера. Танки СС перешли под мое командование. Рванувшись вперед, мы попали под сильный огонь – на сей раз била еще и русская артиллерия. Снаряды взрывались среди деревьев, и осколки убивали сотни гражданских, живые – особенно раненые – метались и кричали. Мне пришлось забыть о них – выбора не оставалось.

В течение нескольких часов мы вели ожесточенные перестрелки, однако все попытки сделать маневр на север не давали результата – русские уже подтянули значительные подкрепления. И вот наступил момент, когда кончились боеприпасы – нам не позволили взять с собой грузовики со снарядами и патронами. Горючее тоже кончалось. Мне приходилось что-то решать. Незадолго до рассвета я собрал командиров частей.

– Послушайте, мы отрезаны в тылу у противника. Боеприпасов почти нет, горючего тоже в обрез. Поэтому я освобождаю всех вас и каждого из-под своего командования. Все оставшееся топливо перекачать из бронемашин в танки. Пусть в темноте попытаются прорваться на запад малыми отрядами с гренадерами на броне. Наш полковой врач останется тут с ранеными, включая и гражданских. Сам я с моим адъютантом, дежурным офицером и вестовым возвращаюсь в «котел», чтобы доложить командованию армии и помочь в проведении операций. Спасибо вам, и да поможет вам Бог.

По лицам каждого я видел, сколь тягостный момент наступил для них, но также и то, что они понимают мое решение. Я не желал, чтобы меня считали трусом или дезертиром, подобного я бы себе не простил. Командиры частей стали прощаться друг с другом, а мы, подхватив автоматы, своим ходом двинулись обратно в «котел».

Как стало мне известно многие-многие годы спустя, нескольким небольшим группам действительно удалось вырваться, выйти к Эльбе и сдаться американцам. Основная же часть солдат и офицеров закончила свои дни в русском плену. Что же до женщин и детей, об их судьбе я так никогда ничего и не узнал.

Пройдя несколько километров на восток лесом, наша маленькая группа – было уже 26 апреля – пришла к решению передвигаться только ночью, а днем отсиживаться. Ни еды, ни питья у нас практически не было – в суматохе последних часов мы просто забыли об этом. То там, то тут мы слышали отдаленный лай пулеметов, а восточнее – рокот техники. Переходя широкую дорогу в лесу, мы буквально в сотне метров от

себя увидели остановившуюся колонну русских грузовиков. Русские переговаривались в темноте, похоже, они собирались остановиться тут на привал. Мы тенями проскользнули через дорогу. Нас не заметили. Уже скоро мы должны были бы выбраться на шоссе – последнее препятствие. Однако стало светать, и нам пришлось прятаться. Мы притаились за кустами и вдруг услышали голоса приближавшихся русских. К нашему ужасу, они, как видно, решили прочесать местность вокруг и направлялись прямо к нам.

– Надо скорее убираться отсюда, – зашептали мы друг другу.

– Вон там, метрах в 70–80, густой подлесок. Нужно попробовать добежать туда и скрыться в кустах.

Нестройная цепь русских угрожающее приближалась.

– Пошли! – прошептал я. Мы рванулись вперед и быстро добежали до подлеска. Русские нас заметили и с криками «Давай! Давай! Лови их!» помчались за нами. Некоторые стреляли на бегу, но не попадали. К нашему отчаянию, подлесок оказался неширокой полосой всего в несколько метров, за которой внезапно возникло озеро. Конец. Все. Теперь бежать некуда.

– Оружие – в воду! – крикнул я остальным.

Окруженные русскими солдатами с автоматами на изготовку, мы не имели шанса на спасение. Итак, это случилось – случилось утром 27 апреля 1945 г. Мы медленно подняли руки.

Глава 22 Начало плена

Вот оно и случилось – то, чего я хотел бы меньше всего на свете. После четырех с половиной лет, проведенных почти на всех фронтах, война закончилась для меня на русском. С самой союзнической высадки в Нормандии мы все знали, что конец неизбежен. Однако мы надеялись, что если уж будет плен, то хотя бы у западных союзников, со стороны которых мы могли рассчитывать на соблюдение норм Женевской конвенции. Геббельсовская пропаганда против «недочеловеков» и слухи о зверствах русских солдат заставляли нас готовиться к худшему. Все мы знали, что творили СС в Советском Союзе.

Что чувствует солдат, попадая в плен? Прежде всего то, что для него война закончена, а значит, опасность погибнуть или быть искалеченным позади.

Затем он с беспокойством спрашивает себя: куда его отправят? Как будут с ним обращаться? Не станут ли пытать? Не расстреляют ли ни с того ни с сего? Он пытается обуздать растущий страх и показать храбрость, и главное – отогнать мысли о том, что ему пришлось сражаться в безнадежной войне, и размышления о собственной судьбе на ближайшие месяцы, а то и годы.

На протяжении всей моей жизни военного наиболее важным для меня было не показать страха, а значит, и слабости, продемонстрировать в трудную минуту выдержку и самоуважение, которыми мы так восхищались, наблюдая у военнопленных из союзнических войск.

И вот мы стояли с поднятыми руками, а со всех сторон нас обступали русские с готовыми к стрельбе автоматами. К своему ужасному разочарованию, я видел перед собой сплошь одних монголоидов. В их узких глазах горела ненависть, любопытство и алчность. И вот как раз тогда, когда они попытались сорвать с меня Рыцарский крест и часы, появился молодой офицер:

– А ну, не трогать его! Он герой – заслуживает уважения.

Я посмотрел на него и, удивленный неожиданной реакцией, произнес по-русски:

– Спасибо.

Этот достойный русский офицер тотчас же отправил нас на ближайший полковой командный пункт, где передал полковнику – командиру части из состава танкового корпуса. Моего адъютанта и вестового поместили отдельно, а меня отвели в дом фермера. Полковник был приятно поражен – мои скромные знания русского позволяли мне отвечать на его вопросы.

– Вижу, что вы, как и я, полковник. В какой части служили? Где воевали в последние недели?

Как выяснилось, я попал в тот самый танковый полк, который понес большой урон от наших действий под Лаубаном. Дородный мужик, на первый взгляд грубый и жесткий, хлопнул себя по бедрам и рассмеялся.

– Только посмотрите! – воскликнул он. – Есть же справедливость! Есть Бог на свете! Вы жгли мои танки, заставили нас отступать, а теперь вот угодили к нам в плен.

Он достал бутылку водки и два граненых стакана, которые по-русски наполнил до краев – каждому полагалось осушить свой сразу до дна.

Поинтересовавшись, где мой адъютант и вестовой, я услышал поразивший меня ответ.

– Они оба с моими людьми соответствующего звания, – сказал он. – У нас в русской армии четыре категории: генералы и полковники, штабные офицеры, старшие полевые офицеры и лейтенанты, ну и остальные. Так что не волнуйтесь. С вашими все в порядке.

Кстати, соответствие той или иной из вышеприведенных градаций напрямую связывалось с качеством полагавшегося военнослужащему пищевого довольствия. Мне вдруг пришло в голову, что подобные схемы как-то не вяжутся с идеями коммунизма. Так или иначе, подобного рода социальное дифференцирование было совершенно незнакомо немецкой армии.

В середине нашего разговора мы внезапно услышали стрельбу. Полковник вскочил и обратился ко мне:

– Дайте слово, что не выйдете из этой комнаты, пока я не вернусь. Я вам доверяю.

С этим он выскочил на улицу.

Я выглянул в окно и увидел, что из расположенного невдалеке леса пытается прорваться отряд из моей механизированной разведки из состава нашей дивизии. Русский полковник выхватил пистолет и помчался к своим танкам. Он погнал танкистов в атаку, размахивая пистолетом и что-то яростно крича. В итоге попытку прорыва они отразили. Он вернулся, бормоча ругательства:

– Все еще боятся вас, сукины дети!

Ночью я оставался у полковника, находясь под охраной усталого солдата, которого угостил папиросой из тех, что дал мне полковник.

Мои мысли стали обретать форму. Поведение молодого лейтенанта и этого полковника плохо вписывалось в образы

русских, как мы их себе представляли. Конечно, зверства, чинимые массами, вторгшимися в Германию, были неоспоримым фактом и превосходили все пределы воображения, однако если вспомнить о том, сколько людей погибло у русских, включая и гражданское население, о том, как обращались с русскими пленными в Германии и в районах, опустошенных нами, становятся вполне понятными причины ненависти к нам, умело разжигаемой и подогреваемой советской пропагандой и соответственно находящей выход в злодеяниях. Однако на примере личных контактов, как опять же и в данном случае, можно было сделать вывод, что солдат во всем мире объединяет нечто общее: они или выбрали профессию военных, или же их призвали защищать родину. Они уважают противника, который делает то же самое, что и они, а именно – выполняет свой долг.

Войны начинают политики – вот кто истинные милитаристы.

Поведение русских офицеров давало некоторую надежду на будущее. Несмотря на все горести и невзгоды, которые предстояло вынести нам в ближайшие годы, я не могу не признать и готов повторять снова и снова, что офицеры и многие простые солдаты вели себя так, как этот полковник, особенно с ослаблением давления пропаганды по окончании войны.

На следующее утро русский полковник пришел сообщить мне – слава богу, без водки, – что должен отправить меня во временный лагерь. На прощание он протянул мне руку, а затем передал одному из подчиненных.

Так мы выступили в путь, продлившийся три дня. Новые пленные то и дело пополняли нашу постоянно растущую колонну. Охраняли нас русские солдаты из частей, специально предназначенных для подобных задач. По ночам нас обычно размещали в брошенных деревнях, кучно, чтобы легче было охранять. На вторые сутки марша мы оказались в лесистой местности, которая показалась мне идеально подходящей для побега. От Эльбы нас отделяло всего километров тридцать, а там должны были стоять британцы или американцы. К сожалению, в тот самый день, ввиду моего звания и знания русского, меня назначили немецким комендантом военнопленных, и мне теперь приходилось постоянно идти во главе колонны с русским командиром.

Раз-другой мне удавалось отвлечь наших стражей, так что около дюжины пленных смогло ускользнуть в заросли и, как мы надеялись, добраться до Эльбы. К сожалению, мы не знали о том, что существовала строго установленная квота по количеству пленных. Когда на следующем привале охрана недосчиталась нескольких человек, они пригрозили мне расстрелом, если будут

еще побеги, но что еще хуже, нахватали в ближайших деревнях гражданских и поставили в строй, чтобы восполнить недостачу – уравнять количество. Теперь гражданским предстояло разделить нашу судьбу. Я сказал об этом колонне, чтобы предотвратить дальнейшие побеги.

Физическое состояние некоторых пленных стало вызывать озабоченность. В конце концов я убедил русского командира реквизировать две телеги с упряжными лошадьми, на которые мы и посадили наиболее ослабленных.

Через несколько дней мы пришли в Хойерсверду, около Дрездена, там находился наш сборный лагерь, уже переполненный – в нем своей участи ожидали около 10 000 пленных. Вновь меня назначили комендантом, что означало поддержание постоянных контактов с русским командиром и установление дисциплины внутри лагеря – непростая задача, учитывая отчаянное состояние многих пленных. Многие пытались сопротивляться, огрызаясь ремарками вроде следующих: «Довольно приказов! Тут все равны. Офицеры больше не командуют». Тогда как основная масса фронтовиков вела себя образцово, иные солдаты, которые принимали участие в войне только в тыловых частях, бывало устраивали отвратительные сцены. Таким людям было труднее свыкнуться со своим новым положением.

В лагере доминировали проблемы сегодняшнего дня, отвлекавшие от размышлений о будущем.

С кормежкой дело обстояло просто катастрофически. Давали похлебку из ячменя или рыбной муки – подобным пойлом обычно кормили свиней. Норма хлеба составляла 300 граммов.

Мне часто приходилось отправляться в окружающие селения и на склады с русским офицером, чтобы раздобыть там пищевое довольствие на несколько суток вперед. В один из таких дней я заметил в углу продовольственной лавки мешки с сырым кофе и спросил, нельзя ли нам взять зеленых зерен. Он не возражал. В общем, мы привезли в лагерь несколько мешков «Колумбии». По прибытии русский офицер решил попробовать зерна. Они бросили зерна вариться, но после долгой варки они так и остались твердыми, как орехи, тогда один из русских сказал:

– Темный вы народ, немцы, раз едите эти горькие горошины.

Таким образом, русские от кофе отказались, и я приказал нашему повару, немцу, сделать в следующее воскресенье по чашке настоящего кофе для каждого военнопленного в лагере. Можете представить себе, как радовались все его обитатели.

Через несколько дней мы узнали, что начинает поступать транспорт для нашей отправки в Россию. Русский врач в лагере –

добродушный пожилой человек, для которого все на свете вращалось вокруг спиртсодержащих жидкостей, – сказал мне, что в Россию поедут только здоровые пленные – годные для физической работы. Всего имелось четыре категории, причем 4-я категория означала «негоден для работы».

Всем пленным надлежало пройти обследование у русского лагерного врача и его помощников, те, кому присвоили 4-ю категорию, отправлялись домой. В процессе отбора мне, путем применения нехитрого трюка, удалось устроить 4-ю категорию нескольким молодым людям в возрасте пятнадцати лет, которых бросили в «последнюю битву» просто с одним панцерфаустом в руках, а также нескольким солдатам из моей части. Я заставил их четырежды обежать вокруг бараков, потом велел делать интенсивные приседания. Доктор же, послушав их, отметил быстрое или отрывистое сердцебиение и присвоил им 4-ю категорию. На одном из медицинских складов мне удалось стащить бутылку чистого спирта, которую врач и получил в презент от меня за то, что «заботился о нас».

Естественно, через освобождающихся мы попытались подать весточку нашим близким дома. Поскольку записывать что-либо и передавать какие-то письма строго запрещалось, единственное, что оставалось, – заучить адреса и фамилии. Мой посланец не смог выполнить задания, так что ни мать, ни Дагмар, ни друзья не знали, жив я еще или нет.

Эшелоны из лагеря уходили на Восток чуть ли не каждый день, и в нем становилось все просторнее. Последними увозили офицеров, соответственно, и я покидал наше временное пристанище среди них.

Человек 60 нас запихали в переоборудованный вагон для скота и заперли на засов. Слева и справа тянулись ряды двухъярусных деревянных нар, спать на которых мы могли поочередно. В середине находилась дыра, предназначенная для отправления естественных надобностей. Небольшие отверстия давали немного света, но смотреть через них было невозможно. Дверь всегда закрывалась и открывалась только трижды в день на раздачу водянистой похлебки. В остальном мы были полностью предоставлены себе самим. Когда дверь открывалась, охранники – обычно хмурые и недружелюбные – всегда стояли с автоматами наготове. Даже в таких условиях, как видно, они все еще опасались попыток побега. В действительности же только один человек попытался уйти через отверстие туалета. Добрался ли он домой, я не знаю, но сильно сомневаюсь. Слишком уж хорошо работала система контроля в гигантской советской империи, к тому же граждане ее были «бдительными» и готовыми донести.

Проходили дни, тянулись недели. Мы даже не знали, где находится пункт нашего назначения. Просто ехали и ехали все дальше на восток. На одной из остановок мы услышали слово «Брест-Литовск», что означало: мы прибыли на границу между Польшей и Россией. Здесь нас перевели в русские 18-тонные вагоны, каждый из которых вмещал 48 человек. Перед этим вновь провели медкомиссию и многих оставили как негодных для работ. Вдруг мы услышали голоса немцев:

– Камераден, мы едем домой. Попали в плен под Сталинградом и теперь возвращаемся из лагеря в Сибири. Напишите нам адреса и бросьте. Мы сообщим вашим семьям.

Однако прежде чем мы успели последовать их совету, охранники прогнали наших добровольных помощников.

Путешествие продолжалось. Мы же по-прежнему оставались в полном неведении относительно конечной цели путешествия. Мы оказались в совершенно новой для себя ситуации и, как могли, пытались организоваться. Одни старались поддерживать форму, делая физические упражнения, другие, безучастные ко всему, молча лежали на нарах. Из-за моего звания, но прежде всего из-за знания русского, меня выбрали старшим. Чтобы оживить монотонные будни, по крайней мере немного рассеяться, каждый рассказывал что-то из своей жизни. Среди нас находился ставший позднее моим другом Харальд (или Халли) Момм, знаменитый немецкий наездник и призер дерби. Из-за «пораженческих» высказываний в адрес Гитлера его разжаловали из полковников в лейтенанты и отправили в печально известную «бригаду Дирлевангера» [144] . Он рассказал нам о встречах с видным фигурами из окружения Гитлера.

Чем дольше продолжалось путешествие – а мы находились в пути уже больше четырех недель, – тем больше привыкали мы к постоянно повторяющейся ежедневной рутине. Надо ли сомневаться, что речи наши непременно сводились к тому, почему мы были обречены рано или поздно проиграть эту войну. Некоторые, в основном старшие, винили Гитлера, который напал на Польшу и, воодушевленный блицкригами там и во Франции, решил первым делом разделаться с Россией, а потом диктовать условия Британии. Мы осуждали неспособность немецких генералов поставить его на место. Мы осознали, что Гитлер бессовестным образом воспользовался нашей «верностью присяге».

Другие, в основном молодежь, не могли или не хотели уразуметь того, что национал-социализм изжил себя. Они видели причину поражения в материальном превосходстве противника и тоже винили немецких генералов, но за то, что те не оказали

должной поддержки идеям Гитлера и даже нанесли «удар в спину» своей попыткой уничтожить его 20 июля 1944 г. Но чем дольше длился плен, тем больше и больше проникались они осознанием того, сколь губительными были для Германии последствия политики так называемого «Третьего рейха».

Никто, однако, не подвергал сомнению того, что немецкие солдаты сражались храбро и старались, даже в безнадежном положении, сделать все, чтобы защитить свой дом и свою семью. Сознание этого определяло поведение простых фронтовиков на протяжении многих лет неволи и вызывало уважение со стороны русских охранников и офицеров.

Уже по дороге отмечались первые смерти от недоедания и от отчаяния. Мы своими глазами видели, как охранники сбрасывали тела в грузовики на следующей же остановке. Никто и никогда не найдет могилы этих несчастных.

День за днем и ночь за ночью мы ехали через бескрайние степи, и только на остановках для раздачи пищи мы могли по положению солнца определить, что двигаемся в юго-восточном направлении, то есть не в Сибирь. Вдруг – после пяти недель пути, на протяжении которых мы ни разу не выходили из теплушки, – мы надолго остановились. Если верить тем, кто знал местность – случилось воевать в тех краях, – мы должны были находиться в районе Крыма, недалеко от Азовского моря. Тут нам приказали построиться для дезинфекции.

Вагон за вагоном мы отправлялись избавляться от вшей. Русские смертельно боялись эпидемий, а потому не только пленных, но и русских солдат брили наголо, а дома подвергали постоянной дезинфекции изнутри и белили известкой снаружи. Борьба со вшами представляла собой малоприятную процедуру, однако, несомненно, вносила разнообразие в долгое утомительное путешествие. Нашу одежду и немногие личные вещи, оставшиеся после всех переделок, мы оставляли в отдельном помещении, а сами голые отправлялись на процедуру. Иметь возможность помыться было чем-то вроде дара с небес. Однако затем нам приходилось искать свою одежду в огромных кучах тряпья.

На протяжении всего процесса дезинфекции наши вагоны и само здание пункта окружали русские солдаты с автоматами, по лицам охранников мы видели, что они, очевидно, опасаются нас. Это было – и остается по сей день – весьма примечательным фактом. Более тысячи тощих, измотанных военнопленных, для которых попытка побега равнялась самоубийству, все еще представлялись русским источником потенциальной угрозы. Страх – особенно перед немцами – глубоко укоренился в русских,

им, как не раз приходилось мне убеждаться за годы плена, проникнуты все общественные группы. Никакие попытки разубедить людей не имели смысла.

Обратно в теплушку. Путешествие продолжается.

Короткая передышка пошла нам на пользу. Хотя стоял октябрь, температура медленно поднималась. Совершенно очевидно, мы находились далеко на юге. Мы страдали от жажды, однако водный рацион был постоянно ограниченным.

Состав поднимался в горы – воздух делался все разреженнее. По видимости, мы проезжали через Предэльбрусье. Позади остались горы Кавказа. И вот, наконец, после 35 суток пути в закупоренном железнодорожном вагоне мы прибыли в пункт назначения – в маленький городок на южных склонах Эльбруса. Наше путешествие продолжалось с 15 сентября по последнюю декаду октября – всего 35 бесконечных дней. Только дважды мы пересаживались: в первый раз в Рустави для санобработки, а второй – в Кутаиси, где перешли в угольные вагоны на 100 стоячих мест каждый, чтобы добраться до Ткибули.

Глава 23 Угольные шахты Кавказа

Кавказские горы, что с одного из местных наречий переводится как «заснеженные», служат своего рода барьером между Северным Кавказом и южнокавказскими равнинными районами с субтропическим климатом. Самый высокий пик – Эльбрус, высота 5629 м [145] . Через южные предгорья пролегает старинная военная и караванная дорога в Персию и в Турцию. На юге долина протяженностью 1300 километров закрыта горами, которые поднимаются дальше ближе к Турции и Персии; самая высокая точка – гора Арарат. Жители Кавказа (грузины, армяне и азербайджанцы) с древних времен считались народами свободолюбивыми. В этих краях, если верить мифам, был прикован к скале Прометей, а Ясон посетил их, чтобы найти золотое руно.

В четвертом веке от Рождества Христова многие народы приняли христианство, а около 800 г. началось распространение ислама. В двенадцатом веке при царе Давиде II Грузия достигла вершин процветания, государь перенес столицу в Тифлис (Тбилиси). Наследницу его, царицу Тамару [146] , чтят и по сей день. Позднее Грузия подверглась разгрому, и властители ее стали данниками монголов. В пятнадцатом веке, под натиском турков и персов, царство практически прекратило свое существование. В поисках спасения взоры правителей обратились на север. Русские с радостью заключили «соглашение о дружбе» с грузинами. Екатерине II не была чужда старинная мечта России – открыть путь в Индию. В 1801 г. Александр I, невзирая ни на какие соглашения, включил Грузию в состав Российской империи. Государственным языком сделал русский.

Восстания кавказских народов были жестоко подавлены примерно к 1860 г. Тем, кто не хотел покориться, пришлось уходить в самые суровые горные районы. После Октябрьской революции 1917 г. Кавказ был подчинен большевиками, и государства его влились в состав Союза Советских Социалистических Республик. Не может не вызывать невольных ассоциаций происходящее сегодня в Афганистане, где свободолюбивые народы пытаются избежать той же незавидной участи.

Из-за благоприятного климата и источников минеральных вод Южный Кавказ еще в царские времена считался привлекательным местом отдыха. Пушкин, Лермонтов и Толстой побывали там каждый в свое время, отразив в своем творчестве тему борьбы кавказских народов за независимость. Посвятил им

книгу и Александр Дюма.

Атмосфера – восточная. В отличие от русских женщин, одетых в одинаковые телогрейки, часто вынужденных выполнять тяжелую работу наравне с мужчинами, породистые девушки Кавказа обычно очень миловидны, любят красивую одежду и умеют со вкусом одеваться. У многих из них на мизинцах были длинные ногти, что, как нам объяснили, являлось признаком того, что они не делают физической работы.

На равнинной территории росли тропические фрукты, выращивался чай. На склонах Эльбруса произрастают леса, богатые ценной древесиной. Вкуснейшую землянику тут даже не собирают. Что же касается культуры и искусства, после Москвы и Ленинграда опера в Тифлисе занимает по стране третье место.

Невзирая на все невзгоды, выпавшие на долю населения региона, в начале двадцатого века на Кавказе начался быстрый рост экономики и торговли, связанный с открытием запасов нефти в Каспийском море, а также разработкой угольных месторождений и залежей полезных ископаемых в районе Ткибули. При большевиках, однако, счастливые времена закончились.

Во время Первой мировой войны грузины совершили последнюю попытку освободиться и отдали свои территории под протекторат Германии. При содействии союзника Германии, Турции, немецкому генералу фон Кressу удалось снискать расположение грузин, которое мы, военнопленные, ощущали на себе даже спустя 30 лет.

В 1918 г. Германия проиграла войну, а «Грузинский протекторат» отошел британцам, которые стремились предотвратить расширение Россией сфер влияния дальше на юг, что создавало угрозу их доминиону в Индии. Они даже вынудили Россию, ослабленную хаосом революции, признать независимость Грузии, Армении и Азербайджана.

Только в 1921 г. русские смогли вновь вступить на землю Южного Кавказа и остаться там на сей раз надолго. Трагедия истории в том, что именно грузин, Иосиф Сталин, закрепил положение кавказских народов как неотъемлемой части Советской империи. Сталин служил народным комиссаром по вопросам национальностей в Москве и таким образом занимался устройством судьбы в том числе и своего народа.

Еще в 1947 г. рядом с нами в угольных шахтах работали грузины, отправленные туда за попытку сбросить русскую тиранию в 1936 г. Сегодня же КГБ, обладающий разветвленной сетью шпиков и осведомителей, научился подавлять любое инакомыслие. Вот и наши попытки побегов, несмотря на

поддержку грузин, оканчивались ничем.

Мы, немцы – около 1500 измотанных офицеров, – не видели никаких красот Грузии, поскольку путешествовали по ней и через Кутаиси, главный город в долине, и далее в закрытых товарных вагонах, чтобы, поднявшись на высоту в 1500 м, достигнуть на 35-е сутки пути Ткибули.

Город жил разработкой огромных залежей каменного угля. Рядом с шахтами выросли лагеря, в которых содержались русские осужденные и военнопленные.

Наша зона № 518, позднее № 7518, состояла из шести лагерей, главными из которых были № 518/I и 518/II в Ткибули. Кроме немецкого лагеря № 518 в Ткибули и еще одного в Кутаиси, существовали там и другие – для венгерских и японских военнопленных; кроме того, недоброй славы лагерь для заключенных строгого режима. Там уголовники и политические узники влачили жизнь в самых тяжелейших условиях, при этом не ведая срока своего освобождения.

Но более всего нас поражали лагеря, где находились русские солдаты, которые прошли через Германию в составе советских войск и теперь должны были отбыть года два срока за колючей проволокой, чтобы «забыть» то «западное разложение», которое они наблюдали в капиталистической Германии. «В награду» за победу эти люди теперь были принуждены провести тут два года, прежде чем могли отправиться домой; все же русские солдаты, побывавшие в нашем плену, в наказание помещались в специальные лагеря.

В главном лагере № 518/I помещалось 1500 офицеров и около 2000 солдат, которые встретили нас с подозрением и недоверием, раздались выкрики: «Не вздумайте тут командовать!» и «А теперь покажите нам, такие ли вы хорошие пленные, какими были офицерами». Скажем так, подобная встреча не показалась нам особенно ободряющей. Однако общая судьба и стремление справиться с ситуацией со временем превратили нас всех в единое сообщество.

Устройство лагеря было примитивным настолько, насколько и должно было быть в России. Территория огораживалась высоким забором, в каждом углу стояла вышка с прожекторами, лучи которых ощупывали темноту по ночам, вахту у пулеметов на вышках несли русские охранники.

Три деревянных барака с отсеками на 40–60 человек вмещали в себя 3500 военнопленных. В качестве мебели имелись двухъярусные деревянные нары с тонкими соломенными матрасами, стол и несколько стульев. Простая железная печка сослужила нам тем не менее добрую службу в холодные зимние

ночи в горах. Еще на территории находилась кухня, помещение для сушки одежды и санитарный барак для освобождения от вшей, а кроме того, уборная, в которой, наполовину открытые стихии, могли справлять нужду разом 60 человек. Ну и, наконец, больница и столовая, помещение которой задействовалось и для многих других надобностей.

За пределами территории лагеря стоял барак, где жила охрана, а далее еще один – для русского коменданта и лагерной администрации.

Наутро нам представился немецкий комендант, жилистый молодой человек лет 25, отвечавший за порядок и взаимодействовавший с русским комендантом:

– Меня зовут Юпп Линк.

Он разъяснил всем, что работа тут – всеобщая обязанность – также и для полковников. Москва далеко, Женевскую конвенцию здесь не читали. Кто не годен для работы за пределами лагеря, будет работать внутри него.

Немецкий унтер-офицер Юпп Линк – комендант? Можно ли доверять ему? В какую игру он играет с русскими? Как скоро выяснилось, нам всем нашлось за что сказать ему спасибо.

Урожденный «дунайский шваб» – немец из одного из районов современной Югославии, бывшего некогда частью Австро-Венгерской империи, – он свободно говорил по-сербски, по-венгерски и по-русски, что, естественно, позволяло ему договариваться с русскими. Тут вновь действовала типичная русская тактика – держаться в стороне, позволяя невольникам самим решать все внутренние проблемы.

Юппа Линка привезли за несколько месяцев до нас в Ткибули, где ему приходилось участвовать в сооружении всех шести лагерей под номером 518.

Заключенные в верхнем главном лагере № 518/I, что-то около 2000 человек, с самого начала работали как «землекопы» на строительстве или же за пределами лагеря. Тех, кто имел подходящую специальность – механиков, мастеров по радиооборудованию, сапожников, портных и т. д., – задействовали в лагере или же посылали в шахты в качестве мастеров или наладчиков. Поскольку у русских не хватало квалифицированной рабочей силы, а еще по причине нерадивости нашим специалистам приходилось работать вместо русских.

Помню забавную историю, рассказанную мне одним немецким часовщиком. Как-то русский охранник ввалился к нему в мастерскую с будильником, который привез из Германии, и потребовал:

– Слишком большие эти часы. Сделай мне из них две штуки

часов на руку, – когда часовщик попытался объяснить охраннику, что это никак не получится, охранник разозлился и закричал: – Саботаж?! Да я тебя, фашистская свинья!..
Потребовалось вмешательство Юппа Линка.

В ближайшие же дни Юпп Линк просветил нас насчет «характера работы».

– Все пленные «нанимаются на работу» государственной угольной индустрией, которая ведет работы в данном регионе. Оплата идет из расчета количества людей и количества часов и поступает в распоряжение коменданта лагеря. Из этих сумм русский комендант оплачивает расходы на содержание строений, на питание, одежду и все остальное. На каждого заключенного составляется платежная ведомость, и после вычета расходов в конце месяца он может получить карманные деньги; остальные же записываются на его счет для выплаты после освобождения.

Так все выглядело в теории – на практике совершенно по-иному.

Значительные суммы «распределялись лично» русским комендантом и шли в карман ему и его приближенным. Я не припомню ни одного случая, чтобы кто-нибудь получил не то что эти карманные деньги – просто возможность полюбопытствовать состоянием своего счета. Лучшим примером тому может служить один из наших товарищей по плену Эльшлегер, старый коммунист, которого для начала отправили в немецкий концентрационный лагерь, а потом в печально знаменитую «бригаду Дирлевангера» – то есть в «штрафной батальон».

Несмотря на то что эти данные из его биографии были русским известны, он многие годы проработал сварщиком на шахте, и все привилегии, которые заслужил, выражались в двойной порции пустой баланды в день.

В 1949 г., когда стали освобождать первых пленных и настал черед Эльшлегера ехать домой, он попытался добиться от администрации оплаты – так сказать, подведения баланса. Ему сказали, что все деньги у офицера, ответственного за транспортировку, мол, рубли в Германию вести нельзя, вот их ему и обменяют на границе с Восточной Германией. Он не получил ни копейки и с расстройства поехал не на родину, в Восточную Германию, а на Запад. «С меня хватит, сыт этим по горло, – написал он в открытке, которая в итоге дошла до нас, – не за такой коммунизм я сидел у наци в концлагере».
Между тем, надо сказать, что некоторые пленные все же получили небольшие суммы.

На следующее утро нас построили на плацу, чтобы официально объявить о том, что́ предстоит делать. Появился

русский комендант – армейский офицер – в сопровождении офицера НКВД (тогда так назывался КГБ) и Юппа Линка. Громким голосом, сопровождая речь жестикуляцией, комендант объявил нам, что мы должны загладить вину Гитлера перед русским народом и компенсировать понесенные страной потери.

Затем он отдал приказ:

– Все к врачу. Самые сильные – в шахту, остальные – на строительство дороги. Все должны работать. Давай! Давай!

Русским врачом в лагере был доктор Голлендер, а его жена – помощником врача. Оба они были евреями, по понятным причинам настроенными к нам не слишком доброжелательно. В их обязанности входило не только лечить – делать так, чтобы больные быстрее выздоравливали и возвращались на работу, – но и заниматься дезинфекцией наших бараков. Голлендер обычно говорил нечто вроде: «Чтобы мне было чисто, хоть шапками подтирайте». Мы вполне понимали его идиш [147] и быстро уразумели, что с ним шутки плохи.

После осмотра мы получили наряды. Тем, кто шел в шахту, выдали простейшую одежду; разбили всех на смены: утреннюю, дневную и ночную. Половину суток мы проводили вне лагеря – восемь часов работали, а еще четыре уходило на дорогу туда и обратно. Вымокшие и усталые, мы приползали обратно, наскоро хлебали пустую баланду и заваливались на нары.

К моему удивлению, меня вдруг сделали немецким комендантом. Юппу Линку поручили надзор за работой. Русский комендант даже настоял на том, чтобы я оставался при погонах и при Рыцарском кресте – «знаке высшего отличия». Мне выдали пропуск – разрешение покидать лагерь одному без сопровождения охраны; возвращаться полагалось не позднее десяти вечера. Среди моих обязанностей было и взаимодействие – при содействии Юппа Линка – с главным начальником, возглавлявшим администрацию угольных шахт и являвшимся самым влиятельным человеком в городе. С ним и с его подчиненными обговаривались нормы выработки. И в этом вопросе русская лагерная администрация держалась в сторонке.

Когда этот большой начальник узнал, что в 1941 г. я служил в России, он спросил меня:

– Где именно вы воевали? В какой дивизии?

– На Центральном направлении, в 7-й танковой, мы наступали через Смоленск и Вязьму на Клин и Яхрому, что к северу от Москвы.

– Расскажите-ка мне о Яхроме, – попросил он, – где именно вы там были?

Подобная дотошность меня несколько озадачила, но я

ответил:

– В декабре 1941 г. я со своей танково-разведывательной частью наступал через Клин к каналу Москва – Волга, который мы перешли первыми из наших частей в Яхроме, километрах в тридцати или сорока севернее Москвы. Хорошо помню, как мы грелись в маленькой русской гостинице. На столе стоял горячий самовар и нетронутый завтрак, который мы и съели с большим аппетитом.

Взрыв хохота оборвал мой рассказ.

– Так это ж был мой завтрак! Я был тогда полковником резерва, а когда вы так неожиданно атаковали, мне пришлось бежать из Яхромы на голодный желудок. До чего же тесен мир, полковник! Вы тут в плену, а я руковожу городом, в котором оказался в конце войны. Если есть просьбы – готов помочь, хотя, конечно, за вас отвечает комендант лагеря, а я же просто использую как рабочую силу.

После этого разговора нам доводилось встречаться еще много раз.

Моя служба немецким комендантом продолжалась совсем недолго. Сменили русских комендантов. За шесть лагерей в районе Ткибули отвечал полковник Ларош, происходивший из семьи гугенотов, бежавших из Франции в Россию. С ним, однако, у нас почти не было никаких сношений.

Нашим начальником в лагере № 518 стал гвардейский капитан грузин Замхарадзе. Замещал его, как ни странно, русский полковник (и такое бывает в русской армии). Оба были армейскими офицерами, за действиями которых приглядывал НКВД, в том числе и одна очень неприятная сотрудница из Армении.

Замхарадзе вызвал меня и попросил выделить в списке фамилии тех, кто служил офицерами в СС, входил в полицейские подразделения или части, задействовавшиеся для борьбы с партизанами. За службу пообещал усиленное пищевое довольствие и прочие привилегии. Рядом стоял офицер НКВД, смотревший на меня с большим недоверием.

Я ответил коротко:

– Мне не известен в лагере никто, кто служил в подобного рода частях.

Естественно, я знал нескольких из пленных, которые точно служили в СС или же в полиции, а еще нескольких подозревал в этом. Но я держался той точки зрения – и сейчас остаюсь ей верен, – что все немецкие военнопленные должны были рассматриваться как таковые без исключений. Если же на ком-либо и лежала какая-то особая вина, такого человека должен был

судить после освобождения немецкий суд. В любом случае, таких людей нельзя было выдавать на расправу русским.

Поскольку я отказался называть чьи бы то ни было фамилии даже после предоставленного мне времени на раздумье, меня из комендантов уволили и вновь вручили должность Юппу Линку. Мне было приказано снять знаки различия и ордена. Одним словом, уравняли – и очень хорошо.

Состояние бараков было отвратительным. Кроме периодических дезинфекций, уничтожения вшей и мытья помещений, не делалось ничего. Мы страдали от тысяч клопов, гнездившихся в нарах и падавших на нас с потолка ночью. Мы набрали в шахте ненужных емкостей и налили в них бензина, с помощью которого пытались ограничить возможность клопов забираться наверх. Раз в несколько недель мы вытаскивали нары наружу и обрабатывали их паяльными лампами, добытыми всеми правдами и неправдами, как тот же бензин. В многолетней борьбе между нами и клопами побеждали последние.

Но более всего мы страдали от скудного питания. 300 граммов хлеба в день, при том официально допускалось, чтобы треть его составляла вода. Некоторые в ярости швыряли свою пайку в стену барака, под которой валялось уже много хлеба. Тощая баланда не содержала ничего питательного, если не считать разваренной крупы или кукурузы. Хлеб и водянистая похлебка являлись основой питания. Иногда нам давали какую-нибудь рыбу. Товарищ по несчастью, Винанд, говорил, что готовил из вываренных голов суп, а кости запекал на второе.

Каких-либо жиров, приправ или витаминов практически не существовало. В результате росла смертность от недоедания. Хотя традиционные для цивилизации болезни практически отсутствовали, почти все пленные страдали от тромбоза в ногах. Попадание тромба в сердце влекло за собой верную смерть. Нередко люди умирали от заворота кишок по причине нехватки жиров. Врачи были практически беспомощны.

Наши немецкие врачи то и дело старались убедить русских комендантов, что, если не улучшить питание, смертность будет расти. Однако поскольку нормы пищевого довольствия устанавливались в Москве, никто ничего изменить не мог. Напротив, нас только больше проклинали из-за того, что мы развязали «империалистическую войну», вследствие которой положение с продовольствием в России стало таким отвратительным.

Еще одной напастью являлась тифоидная лихорадка. Поскольку кончалось это обычно могилой, русские, очень опасавшиеся эпидемий, отправляли больных в строгий изолятор.

Как-то ночью к моей койке подошел молодой лейтенант граф Хоэнлоэ. Он находился в изоляторе как раз по причине лихорадки и в бреду вышел из госпитального барака. Часовой, судя по всему, заснул. Мы тут же сообщили русскому врачу, потому что страшно боялись инфекции. Хоэнлоэ умер через двое суток.

Никому из нас вовек не забыть зрелища трупов в изоляторах, каждое утро сваливаемых на старые телеги для вывоза и погребения силами изможденных военнопленных. Похоронить умерших по-человечески и поставить на могилах кресты нам не позволялось. Несмотря на запрет, мы писали фамилии покойных на огрызках бумаги, однако при проверках у нас их отбирали. Тогда мы придумали, чтобы каждый запоминал одно или два имени умерших, чтобы, в случае если удастся дожить до освобождения, сообщить родственникам.

В первые два года, особенно во время суровых зим в горах в районе Эльбруса, умерло до 50 процентов военнопленных.

Надо, однако, признать, что и сами русские в 1945 и 1946 гг. находились в плане обеспеченности продовольствием ненамного в лучшем положении, чем мы. У них, однако, существовал шанс добыть что-то на маленьком рынке, где женщины из ближайших селений продавали кукурузу, яйца и просяные лепешки.

Те же из нас, кого не свалили болезни и кто не покинул мечту вернуться домой, за те два года привыкли к тяготам. Голод был нашим вечным товарищем, однако – как ни удивительно – мы не теряли сил.

В лагере был зубной врач немец, оказывавший помощь под присмотром доктора Голлендера. Из всех инструментов у него была ручная бормашина. Анестезия отсутствовала, а потому в случае необходимости больные зубы приходилось удалять без оной.

Но хуже всего то, что охранники заставляли нас открывать рты и рвали золотые коронки прямо клещами, чтобы затем продать их и выручить немного денег – прибавку к скудному жалованью. Сопротивляться мы не могли. Лично для меня это кончилось тем, что по возвращении домой мою нижнюю челюсть пришлось долбить, так как в ней было полно сгнивших корней зубов и гнойников.

Но вот нас сподобили странной привилегии. В Москве распорядились ежедневно выдавать офицерам в дополнение к хлебу и баланде по двадцать граммов масла и немного сахара. Через Юппа Линка мы обратились к русскому коменданту с просьбой не делать исключения для офицеров. Поскольку распоряжение поступило из Москвы, комендант отказал. Тогда Юпп Линк собрал 400 подписей офицеров и добился того, чтобы

прибавку распределяли поровну на всех – так как в своих вооруженных силах мы привыкли к равноправию перед поваром.

Итак, меня отстранили от должности немецкого коменданта и отправили на шахту. Я чувствовал себя нормально и радовался тому, что не придется быть на виду и изворачиваться, чтобы как-то помочь товарищам, таким же пленным, и в то же время угодить русской лагерной администрации. Сегодня я куда лучше понимаю, какую тяжелую ношу нес молодой Юпп Линк и как мы все должны были бы быть ему благодарны за его труды.

В главной шахте, куда меня направили, имелись залежи, которые привели бы в изумление европейского горняка – толщина пластов доходила местами до 15 метров. На разработке антрацита мы работали с русскими и грузинами, оказавшимися отличными товарищами, которые порой делились с нами последним куском хлеба.

Начальство забыло изъять у меня пропуск, а потому я мог выходить из лагеря в любое время. Хорошо знавшие меня охранники часто просили меня купить для них что-нибудь на рынке и доверительно совали мне в ладонь свои гроши.

Как и на каждом предприятии в России, у нас существовала норма добычи угля, которую каждому полагалось выполнять ежедневно. Хотя мы были очень ослаблены физически, тем не менее выполняли работу с немецкой обстоятельностью и добросовестно. Как-то одна бригада перевыполнила норму. Русские тут же набросились на них.

– Вы с ума сошли! – кричали они. – Стоит нам раз перевыполнить ее, как тут же всем поднимут потолок выработки. При этом ни копейки не добавят и ни грамма лишнего хлеба не дадут. Есть норма – выполняйте ее, вот и все.

Это послужило нам уроком.

С другой стороны, мне доводилось видеть русских, обычных заключенных, которые в знак протеста против плохого обращения отказывались выполнять норму или просто бросали инструменты. Руководство реагировало просто и гениально: «по причинам сложностей с доставкой» на какое-то время переставали выдавать хлеб, и все скоро вновь начинали выполнять норму.

В шахтах уголь разрабатывался на глубину до 15 метров. Техника безопасности просто отсутствовала. С одной стороны, из-за централизации управления – все решалось в Москве, и администрация не могла обеспечить рабочих касками и тому подобным оборудованием, – а с другой стороны, работали на шахтах осужденные и военнопленные, гибель одного или нескольких из них не влекла никакой ответственности. В общем, вместо касок мы носили обычные головные уборы. Своды

подпирались балками, которых явно не хватало. И по сей день меня поражает то, как редко происходили у нас несчастные случаи.

В холодные зимы нам самим приходилось думать об обогреве бараков. Конечно, заботиться об этом тоже надлежало русскому коменданту, однако ввиду наличия в шахтах хороших запасов топлива он экономил на расходах на отопление. Администрация шахт строго запрещала выносить уголь, но, несмотря на это, после каждой смены шахтеры выносили под мышками крупные куски угля, которые потом доставляли в лагерь. Добычу распределяли поровну по всем отсекам. В общем, что касается запретов – одной рукой русские писали, а другой зачеркивали.

В начале 1946 г. – всего после нескольких месяцев работы в шахте – меня вдруг перевели в бригаду, строившую дорогу. По сей день не знаю, кого благодарить за этот «перевод», Юппа Линка или главного начальника, «угостившего меня завтраком» в 1941 г. полковника из Яхромы.

Так началась для меня следующая глава в истории плена.

Глава 24 «Культура» [148] и коррупция. Русский менталитет

Ужасный, нескончаемый голод постоянно оставался с нами, жил в нас, как звучали в ушах окрики русских охранников, их неизменное «Давай! Давай!». Мы – уцелевшие – постепенно находили свой собственный ритм жизни и начинали приспосабливаться к русской ментальности. Не только шахтеры, но и рабочие из других бригад скоро заслужили уважение как специалисты, честно и добросовестно делавшие свое дело, при этом более порядочные, чем русские «коллеги». Если на нас начинали кричать, мы отвечали тем же. Что удивительно, тогда нас переставали погонять и принимались упрашивать:

– Пожалуйста, продолжайте работать, а то мы беды не оберемся.

Любой, кто думает, что ремонтировать русские дороги означает посыпать их щебенкой или сидеть за рычагами землеройных машин, как это было бы на Западе, рискует впасть в глубокую ошибку. Нам приходилось выравнивать и делать пригодными для езды обычные грунтовые дороги, которые вели к стоявшим поодаль деревянным домам начальников. Для каковых целей грузовики «Студебеккер», которые во время войны тысячами поставляли русским американцы, доставляли нам неотесанный булыжник. Ползая на коленях по земле, мы вбивали его в грунт. Иногда я видел «своего» полковника из Яхромы, проезжавшего мимо на государственном «лимузине». Однажды он заметил меня, остановился и спросил:

– Что вы тут делаете? Почему вас задействовали как чернорабочего, а не как «спеца»? Я поговорю с вашим комендантом.

Совершенно очевидно, он свое намерение выполнил, потому что через несколько дней меня вызвал Замхарадзе:

– С завтрашнего дня выходите на работу бригадиром бетоноукладчиков. Подберите себе нескольких помощников из «спецов» в лагере. Охрана проводит вас на новое место работы.

Юпп Линк помог мне найти нескольких людей посильнее. Единственным настоящим «спецом» среди них оказался каменщик. Остальные не имели отношения к строительству и не попали в шахту по причине физической слабости.

На следующее утро охрана сопроводила нас к строящемуся зданию у шахты, на котором уже работала русская бригада.

– Пошли вон, сукины дети! – закричал на них русский

распорядитель. – Разворовали весь цемент и продали, гады! Немцы научат вас, как надо работать.

Что мы там делали? Вырыли котлован примерно четыре на четыре метра глубиной восемь метров, укрепили балками и забетонировали. Сделали своего рода «манжет» для заполнения выбранного – отработанного – участка шахты. Материалом нам служили деревянные балки, гравий и несколько мешков цемента, лопаты, корыто для смешивания раствора и недоброй памяти носилки [149] . Носилки представляют собой нечто вроде корыта с четырьмя ручками – две впереди и две сзади. На таких повсюду в России переносят самые различные материалы.

С помощью присланного из Москвы примитивного чертежа русский надсмотрщик показал нам, что надо делать, и вновь мы услышали вечное русское «Давай!».

– Ройте глубже и закрепляйте стенки раствором. Пропорция семь к одному. Я приду через пару часов. Но если украдете цемент, вам сам черт не поможет.

На сем он предоставил нас самим себе.

Не успел он уйти, как появились русские и грузины.

– Товарищи, продайте цементу, – начали они. – Дом падает. Чинить надо. А мы вам дадим хлебушка и денег.

Вот так и начинается коррупция!

Поскольку рядовому гражданину невозможно было порой купить совершенно необходимые вещи, за всем приходилось обращаться в государственные организации и «подмазывать» там кого-нибудь. Подобная схема отношений считалась «почти законной».

Я распределил своих людей, дав каждому посильное задание, а русскому часовому указал на наши материалы и без обиняков заявил:

– Если пропадет хоть один мешок, будете отвечать сами.

Спустя немногим более недели мы закончили котлован и принялись заниматься самой изнурительной работой – смешивать гравий с цементом и на носилках таскать раствор в яму. Потом появился главный начальник.

– Должен признать, что немцы – настоящие спецы и отличные рабочие. Я вами доволен. Норма выполнена, и материалы пошли в дело, а не на сторону, – затем он обратился персонально ко мне: – Вы хороший бетонщик, полковник. Поэтому я попрошу вас выполнить особое задание. Можете построить каменное крыльцо к моему дому и фонтан? Материалы я обеспечу.

– Конечно, – отозвался я, – но вам придется договариваться с комендантом и давать нам хлеб и какие-то гро́ши.

На следующий день он появился вновь. Успел уже все

«уладить». Не знаю, сколько он заплатил Замхарадзе.

На это задание я снова взял каменщика, очень ослабленного физика и фермера из моего района. Начальник забрал нас из лагеря лично.

– Без охраны будете. Вот по буханке хлеба каждому.

– А как насчет гро́шей? – поинтересовался я.

– Завтра, завтра все будет.

– Нет, сейчас, или мы даже и начинать не станем.

Мы получили деньги и купили на них на местном рынке овощей и большую грузинскую кукурузную лепешку.

Через неделю мы закончили фонтан, правда, давления воды не хватало, и он остался просто украшением.

– Это ничего, – заключил начальник, – он и сам по себе хорош.

Затем мы начала сооружать для него спиральную лестницу из бетонных плит. Каждый день перед началом работы мы получали хлеб и немного денег.

Пошла молва о нашем «искусстве». Появились начальники и функционеры рангом пониже главного. Один завел со мной разговор:

– Как здорово! Вы, я смотрю, тут скоро закончите. Не построите мне дом? Материалы у меня есть и под надежной охраной.

И вновь я ответил:

– Договаривайтесь с комендантом лагеря, а нам четверым по буханке хлеба и по рублю каждому утром перед работой.

Как видно, и у него с Замхарадзе проблем не возникло, поскольку, когда мы закончили на первом объекте, нас отвезли на холм, на котором предстояло построить дом. Материала было полным-полно. Как с гордостью сообщил нам хозяин, ему удалось «достать» это за последние несколько месяцев. Недоставало только цемента. Четыре русских осужденных уже начали работу – заложили фундамент и стали поднимать стены.

– Эти сукины дети возятся тут уже две недели. И вы только посмотрите, чего они понаделали!

Он пнул законченный фрагмент стены, и тот немедленно рухнул. Вместо того чтобы разводить нормальный раствор, рабочие украли цемента столько, сколько смогли, и, конечно, продали, сами же смешивали ингредиенты в пропорции двадцать к одному.

Я посмотрел на все это и хотя, естественно, не имел особого представления, как надо ставить дома, уверенным тоном заявил:

– Хорошо. Я построю вам дом. Будете привозить нас сюда каждое утро и не забудьте про хлеб и рублики. Теперь скажите

мне, какой дом вы хотите? Есть у вас чертеж или план?

– Нет у меня плана. Просто хотелось бы две комнаты с окнами и сени. Вы уж сами придумайте. Цемент я завтра привезу, а ночью тут будет дежурить охранник. Вот вам хлеб и деньги.

Как построить дом с тремя ослабленными товарищами?

Самому слабому, нашему физику, поручили орудовать противовесом. Фермер и каменщик смешивали раствор и доставляли на носилках его и кирпичи. Чтобы «не потерять лица» перед русскими, мне пришлось переквалифицироваться в каменщики и укладывать кирпич под присмотром единственного специалиста. Я быстро обвыкся работать мастерком. Вновь пришли жители из ближайших селений просить продать цемент. Но мы оставались верны принципам и считали для себя делом чести построить нашему нанимателю прочный дом.

Уже на второй день строительства будущего хозяина жилища охватил «поэтический восторг»:

– Хороший будет дом. Пинай сколько хочешь, не упадет.

Мы построили две комнаты с окнами на Эльбрус и прихожую. Стены возвели меньше чем за неделю.

– Мы спецы только по части кладки, деревянную крышу пусть кладут другие, – сказал я ему после этого. Мы хотели, естественно, чтобы и другим пленным что-нибудь перепало.

Когда мы закончили работу, я обратился к этому начальнику:

– Послушайте-ка, если вы заплатите нам еще немного дополнительно, мы сделаем для вас нечто такое, чего нет ни у кого на всем Кавказе. Только надо достать еще цемента и немного мела.

Он согласился, и мы расписали красный кирпич белыми полосами.

– Да я такой красоты сроду не видывал. Вы должны пообещать, что больше никому такого делать не будете. Я хочу, чтобы в городе только у меня был такой дом.

За дополнительное вознаграждение в рублях я дал ему слово.

На следующий день – последний день нашей работы – посмотреть на дом сбежалось множество народа. Иные функционеры захотели, чтобы и их дома украсили так же, но я сдержал обещание.

Через несколько недель наш наниматель, исполненный гордости, привел меня в дом и показал обстановку спальни – две кровати, шкаф и стол. Все это он получил по разнарядке из Москвы, такая роскошь поступила сюда единственный раз за три года. В воскресенье к дому потянулись «пилигримы» из соседнего городка, чтобы тоже посмотреть на спальню – правда, через окно снаружи.

Вышеописанное, наряду с коррупцией, стало еще одним примечательным характерным обстоятельством, которое познали мы в огромной советской империи.

Еще тогда, когда мы строили фонтан и лестницу, мне доводилось наблюдать, как казенный «ЗиС» отвозит в школу двух детей главного начальника. На обратном пути шофер покупал молоко, масло, сигареты и муку в специальном распределителе для функционеров и начальников. Я буквально остолбенел, увидев как-то, что молоко скармливается свиньям. И ничуть не меньше поразил меня вид мешков с мукой и сахаром, которые выгружались перед домом, и это в то время, когда местные жители выстаивали длинные очереди в государственных лавках за куском хлеба или за редкими для них сахаром и мукой.

У меня все еще оставался пропуск, которым я часто пользовался, чтобы возвращаться с работы когда и как мне вздумается. В ходе прогулок я нередко заговаривал с русскими и грузинами, некоторые из которых относились ко мне, иностранцу, очень доверительно. Многие испытывали недовольство, но были бессильными перед лицом системы, изменить которую самостоятельно, конечно же, не могли. Особенно приятно было поговорить с пожилым господином, бывшим некогда профессором в Санкт-Петербурге и сосланным сюда пожизненно. Он жил очень скромно, зарабатывая на хлеб тем, что писал письма за неграмотных людей.

Что же касается нашего лагерного быта, тогда многое изменилось. Приказом из Москвы администрацию обязали заняться вопросами культуры. Первым делом при деятельном участии Юппа Линка была создана библиотека, фонд которой составляли, правда, только русские книги и газеты. Но куда важнее было разрешение сформировать лагерный оркестр и театральную труппу, а также позволили занятия спортом. В нашем лагере содержалось около 3500 военнопленных, среди которых нашлись музыканты-исполнители, аранжировщики, художники-декораторы, администраторы, актеры, писатели и просто энтузиасты, тоже готовые принять участие в претворении в жизнь творческих замыслов. Мы крайне удивились, когда нам вдруг выдали все требовавшиеся для оркестра инструменты. Так возник джаз-банд. По приказу Замхарадзе техникам и осветителям предписывалось «достать» – разумеется, нелегально – все необходимое на шахте или в других местах, где они работали. Наши декораторы изготавливали убранство сцены и реквизит из ворованных материалов.

Прошло немного времени, и появилась оперетта под названием «Der Fischerjunge von Capri» («Юный рыбак с Капри»),

написанная Вальтером Штруве и «Кебесом» Виттхаусом, которые сделали также и аранжировку на текст Хельмута Веренфеннига. Партитуру оперетты «Die Tschardaschfürstin» («Княгиня чардаша») [150] по памяти написал сам ее автор, Эммерих (Имре) Кальман. Имелись и профессиональные певцы, среди которых тенор Райни Бартель. Женские роли взяли на себя молодые любители, которые очень скоро стали играть не хуже профессионалов. Репетиции будили в нас воспоминания и тоску.

Зимой с 1946 на 1947 г. состоялась премьера. На ней присутствовали Замхарадзе со своими офицерами НКВД, главный начальник и местные функционеры – одним словом, элита. Спектакль прошел с успехом. Когда главный начальник поинтересовался происхождением прожекторов, проводов и всего остального, Замхарадзе как ни в чем не бывало ответил:

– Пленные нашли.

Главный начальник понимающе кивнул и расплылся в покровительственной улыбке.

Оркестр и труппа прославились настолько, что сотрудники оперы Тифлиса, приходившие на представления, даже спросили, не мог бы «ансамбль военнопленных» выступить в здании их театра. Мы, конечно, гордились приглашением, но подобное намерение было для русских неосуществимым. Можете представить себе возможные последствия выступления пленных в государственной опере? Однако труппу посылали в другие лагеря – к венграм и японцам, – и везде ей сопутствовал успех.

Но наибольшей популярностью пользовался, конечно, джаз-банд. Его барабанщик Вилли Глаубрехт жив и по сей день. Поскольку джаз в Третьем рейхе был запрещен как «чуждый» и декадентский, а за слушание западных радиостанций можно было угодить в концентрационный лагерь, интерес к этой музыке был особенно высоким. Однако мало кто хорошо знал ее.

Будучи фэном Глена Миллера, я во время оккупации Парижа наслаждался игрой группы чернокожих в одном тайном месте, где с восторгом слушал так полюбившуюся мне «In the Mood» Глена Миллера. В общем, я напел нашему аранжировщику мелодию нота в ноту. Он расписал партии, так что джаз-банд мог играть «In the Mood».

Георг Вивегер служил у нас в качестве чтеца-декламатора. Вечера кабаре организовывал Карл-Хайнц Энгельс, тексты «литовала» русский политрук, Черная Нена. Она служила в НКВД и отвечала за культуру, при этом была человеком злобным и ни в коем случае не благорасположенным к нам. Как-то ансамбль отрепетировал и включил в программу, которую всегда утверждала Черная Нена, марш под названием «Пылай, огонь!».

– Нет, – отрезала она. – Это не пойдет. В этом слышится нечто вроде «Открыть огонь!». Не должно быть никаких намеков на войну – никаких призывов. – На следующий день вещь называлась уже «Гори, лагерный костер в ночи!». – А вот это хорошо, мы, русские, любим костры в ночи в лагере, – похвалила она. Марш остался тем же, только название сменилось.

У русских особое отношение к «культуре» – я намеренно пишу это слово так, как оно произносится по-русски [151] . С одной стороны, они очень музыкальны, восприимчивы к искусству и готовы предоставлять творческим людям особые привилегии, если, конечно, люди эти следуют курсом коммунистической партии, а с другой – понимают, что музыка и прочие тому подобные вещи – скажем, театр – дают людям бодрый настрой и помогают забывать о горьких реалиях их бытия.

Вместе с тем в качестве мер по повышению качества «культурной жизни» пленных в лагере была создана антифашистская группа «Антифа», действовавшая в тесном взаимодействии с немецким комендантом, находящаяся под неусыпным присмотром Черной Нены и «перевоспитываемая» ею. В группу вошли немецкие коммунисты со стажем, а также прихлебатели или просто те, кто надеялся, что членство принесет какие-то льготы и привилегии. Остальные оставались индифферентными в отношении «Антифа». Однако мы запомнили фамилии самых пламенных активистов, и потом после освобождения кое-кому из них досталось как следует – их хорошенько отколотили.

Кроме официальных мероприятий властей, нашего оркестра и театральной труппы, существовали вечерние занятия, на которых наши товарищи – нередко люди с учеными степенями – читали нам газеты и книги или же просто делились какими-то мыслями и знаниями.

Особенно деятельным участником театральной труппы был Борис фон Карцов, родившийся в 1894 г. в Ярославле, в зажиточной семье. Он даже учился в кадетском училище в Санкт-Петербурге, но после Октябрьской революции ему с двумя братьями пришлось бежать из России. Братья осели один в Париже, другой в Мадриде, а он выбрал Германию. Он поступил в театральное училище, хотя актерская стезя в трудные годы после Первой мировой войны считалась напрасной тратой сил и времени. В общем, в итоге ему пришлось искать себя в более прозаической сфере – в промышленности. Между тем он женился, и у него родилась дочь, Тамара. Сегодня она живет на севере Германии. Благодаря ей я многое узнал о ее отце, она предоставила в мое распоряжение письма и фотографии, что

помогло мне дополнить картину нашей жизни в лагере № 518.

Карцов свободно изъяснялся на пяти языках и по сей причине был призван в армию в начале Второй мировой войны как «специальный офицер-переводчик». Передо мной снимки из газет, на которых Карцов запечатлен с немецкими и русскими офицерами на «демаркационной линии», установленной после Польской кампании в 1939 г. и ознаменовавшей новое разделение Польши и новый период страданий для польского народа – от одних и от других «освободителей».

В ходе Русской кампании, когда из захваченных в плен и «освобожденных» солдат и офицеров была создана «Армия Власова» [152] , Карцов служил переводчиком в казачьей части. Есть фотографии, на которых он запечатлен с казачьими офицерами в их форме и верхом.

Совершенно очевидно, что деятельность Карцова и его русские корни вызывали большое подозрение к нему со стороны русских. Впоследствии и активность и происхождение сослужили ему скверную службу.

В лагере Карцова поначалу не трогали. Начальство извлекало пользу из знания им многих языков и позволяло участвовать в театральных постановках.

Я никогда не забуду, как по вечерам он читал нам Пушкина и Достоевского. Даже русские офицеры и сотрудники НКВД не могли не признать:

– На каком дивном русском говорит Карцов, мы уже давно ничего подобного не слышали. Наш язык сильно опростился.

По просьбам многих Карцов перевел на немецкий «Евгения Онегина» Пушкина, причем в процессе перевода постарался сделать так, чтобы мелодика русского языка сохранилась и в немецком.

Карцов пользовался у нас большой популярностью. Незабываемы те замечательные вечера, в которые Карцов рассказывал о России, помогая нам понять русскую культуру, музыку и образ мышления. В отличие от офицеров СС и сотрудников полицейских частей, которых то и дело таскали на допросы, Карцова, к нашему удивлению, почти не тревожили.

Вдруг как-то ночью летом 1948 г. Карцова увезли из лагеря. Нас охватили скверные предчувствия.

Позднее его дочь, Тамара, подтвердила мне сведения, дошедшие до нас по тайным каналам: Карцова перевели в специальный лагерь под Смоленском, где он тяжело заболел. В результате его поместили в военный госпиталь около Рославля, что к югу от Смоленска. Если верить немецкому врачу, после выписки из больницы Карцова бросили в тюрьму, где попытались

выбить из него некое «признание». Поскольку ничего добиться не удалось, его стали возить по местам боев, в которых он участвовал в России, и показывать людям как «предателя». Когда наконец его выпустили из тюрьмы уже в состоянии чрезвычайного истощения, тот же самый врач как будто бы помог ему поправить здоровье.

Однако в соответствии с данными Красного Креста, Карцов, по всей видимости, скончался в июле 1949 г. в Смоленске. Переживания, обрушившиеся на него перед этим, по всей видимости, все же сыграли роковую роль в его судьбе. Она – судьба Карцова – напоминает судьбы многих из тех, кто сгинул в штрафных лагерях: бывших военнослужащих войск СС и полиции, а также немецких солдат, принимавших участие в борьбе с партизанами.

Между тем для остальных после первых тяжелейших лет в лагерях стали появляться некоторые признаки намечавшихся улучшений. Из привезенных из Германии русскими радиоприемников, отдаваемых в починку нашему радисту, последний сумел наэкономить частей и собрать свой собственный аппарат, при этом приведя в рабочее состояние и приемники, отданные ему в ремонт. В других лагерях, как можно судить, тоже додумались до чего-то похожего.

Естественно, только избранным поведали тайну существования приемника, который позволял нам слушать западные станции на коротких волнах и таким образом держаться в курсе происходящего в мире.

Чтобы не допустить обнаружения приемника, мы помещали его в «герметичную» упаковку и днем прятали в уборной. Как мы надеялись, там-то уж никто ничего искать не станет. Ночью мы доставали его. Вплоть до дня освобождения русские так и не могли понять, почему мы всегда так хорошо информированы.

Наверное, самым тяжелым психологическим грузом для нас в первые годы плена являлось полное отсутствие контактов с семьями. Никто ни о ком ничего не знал – живы или нет.

Потом – по всей видимости, под давлением со стороны руководства западных стран – нам разрешили отправлять в месяц по одной открытке из 25 слов, включая и адрес. Совсем немного, однако по меньшей мере теперь человек имел возможность послать весточку и получить ответ. Потом ограничения по количеству слов сняли. Данное обстоятельство выдвинуло на передний план новый вид спорта – кто сумеет написать больше слов на одной открытке. С весны 1948 г. стали позволять отправлять одно письмо раз в три месяца.

Но почему? Почему же только раз в три месяца?

Такое крючкотворство тоже, как мы уже убедились, было связано с особой русской ментальностью.

Официальные власти не баловали своим вниманием сеть почтовых сообщений. Но и сами по себе гигантские расстояния в необъятной империи, простиравшейся далеко на восток от Уральских гор, при безусловной неповоротливости социалистической системы делали нормальное функционирование коммуникаций почти невозможным. Кроме всего прочего, у русских словно бы отсутствовало чувство времени и пространства. Это для них нечто абстрактное. Как часто в ответ на вопрос, когда нас отправят домой, мы слышали нечто вроде: «А чего вам тут не хватает? В России места много. Есть работа, на хлеб всегда найдете, есть и женщины. Что б вам тут не остаться? Жены ваши там давно уже нашли себе других». Что можно сказать? Как добиться понимания при такой разнице в образе мышления?

Только русские с их фатализмом могли мириться с такими условиями существования, к тому же они не знали о жизни в других местах и не понимали, *как* мы на Западе привыкли к благам цивилизации, например, к таким, как средства коммуникации. Я знавал немало русских, которых однажды ночью подняли с постелей где-нибудь на Севере России, засунули в вагон, привезли сюда, на Кавказ, и заставили работать на тяжелой работе. На наш вопрос о том, как же там жена и дети, такой человек мог ответить: «Ничего, жена будет работать, может, найдет себе кого-нибудь, кто поможет прокормить детей. А мне надо устраиваться здесь».

Благодаря некоторой «либерализации», «культурной» программе и активности группы «Антифа», постепенно сложилось сообщество, способное бороться за улучшение условий жизни и качества питания, которое продолжало оставаться отвратительным. Наша деятельность как «немецких спецов» сделала нас просто незаменимыми во многих областях, чем мы, конечно, тоже старались пользоваться. Тем не менее с жестоким обращением мы сталкивались еще довольно часто.

То и дело кого-нибудь будили ночью и тащили на допрос, когда для того, чтобы выбить признания в участии в актах насилия над мирным населением во время войны, когда – заставить указать на невыявленных в лагере военнослужащих СС или сотрудников полиции.

Так, скажем, Эрнста Урбана, за беседой с которым я не раз сиживал по вечерам у лагерного забора, как-то ночью увел НКВД. Его обвинили в участиях в зверствах – кто-то донес. В качестве доказательства того, что они знают о нем все, сотрудники НКВД

назвали Урбану его фамилию, имя, место рождения и прочие личные данные. Когда он заявил, что ни в чем таком не виновен, его затолкали между двумя раскаленными печками и стали обливать холодной водой из ведра. Черная Нена считала, что таким образом сумеет сделать его покладистей. Тем не менее ему все же удалось обратить внимание русских, что как раз на основании даты рождения – в момент совершения злодеяний, в которых его обвиняли, ему было только двенадцать лет, – он просто не мог в них участвовать. Налицо была ошибка – перепутали фамилию. Это был далеко не единственный подобный случай. Русские то и дело пытались нас шантажировать и запугивать – подвергать жесткому психологическому воздействию.

Однако вернемся к «коррупции». Вот классический пример, с которым пришлось столкнуться мне с моей «бригадой бетонщиков». Как-то вечером ко мне подошел заместитель русского коменданта и сказал:

– Завтра на работу не выхóдите – специальное задание. Подберите себе двенадцать человек из тех, кто не работает на руднике. Охрана проводит вас на объект.

Я почувствовал, что намечается какая-то сделка, и стал торговаться:

– Если это специальное задание, тогда надо платить. Иначе я в Москву напишу – расскажу, чем вы тут занимаетесь.

Русские уже знали, что нескольким заключенным удавалось и раньше всеми правдами и неправдами отправлять из лагерей открытки и даже письма на имя Сталина или в адрес Верховного Совета. Там содержались жалобы или же просто задавались вопросы о том, когда мы будем освобождены, когда будут соблюдаться условия Женевской конвенции. Как мы проведали по своим «тайным каналам», некоторые письма достигли адресата, на них ответили – велели коменданту разобраться. В общем, угроза написать в Москву воспринималась вполне серьезно.

– Будете хорошо работать – получите вознаграждение, – ответил на это заместитель русского коменданта.

Итак, на следующее утро нас собрал охранник. Еще не кончилась зима, и в горах лежал снег. Мы выступили в поход, даже не зная, куда идем. Снег кое-где доходил до груди. Шли в гору. В течение пяти часов то одному, то другому из нас приходилось прокапывать дорожку в снегу. Вдруг охранник крикнул:

– Стой!

Он указал на груду бревен, сваленных и засыпанных снегом, и пояснил, что мы должны тащить их вниз в долину.

– А деньги у вас при себе есть? – спросил я его. – Иначе дело не пойдет.

Как ни странно, он вытащил из кармана пачку рублей. Похоже, угроза подействовала.

Мы очистили бревна от снега. Все длиной метров пять – красное дерево. Каждый взял по полену, и мы потащились обратно в долину. На обратную дорогу ушло всего часа два.

Нам стало ясно, что тут давно и бойко процветает незаконная торговля ценной древесиной. И нет никакого сомнения, что коменданту щедро платили за выделение людей из числа пленных для подобной работы; охрана, конечно, тоже получала свое.

Немного в стороне от того места, где начиналась наша дорога наверх, нас ждали два грузовика, в кузова которых мы и погрузили свою ношу. Затем поехали на станцию, где стоял одинокий товарный вагон, в него мы перегрузили древесину, но не раньше чем получили от охранника плату.

Вручая деньги, он предупредил:

– Вы ничего не видели и ничего не слышали. Короче, молчите.

Смертельно уставшие, мы вернулись в лагерь, где нас уже ожидала специальная порция похлебки. Русский офицер не поленился вторично предупредить нас, чтобы мы молчали.

Через нашего водителя, немца Фреда Сбостны, которому доводилось часто ездить в Кутаиси и в Тифлис, мы услышали продолжение истории.

«Сделкой» руководил высокопоставленный функционер в Тифлисе. Перво-наперво в долю пришлось взять офицера, ответственного за заготовку ценной древесины. Если бы пропажу открыли, он свалил бы все на «саботаж» – за такой формулировкой обычно скрывались акты воровства и расхитительства начальников, платить за которые приходилось порой совершенно невиновным людям. Кроме нас, надо было немного «подмазать ладошки» лагерной охране и водителям. Потом наступал черед начальника станции – он предоставлял пустой вагон. Надо учесть еще различные посты на выезде из города Ткибули, где останавливался и проверялся каждый поезд с углем. Одним словом, «таможне» тоже перепадало. Ну и, конечно, комендант лагеря, которому всегда доставалась приличная доля в такого рода акциях.

В Кутаиси, главном городе района, вагон перецепили к поезду на Тифлис, разумеется, без всякой регистрации. За подобную любезность не остался обойденным и тамошний начальник станции. По прибытии в Тифлис, где «заказчик»

наконец получил свое приобретение, тоже производились такого же рода расчеты. Там он продал товар за огромные деньги преуспевающим функционерам, которым затем сделали мебель столяры и плотники, «направленные» для выполнения этих «заданий» с государственных предприятий. Денег у функционеров хватало, но даже и они далеко не всегда и не все могли приобрести как-то иначе, чем на «черном» рынке.

Обычно все документы – в том числе накладные на выполнение норм – на стройках, на шахтах и на тому подобных участках проверялись разного рода комиссиями, наезжавшими время от времени. Однако и они не отказывались от небольших подарков и, если вдруг вскрывались приписки или пропажи материалов, докладывали своему начальству об актах «вредительства и саботажа». Однако встречались случаи, когда действия вовлеченных в них лиц становились настолько заметными, что списать злоупотребления на «саботаж» становилось невозможно. Тут виновного находили обычно очень быстро: какой-нибудь несчастный и порой ни в чем не повинный надсмотрщик или мастер отправлялся в Сибирь лет на пять-десять, а то и на пятнадцать.

Как раз подобная вещь произошла с одним симпатичным русским инженером, в распоряжение которого поступила наша бригада бетонщиков на период выполнения одного важного государственного задания. Он работал где-то на Украине, где его признали «виновным» в совершении так называемого «экономического преступления» и отправили на пять лет далеко в Сибирь, в район севернее Владивостока. Словно бы пропавший без вести для своей семьи, он был принужден работать на лесоповале. После этого его на два года отправили на Кавказ «отдохнуть и пообвыкнуться с нормальной жизнью».

Мы быстро подружились с этим несчастным, первое испытательное задание которого состояло в организации строительства доменной печи. Возводить ее собирались ниже нашего лагеря на окраине города Ткибули, а нашей бригаде предстояло заложить фундамент.

В первый день русский инженер показал мне присланный из Москвы рабочий чертеж, который служил стандартом для всех подобных проектов.

– Посмотрите на план повнимательней, – попросил он. – Мне он не полностью понятен. Я не вполне подготовлен для исполнения таких работ. Не сможете разобраться, как нужно закладывать фундамент?

Мне было искренне жаль его, однако я уже отвык удивляться подобным вещам, поэтому проконсультировался с единственным

специалистом – с каменщиком. Место для плавильного цеха выбирала администрация шахт, которая тоже отвечала за сооружение. В общем, мы приступили к разметке, в соответствии с планом рыть надо было на три метра в глубину, затем укреплять стенки котлована и усиливать конструкцию бетоном.

Имея за спиной печальный опыт, я настоятельно советовал инженеру позаботиться о сохранности материалов, поскольку за пропажу в итоге пришлось бы отвечать ему. Затем мы взяли в руки кирки и лопаты и, углубившись всего на метр, напали на грунтовые воды. Тут мы остановились и призадумались.

Я подошел к часовому и сказал:

– Дай-ка мне на минутку свой автомат, а сам пока поди на рынок и купи лепешек на всех – в том числе себе и инженеру. Вот деньги.

Он без колебаний отдал мне автомат и ушел, довольный перспективой лишний раз перекусить.

– Уже грунтовые воды, – произнес я, обращаясь к нашему несчастному инженеру.

– Все равно копайте дальше. Нужно выполнять план из Москвы, – уверенно ответил он.

Мы продолжили орудовать лопатами. Когда мы уже стояли в воду по щиколотки, я прекратил работу.

– Дальше нельзя. Как мы будем копать на три метра?

На плане я видел, что тут собираются устанавливать тяжелые мостовые краны, для которых и требовалась трехметровая глубина. Инженер обещал добыть нам резиновые сапоги и насос, только чтобы мы продолжали работу. Что тут скажешь? Только и остается, что удивляться.

На следующий день действительно появились насосы. И обещанные резиновые сапоги – тоже. Однако после еще двух суток работы мы стояли в воде почти на 50 сантиметров. Я отказался продолжать копать.

– Вы же не собираетесь откачивать все реки Эльбруса? – уже не без раздражения поинтересовался я у инженера. – Это совершенно бессмысленно. Копать под водой мы все равно не сможем.

– Поговорю с начальником. В общем, завтра решим.

Решение поражало как своей простотой, так и бессмысленностью.

– Начальник вник в проблему. Кончайте копать, ставьте арматуру и заливайте бетоном. Черт с ним, что прошли всего 1,30 метра.

Нам стало очевидно, что при таком слабом фундаменте здание рухнет, если, конечно, объект вообще удастся закончить и

ввести в эксплуатацию. Мы смешали раствор в правильной пропорции – один к семи, – поставили армирование, залили его и завершили нашу часть работы над фундаментом. Вот и все. На сем строительство замерло.

Прошли месяцы, а никто ничего на площадке не делал. Когда в конце 1948 г. я уезжал из лагеря, стальные штыри арматуры так и торчали в небо. Доставленные на объект, но неизрасходованные материалы либо ржавели под дождем, либо давно были разворованы. Понятия не имею, как администрация объясняла ситуацию в Москве, как не знаю и что случилось с беднягой инженером.

Так или иначе, на данном эпизоде моя работа в качестве бригадира бетонщиков подошла к концу. Мне дали другое задание.

Вернемся к жизни в лагере. Все те, кто имел возможность подработать и добыть немного денег или хлеба на стороне, старались следить за тем, чтобы тем из товарищей, кто совсем ослаб и не мог покидать лагеря, тоже перепадало что-то из покупаемой на рынке еды. Наши охранники, которым тоже не хватало денежного и пищевого довольствия, чтобы нормально питаться, получали от нас что-нибудь в качестве подарков или меняли еду на табак. Пайку табака нам выдавали ежедневно, но то была лишь махорка – отходы от производства папирос. Курить махорку можно было, свернув «козью ножку» из газеты и, набив ее крошкой, согнув самокрутку широким концом вверх.

В России махорка – «курево для бедных». Русские газеты особенно хорошо подходят для изготовления самокруток – бумага простая и ничем не пропитанная. Поговаривали, что наибольшей популярностью пользуется «Правда».

Спички в России тоже были дефицитом. За почти четыре года на моей памяти только раз из Москвы в Ткибули прибыл груз спичек, которые довольно быстро исчезли, перекочевав в распределители для функционеров. Мы же довольствовались методом, которым разводили огонь наши предки, – кремни и огнива находили повсеместное применение.

Проявления гуманизма со стороны тех, кто окружал нас, были тоже не чужды нашей жизни. Первым делом следует, конечно, назвать Нателлу – «ангела Ткибулийского лагеря № 518». Она происходила из древнего грузинского княжеского рода и чем могла помогала больным немцам. Рискуя свободой, а может, и жизнью, она доставала медикаменты, которые предназначались только для русских. Затем нельзя не вспомнить доктора Канделаки, женщину-врача из лагерного госпиталя, куда помещали больных из всех шести зон. Она тоже была из

аристократического рода и потому не имела оснований для особой любви к русским, которые захватили страну и лишили ее свободы.

Не могу не упомянуть Настасью (имя мне приходится изменить, она, должно быть, еще жива, а потому не хотелось бы стать источником неприятностей для нее) и ее подругу Зину. Настасья приходилась дальней родственницей Ленину. Обе молодые женщины были инженерами, сосланными на Кавказ на пятнадцать лет.

Благодаря Настасье удалось сделать несколько фотографий в лагере, в том числе нашей группы «культурного досуга». Снимки с большим для себя риском делала она, а Юпп Линк, с которым она дружила, вынес их за пределы территории под кокардой фуражки. Юпп Линк, живущий ныне неподалеку от Мюнхена, рассказывал мне об этих девушках, любивших нас, немцев, и особенно о грустном расставании, когда он одним из последних покидал лагерь, а Настасья просила его взять ее с собой.

Что сталось с этими женщинами, которые помогали нам сохранить надежду и не утратить веру в человеческое тепло?

Проходило время, и мы учились сживаться с ужасными условиями. Мы понимали, что помимо тяжелой работы на шахте или в «наружных» бригадах, помимо нашей культурной деятельности нужно что-то еще – нечто такое, что помогло бы нам сохранить физическое здоровье. Юпп Линк сумел достать несколько мячей, и я организовал гандбольные команды. У нас дома, на севере Германии, гандбол тогда был очень популярной игрой на открытом воздухе (в отличие от современного в закрытом помещении). К удивлению русских и радости болельщиков, мы играли в эту игру почти каждый свободный день.

Затем создали и футбольную команду, даже проводились чемпионаты с командами из других лагерей.

Скоро стали популярными любимые в России шахматы. Поначалу мы сами вырезали себе примитивные фигурки. Русским так понравилось наше увлечение, что они добыли для нас несколько шахматных комплектов, и охранники, несмотря на строгий запрет, соревновались с нашими лучшими игроками.

У кого-то может создаться ощущение, что мы неплохо проводили время. Но все не так просто. Главным стимулом служило желание выжить, которое давало нам силу и волю не сдаваться даже в тяжелейших ситуациях. Некоторые товарищи по плену нередко не одобряли нашу деятельность и указывали на то, что мы своим поведением даем русским основания считать, что сил у нас полно и мы можем выполнять даже еще более тяжелую работу.

В зиму 1947/48 г. я получил свое последнее задание в лагере № 518/I. Меня сделали бригадиром «угольно-поискового отряда». Выше нашего лагеря, на склонах гор Эльбруса, русские начали разведку новых залежей с помощью поставленных из Швеции отбойных молотков.

Русский отряд уже наткнулся на толстый пласт на глубине около 800 метров, и теперь бригады трудились в три смены для того, чтобы завершить разведку и оборудовать шахту.

Моей бригаде предстояло работать в дневное время. Она разделялась между шестью буровыми участками и получала точные указания от русского бригадира. Хотя уже наступала весна, в горах еще лежало много снега и было очень холодно. Каждое утро в сопровождении охраны мы взбирались по снегу наверх, где сменяли ночную бригаду, к тому времени уже сидевшую у огня и пытавшуюся отогреться.

Моя задача состояла в том, чтобы обходить все шесть участков и разрешать возникающие там сложности. По правилам, нашему охраннику тоже полагалось проверять отдельные участки и следить за тем, чтобы всюду работали, однако он все больше предпочитал найти местечко у огня поудобнее, поставить автомат у дерева и всласть подремать. Когда я обращал внимание охранника на необходимость выполнять обязанности, он отвечал:

– Полковник, ты хороший бригадир. У тебя есть пропуск, ты сам проследишь, чтобы все шло как надо. Что мне-то мерзнуть? Уж лучше я погреюсь у костра.

Несмотря на тяжелую работу с отбойными молотками и на неподходящую одежду, в горах мы чувствовали себя отчасти свободными. Со склона открывался вид на городок и на наш лагерь. Конечно, мы не могли отказать себе в удовольствии и пошутить. Однажды, например, спрятали автомат нашего охранника, пока он спал.

– Камрад, отдай назад оружие. И не говори, что я спал, а то мне нагорит. Вот, возьми покурить махорочки.

Наступила весна, снег быстро сошел под жарким южным солнцем, появились первые цветы. Работать стало легче, и мы даже могли наслаждаться неповторимой красотой южнокавказского ландшафта. Сладкая земляника, дикие груши и всевозможные травы, которые показала нам охрана, стали источником так необходимых витаминов, которых мы не видели три долгих года. Когда удавалось, мы приносили все эти лакомства и нашим больным в лагере.

Постепенно я стал позволять себе «бить баклуши» – бригада справлялась с работой. Пока они дробили породу, я собирал для них землянику и груши в самодельную корзину.

Однажды незадолго до Пасхи в Германии я оставил бригаду очень рано, чтобы забраться на гребень и посмотреть, какой вид с него откроется. В долине я заметил мирную маленькую деревушку. Я не выдержал, спустился вниз и пошел посмотреть на этот «затерянный мир». Нормальной дороги в селение, где жили одни грузинские крестьяне, не существовало. Только мулы и ослы служили здесь средством транспорта и сообщения с внешним миром, который для здешних жителей заканчивался маленьким городком Ткибули.

Все высыпали наружу, чтобы посмотреть на меня – чужака. Я спросил, есть ли в деревне староста. Ко мне вышел старик. Глядя на меня подозрительно и робко, он, мешая грузинские и русские слова, поинтересовался, кто я такой и что мне нужно.

– Я немец, военнопленный. Работаю вон там, в горах, уже несколько лет живу в лагере в Ткибули.

Лицо старика осветилось. Он взволнованно заговорил, обращаясь и ко мне, и к жителям деревни:

– Я помню немцев по войне. Они с турками освободили нашу страну от этих русских. Я никогда не забуду немцам добра.

Совершенно очевидно, что время для него остановилось где-то ближе к концу Первой мировой войны, когда Грузия являлась немецким протекторатом.

– Пойдем, добрый немец, будешь нашим гостем.

Меня привели в простой, но чистый дом. Собралась вся семья, а другие односельчане толпились у входа.

Как и в других домах, в центре находился сложенный из прочных глиняных кирпичей очаг, на нем же и ели, а рядом с трех сторон лежали шкуры, на которых спали. В углу было место, отведенное для кур и коз. После всех лет в бараке и на деревянных нарах я почувствовал себя здесь как дома.

Над очагом с потолка свисали длинные цепи.

– Садись, поешь с нами как друг.

Мы уселись у огня, скрестив ноги, а жена крестьянина повесила на цепи железные котелки. В один она налила воды для чая, в другом уже готовилась кукурузная каша, а в третьем – кипела козлятина с всевозможными приправами из трав.

Когда все было, по всей видимости, готово, жена хозяина подошла к нам. Рядом со мной сидели только мужчины. Женщины стояли в сторонке. Хозяйка передала нам миску с водой, в которой мы вымыли руки. Тут котелки сняли с крюков, заварили чай и пригласили меня принять участие в трапезе.

Ни вилок, ни ложек не было – только котлы с горячей едой. И как же есть? Чтобы не показать этим добрым людям своей неуверенности, а тем паче чтобы не обидеть их, я произнес:

– Спасибо, но у нас в Германии обед начинает хозяин, что как бы показывает остальным, что пища готова и ее можно есть. Так что, пожалуйста, начинайте вы.

Старику мои слова понравились. Одной рукой он взял пригоршню горячей каши из котла, положил в тонкую лепешку, а уже этой лепешкой с кашей зачерпнул себе мяса из другого котла. Ловко скрутил и принялся есть. Подобный способ был мне уже известен по практике общения с бедуинами в Африке. В общем, я скопировал его действия, и хотя я обжигал пальцы, еда и крепкий чай показались мне, измученному голодом невольнику, самыми вкусными на свете.

Затем жена старосты принесла нам кувшин с самодельным бренди. Полностью разобраться, из чего оно делалось, по букету я не смог. Пошли тосты. Отчасти все это тоже напоминало арабские обычаи.

– Я выпиваю за дружбу с добрыми немцами, которые друзья нам, грузинам. За вашего великого кайзера Вильгельма. По войне я помню, что он добр и справедлив. У нас нет ни царя, ни нашей любимой царицы Тамары. Но они вернутся, и мы будем свободными.

Мне не захотелось открывать хозяину того, что Вильгельма II давно уже нет в живых, а война, которая недавно закончилась, была Второй мировой войной. Я проговорил:

– Желаю, чтобы ваша прекрасная страна и гордый грузинский народ однажды обрели свободу. Я поднимаю кубок за жителей деревни и за великую царицу Тамару.

Женщины заплакали, а мужчины принялись обнимать меня.

Как мне показалось, наступил подходящий момент, чтобы купить яиц для Пасхи и для поддержания наших больных в лагере. Когда я спросил об этом хозяина, он указал на жену:

– Козы, куры и продукты – в ее ведении. Говори с ней.

Тут я увидел загоревший в глазах женщины огонь – как же, можно поторговаться, как полагается на Востоке. Сначала она назвала цену, даже выше той, что была на рынке в Ткибули. Я со своей стороны предложил более низкую, чем там. Она уступила немного, тут женщины загомонили разом.

Как бы мне ни нравилось торговаться, я не располагал временем на настоящий торг, а потому я сказал:

– Послушайте. У меня мало времени. Однако я выгодный покупатель, потому что вам не придется ехать с яйцами на рынок в Ткибули. Посему вам следует сделать мне скидку.

– Мне нравится путь через горы. К тому же на рынке я узнаю новости, так что покупайте по моей цене, – гнула свое хозяйка.

В ответ я заметил, что могу разбить яйца по дороге через

горы, а то и вообще их отнимет русская охрана. В общем, свернул разговор, покинув свою затею. Затем, сказав друг другу много теплых слов и обнявшись, мы расстались с хозяином. Счастливы люди, для которых время остановилось.

Перед самой Пасхой я вновь побывал в деревне, принес нож с резной рукояткой, сделанный одним из наших в лагере, и вручил его старосте в благодарность за гостеприимство. На сей раз он настоял, чтобы его жена дала мне немного яиц в качестве подарка. Я поблагодарил их от имени всех в лагере. В общем, яйца у нас на Пасху были.

После разведки нового пласта русская администрация шахт принялась сооружать и новое надшахтное здание в долине. Поскольку результаты первых проходчиков оказались столь ободряющими, дело на строительстве шло полным ходом. Хотя работа делалась кое-как, без нужных знаний – только чтобы по плану, спущенному из Москвы. Строительная площадка и начатая шахта представляли собой катастрофическое зрелище. Ответственные за сооружения специалисты, судя по всему, были просто не в состоянии разобраться в планах и чертежах. Материалы разворовывались. Русские рабочие неохотно выполняли даже довольно заниженные нормы.

Однажды, к нашему удивлению, на этот объект прислали немецкого горного инженера, до того работавшего в стволе шахты, и назначили его… руководителем всего проекта.

– Теперь вы отвечаете за все. Русские рабочие тоже будут подчинены вам. Подберете себе специалистов в лагере. Вы получите все материалы, которые потребуются, – так выглядел приказ главного начальника, который, по всей видимости, обо всем уже договорился с русским комендантом лагеря.

Итак, дальнейшее строительство зданий для администрации и русских работников, прокладку тоннеля и рельсов в нем, установку электрического оборудования и всего остального возложили теперь на немецкого инженера.

Поначалу ему приходилось туго – трудно было добиться признания, особенно со стороны некоторых функционеров, однако, начав руководить, он скоро смог убедить всех, что работать надо на совесть и как следует. Он очень требовательно относился к русским мастерам и рабочим, между тем компетентность и справедливость скоро снискали ему большую популярность. Как-то мне довелось побывать на строительной площадке, я поразился тому, как почти по-европейски там все выглядело и с каким энтузиазмом велась работа. Прибыли вагоны с гравием с Каспийского моря. Наш инженер проверил материал в примитивной пока лаборатории и отказался принимать его:

– Гравий перемешан с нефтью, а посему из него нельзя выполнять бетонирование стенок туннеля. Мне нужен чистый гравий.

Администрация шахт тут же заказала чистый, и тот прибыл через несколько суток.

Ко времени моего перевода в другой лагерь в конце 1948 г. надшахтное здание уже было почти закончено, а администрация и рабочие переезжали в новые бараки.

Больше мы уже не удивлялись, почему русские плюют на Женевскую конвенцию и любыми путями стараются задержать нас, военнопленных, у себя. Снова становилось очевидно, что полностью государственная система контроля над экономикой, рабский труд миллионной армии русских осужденных, отсутствие какой-либо мотивации к добросовестному труду и острая нехватка самых насущных предметов потребления служат залогом невозможности добиться результатов, условия для которых создает либеральная западная, а в глазах русских – капиталистическая экономика.

Так в лагере № 518 все больше и больше пленных получали возможность дополнительного «заработка», что позволяло им улучшить свой жалкий лагерный рацион.

Рабочие на шахтах, не имевшие контактов с внешним миром, завели бойкую торговлю углем, который продавали мерзнувшим русским по договоренности с охраной, получавшей небольшое вознаграждение за то, что закрывала глаза на нарушения. Другие пользовались мастерскими, чтобы изготавливать искусно сработанные ножи с резными рукоятками и прочие вещи, которые сбывали тем же местным жителям.

Наш немецкий водитель грузовика, Фред Сбостны, с которым я как-то ездил в Тифлис, чтобы купить кое-что для нашей театральной труппы, рассказал, как ему удается поддерживать в исправном состоянии свой «Студебеккер». Когда требовались запчасти, русский комендант неизменно отвечал одно и то же:

– Возьми на шахте. Охрана в мастерской пусть сделает вид, что ничего не видит.

В итоге ему приходилось отправляться «на дело» по ночам, рискуя нарваться на неприятности, и подмазывать охрану.

Запчастей для «Студебеккеров», больше 100 000 единиц которых поставили русским во второй половине войны по ленд-лизу американцы, просто не было в продаже, и приходилось либо заниматься автомеханическим каннибализмом – снимать нужное с уже не подлежащей ремонту техники, – или же «доставать из-под полы». Но заполучить все тем или иным способом не всегда удавалось. Потихоньку, с течением лет три грузовика

превращались в два, а потом два – в один, пока и тот не испускал дух.

По все тому же соглашению американцы, чего-то там напутав, прислали в СССР огромное количество пижам. Для грузин, любивших все яркое, подобная поставка пришлась как раз кстати, так что даже в 1948 г. можно было встретить их разгуливавшими в городах в пижамах.

Русские офицеры и сотрудники НКВД, несомненно, видели, какие перемены происходят в лагере, и они были в достаточной мере реалистами, чтобы ценить наши достижения.

Лето 1948 г. отмечено двумя событиями, каждое из которых по-своему произвело на меня впечатление и в той или иной степени повлияло на дальнейшую судьбу.

Однажды меня по производственной необходимости отправили на неделю в венгерский лагерь, который тоже входил в нашу систему зон. Когда я прибыл туда, там как раз посадили в карцер трех венгров, вздумавших выражать недовольство условиями работы. Весь лагерь немедленно объявил голодовку, отправил депутацию к русскому коменданту с требованием их освобождения. Коль скоро ответ был отрицательным, голодовка продолжилась, а мне пришлось волей-неволей к ней присоединиться.

Голодные забастовки, смерти от нетипичных причин и самоубийства служили для русских сигналом тревоги. Из Москвы в спешном порядке прислали комиссию. Троих арестованных выпустили, и протест прекратился.

Что поразило меня, так это то единодушие, с которым весь лагерь включился в голодовку. Венгры ненавидели русских, которые оккупировали и их страну.

В ходе своего пребывания у венгров я научился у одного пастуха вязать. По возвращении в лагерь рабочие с шахты сделали мне несколько вязальных спиц, другие притащили провод, которым соединили спицы, и я начал вязать носки. Поскольку и мы и русские солдаты имели только полотняные портянки, а они не очень-то грели в холод, носки мои «пошли на ура». Со временем я так наловчился в вязании, что выдавал по несколько пар в неделю (иногда под заказ), которые немедленно сбывал товарищам по плену и охранявшим нас солдатам.

Второй волнующий момент касался уже нашего лагеря. Как-то вечером после работы ко мне пришел русский комендант:

– Полковник, подберите еще троих покрепче и через десять минут ко мне в караульное помещение.

Судя по всему, намечалось еще какое-то дельце.

Когда мы четверо явились, как было приказано, в караулку,

комендант передал нас грузину, с которым разговаривал очень почтительно и который, судя по всему, был видной фигурой в городке. Под охраной мы отправились в город. Когда я поинтересовался, что надо будет делать, человек посмотрел на меня грустно и произнес:

– Всё сами увидите. Надо будет помочь мне.

Мы пришли в ту часть городка, где располагались деревянные дома начальников и функционеров, отличавшиеся от обычных. Когда мы вошли в дом грузина, то увидели в гостиной на столе открытый гроб, в котором лежала красивая молодая девушка – дочь хозяина. Вокруг гроба, в соответствии с традициями Востока, плакали и причитали несколько женщин. Мы постояли в смущении поодаль, а потом спросили, чем мы четверо можем помочь в такой ситуации.

– Понесете гроб в церковь. Я похороню дочь там на кладбище. Вы ведь тоже христиане и имеете уважение к смерти.

Мы знали, что здание закрытой церкви с кладбищем при ней находилось на другом конце города.

– Уважаемый, мы сделаем как положено. Но путь длинный, вы же понимаете, так что возьмите табурет, чтобы мы могли опустить на него гроб и передохнуть, когда станет тяжело.

Итак, мы подняли гроб с лежавшей в нем в белых одеждах и украшениях из цветов девушкой и пошли, сопровождаемые ее отцом, который нес табурет. За ним следовала вся семья, а уже за ними – друзья и просто горожане. Процессия становилась все длиннее и длиннее. По обеим сторонам дороги стояли жители.

По нашему знаку отец девушки с табуретом подошел к нам. Не успели мы опустить гроб, как плакальщицы бросились к нему, чтобы еще раз коснуться девушки, пока мы отдыхали. В итоге мы пришли на церковное кладбище. Осквернённая церковь, превращенная в продовольственный склад, вывернутые памятники, заросший сорняками двор – все это не наполняло душу покоем. Отец с сыновьями уже выкопали могилу, так что мы поставили гроб рядом с ней. Тем временем двор наполнялся народом.

Когда закончилось прощание, гроб забили и мы медленно опустили его в яму. Сделав это, мы остались у могилы и прочитали молитву. Когда мы молились и потом, когда бросили на гроб три лопаты земли, собравшиеся посмотрели на нас с удивлением, однако их, судя по всему, так тронул наш жест, что люди тоже стали креститься и громко плакать.

Затем вместе с отцом девушки мы принялись закапывать могилу. Когда мы закончили, я не утерпел и спросил у него, отчего его дочь – такая молодая и такая красивая – так рано

умерла.

Ответ просто поразил меня:

– Тупая корова. Я всегда говорил ей, чтобы не занималась этим со своим кавалером на улице. Вот и схватила воспаление легких, ну и протянула ноги.

Мы буквально опешили.

Затем мы четверо вернулись с отцом в его дом, где уже накрыли стол для роскошных поминок по грузинским обычаям. Мы были поражены едой, которая находилась на столе, – годами мы не видели ничего подобного. Помимо маисовых лепешек и яиц с фруктами стол ломился от мяса, козьего сыра и домашней выпечки хлеба, от грузинского вина и коньяка. Когда около одиннадцати за нами явился охранник, ему тоже предложили угощение, от которого он не отказался.

Затем мы начали прощаться. Семья поблагодарила нас за помощь. Слегка пошатываясь, мы появились в караульном помещении, где ночной охранник встретил нас завистливыми замечаниями.

Чувствуя себя немножко предателями, мы рассказали нашим товарищам о «похоронах по-русски».

Глава 25 Штрафной лагерь. Голодовка и КГБ

Шла осень 1948 г. Потихоньку надвигалась зима. Мы все еще надеялись, что на Рождество будем дома. Случилось же нечто совсем иное.

Без предупреждений, как обычно бывало и со всем остальным, начальство произвело отбор. Все штабные офицеры, бывшие военнослужащие войск СС и сотрудники полиции, включая и тех, кого таковыми считал КГБ, а также и те, кто сражался с партизанами, получили приказ собраться для перевода в особый лагерь. Мы были раздавлены.

Было очень тяжело прощаться с теми, кто оставался и с кем мы столько всего вынесли за эти более чем три года. Мы едва успели назвать им наши домашние адреса, чтобы они запомнили их, как появился русский комендант:

– Ничего не могу поделать. Приказ из Москвы. Вы отличные работники, не только шахтному начальству, но и многим тут будет не хватать вас. Ничего, не беспокойтесь, скоро и вас отпустят, поедете домой.

Хотя в его словах было мало утешительного, говорились они от чистого сердца. Чувствовалась в них русская душа.

Мы вновь очутились в закрытых вагонах с незнакомой, не расположенной к шуткам охраной. Солдаты вели себя так, словно бы имели дело с особо опасными преступниками.

Во второй половине дня состав выкатился в долину, в которой, подчас в наскоро выкопанных неглубоких общих могилах, осталось лежать так много наших товарищей. Мы проследовали мимо маленького деревянного строения – того самого, через которое однажды прошел наш «груз древесины». Далеко вверху, там, где мне приходилось работать в поисковом шахтерском отряде, виднелся первый снег.

Мысленно мы оставались с нашими товарищами по плену. Как мы узнали позднее, всех пленных из лагеря № 7518/I в конце сентября перевели в другой лагерь на окраине Кутаиси. Говорили, что раньше в нем содержались «Вермахтсхильфериннен» (девушки, служившие в немецких вооруженных силах в качестве вспомогательного персонала). Недалеко от лагеря находился завод фирмы «Опель», перевезенный из Восточной Германии сюда, где его оборудование медленно ржавело и приходило в негодность.

Винанд рассказал мне потом, что на протяжении октября

1949 г. их всех, за редким исключением, освободили. Сам он уехал с Кавказа 12 октября, а 28 октября уже прибыл в Кельн.

Другой товарищ по плену, Кельройтер, сумел побывать в Ткибули как турист в 1978 г. Он сообщил, что наш лагерь № 7518/I больше не существует. Исчезли все следы страданий наших.

Но то все случилось потом, а сейчас эшелон наш, грохоча на стыках рельсов, катился дальше на восток через равнинные районы Кавказа. Казалось, этому не будет конца, но вдруг в предместьях Тбилиси (Тифлиса), столицы Грузии, нам дали команду на выход.

В пересыльном лагере, в который нас доставили, теснилось уже полным-полно «отборных» пленных из других лагерей. Они тоже не имели никакого понятия, что нас всех ожидает.

Комендант «поприветствовал» нас:

– Обращаться с вами будут хорошо. В Москве знают, как надо. Штабные офицеры не работают.

Меня снова задействовали как переводчика, однако мой пропуск из Ткибули тут, к сожалению, не действовал. Мы, офицеры генштаба, не слишком-то обрадовались по поводу дарованного нам права не работать, однако делалось это в соответствии с Женевской конвенцией.

Тут у нас не было радио, как не было контакта с местным населением и возможности подработать. Мы сидели в лагере, изнывали от безделья и ждали, какие новости принесут нам те, кто работал в бригадах за пределами территории.

Трудно представить себе это, но мы начали скучать о нашем лагере в горах – вспоминать его чуть ли не с чувством ностальгии. Работа там была тяжелой и для некоторых непосильной, но она отвлекала от тяжких раздумий. За трудами мы – те, кто уцелел и выдержал, не сломался физически и морально, – забывали о тяжких мыслях, отбрасывали прочь разрушительные раздумья о своей горькой судьбе.

Обращались с нами в Тифлисе надлежащим образом, однако статус наш при этом изменился – из военнопленных мы превратились в заключенных. Меня снова вызывали и предлагали назвать тех офицеров, кто, по моему мнению, мог служить в полиции и в СС. За отказ меня на сутки отправили в стоячий карцер, где я простоял все 24 часа, имея из еды только миску водянистой похлебки и кусок хлеба. В потолке находилось отверстие для воздуха, а вокруг – только бетонные стены. Как долго тут можно выдержать, я не представляю.

Вынужденное безделье в лагере позволило мне подвести некоторые промежуточные итоги.

За три с половиной года я нажил немало опыта. Научился выполнять работу, о которой прежде только слышал. Мне довелось на собственном примере проверить, что воля к жизни и умение выживать играют решающую роль в ситуациях, подобных той, в которую мы все угодили. Очень важным было и то, что мы не теряли надежды вернуться домой. Я усвоил, что с русскими нужно говорить прямо и откровенно, это подкупало их. Они презирали соглашателей, не говоря уже о доносчиках.

Помню, что сказал мне один чин из НКВД: «Конечно, мы используем предателей, но кто сказал, что они нам нравятся?»

Картина, которая сложилась у меня из собственного накопившегося за годы опыта, коренным образом отличалась от той, которую рисовал нам Гитлер со своим министром пропаганды Геббельсом, а именно от всех этих теорий вроде той, что русские-де недочеловеки и не имеют права на существование.

Думаю, что месяцы войны в России, но особенно годы плена помогли мне понять очень многое и до известной степени разобраться в образе мышления русских. Я не имею в виду властные структуры – центр, то есть Москву, я говорю о простых русских людях.

Русские, точно дети, могут в один момент быть жестокими, а буквально в следующий поделиться с тобой черствой горбушкой – последним, что у них есть. Я полюбил этих людей, которые, несмотря на жизнь под постоянным гнетом, никогда не утрачивали индивидуальности и не переставали любить свою страну. Вечерами мы нередко слышали пение, доносившееся до нас из русских лагерей, грустные песни под гармонь, которые, казалось, исходили у этих людей из самых глубин души.

Однако доводилось нам становиться свидетелем и таких вещей, от которых закипала кровь и которые заставляли нас вспоминать о заплечных дел мастерах Средневековья.

С наших зубов срывались золотые коронки, нас заставляли на тачках вывозить за пределы лагеря трупы наших товарищей, сваливать их в ямы и засыпать землей, а еще – постоянные «шмоны» – обыски, в процессе которых у нас отбирали последнюю собственность. Все это казалось нам бессмысленной варварской жестокостью. Даже фотографии близких у нас отнимали и рвали на наших глазах. На наши мольбы сохранить хотя бы снимки наших близких нам обычно отвечали грубыми насмешками и словами вроде: «В Германии бабы хорошие и покладистые. Твоя жена давно уже с другим».

И еще выводило из себя это извечное «давай», которым подгоняли нас надсмотрщики и охранники, как и не менее любимое «завтра», которое мы слышали в том числе и как ответ

на вопрос, когда же нас отправят домой. Для нас это походило на издевательство.

На работе наши отношения с русскими осужденными, трудившимися плечом к плечу с нами, были намного лучше. Наверное, нас объединяла общность судеб – одна и та же участь, к которой они, однако, приспосабливались быстрее, чем мы. В какой-то момент в России насчитывалось до трех миллионов заключенных из числа самих русских. В городах и селах почти в каждой семье был хоть один человек, отбывавший или уже отбывший срок в лагере. Но если подумать, не являлась ли вся Россия одним гигантским лагерем?

Тянулись монотонные дни, проходили недели. Раньше душу грели хотя бы письма из дома, тут же поначалу мы были лишены и этого – требовалось не меньше месяца, чтобы новый адрес дошел до близких и они смогли написать ответ.

Мы не понимали, почему русские засунули нас, штабных офицеров, в один лагерь с военнослужащими полиции и войск СС, которых они называли «военными преступниками». Возможно, нас считали в перспективе «реваншистами»? Это определение живо в русском языке и по сей день.

Халли Момм жаловался больше всех:

– Я был против Гитлера, за что меня разжаловали и отправили «исправляться» в «бригаду Дирлевангера». Так за что же теперь меня держат здесь?

Но вот по пересыльному лагерю пополз слух о том, что нас скоро всех отправят в штрафной лагерь. Русский офицер сказал нам следующее:

– Поедете в штрафной лагерь, где вам вынесут приговоры.

Что это было, угроза или информация?

Он сказал правду. С конца 1948 г. и далее в начале 1949 г. из Тифлиса один за другим уходили эшелоны, которые отвозили нас в неизвестном направлении. Наступил и мой черед. Снова вагон, запертые на засов двери и подозрительные охранники. Надежда уходила, сменяясь апатией. Снова стучали колеса – составы катились на север, путь опять лежал через горы Эльбруса, чтобы закончиться наконец, как узналось позднее, в районе Киева, столицы Украины.

Во время долгого путешествия мы рассуждали о том, что же сталось с мечтой Ленина о государстве рабочих и крестьян – государственный капитализм самого гнусного пошиба, которым заправлял всевластный аппарат, опирающийся на грубое насилие и опутавший всю страну сетью осведомителей и соглядатаев. То, что получилось, было империей функционеров, основанной на «законах подхалимажа» – пресмыкайся перед высшими и

втаптывай в грязь низших; всем здесь хотелось прорваться вперед, выкарабкаться наверх, выбраться из массы любыми путями. Мне не попадался ни один офицер или функционер, который бы относился к людям по-человечески. Чем труднее становилось воплощать в жизнь идеи Маркса и Ленина, тем более жестокой и продажной делалась система. Любые послабления могли в долгосрочной перспективе привести только к одному – к крушению. Глубочайшее разочарование испытывали те из наших товарищей по плену, которые в Германии вступили в ряды коммунистической партии, причем немало вынесли и выстрадали из-за приверженности к этой идеологии. Вера их поколебалась.

За несколько дней до нашей отправки в Киев мой багаж воспоминаний пополнился еще одним невероятным рассказом. По пути на обед рядом со мной вдруг откуда ни возьмись вырос молодой человек.

– Господин полковник! Боже мой! И вы тут! Вы что, не узнаете меня?

Передо мной оказался дежурный офицер из штаба 1-го батальона моего 125-го танково-гренадерского полка – батальона, на который 18 июля 1944 г. в ходе операции «Гудвуд» противник обрушил настоящий шквал снарядов и бомб и который практически полностью уничтожил. Тогда я тщетно пытался установить связь с этой частью и только лишь предполагал, что у них потери должны быть очень высокими.

– Бог ты мой, откуда вы и как тут очутились? Я и не думал, что вы живы. Расскажите же, что с вами произошло.

Мы договорились встретиться вечером, встретились, и он поведал мне свою историю:

– Поскольку мы хорошо окопались, во время обстрела и бомбардировки потери у нас были не такие уж значительные, как могли бы быть. Но потом, поскольку мы оказывали сильное противодействие, нас потрепали, а уцелевшие попали в плен к британцам. По каким-то неизвестным нам причинам нас передали американцам. Я в итоге оказался в США, а если точнее – на Среднем Западе. Обращались с нами просто первоклассно. Мне даже позволили продолжать занятия геологией и держать экзамен перед комиссией из Швейцарии. Мы не были обязаны работать, кто хотел – мог добровольно. Я работал, причем зарабатывал столько, что хватало не только на книжки, но и на то, чтобы заказывать костюмы у портного.

– Так как же вы сюда-то попали? – не утерпел я.

– А вот послушайте, – продолжал он. – В 1948 г. нас освободили. Мне позволили все забрать с собой, и я упаковал вещи в несколько ящиков, которые американцы и отправили в

Германию. По прибытии туда я предъявил свидетельство об освобождении американскому офицеру, который спросил меня, куда бы я желал направиться. Я ответил, что хотел бы поехать к маме в Дрезден. «Боже мой! – воскликнул он. – Это же русская зона. У вас будут проблемы. Оставайтесь лучше в нашей зоне». Имея на руках свидетельство об освобождении, я не видел причин бояться и настоял. «Хорошо-хорошо, желаю удачи. Надеюсь, вам не придется пожалеть».

До мамы я так и не доехал. Едва пересек демаркационную линию между американской и русской зонами, предъявил свидетельство и попросил разрешения поехать к матери, так и начались мои беды.

«Свидетельство американское и не имеет силы у нас, – заявили мне русские. – Вы немецкий офицер и реваншист, ваше место в лагере».

На следующий день я вместе с такими же наивными идеалистами оказался в эшелоне, который и доставил меня сюда, – закончил он рассказ о роковом путешествии.

Этому бывшему офицеру по меньшей мере хоть повезло – он работал как геолог за пределами лагеря в Тифлисе, хотя, конечно, и не на таких вольготных условиях, как у американцев.

В тифлисском лагере мне довелось столкнуться и с другим, более занимательным случаем. В конце 1948 г. туда прибыли военнопленные, ранее содержавшиеся в лагере в Румынии на Черном море. Один из них, тоже ужасно расстроенный, рассказал нам веселую историю:

– Я состоял в бригаде, которая занималась ремонтом не сильно поврежденных зданий на бывшем минеральном курорте. Туда должны были переехать офицеры из русских оккупационных войск. В дом, где работал я, каждый день наведывался русский подполковник с деревянным сундучком, в котором находилась сушеная рыба – его дневной сухой паек.

«Когда сдадите дом? Мне приходится спать в машине, хотелось бы поскорее переехать». – «Через несколько дней. В ванную комнату еще не подвели воду», – отвечал я неизменно.

И вот как-то его терпению настал конец. Когда он вернулся в очередной раз, то заявил: «Все, остаюсь тут. Не нужна мне вода, я и во дворе у колодца помоюсь». Надо заметить, что никакого колодца там не было.

Он поставил свой сундучок, вынул сушеную рыбу: «Некультурные вы, ни колодца, ни ванной – вообще воды нет. Где мне смывать соль с рыбы?»

Я повел его в туалет: «Единственное место, где сейчас есть вода».

Я вернулся к работе и вдруг услышал рев – ругательства и вопли, доносившиеся из туалета: «Рыбу упустил! Ушла! Черт бы побрал культуру! Ищи рыбу!»

Я попытался убедить его в том, что искать рыбу теперь бесполезно, но он схватил меня за руку и принялся носиться с одного этажа на другой. В итоге он плюнул на все и отправился добывать другую рыбу.

Есть ли смысл винить этого человека за такое поведение? Даже и подполковник вовсе не обязательно должен был иметь знакомство с подобными благами цивилизации, так или иначе, обычный деревянный колодец подошел бы ему лучше.

Но вернемся в Киев.

Погода тут была куда хуже, чем на южнокавказской равнине. Мы замерзали в лагере, который был к тому же плохо оборудован и предназначен для жизни еще меньше, чем прежний. Мы же так или иначе пытались как-то обжиться там и все никак не могли взять в толк, почему штабных офицеров содержат вместе с «военными преступниками». Однако общая участь сближала нас, и мы нормально ладили. Хотя и неофициально, комендант привлекал меня в качестве переводчика во время допросов и обращений к обитателям лагеря. Комендант и охранники были сплошь набраны в войсках НКВД, каковая структура располагала собственными вооруженными формированиями параллельно с русской армией.

Я подружился с русской переводчицей, служившей в лагере врачом. От нее узнал кое-что относительно распоряжений Москвы, касавшихся пищевого довольствия и других вопросов. Согласно постановлениям, мы должны были получать больше масла, сахара и хлеба, чем в действительности получали. Постепенно почувствовав почву под ногами как сообщество людей, мы решились выдвигать требования, и я сделал заявление о невыполнении нормативов по питанию. Жалоба наша была отвергнута.

Вспоминая опыт венгерского лагеря, я предложил прибегнуть к голодовке. Начались споры – многие сомневались в целесообразности таких мер и боялись идти на риск. Однако доводы в отношении того, что хуже не будет и что терять нам нечего, возобладали.

Так однажды утром мы отказались от скудной кормежки. Через двое суток комендант уразумел, что мы не шутим, и «зашевелился».

– Кончайте с этим, сукины дети, или я кого-нибудь пристрелю.

Некоторые из нас заколебались, засомневались, правильно ли

мы поступаем. Однако остальные убедили их держать голодовку и дальше.

Увидев, что угрозы не возымели действия, комендант прибегнул к задабриванию:

– Хорошо, если сегодня вы кончите голодать, завтра получите масло и постельные принадлежности.

На это мы отвечали:

– Когда наши условия будут выполнены, мы прекратим голодать.

На следующий день все осталось по-прежнему. Да и не могло быть иначе, потому что, как сказала мне переводчица, ни масла, ни постельных принадлежностей просто не имелось в наличии. Так откуда же они возьмутся у коменданта?

– Хорошо, – решили мы, – будем продолжать.

Еще через пять дней прибыла комиссия из Москвы. Голодовка служила тревожным сигналом. Да к тому же русских беспокоили бывшие союзники, так как новости из Киева проникали на Запад быстрее, чем с Кавказа. В общем, меня подняли ночью с постели, и я предстал перед русской комиссией как немецкий переводчик нашей депутации. Переводчиком от «противоположной стороны» выступала женщина-врач. Перед нами сидели офицер НКВД, мужчина лет тридцати пяти, и несколько человек в гражданском – тоже, конечно, сотрудники спецслужб. Выражение лица председателя комиссии не было привычно суровыми.

– По каким причинам начата голодовка? – спокойно поинтересовался он. – Почему бы просто не договориться с комендантом, он мог бы все решить.

– Но он не решил, – ответил я через переводчицу. – Поэтому мы и прибегли к голодовке. Мы обратили внимание коменданта на необходимость выполнять постановления, но получили отрицательный ответ, потом с нами начали торговаться.

Мы знакомы с Женевской конвенцией, – продолжал я. – Мы знаем, каковы установки из Москвы в отношении обращения с военнопленными. Нам известно, что письма, посланные нами в Москву, достигли адресата и факты были приняты к сведению. Нам также известно о переговорах правительств СССР, США, Британии, Франции и Китая касательно необходимости освобождения немецких военнопленных в соответствии с международными правилами.

Мы в состоянии довести до сведения западных правительств реальное положение дел в лагерях, особенно в этом лагере. Не спрашивайте, как, мы вам не скажем, но сделать сделаем. Господину Сталину не понравится, если союзники скажут ему о том, как тут обращаются с людьми. Мы всего лишь требуем

выполнения постановлений и ничего больше.

Реакция нас поразила. После кратких консультаций с членами комиссии офицер НКВД дал нам свой ответ:

– Ваши условия будут выполнены. Ввиду плохого положения со снабжением продовольствием и неудовлетворительной работы транспорта не все идет так, как до́лжно. Но мы не звери – заканчивайте голодовку.

Что ж, хорошо. Он нашел возможность сохранить лицо, а мы согласились закончить голодовку, как только будут выполнены наши требования. Через двое суток мы получили постельное белье и установленное нормами пищевое довольствие. Более того, к нашему облегчению, мы увидели, что комендант не затаил на нас зла.

Мало того, я не без удивления узнал, что офицер НКВД желает поговорить со мной одним в присутствии переводчицы.

– Полковник, – начал он, – у меня есть вопрос: как вы думаете, сколько убежденных коммунистов находится в этом и других лагерях для немецких военнопленных?

Что это, вопрос на засыпку? Ответить на него было непросто, а открывать ему мое настоящее мнение было просто опасно. Я сказал следующее:

– Процентов десять, как мне кажется.

– Нет-нет, это многовато. От шести до семи процентов, – возразил он. – И еще, полковник, сколько их, по вашему мнению, в Восточной Германии?

– Ну, поскольку вы находитесь в Восточной Германии уже лет пять, должно быть, от восьми до десяти процентов.

– Самое большее – от трех до четырех процентов. А что насчет Западной Германии?

Пораженный его данными, я предположил:

– Меньше, наверное, процента два или три.

Его слова поразили меня:

– Ни одного! Мы в Москве реалисты. И поскольку мы являемся таковыми, то не видим шанса вселить в немецкий народ веру в коммунистические идеалы, – и он заключил: – Ни итальянских, ни французских коммунистов нельзя считать надежными, ставить их в один ряд с нами. Они в первую очередь итальянцы и французы. Британия по ту сторону Ла-Манша, американцы и вовсе далеко. Мы должны, обязаны принимать вас в расчет.

Он помолчал и продолжил, и в словах его слышались сомнение и страх:

– Однажды вы захотите создать армию, которую бросите против нас. Потому в наших интересах, чтобы Германия

оставалась «нейтральной». Если Германия будет нейтральной, то угрозы нам нет. Мы должны убедить Европу в правильности наших устремлений, но также и в нашем твердом намерении более не допускать войны на своей территории. Вот как обстоят дела, полковник.

Никогда еще за время плена у меня не было такого интересного и содержательного разговора с начальником. Его мнение совпадало с тем, что думали простые солдаты, русские заключенные и гражданское население, от которых я уже слышал раньше: «Хотя нам будет нелегко забыть прошлое, нам придется забыть его. Но вы вернетесь в свою страну. Затем создадите новую армию и пойдете на Россию, станете жечь наши деревни, убивать или угонять в плен наших людей».

Как же избавить от этого страха простых граждан и «реалистов» в Москве? С учетом подобного рода убеждений и следует расценивать шумную реакцию СССР по поводу создания Бундесвера, то есть вооруженных сил ФРГ, и ее союза с супердержавой – США.

Глава 26 Освобождение

Прошли недели и месяцы.

Надежда на возвращение домой медленно угасала. Особенно тяжело было слышать о том, что из «нормальных» лагерей уже освобождают.

Нас, «осужденных», явно не считали за «нормальных». Однако после успеха голодовки нам не хотелось сдаваться. Результат этой акции служил нам чем-то вроде тонизирующего средства. С того момента больше никого не посылали на работу. Мы получали еду и занимались обсуждением циркулировавших слухов.

В конце осени 1949 г. наступили холода, пошел снег, который быстро укрыл просторы Украины белым покрывалом. Затем русская переводчица сообщила, что даже в нашем лагере будут освобождать, но только не всех, а до 85 процентов. Трудно представить себе, какая эйфория воцарилась в лагере в свете перспективы очутиться дома, однако скоро нами вновь овладели сомнения. Слишком много нас уже кормили пустыми обещаниями вроде «завтра домой».

В конце октября из Москвы прибыла первая комиссия. И вот на допрос повели первых невольников – конечно, как всегда, ночью. «Что вас спрашивали? Кто задает вопросы? Какое сложилось впечатление?» Никто не знал, чем может закончиться допрос. Сотрудники КГБ были непроницаемыми. По их поведению не представлялось возможным понять, расположены они к человеку или нет, не было ясно, на какой результат рассчитывать – на отрицательный или положительный.

Кому доведется оказаться в 15 процентах остающихся?

Неуверенность, надежда и волнение – все это жило с нами в те дни. Комиссия уехала, допросив только часть пленных. А что с остальными? Ничего – ничего не происходило. Наши нервы натянулись до предела. Среди нас воцарилось тяжелое уныние.

И вот через несколько суток в наших бараках появились офицеры НКВД со списком фамилий. Тем, чьи имена назывались, полагалось собрать вещи и построиться во дворе. Все происходило, конечно же, ночью, но никто не мог спать от волнения. Когда же остальные – те, чьи фамилии не назвали, – вышли во двор, чтобы посмотреть, что там делается, нас довольно грубо загнали обратно. Хуже всего было тем, кого допрашивали, но не вызвали. Мы не знали, чем их утешить.

И вот до нас донеслось громогласное «Давай!», и через окна мы увидели, как маленькая колонна побрела к выходу из лагеря.

Куда их уводили?

На следующее утро я встретился с переводчицей.

– Что происходит? – спросил я. – Их отправляют домой?

– Думаю, да, – ответила она. – Состав ушел с незапертыми дверьми. Это должно означать – домой.

– А остальные? Те, кого допрашивали, но оставили? Что с ними?

– Я же говорила вам, – напомнила она, – пятнадцать процентов.

Даже переводчица могла только догадываться, столь непрозрачными были структуры НКВД, столь плотной тайной окутывались их действия.

– Это приговор? И что дальше? – задал я следующий вопрос. – Комиссия ведь уехала. Что же теперь?

– Приедет другая, – проговорила она, успокаивая меня. – Они будут всех допрашивать и решать, кому ехать домой.

Вскоре после этого разговора я столкнулся с знакомым по лагерю № 518/I. Он был подавлен.

– После всех лет лишений, – произнес он, – после тяжелой работы на шахтах меня вдруг обвинили в участии в борьбе с партизанами и заявили, что отправят в качестве наказания в особый лагерь. Я никогда не воевал с партизанами, да и вообще пробыл в России совсем недолго. Но я не могу ничего доказать. Они, должно быть, просто перепутали. Сюда меня доставили под охраной.

Мы сочувствовали ему. Ужасно выносить эти страдания, но еще хуже мучает сознание, что ты ни в чем не виноват.

– А как там в нашем старом лагере? – спросил я его. – Как там наши друзья?

– В самом начале 1949 г. нас перевели в лагерь № II, а потом вскоре начали освобождать. Теперь уж, надеюсь, всех отпустили.

Из Москвы приехала новая комиссия.

Снова повторилась та же процедура – ночные допросы, отбор и отправка. Потом явилась третья комиссия. Народу в лагере становилось все меньше. Мы, остаток, с надеждой ждали решения своей участи следующей комиссией, стараясь утешить тех, кто попал в пятнадцать процентов и кому приходилось остаться. Наконец – с прибытием четвертой комиссии – настал мой черед идти на допрос.

Нам, тем, кому выпал жребий ехать домой, приказали собрать пожитки и затем проследовать в раздевалку, где нам выдали новое русское зимнее обмундирование: телогрейки и ватные штаны, а также новые портянки, служившие вместо носков.

Носки, связанные мной самим, которыми я гордился и которые так хотел показать матери, были у меня изъяты.

– Некультурно! – заявили русские.

Однако мне удалось сохранить Рыцарский крест, который я умудрился спрятать от русских и вывезти в Германию. За пару связанных мною носков немецкий столяр в лагере сделал мне маленький деревянный крест с полостью в нем, в которую я поместил свой Рыцарский крест и затем залил клеем.

Ирония судьбы в том, что моя первая квартира в Гамбурге была вскоре обворована и Рыцарский крест пропал с другими вещами.

Наш эшелон шел на запад через заснеженные поля, на которых пять лет назад разыгрывались последние сражения войны в России. Под снегом в земле лежали погибшие – сотни тысяч.

В Бресте (бывшем Брест-Литовске), с 1939 г. пограничном городе между Польшей и Россией, состав сделал первую продолжительную остановку. Нам предстояло пересаживаться из русских вагонов в европейские.

Вдруг в вагонах появились русские офицеры со списками. Радость уступила место страху. И не зря! Десять человек были уведены ими неизвестно куда.

Что за жестокая судьба! Неужели эта пытка неопределенностью никогда не закончится? Мы вдруг осознали, что по-настоящему будем в безопасности лишь тогда, когда пересечем границу Западной Германии.

На каждой следующей остановке мы жались в углы вагона в детской надежде, что, может быть, нас не заметят. Мы ехали по польской территории к Восточной Германии, однако по-прежнему находились во власти русских.

Как-то мы остановились в поле. Неподалеку виднелось село. По снежной целине к составу подошли несколько крестьян.

– Откуда? Вы немцы? Пленные?

Мы закивали, но с опаской, думая, что они, может быть, переодетые сотрудники НКВД.

– Везет вам, товарищи, домой попадете. А мы из Бреста, что был в Польше, а нынче в России. Живем теперь тут, где жили немцы, – эту землю нам дали русские. Тяжко нам. Должны все отдавать русским – коров, зерно и масло. Самим приходится голодать. Не таите на нас зла, не мы отняли у вас родину.

Спустя пять лет мы имели дело с жестокой реальностью. Немецкие территории были отобраны у немцев и переданы полякам, у которых, в свою очередь, отняли их родину на востоке. Что за политические игры?!

В конце декабря мы добрались до границы Польши и Восточной Германии. Наконец-то мы прибыли на *свою* землю, пусть и именовавшуюся «Восточной зоной», оккупированной и контролируемой русскими. Нас передали восточногерманским охранникам, настроенным недружественно и не расположенным ни к каким разговорам. И все же тут мы чувствовали себя в большей безопасности. Мы совершенно забыли, что наступило и прошло Рождество, праздник мира, что начался новый год. И вот мы неожиданно остановились в поле.

– Выходите! Всем оставаться у вагонов! – прозвучал приказ. Что теперь? Наши нервы не могли выдержать очередного испытания. Мы держались на пределе. Может быть, восточным немцам приказали оставить нас в своей зоне?

– Мы пойдем к границе с Западной Германией. Там каждого будут вызывать по фамилии. Названный должен перейти границу, не останавливаясь.

Эти слова принесли облегчение.

Один за другим мы шагали по дороге к свободе, о которой столько мечтали. Сначала осторожно и медленно, потом быстрее – и вот уже каждый изо всех сил бежал через открытый шлагбаум. На голых ветках деревьев мы видели десятки меховых русских шапок. Поняв, что это означало, мы срывали со своих голов такие же шапки и с громкими криками бросали их на деревья.
Свобода! После почти пяти лет – снова свобода!

Заботу о нас приняли на себя сотрудники Немецкого Красного Креста.

Некоторых пришлось вести под руки – ноги отказали, когда спала волна последнего напряжения. Затем нас отправили в лагерь во Фридланде, который существует и поныне. Там начались скучные и длинные, но необходимые формальности.

Однако перед этим всем дали возможность принять ванну. Что за прелесть после стольких лет!

Затем последовали регистрация и опрос – в частности, относительно того, куда каждый хотел бы быть направлен, – а также и бесстрастный допрос, который вели британские офицеры, интересовавшиеся условиями жизни в лагерях в России: питанием, обращением и всем прочим.

Потом мы получили возможность бесплатно позвонить близким. Трудно описать сцены, которые разыгрывались там. Никто не стыдился слез.

Я пожелал отправиться во Фленсбург на границу с Данией, получил билет и «увольнительные» – 300 DM (марок ФРГ), полагавшиеся каждому военнопленному.

Винанд и другие товарищи по плену ехали в сопровождении

капитана Замхарадзе [153] , коменданта лагеря № 7518/I, до самой русской границы в Брест-Литовске. Тут пленных на прощание обыскали. Их обругали последними словами и отобрали все, что можно. «Последний привет от Замхарадзе», как называли они эту «акцию».

По пути во Фленсбург я решил сделать остановку в Гамбурге, чтобы повидаться со старыми друзьями.

Ранним утром 5 января 1950 г., в официальный день своего увольнения, я прибыл в Гамбург. На платформе меня встречал мой добрый друг Боос. Он не сразу узнал меня в ватнике, однако когда узнал, мы бросились друг другу в объятья.

– Идем, дружище, – произнес он, – поедем прямо домой. Моя жена уже ждет там с завтраком, «достойным короля». Помнишь, как мы, бывало, завтракали, когда ты привозил с фронта все те деликатесы – все то, чего мы дома уже давно не видели?

Там, в его доме за городом, я впервые снял с себя ватник и штаны. Наконец-то я снова стал человеком!

– Сейчас сожжем всю эту дрянь, – пообещал мой друг. – Во-первых, чтобы ты скорее забыл о плене, во-вторых, чтобы не занести в дом клопов или вшей. Вот мои вещи.

После такой роскоши, как ванна, мы уселись перед горящим камином, где ели и пили все, что только нашлось в его подвале. Происходившее казалось мне сном.

Как бы увенчивая великолепие встречи королевской короной, мой друг открыл шампанское – Veuve Cliquot Rosé [154] урожая 1937 года.

– Забыл? Ты же сам как-то привез мне из Франции ящик, двенадцать бутылок. Мы откупорили одну в канун Нового года в 1944 г., выпили за тебя и за наступление мира в 1945 г. Десять бутылок обменяли на еду в британской офицерской столовой. Но последнюю сохранили – боялись, что, если ее не будет, ты не вернешься. Теперь вот настал момент открыть бутылку и с полным правом осушить за твое благополучное возвращение и за то, что мы вновь вместе.

«А у тебя есть настоящие друзья», – подумал я, растроганный.

На следующий день я поехал к матери и сестре. Они с братом, который служил на минном тральщике, но ушел в отставку досрочно, встречали меня на вокзале с цветами. Снова среди своих!

Дома я обнаружил, что многие вещи, которые я любил, исчезли. Чтобы прожить, матери приходилось менять на продукты многие предметы искусства из Китая и Японии. Только японский чайный сервиз уцелел. Его не тронули по тем же причинам, по которым мои друзья под Гамбургом сохранили

бутылку шампанского.
Наступал момент заново строить жизнь. Когда позднее я поехал в Гамбург искать работу, вышеназванные друзья пригласили меня пожить у них. Когда я приехал, друг церемонно вручил мне небольшой презент. То была пробка из-под шампанского с вырезанной на ней датой «5 января 1950 г.».

Глава 27 Начиная жизнь заново

Дагмар

На самом старте моей новой жизни меня ждал удар под дых. Добравшись до Фленсбурга, я немедленно позвонил Дагмар в Берлин. Она обещала приехать через несколько дней на уикенд и немного задержаться – большего не позволила бы ее работа на телевидении. Я с огромным волнением ожидал нашей встречи после стольких лет разлуки.

Из тех немногих открыток, которые присылала она мне в Россию, я знал, что Дагмар сделалась преуспевающей журналисткой, а также и то, что она сохранила верность мне и ждет. В ее квартире в Берлине для меня уже давно была приготовлена отдельная комната.

И вот мы стояли на холодном перроне и смотрели друг на друга с неуверенностью и сомнением.

– Ты хорошо выглядишь, – начал я, стараясь преодолеть смущение момента, которого я так долго ждал в лагере, днями и ночами мечтая о нашей встрече. – Ты даже красивее, чем была, только устаешь, видно.

– Ты тоже хорошо выглядишь. Много лучше, чем я ожидала после всех этих лет в России.

– Что ж, я никогда не позволял себе ослабнуть, никогда не терял надежды дожить до встречи с тобой.

Потом мы сидели за кофе. Мать и сестра оставили нас вдвоем.

Дагмар рассказала мне о себе, о том, как удачно доехала на «Мерседесе» до Фленсбурга, как стала работать переводчицей у британцев, как потом пошла на Norddeutschlandfunk (Радио Северной Германии), а затем на телевидение. Дагмар сделала успешную карьеру, превратившись из примерной и прилежной дочки «хороших родителей» во взрослого человека – пользующегося большой популярностью репортера.

– Я уже наводила справки о возможности для тебя пристроиться на телевидении, на радио или в прессе, – начала она. – Пока, к сожалению, безуспешно. Полно профессионалов, которые стоят в очереди и ждут любой вакансии.

Затем Дагмар завела речь о том, с какими интересными людьми она работает, о знаменитостях, у которых ей доводилось брать интервью, о той радости, которую доставляет ей ее профессия.

Вдруг до меня стало доходить, что я, как это ни печально, подобно моим товарищам по плену, нахожусь там же, где и находился в начале 1945 г., – никаких шансов на будущее. Мы

жили в разных мирах, между нами зияла пропасть, и моста через нее не было. Похоже, и Дагмар чувствовала то же самое.

– Нам придется многое обдумать, – сказала она. – Многое совсем не так, как мне все эти годы представлялось. Приезжай поскорее в Берлин. Ты увидишь, как я живу и работаю, познакомишься с друзьями и коллегами.

Я проводил Дагмар на поезд и уже знал, что все кончилось. Несмотря на шок, который я пережил, я радовался, что мы не поженились. Многие друзья столкнулись с подобным же – их браки не пережили пяти лет разлуки.

Через несколько дней мне из Гамбурга позвонил Боос:

– Приезжай к нам. Я тут думал, чем бы ты мог заняться.

В Гамбурге я рассказал Боосу о том, в какой ситуации оказались мы с Дагмар.

– Люк, я хорошо знаю Дагмар. Она часто приезжала сюда, когда работала на радио. Время и жизнь развели вас. Никто ни в чем не виноват. Но и поделать ничего нельзя. Дагмар страдает не меньше тебя и хочет начать все сначала с тобой, но у вас не получится.

Все же я поехал в Берлин. Квартира ее поражала – сразу видно, жилье богемы. «Моя комната» походила на музей: на стенах висели наши фотографии, сделанные в Париже, повсюду были вещи, которые мы покупали вместе. Заходили ее друзья – все журналисты и сотрудники телевидения. Присутствовала во все этом какая-то излишняя возня – слишком много профессионального и искусственного. «Приятно познакомиться. Дагмар много рассказывала о вас. Какие трудности?» Настоящего интереса не было. Когда Дагмар притащила меня на одну из бесчисленных «па́рти», я стоял там и понимал: мне здесь не место.

Дагмар рано приходилось уходить на студию, а возвращалась она только поздно вечером. Боос был прав: жизнь развела нас по разным мирам.

На третий день я решил уехать.

– Дагмар, давай останемся друзьями. Мы не можем вернуться на пять лет назад, не можем сделать вид, что ничего не произошло. «Моя комната» в твоей квартире… она похожа на памятник. Все напоминает о прошлом, но это только монумент – мертвый монумент.

Так мы и расстались.

5 января 1950 г. подвело черту под моей прошлой жизнью. День этот и в самом деле стал «днем ноль» – рубежом.

С тех пор мне довелось увидеться с Дагмар лишь однажды, уже несколько лет спустя. Как-то вдруг она позвонила в мою

дверь.

– Там, на улице, ждет человек. Он мне нравится. Не хотел бы ты взглянуть на него? Поговорить с ним? Если ты решишь, что он мне подходит, я выйду за него, если нет – я откажу.

Я не смог сдержать смеха. Конец романа, завязавшегося во время войны, принял элементы мелодраматической трагикомедии.

Я подумал, что тот человек, наверное, подходящая партия – преуспевающий бизнесмен с домом на Лаго-Маджоре [155] , ну и, конечно, на «Порше».

– Уверен, он – то, что надо, Дагмар. Надеюсь, ты с ним будешь счастлива.

Через два года я наткнулся на газетный некролог: «Известная журналистка Дагмар С. трагически погибла в автокатастрофе».

Ночной администратор

Но вернемся под Гамбург, где мы сидели вдвоем с Боосом.

– Мы с женой гадали, чем ты мог бы заняться, пока не перестанут коситься на бывших офицеров. Тебе надо хоть что-нибудь делать.

Едва ли ты захочешь начинать все заново в качестве коммивояжера, а это единственная работа, для которой не требуется подготовка. Между тем тобой с твоими знаниями языков и опытом работы с людьми должны заинтересоваться в какой-нибудь международной гостинице в Гамбурге. Почему бы не попробовать себя в этом направлении?

Мысль показалась мне привлекательной, и я обратился в один из крупнейших отелей.

«Мадам», как уважительно величали владелицу, выслушала меня со вниманием:

– Можете начать у меня. Только что освободилось место ночного администратора. Вы человек с именем и со знанием языков – мне как раз нужен такой. Кто знает, может быть, вы еще станете управляющим.

Сияя от радости, я рассказал о разговоре Боосу и поблагодарил его за добрый совет. На время поиска комнаты в Гамбурге он предложил мне остаться у него.

– Добрый вечер, «мистер Игрек». Ваш номер за вами, как обычно. Надеемся, вы хорошо проведете время в Гамбурге.

Я стоял за стойкой в рецепции отеля, половина которого все еще оставалась реквизированной британскими оккупационными силами.

Это было в один из поздних вечеров февраля 1950 г., около полуночи. Спустя 38 лет для меня наступил день нового старта. Сейчас, когда я пишу эти строки, прошли еще 38 лет моей жизни. Вторая половина моей жизни оказалась не менее содержательной, чем первая, но намного менее опасной. В центре ее стоят мои «африканские приключения» с их приятными и неприятными сторонами.

Мне приходилось привыкать к жизни на гражданке.

Когда заселялись последние постояльцы, когда исчезали ночные бродяги, наступали тихие и спокойные часы. Ночной портье был старше меня, пережил войну в Гамбурге и рассказывал мне о воздушных налетах, о бомбоубежищах и о извечных поисках съестного. У меня он очень осторожно поинтересовался тем, как мне жилось на фронте и в плену. Я отвечал коротко – мне хотелось перечеркнуть прошлое, оставить его за спиной.

Нужно было свыкнуться с новым ритмом: пока большинство людей спало, я стоял за гостиничной стойкой. Когда они отправлялись на работу, я старался заснуть, чтобы потом вновь отправиться на службу в отель. Каждую ночь я пробегал глазами список гостей в надежде обнаружить среди них фамилию кого-то из старых друзей.

И вот произошел случай, который заметно повлиял на мою дальнейшую жизнь.

Как-то рано утром выезжал один постоялец из Финляндии. Ему надо было оплатить счет. Я сделал все быстро, пожелал ему доброго пути, а он протянул мне банкнот в десять марок:

– Спасибо вам. Обслуживание у вас отличное.

Я заколебался. Еще никогда в жизни мне не давали чаевых. Сложилась неловкая ситуация.

– Спасибо, но в этом нет никакой необходимости. Надеюсь, вы чувствовали себя у нас как дома, – проговорил я, возвращая деньги.

Финн посмотрел на меня с удивлением, покачал головой и убрал деньги. Не успел он выйти, как ко мне бросился портье:

– Ты что, с ума сошел? Мы живем на чаевые. Почему, как ты думаешь, нам так мало платят? Все директора в гостиницах знают, что мы получаем сверху, – затем он продолжал уже спокойнее: – Я понимаю тебя, очень хорошо понимаю. Нелегко привыкнуть. Но ты должен. В каждой работе свои правила.

Я получил важный урок – надо смотреть на все с точки зрения прибылей и убытков, так сказать, подходить к делу коммерчески. С того дня я стал брать чаевые, не чувствуя себя неловко. Между тем очень скоро мне удвоили жалованье.

Мне все больше и больше нравилось говорить с постояльцами, приезжавшими к нам со всего света. Прогулявшись по городу, пройдясь по Реепербану [156] , они обычно становились очень разговорчивыми.

Со старыми друзьями мне пока встречаться не доводилось – моя записная книжка осталась у русских.

И вот вдруг перед моей стойкой возник граф Юрген фон Риттберг, дежурный офицер из нашего разведывательного батальона, тяжело раненный во Франции в 1940 г. Он женился на дочери крупного торговца автомобилями из Дюссельдорфа. Риттберг предложил устроить меня к своему тестю, но я вежливо отказался. Мы не раз виделись на протяжении нескольких следующих лет, пока он не погиб в автокатастрофе.

Мне мечталось о работе где-нибудь за границей – тяга к путешествиям не отпускала меня.

Я поддерживал отношения с Халли Моммом,

профессиональным наездником и моим товарищем по плену. Он ежегодно приезжал в Гамбург для участия в конкурсе. Появился Хельмут Либескинд, служивший моим адъютантом со дня вторжения союзников 6 июня 1944 г. Наша радость не знала границ – мы не виделись с апреля 1945 г., когда попали в плен.

За стаканом вина он рассказал мне о приглашении поступить на службу офицером штаба в создававшийся тогда Бундесвер.

– Что посоветуете? Жаль все бросать – у меня хорошая работа.

– Такие вещи надо решать самому, Либескинд, – ответил я. – Вы еще молоды и можете сделать карьеру, пусть у вас и не будет такой хорошей зарплаты, как сейчас.

Идеализм взял в нем верх. В конце концов он ушел в отставку генерал-лейтенантом, послужив на многих заметных постах за рубежом.

Наконец произошло и то, на что я надеялся. Окольными путями, через многих знакомых я вышел на владельца фирмы, у которой были очень давние и глубокие деловые связи с Японией, Китаем и Гонконгом.

– Я собираюсь основать новый филиал в Анголе, в Западной Африке, где пока еще нет большой конкуренции. С этой целью мне придется поехать в Африку на год, кроме того, потребуется кто-то, кто бы представлял там мои интересы. Вас мне рекомендовали. Что скажете? Привлекло бы вас такое предложение?

– Конечно, привлекло бы, – отозвался я. – Но я не бизнесмен.

– Теорию можно изучить. Деловитым и добросовестным надо родиться. Этих самых качеств я ожидаю от коллеги, который будет руководить фирмой в мое отсутствие. Персонал введет вас в курс дела. Ну, так что скажете?

Я тут же согласился, не мог устоять, особенно в свете перспективы, в свою очередь, поехать на год-другой в Анголу.

«Мадам» прекрасно поняла мое решение и приняла заявление об уходе.

Изучая по вечерам экономику, делопроизводство и португальский язык, я освоился с новым делом, в чем мне очень помогли мои молодые коллеги.

Со своим шефом я побывал у всех наших клиентов в Германии и в других странах Европы. И вот через несколько месяцев я отвез его на причал, у которого стояло грузовое судно, готовое отвезти его в новую страну. Впоследствии ей предстояло стать для меня вторым домом.

Я обрел новое призвание, которому верен и по сей день. Прошлое стало воспоминанием. Всего себя я полностью посвятил

новой работе.

Но однажды все же моя прежняя профессия заставила меня вспомнить о себе. Меня анонимно вызвали в одно учреждение в Бонне, занимавшееся созданием Бундесвера. Там меня спросили, не хотел ли бы я вернуться на службу, чтобы сделать свой опыт полезным родине.

– Вы всё еще молоды, служили в Рейхсвере и в Вермахте, в танковых войсках. У вас опыт боевых действий практически на всех ТВД. Ваш опыт может оказаться очень полезным для будущего Бундесвера.

Я ответил не размышляя:

– Мне не просто было найти себе новое дело. Но я нашел его и полюбил. У меня частые заграничные командировки. Мне это нравится. Если я решусь все бросить, мне нужны гарантии, что я буду служить в танковых войсках либо получу должность военного атташе. Вы можете мне это гарантировать?

Ответ был не особенно ободряющим:

– Мы можем найти вам место в том или же ином качестве, но… – мне дали понять ясно: – Гарантий быть не может. Назначения на полковничьи и генеральские должности требуют одобрения со стороны политических партий.

– Тогда я должен поблагодарить вас за предложение. К сожалению, вынужден отказаться. У меня нет никакого желания оказаться на учебном плацу в качестве инструктора только потому, что кому-то не понравится мое лицо. Без гарантий я свое сегодняшнее дело не брошу. Хотя и большое спасибо вам, что вспомнили обо мне.

Аналогичные решения приняли и многие мои друзья, сумевшие чего-то добиться на новом поприще – в промышленности или торговле. Для меня данный вопрос был окончательно закрыт.

Назад в прошлое

Затем уже в шестидесятых, как раз тогда, когда закончилась моя первая длительная командировка в Анголе, меня вызвал британский военный атташе в Бонне.

– В вашем Министерстве обороны нам сказали, что вы принимали участие в операции «Гудвуд» с немецкой стороны и командовали боевой группой 21-й танковой дивизии.

Штабное училище в Кэмберли хотело бы пригласить вас в «турне по местам былых сражений» в Нормандию, чтобы вы рассказали о своих действиях в операции, столь дорого обошедшейся Монтгомери. Вы готовы принять участие? Конечно, все расходы мы оплатим.

Перспектива побывать в Нормандии, в тех местах, где мы так отчаянно держали оборону, манила меня. Я не смог устоять и согласился.

Местность под Каном к востоку от реки Орн выглядела такой, какой помнилась мне по впечатлениям более чем двадцатилетней давности. Стоял июнь, хлеба взошли, крестьяне давно отстроились и занимались привычным делом, которым занимались и до дня «Д». Полностью разрушенный Кан поднялся из руин и стараниями талантливых архитекторов и строителей сделался еще красивее, чем был прежде. Французы, с которыми мне довелось поговорить, вне сомнения, не забыли того, какие испытания выпали на долю их многострадальной земли, но они простили всех, в том числе и меня, бывшего «грязного боша». Они были дружелюбны: «То была война, мсье. Пусть вы служили злу, но вы выполняли свой долг».

Глава училища и его офицеры приветствовали меня и представили другим гостям как своего «благородного и храброго противника».

Я встретился с «Пипом» Робертсом, бывшим тогда самым молодым генералом среди британцев и наиболее гибким из всех их танковых командиров. Я знавал его еще по Северной Африке, а в ходе операции «Гудвуд», как нам было известно, он командовал 11-й бронетанковой дивизией, которой пришлось вынести на себе весь груз нашего противодействия и претерпеть самый тяжелый урон. Билл Клоуз, командир танкового эскадрона, Дэвид Стайлмен, служивший в мотопехоте той дивизии, и другие участники тех ожесточенных боев обращались со мной так, точно я был их давним другом. Меня сразила теплота, с которой меня принимали, и честность британцев, признававших, что операция «Гудвуд» позволила им добиться лишь ограниченного успеха и

при этом ценой больших потерь, а также то, что моя боевая группа внесла большой вклад в успех обороны. Успех этот стал возможным во многом благодаря огромному боевому опыту и таланту нашего командующего, Роммеля, приказавшего нам создать глубокоэшелонированные рубежи.

Вплоть до 1979 г., за минусом года-другого, когда я жил в Африке, я бывал неизменным гостем Штабного училища.

В параллель с «презентациями» операции «Гудвуд» в те годы проходила и аналогичная акция по операции «Оверлорд», прежде всего посвященная высадке 6-й воздушно-десантной дивизии, в том числе и захвату ротой майора Джона Хауарда двух мостов через реку Орн. Мне было интересно послушать об этой стремительной атаке, проведенной в ночь с 5 на 6 июня 1944 г. В свободный день я присоединился к презентации «Оверлорд». Слушал во все уши «историю Джона Хауарда». Потом подошел к нему:

– Я полковник Ханс фон Люк, командир боевой группы 21-й танковой дивизии, которой не дали разрешения атаковать вас в ту ночь, когда вы выходили к Эсковилю. Очень рад личному знакомству.

– О, Ханс, мне тоже очень приятно познакомиться, – отозвался он. – Мы должны поговорить. Мне так многое надо узнать у вас.

И вот мы устроились в маленьком баре в приморском курортном городке Кабур вместе с другими парашютистами, приземлившимися в районе боев той ночью. Так началась моя дружба с Джоном Хауардом, которая продолжается по сей день и не ослабевает, а лишь крепнет. Что за безумие в самом деле? Неужели сначала надо резаться насмерть, чтобы потом стать друзьями?!

В 1979 г. Британское министерство обороны сняло фильм «Гудвуд», чтобы сохранить для потомков события этого важного сражения и увековечить деяния его участников. Картина получилась великолепная: оригинальные фотоматериалы с обеих сторон, комментарии ветеранов, объяснения значения и результатов битвы профессиональными военными историками.
Затем фильм «Гудвуд» купили практически все европейские штабные училища и танковые дивизии в качестве учебного материала для молодых офицеров и унтер-офицеров.

Спустя несколько лет я – опять-таки по рекомендации Джона Хауарда – получил приглашение от Военного училища Швеции и ее Генерального штаба.

– Не могли бы вы поехать с нами в Нормандию и рассказать нашим офицерам об операции «Гудвуд»?

Я немало удивился. Откуда у этой давно традиционно нейтральной страны интерес к истории Второй мировой войны?

– Мы прекрасно осознаем тот факт, – начал располагающий к себе комендант Военного училища, – что в случае крупного военного конфликта между сверхдержавами никто не станет уважать нашего нейтралитета. Нам надо изучить и попробовать применить на практике ваш опыт, который бы помог нам – стране со слабой в численном отношении армией – предотвратить возможную высадку противника на побережье. Или же, если это не удастся, не допустить глубокого вторжения высадившегося неприятеля на территорию нашей страны. В данном разрезе операция «Гудвуд» кажется нам весьма подходящим примером.

Уже восемь лет, всегда около 6 июня, я бываю гостем шведов.

1984 г. – Сороковая годовщина дня «Д»

В 1984 г. 6 июня 1944 г. отмечается в сороковой раз. Крупное празднование с присутствием британской королевской семьи, нескольких коронованных особ из других государств, президента Соединенных Штатов и представителей всех стран, которые принимали участие во вторжении на стороне союзников.

Coup de main Джона Хауарда – мастерски проведенный налет с целью захвата мостов через реку Орн – выглядел наиболее зрелищно. Нет ничего удивительного, что телевизионные компании изо всех стран мира искали возможности взять интервью у участников встречи. И снова не кто иной, как Джон Хауард «навел» их на меня, чтобы, мол, они могли узнать и кое-что о том, как это виделось, так сказать, «с другой стороны холма».

Уже с конца 1983 г. меня разыскивал в Гамбурге профессор Стивен Эмброуз, знаменитый историк из США, которого попросили написать к сорокалетию события «историю Моста Пегаса». Интервью продолжалось пять часов, при этом я даже не подозревал, что оно записывается. Прослушав запись, Стив позвонил мне:

– Ханс, то, через что вы прошли, просто невероятно. Причем я даже не говорю о ваших отношениях с Роммелем и вашем опыте в России. Вы должны написать собственные воспоминания. А уж я прослежу, чтобы их прочитали во всех странах мира.

Вот так и родилась идея написать книгу.

По приглашению Стива Эмброуза я в конце мая 1984 г. поехал в Нормандию, чтобы поговорить с собранной им группой американцев о вторжении союзников, о Роммеле и о русских.

– Вы примете участие в празднованиях в честь 6 июня? Уж вы-то точно играли важную роль в тех событиях.

– Ни в коем случае, – отозвался я. – Это памятный день для союзников, это *их* победа над Гитлером и над Германией. А мне там делать нечего.

Реакция по поводу репортажей на немецком ТВ, на радио и в прессе, в которых я рассказывал о ночи вторжения, была оглушительной. Письмам и телефонным звонкам от солдат и офицеров, служивших в моей части, не было конца.

– Слышал вас по радио… Читал вашу статью, видел фото.

– Вы были на ТВ? Вы действительно мой бывший командир? Ханс фон Люк?

– Я и не знал, что вы живы. Думал, пропали навсегда в России, а тут вдруг вижу вас на экране!

Все они хотели видеть или хотя бы слышать меня.

Прошлое вернулось.

Слава богу, с тех событий прошло уже много времени. Я мог смотреть на все в ретроспективе и не давать волю чувствам. Тем не менее встречи в Гамбурге и в других местах Германии показали мне, что даже спустя столько лет однажды завязавшаяся дружба и перенесенные вместе страдания создавали чувство солидарности, которое не имеет ничего общего со сказками про войну престарелых ветеранов.

И вот из Кельна мне позвонил Фриц Винанд:

– Как замечательно! Видел вас на ТВ. Помните? Мы были вместе в лагере на Кавказе, вы – полковник и я – молодой солдат, обоим пришлось хлебнуть горькой доли плена то в шахтах, то на стройках. А знаете ли вы, что уже с 1945 г. существует Ассоциация узников лагеря № 518, благодаря чему несколько сотен бывших его обитателей с 1950 г. собираются в Кельне, Берлине и Мюнхене? Мы встречаемся регулярно. Через две недели в Кельне. Не могли бы вы приехать?

Конечно же, я не мог не приехать. В плену нам пришлось выстрадать больше, чем во всех битвах в России, в Африке и во Франции, но мы сумели выжить – выстоять.

В помещении вместе сидели несколько пожилых господ. Как только я появился, все они вскочили.

– Наш полковник фон Люк! Какая радость! Что за чудо, что вы еще живы и теперь с нами!

У многих в глазах стояли слезы. У меня, признаюсь, тоже.

Пришлось рассказать, что происходило с нами в штрафном лагере под Киевом. О голодовке и о допросе перед моим освобождением. Затем я пожелал услышать о многих людях, которых знавал тогда и судьба которых была мне неизвестна.

Фриц Винанд, деятельный организатор встречи, поведал мне о том, что Ассоциация узников лагеря № 518, вероятно, единственная в своем роде. В 1965 г. на регулярных встречах бывало до 426 членов, а в 1984 г. – до 375 человек.

Я спросил о Юппе Линке, нашем немецком коменданте.

– Юпп живет на ферме под Мюнхеном. Он инвалид, но по-прежнему деятелен. Можем позвонить ему.

– Юпп Линк слушает, – раздался знакомый голос, – кто говорит?

– Это Ханс фон Люк. Помните меня, Юпп? Я тут в Кельне с многими из наших товарищей по тем нелегким временам. Радостно слышать вас вновь спустя более тридцати пяти лет.

– Полковник… Ханс фон Люк… Бог ты мой! – голос у него задрожал. – Как же здорово слышать вас. Вы в порядке? Бываете в Мюнхене? Приезжайте повидаться. Я тихо и мирно живу в деревне.

– Конечно, Юпп. Конечно, приеду. Сообщу вам о приезде.

Я переходил от стола к столу. Какими же стали наши бывшие товарищи-пленные, которые в те времена выглядели все одинаково в своих грубых полотняных робах и ватниках? Мне хотелось знать о театре и оркестре, которые подарили мне столько незабываемых часов.

У одного из столиков мне пришлось задержаться.

– Помните нас? Я Глаубрехт, был тогда барабанщиком. А вот рядом Виттхаус и Вальтер Штруве, авторы и аранжировщики нашего оркестра и джаз-банда. Помните, как напели нам Глена Миллера, его «In the Mood», нота в ноту, а мы потом начинали ею каждое выступление?

К столику подошел Хельмут Веренфенниг, писавший либретто для наших оперетт:

– По возвращении я поступил в университет и стал директором колледжа. Ну а кроме того, писал стихи и прозу, которую опубликовал один австрийский издатель.

– А что с другими, например, с Карлом-Хайнцем Энгельсом, актером и режиссером, помогавшим создавать труппу? – поинтересовался я.

– Энгельса, – сказали мне, – освободили только 30 апреля 1950 г. Почему так долго, он и сам не знает. Он остался верен прежней профессии: служил театральным директором-распорядителем в Дортмунде, а потом выступал в качестве одного из директоров Реклингхаузенского фестиваля в Руре. С 1985 г. – на пенсии.

– Райнхольд «Райни» Бартель, наш тенор, еще учился пению, выступал во многих театрах, включая и знаменитую оперу в Висбадене. Со временем он стал одним из профессоров-преподавателей в университете Майнца.

Бартель написал мне несколько позднее: «Мне было так приятно услышать о вас. На радио мне как-то пришлось петь песню: «Ninou, lach’ mir einmal zu» [157] . Как же бы я хотел, чтобы ее услышал наш еврейский врач, доктор Фуксманн. Он когда-то спел мне ее. Он обожал Яна Кепуру, переводчика этой песни».

За следующим столиком сидел Древс, наш лагерный повар, самая важная личность.

– Я помню так, точно слышал вчера, как майор Замхарадзе приказал мне выдавать членам театральной труппы и

оркестрантам двойную порцию овсянки. Как он объяснил мне: «Для культуры мы на все готовы».

– Я Фред Сбостны, водитель лагерного «Студебеккера». Помните, как мы вместе ездили в Тбилиси?

– Конечно! – как я мог не помнить? Нет, я помнил все, как если бы это было вчера. – И еще я помню, как туго вам приходилось, когда Замхарадзе заставлял вас красть покрышки со склада шахты. Ведь охранники могли вас ухлопать. Некоторые из наших «особых» заданий были и в самом деле рискованными – настоящими опасными приключениями.

И снова я очутился за столиком Фрица Винанда, энергичного организатора наших встреч лагерников. Вернувшись из плена, он закончил учебу и теперь служит муниципальным чиновником в Кельне, отвечает за обеспечение ухода за физически и умственно неполноценными людьми.

– Встречи с товарищами по несчастью оставили во мне свой след, – признался мне он. – Я не могу и не хочу забывать лет, проведенных в ГУЛАГе. Для многих они послужили поворотным пунктом в судьбе. Мне предельно ясно, что только чувство товарищества, наше единство, невзирая на звания и социальное происхождение, помогли столь многим из нас выжить.

В Кельне мы задались вопросом: «Хотели ли бы мы вновь увидеть Ткибули?» Мнения разделились от «Ни за что на свете!» до «А почему бы нет? Если бы русские пустили, то можно».

Выпускник экономического факультета Эберхард Кельройтер был тогда одним из самых молодых пленных. Сегодня работает где-то под Мюнхеном. Он проявил инициативу – в 1978, 1982 гг. и в последний раз в 1985 г. побывал на Кавказе официально с группой немецких туристов. Последнюю поездку организовывал сам. С его разрешения я привожу его рассказ о ней:

«…в 1985 г. я собрал группу из шестидесяти семи человек, желавших полюбоваться красотами Грузии – границей Азии и Европы. Кроме меня, в ней никто не имел ничего общего с пленом. Моя просьба включить в маршрут поездки также и Ткибули встретила отказ: “Этим ведает Общество ветеранов”. Почему – это и по сей день для меня загадка.

6 сентября 1985 г. наша группа прибыла на Кавказ. Я поинтересовался у молодой грузинки, приданной нам в качестве гида, не могли ли бы мы проехать через Ткибули. На вопрос “зачем” я ответил: “Просто слышал об этом месте”. – “Конечно, это же по дороге к озеру Бычий Глаз, высоко в горах Эльбруса. Там мы должны посетить знаменитый собор, построенный во времена Баграта III [158] , в период с 1010 по 1014 г. от Рождества Христова”.

Я был очень взволнован. Никому в группе не признался, почему мне было так важно повидать какое-то забытое Богом местечко. 7 сентября после отвратительного завтрака мы поехали на север на убогом автобусе. На дороге то и дело попадались выбоины и ухабы – ничего необычного для тех мест.

По обеим сторонам дороги виднелись чайные плантации (Грузия третья в мире по производству чая), за ними – нетронутая земля, гревшаяся под мирными теплыми лучами осеннего солнца. Параллельно с автодорогой лежала одноколейка, по которой нас некогда везли в лагерь в запломбированных товарных вагонах.

И вот после часов двух тряски мы достигли Ткибули. Проехали здание таможни и прибыли к навевающему своим видом тоску зданию вокзала, где нас некогда выпустили из вагонов и откуда нам пришлось пешком топать в лагерь. Я спросил гида, не могли бы мы ненадолго остановиться: “Естественные потребности, знаете ли”. Из укрытия я сделал несколько снимков. (Да простит меня русская фемида! Снимать там категорически запрещено.) Город, видневшийся среди холмов и гор, казался оттуда неким мирно спящим курортом. Когда я подумал о сотнях наших товарищей, лежавших там в безымянных могилах, на мои глаза навернулись слезы. Я не стыдился их.

Когда мы подъехали ближе, город предстал перед нами таким, каким и помнился мне: простые деревянные дома, запущенные улицы – городок, существовавший лишь для того, чтобы добывать ценный для промышленности уголь. Мы остановились посредине. Я заговорил с несколькими грузинами, спросил о нашем лагере и о шахтах. Они посмотрели на меня с удивлением – пленный, которого потянуло на место былых страданий? “Ваш лагерь давно свернули, – ответили они. – Остальные сохранились. Там сидят русские”. Хотя многих из них еще не было на свете тогда, или же они жили в других местах, все равно я ощущал сочувствие с их стороны.

Мы двигались дальше. Проезжали мимо объектов, которые когда-то строили, – некоторые из них теперь практически пришли в негодность. По извилистой дорожке мы поднялись к перевалу. Там в 1949 г. находилась моя последняя стройка – мы сооружали жилые помещения для рабочих шахты. Судя по виду, за домами никто не следил. Что там внутри?

Посмотрев назад, на Ткибули, я обнаружил, что не испытываю боли – красивое местечко, очень красивое, вот и все. Я сделал множество фотографий.

На север через озеро Бычий Глаз лежали горы Эльбрусского хребта. Туда мы и ехали. Прекрасный старый собор горделиво устремлял ввысь свои купола. Сюда привозили немногих

любопытных, рисковавших забираться в такую даль. Нас тотчас же обступили горцы, крестьяне, которым мы раздавали футболки и прочие мелкие сувениры. Вышел священник, приветливый человек, с готовностью согласившийся позировать перед моим “Полароидом”. С довольной и даже гордой улыбкой он спрятал врученный ему снимок в складках своей рясы.

Когда крестьяне узнали, что мы “бундесы”, то есть приехали из ФРГ, реакция была бурной: “Родители рассказывали нам о том, как тяжко пришлось тут немецким военнопленным, о том, сколько они сделали, и о том, что многие из них умерли с голоду. Мы любим вас, немцев. Как и вы, мы очень любим свободу. Войны больше не будет – не должно быть”.

На обратном пути мы вновь проезжали через Ткибули – места наших страданий. Время накрыло все плащом забвения. И очень хорошо…»

На сем и закончился «отчет о поездке» Эберхарда Кельройтера.

То, что сделал он по собственному почину, должно однажды стать доступным для всех, и мы должны протянуть руку России.

В начале июля 1987 г. пути-дорожки привели меня в Мюнхен. Мне надо было побывать у Юппа Линка.

В Мюнхене я позвонил Эрнсту Урбану, который и должен был устроить нашу встречу. В лагере я не раз сиживал по вечерам в компании Урбана. Мы говорили, он рассказывал мне о том, как его держали между двумя раскаленными печами и поливали ледяной водой, чтобы выбить из него «признание». Урбан опасался, что наша встреча с Юппом Линком может отрицательно сказаться на здоровье последнего. Но жена Юппа сказала:

– Нет-нет, приезжайте, только постарайтесь не сильно волновать его.

По купавшейся в теплых лучах июльского солнца долине мы направились к подножью Альп – в то место, где жил Юпп. И вот мы остановились у одного из типичных баварских домиков.

– Вон Юпп, ждет нас! – воскликнул Урбан.

Опираясь на трость, ко мне заковылял Юпп. В глазах его стояли слезы. В моих тоже. Не просто встретиться с человеком через сорок лет.

Юпп бросился мне на шею.

– Все-таки дожил! Наш полковник фон Люк тут – у меня. Он в порядке и, судя по всему, не изменился. Входите, полковник, вы не знаете, как я рад вам. Познакомьтесь с женой – моя поддержка и опора.

– Муж так много мне о вас рассказывал. Я очень рада за него. Он и не знал, что вы живы, пока не увидел вас по телевидению.

Приготовлю вам баварский обед, а пока побудьте тут с мужем. Он любит сидеть здесь – отсюда видны горы.

И вот мы трое – трое бывших пленных – устроились рядом. Юпп положил руку мне на плечо, и мы заговорили о тех давних временах, когда сидели в лагере на Кавказе. Прежде я и не знал, что в лагере он делал снимки – тайно и с риском для жизни – и что одна грузинка помогала ему проносить негативы за ограду [159] . Сегодня они особенно ценны, потому что представляют собой огромный раритет.

В этой мирной атмосфере в саду на лавочке мы совершенно забыли о былых страданиях, мы радовались тому, что просто живы.

После того как мы отведали мудреных закусок, мне, к сожалению, пришлось откланяться – надо было ехать дальше. Я обещал Юппу посетить его снова, как только окажусь в Мюнхене.

– Бог да хранит вас, мой дорогой Юпп. Мне никогда не забыть, как много для нас всех сделали там в лагере вы – вы, тогда еще такой молодой человек.

Последние слова, взмах руки, и машина Урбана покатилась в обратный путь.

Я не жалел, что прошлое вернулось, накрыв меня волной разнообразных ощущений. Между старой жизнью и новой словно бы вырос мостик, по которому я ходил туда-сюда, не чувствуя боли.

Моя вторая жизнь со множеством свежих и порой странных событий приобрела новый смысл.

Эпилог

Хорошо все забыть, но – тяжело.

Лучше простить.

А лучше всего прийти к примирению.

В 1952 г. ко мне неожиданно явился Эрих Бек, побывавший рядом со мной на многих ТВД и называвший себя «неизбывная тень».

– Добыл адрес у вашей мамы и вот воспользовался командировкой, чтобы наконец повидаться.

Мы безмерно обрадовались встрече. Потеряли друг друга, казалось, навсегда после апреля 1943 г. в Северной Африке.

Сидели и говорили: я рассказывал о тяжелых боях и горьком финале противостояния, а также о тяготах русского плена. Эрих Бек, со своей стороны, не мог нахвалиться тем гуманным отношением, с которым столкнулся в плену у американцев, которые скоро отпустили его домой.

– Ами показывали мне, что хотят все забыть и примириться. «В конце концов, – говорили они, – вы же просто выполняли свой долг».

Потом мы виделись часто. Дневник Бека, его записки послужили большим подспорьем мне в написании этой книги. Полковник и ефрейтор стали друзьями. Эрих Бек умер в конце 1988 г. Я лишился верного друга. К сожалению, обстоятельства не позволили мне побывать у него на похоронах.

В 1956 г. дела бизнеса привели меня в Париж. Я наслаждался возможностью вновь дышать воздухом этого невероятного города. Многое изменилось, но многое и осталось прежним.

Я решил во что бы то ни стало разыскать Ж.-Б. Мореля – своего друга в те военные времена. Мою записную книжку отобрали русские, а в справочнике телефона Мореля не оказалось. Я забыл даже название улицы, на которой он жил, но помнил, как выглядел дом в Нейи около Булонского леса. Поехал туда, как говорится, «на шанс» и вот на Рю-де-Доброполь внезапно очутился у того самого дома, где тогда находилась квартирка Мореля. Консьержка должна мне помочь – консьержки в Париже знают всё и обо всем.

Она сидела в своей каморке и о чем-то разговаривала с симпатичной дамой.

– Прошу прощения, мадам. Скажите, мсье Морель все еще живет здесь?

– Я мадам Морель, – проговорила дама. – Могу чем-то помочь вам?

– Мадам, вы меня не знаете, но я старый друг вашего мужа, Ханс фон Люк.

– Ханс? Mon Dieu! Боже мой! Так вы живы?! – у обеих женщин на глазах показались слезы. – Я так много слышала о вас. Муж рассказывал. Идемте же, он вернется с минуты на минуту. Меня зовут Мари. Мы женаты уже несколько лет, но пока живем в его холостяцкой квартире.

Как часто мы сиживали тут и говорили о чертовой войне – жилище Мореля мало изменилось. Конечно, присутствие «женской руки» ощущалось.

Мари озабоченно сновала туда-сюда.

– Спрячьтесь вон там в спальной нише. Сделаем ему сюрприз.

Морель появился неожиданно.

– Bonjour, cherie. Добрый день, дорогая. Не скучала? Все хорошо?

Тут он повернулся и увидел меня. Плащ и портфель упали на пол, глаза наполнились слезами.

– Non, Hans, ce n'est pas vrai. Mon Dieu! [160] Это ты? Правда ты?

Мы бросились друг к другу, обнялись. И у меня тоже глаза были на мокром месте.

– Собирайся, Мари, мы идем праздновать. Я позвоню Клеману. Он тоже должен быть с нами.

Все вместе мы устроились в маленьком ресторанчике, принадлежавшем приятелю Мореля.

– Пьер, ты не поверишь, наш друг, барон Ханс фон Люк, нашелся. Принеси нам бутылку шампанского и приготовь что-нибудь особенное.

У нас было много что сказать друг другу.

Морель испробовал все способы отыскать меня: он дошел даже до французского посольства в Москве, обращался и в немецкое посольство в Париже, даже до КГБ добрался.

– Все, что мне сказали, это то, что последний раз ты участвовал в боях с русскими. Но куда делся потом и жив ли вообще, этого ни от кого было не добиться.

Клеман Дюур пришел с бутылкой очень старого розового шампанского «Вдова Клико». В то время он уже стал заметным кинопродюсером, а связь его с Вивьен Романс давно закончилась.

– А как Дагмар? После того как ей пришлось бежать из Парижа в 1944 г., мы больше ничего о ней так и не слышали.

Я рассказал друзьям, как закончились наши отношения, сказал и о ее трагической смерти. Мы засиделись, разошлись уже ночью, пообещав друг другу больше не теряться из виду.

Два офицера, некогда сражавшиеся по разные стороны линии

фронта, бывшие враги стали друзьями в самом настоящем смысле этого слова.

Все разногласия и противоречия – все, что разделяло, было забыто.

В 1967 г. мне позвонили с киностудии «Патэ» во Франции:

– ORTF [161] собирается снять документальный фильм о Северной Африке под названием «Война без ненависти» [162] , используя ролики новостей о войне в пустыне в период с 1941 по 1943 г. В качестве комментаторов для него будут привлекаться свидетели событий из всех четырех стран, принимавших участие в войне, – из Британии, Франции, Италии и Германии [163] . Проект осуществляется под эгидой министра обороны Франции, Мессмера, – в те времена он находился среди защитников Бир-Хакейма. – Мы полетим на предоставленном правительством самолете в Александрию, оттуда поедем в Тобрук и дальше в глубь пустыни. Если пожелаете принять участие, мсье фон Люк, мы с редактором ORTF приедем к вам и обговорим подробности.

Я согласился немедленно – такая работа мне подходила.

Мы приехали в Египет примерно недели за четыре до начала Шестидневной войны. Страсти в стране накалились. По соображениям безопасности, в Тобрук нас не пустили. Так что фильм пришлось снимать в других местах, хотя и в пустыне.
В итоге получилась объективная и справедливая лента, которая с успехом прошла во многих странах Европы и за рубежом.

С конца шестидесятых и до 1979 г. я, как уже говорилось, бывал в гостях у британского Штабного училища, которое ежегодно организовывало «турне по полям былых сражений» в Нормандии, чтобы молодые штабные офицеры могли послушать комментарии боев в Нормандии из уст самих участников событий.

В настоящее время среди старших британских офицеров нет, наверное, ни одного, который бы студентом не слышал моих рассказов в Нормандии. Среди них даже герцог Кентский.

Противники превратились в друзей, которые вместе и без лишних эмоций пытались извлечь уроки из того, что происходило на полях сражений.

С июня 1980 г. я ежегодно бывал гостем Шведского Военного училища, у которого имелись свои причины подробно изучать немецкие операции в обороне во время вторжения.

И наконец, в ноябре 1983 г. меня посетил Стив Эмброуз, ставший теперь моим хорошим другом, с целью взять интервью для книги о «Мосте Пегаса». В ней ему предстояло воскресить события вторжения, а именно операцию майора Джона Хауарда, который смелым броском овладел мостами через реку Орн.

В мае 1984 г. я выступал в Нормандии перед группой американцев, которые ездили по местам боев со Стивом Эмброузом.

– Приедете на праздник 6 июня? – спросил он меня.

– Нет, – ответил я, – это памятный день для западных союзников. Мне, бывшему противнику, там не место. При всем стремлении к примирению в такой день надо уважать и понимать чувства других людей.

В конце мая 1984 г. жизнь била ключом в кафе Гондре, что стоит рядом с «Мостом Пегаса», которое стало, наверное, первым зданием во Франции, освобожденным союзниками. Стив Эмброуз, американский историк; Джон Хауард, британский офицер, который и освобождал Францию; а с ними и я, немецкий полковник «с другой стороны линии фронта», сидели перед кафе на солнышке. Нас обслуживали мадам Гондре с дочерьми. Момент имел для меня весьма символическое значение: те, кто был противниками сорок лет назад, теперь сидели рядом как друзья, чтобы подписывать книгу Стива тысячам будущих читателей, съехавшимся со всего света для празднования 6 июня.

С самого начала взаимоотношения с мадам Гондре стали для меня своего рода проблемой. Дело в том, что мадам ненавидела немцев. Ее муж, участник Сопротивления, скончался вскоре после завершения войны. С тех пор мадам Гондре и ее дочери рассматривали Джона Хауарда, освободителя, как патрона своего заведения.

Как представители Британского Штабного училища, так и шведы всегда обедали у мадам; это уже стало традицией. Но как же мне – немцу и в то же время гостю британцев, а потом и шведов – принимать участие в совместной трапезе в ее кафе, не открывая принадлежности к ненавистному народу?

Джон Хауард нашел способ.

Британцы представляли меня мадам как «майора ван Лука», а шведы – как «викинга из Швеции». Всякий раз, целуя меня то в одну, то в другу щеку, мадам приговаривала: «Я люблю англичан» и «Я люблю викингов». Хотя меня и успокаивало, что она таким образом не узнает, что я немец, все же меня смущала наша маленькая и невинная ложь.

Пока мы со Стивом подписывали экземпляры его книги, комендант Шведского училища и Джон Хауард сидели в святилище мадам – в комнате с множеством фотографий.

Вдруг Джон Хауард вышел к нам.

– Ханс, для мадам 6-е число июня 1984 г. станет как бы апогеем ее жизни. На празднование сорокалетия высадки приедет принц Чарлз, который посетит кафе Гондре и встретится с мадам.

Она очень больна и собирает все силы, чтобы достойно пережить этот день. Полагаю, правильно будет все же раскрыть нашу невинную ложь. Нельзя, чтобы она умерла, не узнав правды. Я поговорю с ней.

Я ожидал снаружи, взволнованный по поводу реакции мадам.

И вот она вышла под ручку с Джоном. Она остановилась передо мной, лицо хранило спокойствие.

– Мсье Ханс, Джон все мне рассказал. Я знаю, что теперь вы добрые друзья, а друзья Джона также и мои друзья. Так давайте же забудем все и простим. Да хранит вас Бог!

И поцелуй ее был искренним.

Примирение с этой женщиной, истинной патриоткой своей родины, значило для меня больше, чем многое другое.

Через несколько дней из Англии позвонил Джон:

– Ханс, встреча принца Чарлза и мадам была незабываемой. На глазах журналистов всего мира, перед телекамерами, эта замечательная женщина поцеловала руку британского наследника и выразила благодарность за «освобождение от нацистов». Она умерла несколько дней назад, счастливой, как сказали мне ее дочери.

На следующий год мы с Джоном поехали на маленькое сельское кладбище и возложили цветы на ее могилу. Я положил букет и у памятника лейтенанту «Дену» Бротериджу, первому погибшему солдату в роте Джона. Я не мог не выразить им своего уважения.

В мая 1987 г. французский консул, мсье Киффер, пригласил меня в Риттерсхоффен в Эльзасе. Французы решили превратить в музей участок «линии Мажино», расположенный неподалеку от этого населенного пункта, за который шли такие ожесточенные бои в январе 1945 г. Французская и немецкая молодежь добровольно работала там месяцами – прекрасный символ примирения. По инициативе мсье Киффера, несколько лет назад между Риттерсхоффеном и Хаттеном поставили монумент памяти тех событий. На памятнике нанесены названия дивизий, сражавшихся там на последнем этапе войны. Под развевающимися знаменами Америки, Франции и Западной Германии пожимали друг другу руки бывшие враги, которые больше не желали, чтобы страны их сошлись в смертельной битве.

В июле 1987 г. меня пригласили в университет Инсбрука в Австрии прочитать цикл лекций двадцати пяти учившимся у Стива Эмброуза студентам и студенткам, находившимся в Европе. Очень многие из них были евреями. Прежде чем поехать в Нормандию на длинный уикенд, мы по вечерам сидели в кафе и разговаривали. Я знал, что многие из них слушали лекцию

«бывшего офицера фашистской армии» с большим скептицизмом. Я смог убедить их, что термин «фашистский офицер» не вполне верен и применять его означает все обобщать и упрощать, сумел объяснить им, что подавляющее большинство военнослужащих немецкой армии, после вторжения в Россию и поражения в кампании в Северной Африке и в боях во Франции, осознали лживость идеологии «Тысячелетнего рейха», которая принесла множество несчастий всей Европе и самому немецкому народу. Однако я сказал им и то, что был и останусь немцем и не стыжусь этого.

По дороге во Францию, в поезде, я попытался воссоздать перед ними образ Роммеля, личность которого вызывала у них большой интерес, а также объяснить им, что непростительно рисовать русских как некое зло, не жалея для них черной краски, в то время как и излишне обелять Западный мир.

Они также хотели слышать, знали или нет мы, солдаты, об Освенциме и других лагерях уничтожения, и если знали, то почему не сделали ничего, чтобы этому помешать. Я ответил, что ничего не знал, пока не столкнулся с этим лично, когда мой будущий тесть угодил в концентрационный лагерь Заксенхаузен. Только тогда, увидев море страданий в капле воды личной драмы невесты, я понял, какие чудовищные вещи творятся у нас.

Тот факт, что они поверили мне, лишнее для меня подтверждение того, что молодежь в наши дни старается смотреть на все с объективных позиций.

По результатам экзаменов и по личным письмам ко мне я понял, что у них сложилось верное представление о бывшем противнике – о нас, немцах.

Молодежь на Западе, представители нового поколения давно уже наводят мосты между собой и тем самым неосознанно помогают примирению бывших врагов.

Будем надеяться, что гласность и перестройка помогут устранить ненависть двух некогда враждебных миров, сломать лед в отношениях между нами и русскими и позволят нам протянуть друг другу руки. Это то, что обязаны сделать не только политики Востока и Запада, но и все мы вместе – каждый из нас.

Я бы очень хотел, чтобы исполнилась моя мечта и мне удалось бы встретиться с молодым русоволосым русским лейтенантом, который защитил меня от солдат-монголоидов, когда я сдавался в плен, или с тем «угостившим меня завтраком» в 1941 г. полковником, который проявил столько гуманности ко мне, бесправному пленному, своему бывшему противнику. Я даже готов выпить целый стакан водки на пустой желудок с русским полковником-танкистом, который так широко принял меня в

первый день моего плена.

У меня часто возникало ощущение – двойственное чувство того, что всю первую половину своей жизни я словно бы пребывал в плену – в плену у времени: сначала я был как в тиски зажат прусскими традициями, связан присягой, каковая позволила фашистскому режиму так легко использовать в своих целях военное руководство. Потом моей стране пришлось расплачиваться за это. Мне тоже, наряду с многими и многими тысячами, довелось рассчитаться за все пятью годами русских лагерей.

Как профессиональный солдат, я поневоле несу часть общей вины, но как человек – просто человек – я таковой не чувствую.
Я надеюсь, что нигде в мире не найдется больше страны, в которой молодежь позволит правительствам воспользоваться собой.

Январь 1989 г. Мой телефон вновь зазвонил:

– Говорит Герард Бандомир. Вы меня помните? Я служил в 21-й танковой дивизии командиром 3-й роты 1-го батальона вашего 125-го полка. Мне понадобилось столько времени, чтобы разыскать вас, и я так счастлив, что мне это удалось. Хотите послушать о том, что тогда случилось на нашем участке?

– Бандомир! Боже мой, какое чудо! Просто не верится! Прошло уже 45 лет! Но ваш батальон перестал существовать после операции «Гудвуд»! Вы первый, от кого я услышу о том, что действительно происходило. Нам надо встретиться!

Бандомир приехал в Гамбург и рассказал мне о том, в какой мясорубке очутился в Нормандии 1-й батальон тем солнечным июльским утром. Он с радостью принял мое приглашение поехать в Нормандию в июне 1989 г., где мне предстояло читать об операции лекции курсантам Шведского Военного училища. Бандомир впервые оказался в местах, ставших адом для его роты много лет назад.
Вот рассказ Бандомира.

В период после дня «Д» и до 18 июля 1944 г. мы дислоцировались в районе населенного пункта Ле-Мениль-Фремантель. Наша дивизия входила в состав резерва корпуса, но тем не менее мы готовили себе оборонительные позиции севернее этого небольшого селения.

Ввиду 100-процентного превосходства в воздухе противника работали мы только по ночам. Наш штаб располагался в овражке немного к востоку от фермы. Овражек, который мы значительно углубили, прикрыли балками, соломой и присыпали грунтом, находился за оградой, окружавшей ферму. Моя 3-я рота и 2-я рота рассредоточились к северу от фермы и хорошо окопались. Где

размещались другие роты, я не помню. Стараясь подготовить все как можно лучше, мы трудились на позициях в темное время суток, а отдыхали днем. Ничего особенного не происходило.

Вот такое положение сложилось у нас в ночь с 17 на 18 июля.

Перед самым рассветом 18 июля я находился в нашем штабе в овражке. Мы едва успели приготовить завтрак, когда около 6 утра услышали рокот двигателей приближавшихся со стороны моря самолетов. Мы увидели множество бомбардировщиков, которые шли высоко и отчетливо просматривались в высоком небе прямо над нами. Казалось, им нет конца. Мы решили, что эти эскадрильи, должно быть, участвуют в очередном налете на немецкие города, и с сожалением подумали о том, каково придется нашим там, куда летят эти стаи. Но вдруг первый клин принялся сбрасывать бомбовую нагрузку над районом Эмьевиля, затем то же сделали машины и второго эшелона. Наши зенитчики в Кане и около него открыли огонь и сбили один бомбардировщик.

На земле между тем стало не лучше, чем в аду.

Вражеские формирования, сменяя одно другое, бомбили и бомбили нас в течение двух часов. Мы ничего не предпринимали – просто ничего не могли поделать – только сидели и ждали, когда за нами явится смерть. Цель налета заключалась, по-видимому, в том, чтобы вывести из строя наше тяжелое вооружение. Сам видел, как прямым попаданием бомбы была уничтожена хорошо подготовленная огневая позиция – 10,5-см противотанковое орудие превратилось в дым. Между тем благодаря тому, что мы очень глубоко зарылись в землю, потери у нас оказались сравнительно невысокими. Однако нельзя не признать, сколь глубоко сказывался на солдатах психологический эффект от демонстрации противником своего безграничного господства в воздухе.

За бомбардировками последовал мощный артиллерийский обстрел с моря и суши. Снаряды буквально перепахали каждый метр на нашем участке. На наш штаб пришлось два или даже три попадания, однако он уцелел. В наш блиндаж забежал заяц, запрыгнул ко мне на руки и принялся лакать кофе из моей чашки! А на прощание он прогрыз дырку в моем рукаве.

Позднее я пришел к убеждению, что 18 июля стало прелюдией новой эры войны – ядерной эры.

Когда артиллерийский огонь вдруг по прошествии нескольких часов прекратился, мы страшно поразились тому, что все еще живы. Мы осторожно высунулись из окопов и увидели, что вся равнина к северу от нас словно усыпана танками, медленно продвигавшимися через разбомбленный район по

направлению к Каньи. К большому нашему удивлению, техника шла без сопровождения пехоты. Мы были бессильны что-либо предпринять против танков с нашими винтовками, автоматами и пулеметами. Между тем, несмотря на плотный пулеметный огонь бронетехники, когда ползком, когда перебежками мы смогли добраться до стены фермы, где надеялись отыскать кого-нибудь из нашей роты, но никого не нашли. Я перепрыгнул через ограду, стремясь поскорее добежать до штаба 1-го батальона, но тут же бросился обратно, потому что танки уже врывались на командный пункт. Тогда мы решили уходить на юг, чтобы пробраться в штаб-квартиру нашего полка. По дороге нам попадалось множество убитых и раненых. Те раненые, кто еще сохранил способность сражаться, присоединялись к нам. В ожидании темноты мы укрылись в поле. Но и тут не было спасения от наступающих танков. Мы понесли потери. Тем, кто еще оставался в строю, я приказал прекратить сопротивление.

Около полудня проклятая война для меня и немногих уцелевших солдат 3-й роты закончилась. В сложившейся ситуации нам не оставалось никаких шансов на спасение. Противотанковое вооружение отсутствовало. Личный состав рассеялся. Все коммуникации были уничтожены.

Во второй половине дня я, уже будучи в плену, увидел первых британских пехотинцев из 11-й бронетанковой дивизии, наступавших в направлении населенных пунктов Ле-Мениль-Фремантель и Каньи. Британские солдаты казались такими свежими, особенно на нашем фоне. Еще меня поразило то, как широко применялась у них связь. Казалось, каждая единица техники снабжена своей рацией.

18 июля в Нормандии выдалось теплым и ясным. Однако для нас день тот стал днем горечи и разочарования. Мы были бессильны что-либо сделать. И по сей день точно не знаю, каковы были действительные потери в нашей роте.

Как военнопленного, меня отправили сначала в Соединенное Королевство, а потом в США, где я пробыл в плену до освобождения 11 мая 1946 г. Обращались со мной очень хорошо, и теперь, спустя 45 лет, я с радостью пожму руки бывшим противникам.

Об авторе

ХАНС ФОН ЛЮК родился в 1911 г. во Фленсбурге, что на севере Германии, в семье морского офицера. Однако род его происходит из Силезии, имеет древние военные традиции, корни которых прослеживаются до середины тринадцатого столетия. Несмотря на то что сам он охотнее предпочел бы карьеру ученого, в 1929 г. фон Люк сделал первый шаг на поприще военного – поступил курсантом в Рейхсвер. На протяжении следующих десяти лет он, сочетая учебу и подготовку в стремительно растущей немецкой армии, удовлетворял свою страсть к путешествиям и потребность в светской жизни. Как многие немцы, он поначалу с надеждой взирал на восхождение Гитлера к власти, однако все больше и больше разочаровывался в нем, по мере того как наци все крепче прибирали к рукам страну. В 1939 г. его разведывательный эскадрон действовал среди первых частей, пересекших границу Польши и давших старт Второй мировой. Затем он почти постоянно находился на основных ТВД войны: во Франции служил под началом Роммеля; в России дошел до Москвы; в Северной Африке вновь оказался рядом с Роммелем, а вернувшись в Европу, одним из первых вступил в бой в день «Д» на Западном фронте, чтобы спустя несколько месяцев сражаться в заключительных боях за родную землю на востоке. В последние дни войны он попал в плен к русским в предместьях Берлина и пять лет работал в лагере на Кавказе. Он был дважды ранен и получил высшие награды своей страны за храбрость – Немецкий золотой крест и Рыцарский крест. Войну закончил в звании полковника, став в немецкой армии одним из самых молодых офицеров в таком звании. После освобождения из лагеря в России и возвращения в 1950 г. на родину, он некоторое время прослужил ночным администратором в гостинице, а потом нашел себя как бизнесмен. Он женился, с 1954 по 1970 г. у него родилось трое сыновей.

Примечания

1

Таковы тогдашние правила нашей транслитерации. В действительности же *Hohenlohe* должно звучать приблизительно как *Хоэнлоэ* . По-русски немецкое имя *Hans* , также начинающееся с придыхательного «Х», было принято произносить как «Ганс», что для немца звучит забавно, поскольку на его языке слово *Gans* означает «гусь». Позже российские переводчики стали употреблять более точное написание и произношение данного имени (в частности, переводить его как *Ханс* рекомендует

справочник Р. С. Гиляровского и Б. А. Старостина «Иностранные имена и названия в русском тексте». Издание второе. М., 1978. С. 136) (*прим. пер.*).

2

В то время организация называлась МГБ (Министерство Государственной Безопасности; ранее НКВД и НКГБ, затем МВД и, наконец, – с марта 1954 г. – КГБ), но автор, писавший воспоминания в 80-е годы прошлого века, при этом ориентируясь на молодежь, часто называет ее КГБ, опасаясь, что иначе его, возможно, не поймут. Иногда, впрочем, он использует аббревиатуру НКВД. Есть вероятность, что он и сам не знал точного названия, поскольку, скажем, за период в двадцать лет – с 1934 по 1954 г. – ведомство меняло свое название несколько раз, причем наибольшее количество перестановок – в том числе разделение на две организации (НКВД и НКГБ), затем слияние в одну, опять разделение и вновь слияние (МГБ в 1946 г.) – приходится как раз на 40-е годы (*прим. пер.*).

3

Это, разумеется, ошибка, скорее всего, просто опечатка, что нередко бывает, когда текст изначально пишется от руки. Можно с уверенностью утверждать, что речь, скорее всего, идет о 1243 г., поскольку татаро-монгольские завоеватели действовали на территории Силезии именно в начале сороковых годов XIII века. В частности, 9 апреля 1241 г. в битве при Вальштатте (под Лигницем) они нанесли поражение польско-немецкому войску силезского князя Генриха II Благочестивого (*прим. пер.*).

4

В круглых скобках пояснения и пометки автора, который с их помощью пытался восстановить смысл дописанного королем (*прим. пер.*).

5

В нашей военно-популярной литературе эта фамилия (*von Seekt*) часто транслитерируется как «фон Сеект» или же как «фон Сект», что, конечно же, совершенно неверно. Правильно фон Зеект или, в крайнем случае, фон Зект, хотя *Sekt* -ом (с кратким «е») в Германии называется шипучее вино – нефранцузское «шампанское» (*прим. пер.*).

6

Pour le Mérite («За заслуги») – прусский орден с французским названием, учрежденный в 1740 г. королем Фридрихом II. Во время Первой мировой войны он считался одной из самых почетных боевых наград, полагавшихся офицерам вооруженных сил Германской империи (*прим. пер.*).

7

В германской армии воинское звание «старший прапорщик», по-немецки «оберфенрих» (oberfänrich), стояло на одну ступень выше старшего фельдфебеля и ниже старшего штабс-фельдфебеля (*прим. пер.*).

8

Август Вильгельм Антон Нейтхардт фон Гнейзенау (1760–1831), граф (с 1814 г.) и прусский генерал-фельдмаршал (с 1825 г.). Имея звание майора, с 11 апреля по 2 июля 1807 г. руководил обороной Кольберга от французов и сумел сохранить эту крепость для Пруссии. После Тильзитского мира был произведен в подполковники, а в 1809 г. – в полковники. Будучи с сентября 1807 г. шефом инженерного корпуса, активно участвовал в реформировании прусской армии. Не скрывал своих антифранцузских взглядов, за что в июле 1809 г. король Фридрих-Вильгельм III по требованию Франции уволил его в отставку. В марте 1813 г. Гнейзенау прибыл из Англии в Пруссию, чтобы принять участие в «освободительной войне» против Наполеона. Произведенный в генерал-майоры, он был назначен генерал-квартирмейстером Силезской армии генерала Г. Л. фон Блюхера и в конце июня 1813 г. стал начальником ее штаба. Участвовал в Германской кампании 1813 г. (получив за отличие в битве под Лейпцигом чин генерал-лейтенанта), а затем в кампаниях 1814 и 1815 гг. во Франции и Бельгии (*прим. ред.*).

9

СА (SA) – сокращенное обозначение Штурмовых отрядов (Sturmabteilungen) – немецкой военизированной организации, созданной в 1921 г. на базе некоторых подразделений «Добровольческого корпуса». Официально запрещенные после «Пивного путча» 1923 г., Штурмовые отряды были вновь легализованы в 1925 г. (до того момента они продолжали действовать незаконно под названием «Фронтбан»). С 22 мая 1926 г. «верховным фюрером» СА стал вождь НСДАП Адольф Гитлер, которого 1 ноября 1926 г. сменил Франц Феликс Пфеффер фон Заломон (1888–1968), отстраненный от должности 29 августа 1930 г., после чего пост «верховного фюрера» штурмовиков (называемых также «коричневорубашечниками») вновь занял Гитлер. В январе 1931 г. начальником Генерального штаба Штурмовых отрядов стал Эрнст Рем (1887–1934), остававшийся до 30 июня 1934 г. фактическим руководителем СА. Под управлением Рема общая численность штурмовиков выросла в 1931–1932 гг. со 100 тысяч до 400 тысяч, а к концу 1933 г. достигла 2 миллионов (*прим. ред.*).

10

СС (SS) – аббревиатура названия Schutzstaffeln (Охранные

отряды). Первым таким подразделением стал Ударный отряд «Адольф Гитлер» (Stosstrupps Adolf Hitler), набранный в 1923 г. для персональной охраны нацистского вождя и 8–9 ноября того же года принявший участие в «Пивном путче». В апреле 1925 г. Гитлер поручил Юлиусу Шрекку набрать новую личную охрану фюрера – так называемую «Охранную команду» (Schutzkommando), позже переименованную в «Штурмовой отряд» (Sturmstaffel), а 21 сентября того же года региональным организациям нацистской партии было предписано сформировать небольшие охранные отряды на местах (по 10 человек в каждом «гау» и 20 человек – в Берлине). По предложению Германа Геринга они 9 ноября 1925 г. получили название Охранных отрядов НСДАП (Schutzstaffeln der NSDAP). С 1 ноября 1926 г. их возглавлял рейхсфюрер СС, который до 1934 г. номинально подчинялся «верховному фюреру» СА и его начальнику штаба. Должность рейхсфюрера СС последовательно занимали: Йозеф Берхтольд (бывший командир Ударного отряда «Адольф Гитлер»), Эрхард Хайден (с марта 1927 г.), Генрих Гиммлер (с 6 января 1929 г. по 29 апреля 1945 г.; причем с 17 июня 1936 г. он одновременно являлся шефом германской полиции) и Карл Ханке (29 апреля – 8 мая 1945 г.). При Гиммлере численность СС начала быстро расти. Если в январе 1929 г. они насчитывали всего 280 человек, то в декабре 1930 г. имели в своем составе уже 2727 членов, в декабре 1931 г. – 14 964, в июне 1932 г. – около 30 тысяч, в мае 1933 г. – около 52 тысяч. 20 июля 1934 г. СС официально получили статус самостоятельной организации в системе НСДАП. Впоследствии они подразделялись на так называемые Общие СС (Allgemeine SS) и Войска СС (Waffen SS). В мае 1935 г. численность первых составляла 196 875 человек, вторых – 10 700. Во время Второй мировой войны личный состав СС заметно увеличился, однако этот прирост обеспечивался главным образом за счет лиц, не входивших в Общие СС. Так, в марте 1945 г. из 829 400 человек, служивших в Войсках СС, 765 519 не принадлежали к Общим СС (последние тогда имели в своих рядах 263 929 членов, из которых 63 881 был причислен к Войскам СС) (*прим. ред.*).

11

В то время моторизованные разведывательные батальоны (Aufklärungsabteilungen) Вермахта подразделялись на эскадроны, фактически эквивалентные ротам. Как и другие подобные части, 8-й разведывательный батальон включал в себя: штаб с моторизованным взводом связи (при двух ручных пулеметах), 1-й и 2-й бронеавтомобильные эскадроны (по 10 бронемашин в каждом), 3-й мотоциклетно-стрелковый эскадрон (имевший на

вооружении 9 ручных пулеметов, 2 станковых пулемета и 3 легких миномета), 4-й эскадрон тяжелого оружия (противотанковый взвод с тремя 37-мм противотанковыми пушками на механической тяге и одним ручным пулеметом, взвод пехотных орудий с двумя легкими пушками на механической тяге, моторизованный саперный взвод с тремя ручными пулеметами) и моторизованную легкую колонну. Впоследствии, уже после Французской кампании 1940 г., эскадроны моторизованных разведывательных батальонов танковых дивизий стали называть ротами (*прим. ред.*).

12

Кюрасао – марка ликера, чье название происходит от принадлежащего Нидерландам острова в Карибском море (*прим. пер.*).

13

Процесс «нацификации» в вооруженных силах Германии достиг этой критической фазы в августе 1934 г. с введением новой присяги, обязательной как для уже проходивших службу, так и для призывников. С этого момента все военнослужащие клялись в верности не конституции, а в безоговорочном подчинении Адольфу Гитлеру как «фюреру Германского рейха» (*прим. пер.*).

14

Генерал-лейтенант Георг Штумме командовал 2-й легкой (впоследствии 7-й танковой) дивизией с 10 октября 1938 г. по 5 февраля 1940 г. Произведенный 1 июня 1940 г. в генералы кавалерии и переименованный 4 июня 1941 г. в генералы танковых войск, Штумме с 15 февраля 1940 г. по 20 июля 1942 г. был командиром 40-го моторизованного армейского (затем танкового) корпуса, во главе которого участвовал в Балканской кампании 1941 г. и в боевых действиях на Восточном фронте. С 20 сентября 1942 г. он занимал должность командующего танковой армией «Африка» вместо заболевшего Роммеля и погиб 24 октября того же года под Эль-Аламейном (по другим данным, умер вследствие сердечного приступа, когда выпал из своей командирской машины) (*прим. ред.*).

15

7-й разведывательный (моторизованный) полк – Aufklärungsregiment (motorisiert) 7 – был образован 10 ноября 1938 г. и укомплектован военнослужащими из 6-го разведывательного батальона, 1-го и 2-го мотоциклетно-стрелковых батальонов и 17-го кавалерийского полка. Его штаб и 1-й (мотоциклетно-стрелковый) батальон, состоявший из трех мотоциклетно-стрелковых эскадронов и эскадрона тяжелого

оружия, располагались в Бад-Киссингене, а 2-й (бронеавтомобильный) батальон – в Майнингене. Проделав Польскую кампанию 1939 г. в составе 2-й легкой дивизии генерал-лейтенанта Георга Штумме, этот полк был расформирован 1 ноября 1939 г. (из его 1-го батальона образовали 7-й мотоциклетно-стрелковый батальон 7-й танковой дивизии, а из 2-го – 37-й разведывательный батальон той же дивизии) (*прим. ред.*).

16

Ханс фон Люк командовал одним из трех мотоциклетно-стрелковых эскадронов 1-го батальона 7-го разведывательного полка. На вооружении каждого такого эскадрона имелось 18 ручных пулеметов, 4 станковых пулемета и 3 легких миномета (*прим. ред.*).

17

На 1 сентября 1939 г. 2-я легкая дивизия генерал-лейтенанта Георга Штумме вместе с 3-й легкой дивизией генерал-майора Людвига Кунтцена составляла 15-й армейский (легкий) корпус генерала пехоты Германа Гота, входивший в 10-ю армию генерала Вальтера фон Рейхенау (из группы армий «Юг» генерал-полковника Герда фон Рундштедта). К началу Польской кампании она имела в своем составе: 6-й и 7-й кавалерийские стрелковые полки (по два батальона в каждом), 7-й разведывательный полк (два батальона), 66-й танковый батальон, 78-й артиллерийский полк (два дивизиона по три батареи 105-мм полевых гаубиц на механической тяге), 58-й саперный батальон и 3-ю роту 29-го батальона связи. Тогда в дивизии насчитывалось 85 танков (41 PzKpfw I, 42 PzKpf II и 2 командирских) (*прим. ред.*).

18

2-я легкая дивизия была преобразована в 7-ю танковую 18 октября 1939 г. (*прим. ред.*).

19

В состав 37-го моторизованного разведывательного батальона входили: два эскадрона бронеавтомобилей, мотоциклетно-стрелковый эскадрон (имевший на вооружении 18 ручных пулеметов, 4 станковых пулемета и 3 легких миномета), эскадрон тяжелого оружия (включавший саперный взвод и 4 легких пехотных орудия) и легкий парк (*прим. ред.*).

20

Последний из упомянутых здесь танков вооружался короткоствольной пушкой калибра 75 мм (или 7,5 см, как принято у немцев). В военно-популярной литературе на русском языке, особенно в советский период, было принято заменять аббревиатуру «PzKpfw» (от Panzerkampfwagen – боевая

бронированная машина/танк) на букву «Т». Данный вариант безусловно вполне приемлем, если только вслед за русской буквой «Т» и римской цифрой не следует обозначение модели, для которого используется все-таки латинская буква, отчего получается стилистический разнобой. В любом случае, PzKpfw III и PzKpfw IV – это то же самое, что T-III и T-IV или Pz. III и Pz. IV. Следует отметить, что в период между Польской и Французской кампаниями 7-я танковая дивизия получила сравнительно небольшое число таких машин. К 1 января 1940 г. на 252 танка, имевшихся в ее парке, приходилось только 10 PzKpfw III и 14 PzKpfw IV, а 12 апреля того же года в дивизии уже не оставалось ни одного PzKpfw III (тогда она имела 180 исправных танков – 37 PzKpfw I, 72 PzKpfw II, 48 PzKpfw 38{t} и 23 PzKpfw IV) (*прим. пер. и ред.*).

21

Орудий калибра 38 мм (3,8 см) у немцев не было, но имелись пушки калибра 37 мм (3,7 см). В данном же случае речь, скорее всего, идет о тяжелом бронеавтомобиле разведки (schwerer Panzerspähwagen) SdKfz 231. Обычно эта трехосная бронемашина вооружалась 7,92-мм пулеметом MG 34, однако существовал и пушечный вариант SdKfz 231. Изначально бронеавтомобиль данного типа получил на вооружение 20-мм пушку модели KwK-30, но позднее ее стали заменять на KwK-38, имевшую тот же калибр, но отличавшуюся большей скорострельностью. Очевидно, в процессе обработки рукописи мемуаров фон Люка эта маркировка «38» и привела к ошибке, превратившись в калибр 3,8 см. По всей видимости, о появлении таких оснащенных пушками машин и говорит здесь автор (*прим. пер.*).

22

Формально корпус генерала танковых войск Германа Гота назывался 15-м армейским (моторизованным), хотя по сути являлся танковым соединением. К 10 мая 1940 г. он входил в состав 4-й армии генерал-полковника Гюнтера фон Клюге (из группы армий «В» генерал-полковника Федора фон Бока). 16 ноября 1940 г. этот корпус был преобразован в 3-ю танковую группу, впоследствии ставшую 3-й танковой армией (*прим. ред.*).

23

27 октября 1939 г. в составе 7-й танковой дивизии сформировали 7-ю стрелковую бригаду под командой полковника Фридриха Фюрста. В нее вошли прежние мотопехотные части 2-й легкой дивизии – 6-й и 7-й кавалерийские стрелковые полки (Kavallerieschützenregimenten), которые соответственно 20 марта и 28 февраля 1940 г. были переименованы в стрелковые (Schützenregimenten). С 5 июля 1942 г. эти полки стали

называться танково-гренадерскими (Panzergrenadierregimenten), а 7-я стрелковая бригада – 7-й танково-гренадерской (в декабре 1942 г. эта бригада была упразднена, а оба ее полка напрямую подчинены управлению дивизии) (*прим. ред.*).

24

Имеется в виду 25-й танковый полк (двухбатальонный), входивший в состав 7-й танковой дивизии с 1 ноября 1939 г. Во время Французской кампании его командиром был подполковник Карл Ротенбург, назначенный на эту должность 1 марта 1940 г. Этот офицер, награжденный 3 июня 1940 г. Рыцарским крестом, произведенный 1 августа того же года в полковники и 1 июня 1941 г. – в генерал-майоры, погиб во главе 25-го танкового полка в самом начале Русской кампании (28 июня 1941 г.) (*прим. ред.*).

25

В то время части и подразделения инженерных войск немецкой армии традиционно назывались «пионерными», однако на русский язык их принято переводить как «инженерно-саперные» или просто «саперные» (*прим. пер.*).

26

Если 10 мая 1940 г. 7-я танковая дивизия имела 224 танка, в том числе 34 PzKpfw I, 68 PzKpfw II, 24 PzKpfw IV и 98 чешских PzKpfw 38 (из которых 7 использовались в качестве командирских машин), то на 30 мая в ней оставалось только 84 исправных танка. Всего за время кампании 1940 г. во Франции дивизия Роммеля потеряла безвозвратно 42 танка (*прим. ред.*).

27

«Господин мэр, война для вас окончена» (*фр.*)

28

Имеется в виду британский генерал-майор Виктор Морвен Форчун, возглавлявший 51-ю (Хайлендскую) пехотную дивизию в ходе кампании 1940 г. во Франции. Окруженная у Сен-Валери вместе с войсками французского 9-го армейского корпуса генерала Илера, 51-я дивизия капитулировала 12 июня 1940 г. В плен к немцам тогда попало около 46 тысяч французских и британских военнослужащих *(прим. ред.)*

29

По другим данным, 7-я танковая дивизия во время Французской кампании 1940 г. потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 2624 человека (*прим. ред.*).

30

Господин капитан (*фр.*)

31

Это я, господин полковник (*фр.*)

32

Очевидно, генерал Максим Вейган назвал капитана Ханса фон Люка «коммандaном» из вежливости. Французское звание commandant (иначе батальонный или эскадронный начальник) соответствовало майору германской армии (*прим. пер.*).

33

«серьезный дом» (*фр.*)

34

Жозефина (или Джозефин) Бейкер – творческий псевдоним афро-американской актрисы и джазовой певицы «гарлемского стиля» Фриды Макдональд (1906–1975). Уехав в 1925 г. из США в Париж, она сделала там блестящую артистическую карьеру. Во время Второй мировой войны Жозефина Бейкер сотрудничала с Красным Крестом, тайно снабжала информацией французское движение Сопротивления, а также выступала перед войсками в Северной Африке и на Ближнем Востоке (*прим. ред.*).

35

Написание этого названия на протяжение книги то и дело меняется и выглядит то *Le Cavalier* , то *Le Chevalier* , что происходит, вероятно, из-за допущенных в процессе обработки текста небрежностей. Я остановился на первом варианте как более часто встречающемся (*прим. пер.*).

36

«Настроение» и «По дороге в Мексику»

37

Генерал-майор (с 1 сентября 1942 г. генерал-лейтенант) барон Ханс фон Функ командовал 7-й танковой дивизией с 15 февраля 1941 г. по 17 августа 1943 г. (*прим. ред.*).

38

Это война (*фр.*)

39

Lebensraum – «жизненное пространство». Так нацисты называли территории, которые, по их мнению, были необходимы немецкому народу для выживания (*прим. пер.*).

40

К тому времени прежние эскадроны моторизованных разведывательных (или танково-разведывательных) батальонов уже назывались ротами. Каждый батальон включал в себя: штаб, взвод связи, роту бронеавтомобилей (помимо которой в некоторых батальонах существовал еще один взвод бронемашин), мотоциклетно-стрелковую роту, роту тяжелого оружия и ремонтный взвод (*прим. ред.*).

41

Русскую кампанию 7-я танковая дивизия генерал-майора барона Ханса фон Функа начала в составе 39-го моторизованного

армейского корпуса, которым командовал генерал танковых войск Рудольф Шмидт. Кроме дивизии Функа, этот корпус, входивший в 3-ю танковую группу генерал-полковника Германа Гота, включал в себя 20-ю танковую, 14-ю и 20-ю моторизованные пехотные дивизии. 7-ю танковую дивизию составляли: 25-й танковый полк (в котором с 19 февраля 1941 г. роль 3-го батальона выполнял прежний отдельный 66-й танковый батальон), 7-я стрелковая бригада (6-й и 7-й стрелковые полки – по два батальона в каждом), 78-й моторизованный артиллерийский полк, 37-й моторизованный разведывательный батальон, 7-й мотоциклетно-стрелковый батальон, 42-й противотанковый дивизион, 58-й моторизованный саперный батальон, 83-й батальон связи и 58-й полевой запасный батальон. На 22 июня 1941 г. дивизия имела налицо 265 танков, в том числе 53 PzKpf II, 167 PzKpf 38 (чешских), 30 PzKpf IV и 15 командирских. К 27 июня в ней числилось уже 149 исправных танков, а к 18 июля – 118 (*прим. ред.*).

42

Скорее всего, это был не священник, а дьякон *(прим. пер.)*.

43

Т-50 – очень редкая машина, объем выпуска которой по меркам военной промышленности СССР был просто мизерный. Несостоявшийся «конкурент» Т-34, по некоторым данным даже превосходивший его, Т-50 имел массу заметно ниже последнего и вооружался в одной версии 45-мм пушкой, а в другой – 57-мм пушкой, обладавшей высокой бронепробиваемостью. Маловероятно, что такие танки использовались в боях на данном направлении, но если это так, то Т-50 в 1941 г. мог, безусловно, оказаться неприятным сюрпризом для немцев, поскольку броню его не пробивала ни одна их противотанковая пушка, тогда как сам он мог уничтожить любую из имевшихся в их распоряжении боевых машин (*прим. пер.*).

44

Наступление 3-й танковой группы генерал-полковника Германа Гота на Вязьму началось 2 октября 1941 г., причем немцы сравнительно легко прорвали позиции 30-й советской армии генерал-майора В. А. Хоменко, но к вечеру 3 октября встретили упорное сопротивление со стороны оперативной группы генерал-лейтенанта И. В. Болдина, организовавшей оборону юго-западнее населенного пункта Холм-Жирковский. Тем не менее 4 октября 6-я танковая дивизия генерал-майора Франца Ландграфа и 7-я танковая дивизия генерал-майора барона Ханса фон Функа, выдвинувшиеся к Холму-Жирковскому из района южнее Новоселок, форсировали Днепр в его верхнем течении, а

затем повернули на Вязьму. Продолжая свой бросок, 7-я танковая дивизия уже 6 октября вышла на автостраду в тылу противника, слишком поздно начавшего отход на восточный берег Днепра. На следующий день она соединилась у Вязьмы с наступавшей на этот город с юга 10-й танковой дивизией генерал-майора Вольфганга Фишера (из состава 4-й танковой группы генерал-полковника Эриха Хёпнера), благодаря чему был замкнут фронт окружения советских войск в Вяземском «котле» (*прим. ред.*).

45

Имеется в виду 56-й моторизованный армейский корпус генерала танковых войск Фердинанда Шааля (из 3-й танковой группы, переименованной с 1 января 1942 г. в 3-ю танковую армию). Автор ошибается, называя его танковым, поскольку тот получил это наименование только 1 марта 1942 г. Перейдя во второй половине сентября 1941 г. из группы армий «Север» в группу армий «Центр», штаб 56-го моторизованного корпуса получил в свое подчинение 6-ю и 7-ю танковые и 129-ю пехотную дивизии (последнюю позже заменила 14-я моторизованная пехотная дивизия). Ранее 7-я танковая дивизия некоторое время входила в 8-й армейский корпус генерала артиллерии Вальтера Хайтца (из 9-й армии генерал-полковника Адольфа Штрауса, в тыловой район которой дивизию Функа вывели еще во второй половине августа 1941 г., когда ее прежний корпус, 39-й моторизованный, был направлен в группу армий «Север»). Именно в составе 56-го корпуса она участвовала в наступательных операциях октября – ноября 1941 г. и оборонительных боях зимы 1941/42 г. (*прим. ред.*).

46

7-я танковая дивизия и боевая группа «Зиры» (из 14-й моторизованной пехотной дивизии) захватили Клин 23 ноября 1941 г. (в 16.00) (*прим. ред.*).

47

Речь идет о 7-м мотоциклетно-стрелковом и 37-м разведывательном батальонах (*прим. ред.*).

48

Это произошло 28 ноября 1941 г. (*прим. ред.*).

49

В англоязычном варианте эта фраза звучит в рифму – «Man, horse and truck by the Lord were struck». Вторично она приводится в 17-й главе, где автор сообщает, что это цитата из хроники времен крестовых походов (*прим. пер.*).

50

«сладкой жизнью» (*итал.*)

51

Аргус – персонаж древнегреческой мифологии, синоним понятия «бдительный страж» (*прим. пер.*).

52

«Тетушка Ю» (Tante Ju) – одно из двух наиболее знаменитых в мире изделий фирмы «Юнкерс» (другое, конечно, Ju-87 «Штука», называвшийся у нас «Лаптежником»), трехмоторный транспортный самолет с неубирающимся шасси (*прим. пер.*).

53

Барон Ирмфрид фон Вехмар (1899–1959) командовал 3-м разведывательным батальоном во время кампаний в Польше и Франции (в составе 3-й танковой дивизии) и 14 февраля 1941 г. прибыл с ним в Северную Африку, высадившись в Триполи с передовым эшелоном 5-й легкой дивизии. 23 марта его батальон захватил Эль-Агейлу, а затем, в ходе первого наступления Роммеля в Киренаике, отличился у Аджедабии (2 апреля), при занятии Бенгази (4 апреля), Дерны (7 апреля) и Бардии (12 апреля). За эти успешные действия подполковник барон фон Вехмар 13 апреля 1941 г. первым из военнослужащих Немецкого Африканского корпуса был награжден Рыцарским крестом (*прим. ред.*).

54

Генерал-майор Георг фон Бисмарк командовал 21-й танковой дивизией с 11 февраля по 31 августа 1942 г. (до своей гибели под Алам-эль-Хальфой) *(прим. ред.)*.

55

Странно, что Георг фон Бисмарк и Ханс фон Люк не встречались раньше, например во время кампаний в Польше и Франции. Ведь с 10 ноября 1938 г. по 10 декабря 1940 г. они одновременно служили во 2-й легкой, затем 7-й танковой дивизии, где Бисмарк (вначале как подполковник, а с 1 февраля 1939 г. – как полковник) командовал 7-м кавалерийским стрелковым полком, переименованным 28 февраля 1940 г. в 7-й стрелковый (*прим. ред.*).

56

Имеется в виду 1-я отдельная бригада Свободных французов, которую возглавлял бригадный генерал Пьер Кениг. К 26 мая 1942 г. в ней насчитывалось 3600 человек, 100 артиллерийских орудий (26 полевых, 62 противотанковых, 12 зенитных) и 44 миномета (*прим. ред.*).

57

В то время 1-й Королевский драгунский (1st The Royal Dragoons) и 11-й гусарский полки, оснащенные бронеавтомобилями, являлись разведывательными механизированными частями британской армии. Королевские

драгуны с 12 мая по 13 сентября 1942 г. состояли в 1-й бронетанковой дивизии, с 22 сентября по 31 октября того же года – в 10-й бронетанковой дивизии, а впоследствии перешли в отдельную 4-ю бронетанковую бригаду. 11-й гусарский полк считался настоящим ветераном войны в Северной Африке: с 10 апреля 1940 г. по 3 ноября 1943 г. он входил в 7-ю бронетанковую дивизию, известную под прозвищем «Крысы Пустыни» (*прим. ред.*).

58

Бронеавтомобиль, о котором говорит автор, скорее всего тяжелая бронемашина разведки SdKfz 231 (8-Rad). Дополнительный индекс (Achtrad – восьмиколесный/ четырехосный) машине присвоили, чтобы избежать путаницы, поскольку уже существовал шестиколесный бронеавтомобиль SdKfz 231 (о нем говорится в сноске несколько выше). SdKfz 231 (8-Rad) оснащалась устанавливавшейся на качающейся части башни 20-мм пушкой KwK 30 или KwK 38, спаренной с 7,92-мм пулеметом MG 34. Скорость ее движения по шоссе достигала 85 км/ч. Британская бронемашина «Хамбер» (*Humber*), способная развить скорость до 72 км/ч, в различных модификациях вооружалась пулеметами (калибра 15, 12,7, 7,92 и 7,62 мм) и даже 37-мм американской пушкой. Кроме того, британцами в Северной Африке применялись и некоторые другие бронеавтомобили, или «легкие колесные танки», более скоростные и вооруженные 2-фунт. (40/42-мм) пушками (*прим. пер.*).

59

Генерал-майор Густав фон Ферст возглавлял 15-ю танковую дивизию с 9 декабря 1941 г. по 15 июля 1942 г. и с 25 августа по 1 декабря 1942 г. Произведенный 1 декабря 1942 г. в генерал-лейтенанты и 1 марта 1943 г. в генералы танковых войск, он с 9 марта по 9 мая 1943 г. (до своей сдачи в плен) командовал в Тунисе 5-й танковой армией (*прим. ред.*).

60

Бригадир Джордж Герберт Клифтон с 11 февраля по 3 сентября 1942 г. командовал 6-й новозеландской пехотной бригадой (*прим. ред.*).

61

Из маори состоял только один батальон 2-й новозеландской дивизии (28-й пехотный), остальные ее части были укомплектованы «белыми» новозеландцами (*прим. ред.*).

62

тогда ее звали Джин Эллингтон

63

«Физелер» Fi-156 «Шторх» («Аист») – легкий самолет с крейсерской скоростью 130 км/ч и дальностью полета 385 км. Машина, во многом сходная с нашим У-2, иначе По-2, или с американским «Пайпер Кабом» (*прим. пер.*).

64

По всей видимости, налицо вновь некоторая путаница, возникшая, вероятно, из-за того, что с течением времени одно событие слишком повлияло в памяти автора на другое и как бы «затмило» его. Немного ниже читателю встретится забавный (хотя и не безобидный) эпизод, связанный как раз с 2-см пушкой, у которой автору пришлось занять место в качестве не хвостового, но носового стрелка на самолете Не-111. Очевидно, это, вне сомнения, яркое воспоминание и сыграло свою роль. Все дело в том, что на знаменитом пикировщике «Штука» хвостовой стрелок имел 7,92-мм пулемет-спарку, а не 20-мм пушку. Безусловно, такие пулеметы тоже были знакомы автору, так как подобные им применялись широко во всех вооруженных силах, в том числе ставились на немецкие бронемашины разведки (*прим. пер.*).

65

«первый среди равных» (*лат.*)

66

Вероятно, имеется в виду Са-309 «Гибли», двухмоторная машина, которую едва ли справедливо сравнивать с немецким «Шторхом» (*прим. пер.*).

67

По более полным данным, к началу сражения под Эль-Аламейном танковая армия «Африка» генерала г. Штумме, противостоявшая 8-й британской армии генерал-лейтенанта Б. Л. Монтгомери, насчитывала примерно 108 000 человек (в том числе 53 736 немцев). Кроме того, на территории Северной Африки (в тылу основной группировки сухопутных сил) находилось еще около 77 000 итальянских военнослужащих. Войска стран Оси, по одним сведениям, имели в наличии 548 танков (249 немецких и 299 итальянских), по другим – 496 танков (плюс 192 бронеавтомобиля). У британцев, по одним подсчетам, было 939 танков, по другим – 1029 (а также 435 бронемашин) (*прим. ред.*).

68

Командование британской авиации располагало в Северной Африке и на Среднем Востоке примерно 1000 самолетов, способных поддерживать наземные силы в ходе наступательной операции под Эль-Аламейном (только в составе ВВС Западной пустыни к 19 октября 1942 г. числилось 642 самолета). Со своей стороны, державы Оси имели на Североафриканском ТВД не более 575 самолетов (275 немецких и около 300 итальянских).

При этом надо отметить, что значительная часть итальянских истребителей (почти две трети машин) должна была прикрывать с воздуха различные объекты между Дерной и Триполи, в глубоком тылу войск, занимавших оборонительные позиции у Эль-Аламейна (*прим. ред.*).

69

Вместо Георга Штумме, погибшего (или умершего) 24 октября 1942 г., танковую группу «Африка» временно, до приезда Роммеля, возглавлял командир Немецкого Африканского корпуса генерал танковых войск Вильгельм Риттер фон Тома (*прим. ред.*).

70

В то время 21-я танковая дивизия находилась под начальством генерал-майора Хайнца фон Рандова (с 18 сентября 1942 г. он сменил полковника Карла-Ханса Лунгерсхаузена, временно командовавшего дивизией вместо Георга фон Бисмарка, убитого 31 августа под Алам-эль-Хальфой). Возглавляя это соединение в сражении под Эль-Аламейном и при отступлении в Триполитанию, фон Рандов 21 декабря 1942 г. был пленен британцами, и 1 января 1943 г. его место занял полковник Ханс-Георг Хильдебрандт, произведенный 1 марта в генерал-майоры и сохранявший должность дивизионного командира до 15 марта. Затем 21-й танковой дивизией до 12 мая 1943 г. командовал генерал-майор Генрих-Герман фон Хюльзен, который вместе с ее остатками сдался в плен в Тунисе (*прим. ред.*).

71

Имеется в виду бригадный генерал Франческо Арена. Кроме возглавляемой им 132-й танковой дивизии «Ариете» в состав XX корпуса дивизионного генерала Джузеппе де Стефаниса входили еще два итальянских соединения – 133-я танковая дивизия «Литторио» и 101-я моторизованная дивизия «Триесте» (*прим. ред.*).

72

Вероятно, цифра 750 является результатом «технической» ошибки, как и в случае прочих досадных неточностей. Можно предположить, что автор имел в виду 250 немецких танков (*прим. пер.*).

73

Танковая армия «Африка» была образована на Североафриканском ТВД 30 января 1942 г. из существовавшей с 1 сентября 1941 г. танковой группы «Африка» и 1 ноября 1942 г. переименована в Немецко-итальянскую танковую армию. Ее возглавлял генерал-фельдмаршал Эрвин Роммель (с 25 октября 1942 г.), а должность начальника штаба занимал генерал-лейтенант Альфред Гаузе. 22 февраля 1943 г. на базе этой армии

создали группу армий «Африка» (под начальством Роммеля), объединившую в своем составе 1-ю итальянскую и 5-ю немецкую танковую армии (*прим. ред.*).

74

Отдельная парашютная бригада генерал-майора Бернхарда Германа Рамке, сформированная специально для десантной операции против острова Мальта (так и не осуществленной), была в августе 1942 г. переброшена по воздуху в Северную Африку, где сражалась до мая 1943 г. Она состояла из четырех батальонов парашютистов, артиллерийского дивизиона, противотанковой и саперной рот, но не имела собственного автотранспорта, вследствие чего ее личный состав, как правило, перевозился на машинах, принадлежавших другим немецким частям и соединениям (*прим. ред.*).

75

Прежний командир Немецкого Африканского корпуса генерал танковых войск Вильгельм Риттер фон Тома попал в плен 4 ноября 1942 г. (когда британцы подбили танк PzKpfw III, в котором он находился, ему пришлось сдаться капитану 10-го гусарского полка Гранту Вашингтону Синджеру). В результате управление корпусом принял на себя начальник его штаба полковник Фриц Байерляйн, исполнявший обязанности корпусного командира до 19 ноября. Затем Немецкий Африканский корпус последовательно возглавляли: генерал танковых войск Густав Фен (с 19 ноября 1942 г.), генерал-майор барон Курт фон Лобенштайн (с 16 января 1943 г.), генерал-лейтенант Хайнц Циглер (с 17 февраля 1943 г.) и генерал танковых войск Ханс Крамер (с 5 марта по 12 мая 1943 г.) (*прим. ред.*).

76

580-й и 33-й разведывательные батальоны принадлежали соответственно к 90-й легкой пехотной и 15-й танковой дивизиям (*прим. ред.*).

77

Итальянцы располагали бронеавтомобилями Autoblinda 40 и Autoblinda 41. Для своего времени бронеавтомобиль Аутоблинда 41 считался вполне удачной конструкцией, однако все дело портили неполадки в системе управления, полностью устранить которые разработчикам так и не удалось. Основным вооружением Аутоблинда 41 служила перепрофилированная 20-мм зенитная пушка Breda modello 35, спаренная с 8-мм пулеметом воздушного охлаждения Breda modello 38, специально созданным для установки на бронетехнику (на Аутоблинда 40 имелось лишь пулеметное вооружение). Максимальная скорость по шоссе у

Autoblinda 41 достигала 78 км/ч; по пересеченной местности – 38 км/ч. На конец сентября 1942 г. в действующих частях находилось около 300 бронеавтомобилей Аутоблинда 41. Можно, пожалуй, добавить, что бронеавтомобили у итальянских изобретателей и производственников получались более удачными, чем танки, о конструктивных недостатках которых и особенно об их механической ненадежности говорится в любой книге, в которой они упоминаются (*прим. пер.*).

78

Имеется в виду «файв-оклок» – известная английская традиция пить чай в 5 часов пополудни (*прим. пер.*).

79

Т. е. имеется в виду три часа езды на верблюде, двигающемся с «крейсерской» скоростью (*прим. пер.*).

80

Генерал-полковник Ханс-Юрген фон Арним (1889–1969) с 8 декабря 1942 г. командовал в Северной Африке немецкой 5-й танковой армией, а с 10 марта по 13 мая 1943 г. – группой армий «Африка». 10-ю танковую дивизию, сражавшуюся в Тунисе в составе 5-й танковой армии, возглавлял генерал-лейтенант Вольфганг Фишер, а после его гибели 1 февраля 1943 г. – генерал-майор (с 1 мая 1943 г. генерал-лейтенант) барон Фридрих фон Бройх (*прим. ред.*).

81

Comando Supremo – Верховное командование (*итал.*) (*прим. пер.*).

82

Генерал Джованни Мессе с 2 февраля 1943 г. возглавлял 1-ю итальянскую армию (образованную 30 января того же года из прежней Немецко-итальянской танковой армии). На пост начальника ее штаба 1 марта 1943 г. был назначен немец Фриц Байерляйн, тогда же произведенный в генерал-майоры (*прим. ред.*).

83

Medaglia d'Argento – Серебряная медаль (*итал.*) (*прим. пер.*).

84

Игра слов, фамилия Зайдеманн (*Seide* – шелк и *Mann* – мужчина) – букв. «шелковый муж/мужчина», а его жена в действительности, конечно же, носившая фамилию мужа, Зайдеманн, соответственно, (*Seide* + *Frau*) «шелковая жена/женщина» (*прим. пер.*).

85

В английском тексте слово *penthouse* , в нашем языке оно

обычно ассоциируется с апартаментами богемы, т. е. с дорогими квартирами на крыше или под крышей. По-немецки же такое жилье, о котором говорит автор, называется *Dachwohnung* и может означать вполне обычную квартиру на самом верхнем этаже с окнами, врезанными в скаты крыши, в общем, нечто вроде мансарды (*прим. пер.*).

86

Речь идет о так называемой «битве за Гамбург», которая развернулась в июле 1943 г. В основе ее у атакующих (британцев и американцев) лежала тактика 1000-бомберных рейдов – налетов силами около тысячи бомбардировщиков. Направленные в основном на гражданские объекты, эти мощные налеты, продолжавшиеся до ноября 1943 г., привели к огромным жертвам среди жителей Гамбурга (по разным данным, тогда погибло от 40 000 до 50 000 человек) (*прим. пер.*).

87

«предметы искусства» (*фр.*)

88

Имперский барон Ханс фон Бойнебург-Ленгсберг командовал 7-й стрелковой бригадой 7-й танковой дивизии с 5 октября 1940 г. по 9 сентября 1941 г. (тогда еще в звании полковника). Произведенный 1 октября 1941 г. в генерал-майоры и 16 ноября 1942 г. – в генерал-лейтенанты, он с 25 сентября 1941 г. по 28 декабря 1942 г. занимал должность командира 23-й танковой дивизии, а 1 апреля 1943 г. получил назначение во Францию в качестве военного коменданта. С 1 мая 1943 г. по 7 августа 1944 г. Бойнебург был комендантом Парижа (и одновременно командиром 325-й охранной дивизии) (*прим. ред.*).

89

Имеются в виду жилые кварталы вблизи «комплекса» Дома Инвалидов (Hotel des Invalides) и бульвара Инвалидов. В Париже этот район считается одним из самых фешенебельных (*прим. пер.*).

90

Макс Шмеллинг (1905–2005) – знаменитый немецкий боксер-тяжеловес, чемпион мира 1930–1932 гг. При нацистском режиме он проявил себя как противник еврейских погромов и отказался вступать в НСДАП, чем вызвал неудовольствие Гитлера. Во время Второй мировой войны служил в германских парашютных войсках и участвовал в воздушно-десантной операции на Крите (в мае 1941 г.). В послевоенный период Шмеллинг продолжал занятия боксом, но не добивался таких успехов на ринге, как в 30-е годы. Дожив до 99 лет, он скончался 2 февраля 2005 г. в Холленштадте (Германия) (*прим. ред.*).

91

Генерал-майор Фриц Байерляйн был эвакуирован из Туниса на самолете, а потому избежал капитуляции. С 25 октября 1943 г. по 5 января 1944 г. он командовал 3-й танковой дивизией, действовавшей на германо-советском фронте, и 10 января 1944 г. был назначен командиром Учебной танковой дивизии. Произведенный 1 мая 1944 г. в генерал-лейтенанты, Байерляйн сражался во главе этой элитной дивизии на Западе (до 8 июня, а затем снова с сентября 1944 г. до середины января 1945 г.) (*прим. ред.*).

92

21-я танковая дивизия была восстановлена 15 июля 1943 г. в районе французского города Рен (на основе 931-й подвижной бригады). Эдгар Фойхтингер командовал этим новым соединением с момента его создания до 15 января 1944 г., а затем снова с 8 марта 1944 г. по 25 января 1945 г. (назначенный дивизионным командиром еще в звании полковника, он 1 августа 1943 г. стал генерал-майором и 1 августа 1944 г. – генерал-лейтенантом). В состав дивизии входили: 100-й танковый полк (переименованный с 20 мая 1944 г. в 22-й танковый), 125-й и 192-й танково-гренадерские полки, 155-й танково-артиллерийский полк, 21-й танково-разведывательный батальон, 200-й противотанковый дивизион, 200-й дивизион штурмовых орудий, 305-й войсковой зенитно-артиллерийский дивизион, 220-й танково-саперный батальон и 220-й полевой запасный батальон. В августе 1944 г. к ней также присоединили пехоту 16-й полевой дивизии Люфтваффе. Уничтоженная в Фалезском «котле», 21-я танковая дивизия была заново сформирована в сентябре 1944 г. на базе 112-й танковой бригады (тогда в Лотарингии для дивизии Фойхтингера сформировали 22-й танковый батальон, из которого уже в 1945 г. создали новый 22-й танковый полк) (*прим. ред.*).

93

Речь идет о H-35 и H-39. Эти легкие 12-тонные танки французского производства немцы тоже пустили в дело, в том числе и их шасси как основу для САУ, хотя и не так широко, как знаменитый 9,5-тонный чешский TNH P-S, послуживший в «Панцерваффе» и в качестве танка (PzKpfw 38{t}), и как шасси для противотанковых самоходок (*прим. пер.*).

94

84-й армейский корпус генерала артиллерии Эриха Маркса входил в 7-ю армию генерал-полковника Фридриха Долльмана, к которой также принадлежали 74-й и 81-й армейские корпуса генерала пехоты Эриха Штраубе и генерала танковых войск Адольфа Кунтцена (*прим. ред.*).

95

Яблочный сидр крепостью 2 или 4 градуса – традиционный в Нормандии слабоалкогольный шипучий напиток. В процессе перегонки сидра получается кальвадос – яблочная водка (40 %), которая, как и сидр, тоже своего рода «трейд-марк» этого региона (*прим. пер.*).

96

Британская 6-я воздушно-десантная дивизия генерал-майора Ричарда Нелсона Гэйла включала в себя три бригады: 3-ю и 6-ю парашютные и 6-ю авиадесантную (*прим. ред.*).

97

Накануне высадки англо-американских войск в Нормандии части и подразделения 21-й танковой дивизии занимали следующее расположение: *22-й танковый полк* полковника Германа фон Оппельн-Брониковски – Обиньи (штаб полка), Жор (1-й батальон майора фон Готтберга), Френе-ла-Мер (2-й батальон майора Фирцига); *125-й танково-гренадерский полк* майора Ханса фон Люка – Вимон (штаб полка), Фьервиль-ла-Кампань (1-й батальон капитана Шенка цу Швайнбурга), Коломбель (2-й батальон капитана Курона, имевший 5-ю роту в Троарне, 6-ю роту в Банвиль-ла-Кампань и 7-ю роту – в Ранвиле); *192-й танково-гренадерский полк* полковника Йозефа Рауха – Тюри-Аркур (штаб полка), Верзон (1-й батальон капитана Рэтцера), Ле-Мениль (2-й батальон капитана Циппе, имевший 5-ю роту в Шато де ла Лонд, 6-ю роту в Бюроне, 7-ю роту в Перье-сюр-ле-Дан и 8-ю роту – в Кэроне); *155-й танково-артиллерийский полк* полковника Герберта Хюне – Сент-Андре-сюр-Орн (штаб полка), Матье (1-й дивизион капитана Феклера, имевший 1-ю батарею в Бёвиле, 2-ю батарею в Перье-сюр-Дан и 3-ю батарею в Коломби-сюр-Таон), Мей-сюр-Орн (2-й дивизион капитана Танненбергера и 3-й дивизион капитана барона фон Цигезара); *200-й противотанковый дивизион* майора барона Вернера фон Линкера – Сен-Пьер; *200-й дивизион штурмовых орудий* майора Альфреда Беккера – Кеттвиль (5-я рота в Эпроне); *21-й танково-разведывательный батальон* майора Вальдова – к юго-востоку от Конде-сюр-Нуаро; *305-й войсковой зенитно-артиллерийский дивизион* капитана Хельмута Олендорфа – Эрувиль (1-я, 2-я и 3-я батареи находились у Кана, соответственно юго-восточнее, западнее и восточнее этого города); *220-й танково-саперный батальон* обер-лейтенанта Франца Хёгеля – Клеси (3-я рота в Крёйи); *220-й полевой запасный батальон* – Конде-сюр-Нуаро. Штаб дивизии размещался в Сен-Пьер-сюр-Див (*прим. ред.*).

98

Первым офицером штаба в германской армии назывался

начальник оперативного отдела (*прим. пер.*).

99

Как известно, союзники провели крупномасштабную и хитроумную дезинформационную кампанию, чтобы убедить Гитлера и его окружение в том, что главная высадка британских и американских войск произойдет на французском побережье Па-де-Кале. Была даже создана так называемая FUSAG – 1-я группа армий США под командованием «опального» генерала Джорджа Паттона, которого немцы с вескими на то основаниями считали наиболее опасным противником в стане англо-американцев. FUSAG со своим ложным снаряжением (включая макеты десантных судов и танков, для изготовления которых подключили специалистов из Голливуда) «дислоцировалась» как раз на юго-востоке Англии и могла наступать из района Дувра через пролив Па-де-Кале (иначе Дуврский канал) с тем, чтобы высадиться около города Кале. (Многим, включая и Паттона, представлялось наиболее естественным, несмотря на ряд минусов, произвести высадку именно там.) В том числе и поэтому немцам казалось логичным, что высадка в Нормандии, где войсками командовал порой чрезмерно осторожный Бернард Монтгомери, являлась на самом деле отвлекающим маневром. Гитлер не желал принять действительность такой, какой она была, даже тогда, когда в конце июля Паттон отправился на континент и (официально с 1 августа 1944 г.) принял командование 3-й армией США (*прим. пер.*).

100

Майор Джон Хауард командовал ротой «B» 2-го батальона Оксфордширского и Бэкингемширского полка легкой пехоты (из состава 6-й авиадесантной бригады британской 6-й воздушно-десантной дивизии) (*прим. ред.*).

101

В данном контексте французское выражение *coup de main* (буквально «удар рукой») переводится как «налет» или «вылазка» (*прим. пер.*).

102

На горе Оберзальцберг вблизи Берхтесгадена (города в юго-восточной Баварии, славящегося как лечебный и горнолыжный курорт) находилось шале «Бергхоф» – любимое «поместье» Адольфа Гитлера (*прим. ред.*).

103

В действительности британская 11-я бронетанковая дивизия была сформирована еще 9 марта 1941 г., однако до лета 1944 г. не участвовала в боевых действиях, оставаясь на территории Соединенного Королевства. Высаженная в Нормандии 13 июня

1944 г., она имела в своем составе две бригады – 29-ю бронетанковую и 152-ю пехотную. Генерал-майор Джордж Филип Брэдли («Пип») Робертс (1906–1997) командовал этой дивизией с 6 декабря 1943 г. до 1946 г. (*прим. ред.*).

104

Речь идет о 1-м танковом корпусе СС, в состав которого в то время входила и 21-я танковая дивизия Вермахта. Именно этим корпусом с 27 июля 1943 г. по 9 августа 1944 г. командовал обергруппенфюрер Йозеф («Зепп») Дитрих, получивший 1 августа 1944 г. звание оберстгруппенфюрера (генерал-полковника войск СС) (*прим. ред.*).

105

горничную (*фр.*)

106

Буквально значение немецкого слова Ersatz – замена (или заменитель) (*прим. пер.*).

107

В тексте *carpet bombing* , что означает буквально «ковровые бомбардировки». Такого термина тогда еще не придумали, использовалось определение «насыщенные», однако суть от этого не меняется (*прим. пер.*).

108

Имеется в виду 8-й корпус генерал-лейтенанта сэра Ричарда Наджента О'Коннора, входивший в состав 2-й британской армии генерал-лейтенанта сэра Майлса Демпси. Перед началом операции «Гудвуд» во всех трех его бронетанковых дивизиях насчитывалось 870 танков (*прим. ред.*).

109

На высотах Бургебю войска немецкой танковой группы «Запад» генерала Генриха Эбербаха имели 70 зенитных 88-мм орудий (способных весьма эффективно бороться с танками), 194 полевых орудия и 272 установки для пуска реактивных снарядов. Вопреки расчетам британского командования, мощная трехчасовая бомбардировка, проведенная авиацией союзников утром 18 июля 1944 г. (с 5.30 до 8.30), все же не смогла полностью вывести из строя эти огневые средства (*прим. ред.*).

110

Здесь автор не совсем прав. Среди британских командиров не было полного единодушия относительно успеха предстоящего наступления. Известно, что план атаки британского 8-го корпуса, разработанный генерал-лейтенантом сэром Ричардом Н. О'Коннором в рамках операции «Гудвуд», вызвал серьезное беспокойство у командира 11-й бронетанковой дивизии генерал-майора Дж. Ф. Б. Робертса. Детально ознакомившись с этим

планом, Робертс обнаружил, что бронетанковые войска и пехота имели разные цели. Убежденный в ошибочности такого решения, он в письменной форме высказал свое критическое мнение О'Коннору, на что тот ответил, что если Робертс не уверен в себе и не может возглавить наступление по плану, задуманному командиром корпуса, то место его бронетанковой дивизии во главе наступающих войск займет другая дивизия. В итоге Робертс неохотно согласился действовать в соответствии с планом О'Коннора (*прим. ред.*).

111

Во время операции «Гудвуд» майор Билл Клоуз командовал эскадроном «А» (подразделением, эквивалентным роте) в 3-м батальоне Королевского танкового полка, входившем в состав 29-й бронетанковой бригады 11-й бронетанковой дивизии. За время кампании 1944–1945 гг. во Франции, Бельгии и Германии этот британский офицер последовательно потерял в боях 11 танков, но сумел выжить. Впечатления о тех событиях он отразил в своей книге «Взгляд из орудийной башни: история 3-го Королевского танкового полка во Второй мировой войне», впервые изданной в Англии семь лет назад (*Bil* l *Clos* e. A View from the Turret: A History of the 3rd Royal Tank Regiment in the Second World War. London, 1998) (*прим. ред.*).

112

18 июля 1944 г. эскадрон майора Билла Клоуза был передовым подразделением 3-го батальона Королевского танкового полка, действовавшего на острие атаки 29-й бронетанковой бригады и всей 11-й бронетанковой дивизии. Генерал-майор Филип («Пип») Робертс на своем командирском «кромвеле» двигался на самой близкой дистанции позади этой головной части. Вслед за 3-м батальоном Королевского танкового полка наступали 2-й Файфский и Форфарский йоменский и 23-й гусарский полки, также принадлежавшие к 29-й бронетанковой бригаде (которой командовал бригадир Чарлз Барнет Камерон Харви), а за ними – 2-й Нортхэмптонширский йоменский полк дивизионной разведки. Все танковые батальоны 29-й бригады были оснащены средними танками «шерман» с 75-мм пушкой и «шерман МС Файрфлай» («Firefly», то есть «Светлячок») с 17-фунтовой (76,2-мм) пушкой, способной пробивать 120-мм броню с расстояния 500 м. При этом на каждые четыре обычных «шермана» приходился один «Файрфлай». 2-й Нортхэмптонширский йоменский полк имел более легкие танки «кромвель», вооруженные 75-мм пушкой (*прим. ред.*).

113

Во время наступления 18 июля 1944 г. в районе деревни

Каньи Гвардейская бронетанковая дивизия генерал-майора Аллана Эдайра лишилась 60 танков, тогда как 7-я бронетанковая дивизия генерал-майора Джорджа Эрскина, вступившая в дело не ранее 17 часов, потеряла 18-го числа только 6 танков «кромвель» (*прим. ред.*).

114

По другим, более точным данным, потери британцев в операции «Гудвуд» составили 413 танков (36 процентов всех их бронетанковых сил, развернутых к тому времени в Нормандии). Наибольший урон пришелся на 11-ю бронетанковую дивизию генерал-майора Дж. Ф.Б. Робертса, которая потеряла в общей сложности 191 танк (126 в первый день наступления и 65 – во второй). Чувствительными оказались и людские потери атакующей стороны: всего в 8-м корпусе и поддерживавших его наступление соединениях 2-й британской и 1-й канадской армий было убито, ранено и пропало без вести 5537 солдат и офицеров. При этом три бронетанковые дивизии корпуса О'Коннора, наносившие 18–19 июля 1944 г. главный удар по позициям немецкой танковой группы «Запад», потеряли 1259 человек (11-я дивизия – 745, Гвардейская – 399, а более опытная 7-я – только 115) (*прим. ред.*).

115

Хассо-Эккард фон Мантойффель, тогда еще подполковник, возглавил 6-й стрелковый полк 7-й танковой дивизии 25 августа 1941 г. (вместо убитого полковника фон Унгера). Занимая эту должность, он получил 1 октября 1941 г. звание полковника, а затем с 15 июля по 4 ноября 1942 г. командовал 7-й танково-гренадерской бригадой той же дивизии. Позже, уже произведенный в генерал-майоры (1 мая 1943 г. за бои в Тунисе), Мантойффель вернулся в 7-ю танковую дивизию в качестве ее командира (с 1 августа 1943 г. до 31 января 1944 г.). Став 1 февраля 1944 г. генерал-лейтенантом, он командовал на Восточном фронте танково-гренадерской дивизией «Гроссдойчланд», после чего 1 сентября того же года был произведен в генералы танковых войск и назначен командующим 5-й танковой армией, действовавшей во Франции (*прим. ред.*).

116

Эта дивизия, образованная 24 августа 1943 г. в Северной Африке из 2-й легкой дивизии Сил Свободной Франции, была организована, вооружена и снаряжена по образцу бронетанковых соединений армии США. Роль дивизионной мотопехоты в ней выполнял маршевый полк Чада (три батальона), а основными бронетанковыми частями, по своей структуре эквивалентными американским батальонам, являлись 501-й танковый, 12-й

кирасирский, 12-й африканский конно-егерский полки, 1-й маршевый полк марокканских спаги (разведывательный) и полк морских фузилеров (оснащенный самоходными артиллерийскими установками). Кроме того, она включала в себя три дивизиона полевой артиллерии, зенитно-артиллерийский дивизион, инженерно-саперный батальон и другие подразделения. Возглавлял 2-ю французскую бронетанковую дивизию дивизионный генерал Леклерк, ранее прославившийся своими действиями в Ливии и Тунисе. Переброшенная в Англию в апреле 1944 г., дивизия Леклерка 1 августа того же года высадилась в Нормандии, где вскоре заслужила прекрасную боевую репутацию. Во время кампании во Франции она особенно отличилась при освобождении Парижа (где ее командир 25 августа принял капитуляцию немецкого гарнизона) и Страсбурга (23–25 ноября 1944 г.), а весной 1945 г. участвовала в наступлении союзников в Германии, дойдя к 4 мая до Берхтесгадена (*прим. ред.*).

117

Траминер относится к наиболее известным сортам вина долины Верхнего Рейна (*прим. пер.*).

118

Настоящее имя генерала Леклерка было Филипп-Франсуа-Мари де Отклок. В июле 1940 г., присоединившись в Англии к движению генерала Шарля де Голля, он, тогда еще капитан французской армии, принял псевдоним Жак Леклерк (а не Шарль, как ошибочно пишет фон Люк), поскольку не хотел подвергать опасности своих родственников, оставшихся во Франции. Уже по окончании Второй мировой войны генерал сделал этот псевдоним (но уже без имени Жак) частью своей фамилии и с 17 ноября 1945 г. официально именовался Леклерком де Отклоком (*прим. ред.*).

119

Полковник 12-го африканского конно-егерского полка де Ланглад командовал одной из боевых тактических групп 2-й французской бронетанковой дивизии *(прим. ред.*).

120

В то время немецкую группу армий «G», тогда включавшую в себя 1-ю, 19-ю и 5-ю танковые армии, возглавлял генерал-полковник Йоханнес Бласковиц. 21 сентября 1944 г. его сменил на этой должности генерал танковых войск Герман Балк, у которого 24 декабря 1944 г. командование снова принял Бласковиц. В дальнейшем этой группой последовательно командовали оберстгруппенфюрер (генерал-полковник войск СС) Пауль Хауссер (с 29 января 1945 г.) и генерал пехоты Фридрих Шульц (с 2 апреля 1945 г. до капитуляции) (*прим. ред.*).

121

Несомненно, речь идет о 4-й роте 13-го инженерно-саперного батальона, входившего в состав дивизии Леклерка (*прим. ред.*).

122

К тому времени эту группу составляла одна только 1-я армия генерала пехоты Отто фон Кнобельсдорфа, поскольку 5-я танковая армия генерала танковых войск Хассо-Эккарда фон Мантойффеля перешла в ноябре 1944 г. в группу армий «B» генерал-фельдмаршала Вальтера Моделя, а 19-я армия генерала пехоты Фридриха Визе (замененного с 19 декабря генералом пехоты Германом Распом) была включена в состав новой группы армий «Oberrhein» («Верхний Рейн»), созданной 7 декабря 1944 г. под командованием рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера (*прим. ред.*).

123

Хагенау (*Haguenau*) – немецкое название этого населенного пункта в Эльзасе. По-французски оно произносится как Агно (*прим. пер.*).

124

42-я пехотная дивизия армии США была сформирована из национальной гвардии многих американских штатов и, как символ этого разнообразия, имела дивизионную эмблему с изображением радуги. От этой эмблемы она и получила прозвище «Rainbow Division» («Радужная дивизия») (*прим. ред.*).

125

Имеются в виду 39-й танковый корпус генерала танковых войск Карла Деккера и 7-я парашютная дивизия генерал-лейтенанта Вольфганга Эрдманна (*прим. ред.*).

126

«Возблагодарите же (вы) все Господа» (*нем.*)

127

14-й армейский корпус СС был сформирован на Верхнем Рейне в ноябре 1944 г. под командованием группенфюрера СС Хайнца Рейнфарта. С декабря 1944 г. его возглавлял обергруппенфюрер СС Эрих фон дем Бах-Зелевски (*прим. ред.*).

128

Кюстрин – это нынешний польский Костшин. Город Франкфурт-ан-дер-Одер (он же Франкфурт-на-Одере) немцы нередко называют просто Франкфурт-Одер. Многие применяемые на Западе географические названия, особенно здесь и в следующей главе, даны в нашей литературе (и в географических атласах) в альтернативных вариантах, поскольку большинство являвшихся на протяжении веков спорными территорий, приобретенных Австрией и Пруссией после раздела Речи

Посполитой в конце XVIII столетия, отошло после 1945 г. к Польше. Часто новые названия фонетически близки к старым (как, например, Бреслау – Бреславль), встречаются прямые переводы (Грюнберг – Зелена-Гура), но нередко сходство прослеживается лишь с трудом или же смысловая и фонетическая связь отсутствует вовсе. Выработать какую-то единую схему тут довольно трудно, поэтому я постарался все же в большинстве случаев придерживаться «авторской географии» (*прим. пер.*).

129

Буквы WH (аббревиатура слова Wehrmacht) указывают на принадлежность автомобиля к немецкой армии (прим. пер.).

130

Jagdpanzer IV – самоходное противотанковое орудие на шасси танка PzKpfw IV, вооруженное 7,5-см пушкой длиной (в разных модификациях) от 48 до 70 калибров (*прим. пер.*).

131

Во время Второй мировой войны полковник Ханс-Ульрих Рудель, ас Люфтваффе, летавший на вооруженном двумя 37-мм противотанковыми пушками пикирующем бомбардировщике Ju-87G, уничтожил, по его утверждениям, свыше 500 единиц бронетехники (в основном советской) (*прим. пер.*).

132

Рейхсюгендфюрер (Reichsjugendführer der NSDAP) – имперский руководитель молодежи НСДАП. С 17 июня 1932 г. нацистский деятель, занимавший этот пост (до 8 августа 1940 г. Бальдур фон Ширах, затем Артур Аксманн), одновременно являлся югендфюрером (руководителем молодежи) Германского рейха (*прим. пер.*).

133

Перейдя после Второй мировой войны к Польше, этот населенный пункт сменил немецкое название Лаубан (Lauban) на польское Любань (*прим. пер.*).

134

Это были 39-й и 57-й танковые корпуса, которыми командовали соответственно генералы танковых войск Карл Деккер и Фридрих Кирхнер. Они должны были осуществить наступательную операцию «Гемзес» – нанести 2 марта 1945 г. под Лаубаном внезапный удар по советским войскам 3-й гвардейской танковой армии генерал-полковника П. С. Рыбалко *(прим. ред.*).

135

В сражении под Лаубаном отряд фон Люка действовал в составе 39-го танкового корпуса, куда также входили гренадерская дивизия «Фюрер» и боевые группы 17-й танковой и 6-й фольксгренадерской дивизий (*прим. ред.*).

136

Фактически это была боевая группа (Kampfgruppe) 17-й танковой дивизии под командой полковника Теодора Кречмера (*прим. ред.*).

137

В то время 21-я танковая дивизия генерал-майора (с 20 апреля – генерал-лейтенанта) Вернера Маркса числилась в составе танкового корпуса «Гроссдойчланд», командиром которого был генерал танковых войск Георг Яуэр (сменивший с 12 марта 1945 г. генерала танковых войск Дитриха фон Заукена). Этот корпус входил в 4-ю танковую армию генерала танковых войск Фрица-Хуберта Грэзера и, наряду с 21-й танковой дивизией, включал в себя 615-й дивизионный штаб и три боевые группы (из танково-гренадерской дивизии «Бранденбург», 1-й парашютно-танковой дивизии «Герман Геринг» и 20-й танково-гренадерской дивизии) (*прим. ред.*).

138

По-видимому, это был генерал-майор Айра Т. Уич, возглавлявший американскую 79-ю пехотную дивизию с июня 1942 г. по май 1945 г. *(прим. ред.*).

139

79-я пехотная дивизия армии США имела прозвище «Лотарингский крест», поскольку он был изображен на ее дивизионной эмблеме (*прим. ред.*).

140

Имеется в виду 1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарте Адольф Гитлер» (*прим. ред*).

141

Имеется в виду немецкая 12-я армия, сформированная в апреле 1945 г. и возглавляемая генералом танковых войск Вальтером Венком (*прим. пер.*).

142

Jagdpanzer 38(t) für 7,5-cm Pak 39 Hetzer – одна из лучших немецких САУ, которая представляла собой удачный симбиоз шасси довоенного чешского танка TNH P-S, получившего у немцев обозначение PzKpfw 38(t), и противотанковой 75-мм пушки Pak 39. Ее название «Хетцер» можно перевести как «собака для охотничьей травли» (*прим. пер.*).

143

«Иосиф Сталин», сокращенно ИС. По всей видимости, имеются в виду 46-тонные танки ИС-2, вооруженные 122-мм пушкой (*прим. пер.*).

144

Имеется в виду штурмовая бригада войск СС, носившая имя

своего командира, оберфюрера Оскара Дирлевангера. Укомплектованная преимущественно штрафниками из разных частей Вермахта и освобожденными из концлагерей уголовниками, она была развернута 19 декабря 1944 г. из полка СС «Дирлевангер», сформированного в сентябре 1943 г. из одноименного специального батальона СС (SS-Sonderbataillon Dirlewanger). В феврале 1945 г. бригаду Дирлевангера преобразовали в 36-ю гренадерскую дивизию войск СС, которая через два месяца попала в окружение юго-восточнее Берлина и 29 апреля капитулировала перед советскими войсками (*прим. ред.*).

145

По иным данным, два пика высотой 5642 м и 5595 м (*прим. пер.*).

146

При царе Давиде II «Строителе» (1089–1125) и царице Тамаре, правившей с 1184 по 1213 г., Грузия достигла зенита своего могущества. Конец ее процветанию принесло в 20-е годы XIII столетия вторжение монголов (*прим. пер.*).

147

Идиш – язык европейских евреев (в отличие от иврита, принятого в Израиле) представляет собой нечто вроде одного из диалектов немецкого, потому нет ничего удивительного, что военнопленные немцы могли понимать его. В Германии и теперь существует немало разных «немецких языков», порой настолько несхожих, что нередко одни немцы не без труда понимают других (*прим. пер*).

148

Здесь и далее в следующих главах слово это в тексте обычно дается таким, как оно звучит в русском языке, хотя и пишется, конечно, латиницей, так же как и слова вроде «начальник», «пропуск» и некоторые другие (*прим. пер.*).

149

В оригинальном тексте это слово написано латиницей, причем через букву «а» – nasilki (*прим. пер.*).

150

В России эта оперетта известна как «Королева чардаша» (*прим. пер.*).

151

В тексте *kultura* . Вероятно, автор имеет в виду то понятие, которое вкладывалось в это слово представителями всей властной пирамиды Советского Союза. Подразумевается, что по своему смыслу и значению оно несколько отличается от английского «culture» и немецкого «Kultur» (*прим. пер.*).

152

Фактически «Русская Освободительная Армия Власова» стала серьезной военной силой только в начале 1945 г., хотя отдельные русские формирования (в том числе конные части из казаков, которых нацисты считали отдельным народом) появились в составе немецкой армии гораздо раньше, когда боевые действия шли на территории СССР. Перейдя в плену на сторону нацистской Германии, бывший советский командарм А. А. Власов еще в августе 1942 г. предложил провести в оккупированных немцами областях России мобилизацию и организовать крупные войсковые соединения для «борьбы с большевизмом». Однако Гитлер был против подобной инициативы, поэтому почти до самого конца войны Власов оставался «генералом без армии». Тем не менее в 1943–1944 гг. военнослужащие различных русских частей и подразделений Вермахта и Войск СС считали Власова своим лидером и назывались «власовцами» (*прим. пер.*).

153

Вероятно, Замхарадзе был уже майором, так как он упоминается и в таком звании (*прим. пер.*).

154

Розовое «Вдова Клико» (*фр.*)

155

Побережье озера Лаго-Маджоре (в Северной Италии) славится как престижная курортная зона (*прим. пер.*).

156

Реепербан – одна из центральных улиц Гамбурга, на которой располагаются так называемые «злачные заведения» (*прим. пер.*).

157

“Усмехнись мне разок, Нину” (*нем.*)

158

Царь Баграт III, правивший в 975 – 1014 гг., известен прежде всего тем, что объединил Западную и Восточную Грузию в единое государство (*прим. пер.*).

159

Хотя это совершенно не существенно, нельзя не заметить, что автора, по всей видимости, немного подвела память, поскольку выше говорилось, что грузинка – Настасья – делала снимки, а Юпп Линк выносил их за территорию лагеря (*прим. пер.*).

160

Нет, Ханс, такого просто не может быть. Боже мой! (*фр.*)

161

Office de Radiodiffusion et Télévision Française – Бюро радиовещания и телевидения Франции (*прим. пер.*).

162

Такое же название, «Krieg ohne Hass», имеют опубликованные

после войны записки генерал-фельдмаршала Э. Роммеля (*прим. пер.)*.

163

Необходимо, вероятно, уточнить, что в операциях в Северной Африке участвовали и вооруженные силы США, но до ноября 1942 г. они были представлены одной только авиацией (*прим. пер.*).